

Об авторах

Гуськова Елена Юрьевна - руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, генеральный директор Международного фонда югославянских исследований и сотрудничества "Славянская летопись", член президиума Российской ассоциации содействия ООН, доктор исторических наук. В 1994 г. работала научным экспертом по Балканам в штабе миротворческих сил ООН в бывшей Югославии. Автор более 150 научных и публицистических работ, в том числе 12 книг и брошюр, среди которых: "Югославия в огне" (1992), "Политический ландшафт новой Югославии" (1995), "Новые государства на Балканах: первые шаги по пути самостоятельности" (1996), "Урегулирование на Балканах: от Бриони до Дейтона (мирные планы 1991-1995 гг.)" (1998), "Военные конфликты на территории бывшей Югославии в конце XX в.: хроника событий" (1999). Книга "Югославский кризис и Россия" (1993) переведена на болгарский и сербский языки.

Давыдов Юрий Павлович - профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, академик Академии военных наук РФ, член научных советов Института США и Канады, Института Европы, ИНИОН РАН, член редколлегии журнала "США и Канада: экономика, политика, идеология", член совета Ассоциации европейских исследований РФ. Окончил факультет журналистики МГУ в 1961 г., в 1968 г. - аспирантуру Академии общественных наук. С того же года - научный сотрудник, потом заведующий Центром европейских исследований Института США и Канады РАН. В 1982 г. защитил докторскую диссертацию на тему "Политика США в отношении Восточной Европы в послевоенный период. 1945-1982 гг.". Ныне основная сфера интересов - взаимоотношения по линии СССР (Россия) - Европа - США, Россия - НАТО. Автор четырех книг и ответственный редактор пяти коллективных монографий, многочисленных статей (глав коллективных монографий), опубликованных в СССР/России и за рубежом. Общий объем научных публикаций превышает 200 печатных листов.

Кандель Павел Ефимович - заведующий сектором этнополитических конфликтов Института Европы РАН, кандидат исторических наук. В 1970 г. окончил исторический факультет МГУ. В 1971-1989 гг. работал в Институте международных экономических и политических проблем РАН, с 1989 г. - в Институте Европы РАН. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Югославская система самоуправления и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979 гг.)". Автор более 100 научных работ по проблемам внутренней и внешней политики стран Юго-Восточной и Центральной Европы, а также постсоветских государств.

Рубинский Юрий Ильич - руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор. В 1953 г. окончил МГИМО, в 1956 г. - аспирантуру того же института. В 1969 г. защитил докторскую диссертацию на тему "Политические партии и государство во Франции в период Третьей республики". В 1956-1977 гг. работал научным сотрудником, заведующим сектором ИМЭМО АН СССР. Работал также ассоциированным профессором в ряде университетов Франции (в Экс-ан-Прованс, Страсбурге, Туре), приглашенным профессором в ряде других стран. В 1978-1985 и 1987-1997 гг. занимал пост советника посольства СССР, затем России во Франции. Автор более 100 научных работ, в том числе 10 монографий, последняя - "Франция и Россия в поисках многополярного мира" (1999), на русском и французском языках.

Смирнова Нина Дмитриевна - ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук. В 1950 г. окончила исторический факультет МГУ. В 1973 г. защитила докторскую диссертацию на тему "Албанская партия труда: страницы истории". Читала спецкурсы по истории Албании и Балкан на историческом факультет МГУ (1956-1961 гг.) и в МГИМО (1959-1993 гг.). Автор 140 научных статей по проблемам истории Албании и международных отношений на Балканах, в том числе монографий "Образование Народной Республики Албании" (1960), "Албанская партия труда. Страницы истории" (1974), "Краткая история Албании" (в соавторстве) (1992).

Степанова Екатерина Андреевна - ученый секретарь Московского Центра Карнеги, научный сотрудник программы "Проблемы внешней политики и безопасности", кандидат исторических наук. В 1995 г. окончила исторический факультет МГУ. Сфера научных интересов - проблемы внешней и военной политики США, миротворческая деятельность США и НАТО, проблемы регулирования региональных и локальных конфликтов. В 1998 г. защитила кандидатскую диссертацию по проблемам участия США в региональных конфликтах и кризисах в 90-е годы. Автор глав в научных трудах и статей на русском, английском и сербском языках.

Тренин Дмитрий Витальевич - заместитель директора Московского Центра Карнеги, руководитель программы "Проблемы внешней политики и безопасности".

Язькова Алла Алексеевна - главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН, доктор исторических наук, профессор. В 1952 г. окончила исторический факультет МГУ. В 1977 г. защитила докторскую диссертацию на тему "Малая Антанта в европейской политике. 1918-1925 гг.". В 1984 г. утверждена в звании профессора по кафедре стран Европы и Америки МГИМО, где вела преподавательскую работу в течение 10 лет. Является автором и редактором свыше 150

научных работ, опубликованных в России и за рубежом, в том числе монографий "Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925 (1974), "Балканы: между прошлым и будущим" (1995).

Принятые сокращения

АКК	Автономный край Косово и Метохия (также Космет)
ВВС	военно-воздушные силы
ВМС	военно-морские силы
ВМРО - ДПМНЕ	Всемакедонская революционная организация - Демократическая партия македонского национального единства
ДЛК	Демократическая лига Косово
ЕС	Европейский Союз (до 1992 г. - Европейское Сообщество)
ЗЕС	Западноевропейский Союз
КНШ	Комитет начальников штабов Вооруженных сил США
КПА	Коммунистическая партия Албании
КПЮ	Коммунистическая партия Югославии (с 1952 г. - Союз коммунистов Югославии)
МОС	многонациональные оперативные силы НАТО (Combined Joint Task Forces - CJTF)
МПК	Миссия ОБСЕ по проверке в Косово
МТБЮ	Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии
НКОЮ	Национальный комитет освобождения Югославии
ОАК	Освободительная армия Косово (в литературе встречается также вариант "Армия освобождения Косово" - АОК)
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. До 1995 г. - Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)
ОВД	Организация стран Варшавского Договора
ОВПБ	Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС
ОВС	Объединенные вооруженные силы НАТО
ОДД	Объединенное демократическое движение (косовских албанцев)
ОИК	Организация "Исламская конференция"
ОПМ	операции по поддержанию мира
ОЧЭС	Организация Черноморского экономического сотрудничества
ПВО	противовоздушная оборона
ПИМ	программа НАТО "Партнерство во имя мира" (в литературе встречается вариант "Партнерство ради мира")
СВС	Силы НАТО по выполнению Дейтонских мирных соглашений по Боснии
СКЮ	Союз коммунистов Югославии
СООНО	Силы ООН по охране в бывшей Югославии
СПР ООН	Силы превентивного развертывания ООН в бывшей югославской республике Македония
СРЮ	Союзная Республика Югославия (в составе Сербии и Черногории)
СФРЮ	Социалистическая Федеративная Республика Югославия
СЭВ	Совет экономической взаимопомощи
ТВД	театр военных действий
УВКБ	Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев
ФНРЮ	Федеративная Народная Республика Югославия

ЦРУ	Центральное разведывательное управление США
ЮВКИ	Юго-Восточноевропейская кооперативная инициатива
ЮНА	Югославская народная армия

Эпиграф

Можем ли мы допустить, чтобы из этих... балканских войн не было извлечено никаких уроков, чтобы мы не знали... не начнутся ли они завтра вновь и не продлятся ли до бесконечности?

Барон д'Эстурнель де Констан. Введение к докладу Международной комиссии по изучению причин и характера Балканских войн, Фонд Карнеги за Международный Мир, 1913 г. (The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict by George F. Kennan. - Washington, D.C., 1993. - P. 5).

Введение

Дмитрий ТРЕНИН

Косово — небольшой, около 11 тыс. кв. км, край с двухмиллионным (до начала конфликта) населением, зажатый между собственно Сербией, Черногорией, Албанией и Македонией. Экономическое, политическое, стратегическое значение этого региона не только для Европы, но и для Балкан ничтожно. Тем не менее Косово стало очагом одного из самых интенсивных военных конфликтов на континенте после окончания второй мировой войны. Что заставляет руководство Югославии столь упорно стремиться удержать мятежную провинцию? Чем объясняется радикализм лидеров косовских албанцев? Какие причины привели к началу первой в истории НАТО наступательной военной операции? Чем объясняется чрезвычайно жесткая реакция России? Таков примерный круг вопросов, которые лежат в основе предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии. Ее авторы, естественно, расходятся в оценках, но согласны в одном: косовский кризис способен стать водоразделом не только в новейшей истории Югославии, но и всей Европы.

Поворотным пунктом в формировании современной системы международных отношений в Европе стал 1989 г., когда в течение нескольких месяцев в странах тогдашней Восточной Европы произошла полная смена политических режимов, в результате чего перестал существовать так называемый советский блок. Этот поворот стал необратимым, когда в ноябре того же года Берлинская стена перестала быть политической реальностью и осталась просто архитектурным сооружением, предназначенным на снос. Наконец, в декабре 1989 г. на встрече президентов СССР и США у берегов Мальты «холодная война» была официально похоронена.

Формирование новой международной системы никогда не происходит одномоментно. На создание опор нового миропорядка, отлаживание механизма балансов и контрбалансов, достижение в итоге устойчивого равновесия требуется время. Процессы, происходившие в последнее десятилетие XX в., оказались более глубокими, чем те, которые следовали за обеими мировыми войнами, и становление новой сис-

темы международных отношений затянулось. Таким образом, есть гораздо больше оснований говорить о мировом беспорядке, чем о появлении какой-то новой стройной конструкции. Вместе с тем можно утверждать, что в мировом развитии пройден важный этап. Символическую черту под первым десятилетием после «холодной войны» подвел именно *косовский кризис*.

Мы традиционно употребляем понятие «кризис» — по аналогии с Карибским, Берлинскими и др. — для обозначения международных аспектов внутреннего конфликта в Косово. Название сербской провинции, таким образом, указывает на географический эпицентр потрясения, которое затронуло не только Югославию и южные Балканы, но фактически всю Европу, а также США и Россию. В международной среде, следовательно, создались условия для того, чтобы острый этнополитический конфликт в сравнительно небольшой стране спровоцировал опасный кризис на мировой арене. В результате увеличения числа участников претерпели изменения и содержание конфликта внутри Косово, и мотивы непосредственно вовлеченных в него сторон. Слово «кризис», помимо прочего, указывает на потенциально различные варианты развития ситуации как на локальном и региональном, так и на глобальном уровнях. От того, какие из возможных вариантов будут реализованы, во многом будет зависеть направление дальнейшей эволюции международных отношений.

* * *

Для тех, кто, подобно Фрэнсису Фукуяме, увидел в окончании «холодной войны» «конец истории», последние десять лет XX в. стали периодом убывающих иллюзий. Перестройка в СССР, «бархатные революции» в бывших социалистических странах, окончание «холодной войны» изначально настраивали на оптимистический лад, порождая эйфорию. Погромы в Сумгаите и Баку, конфликт в Нагорном Карабахе, кровавый конец семьи Чаушеску в Румынии представлялись трагическими исключениями из общего правила «необратимого перехода» от авторитарных режимов к демократии, от плановой экономики к свободному рынку, от засилья идеологии к плюрализму гражданского общества. Западное общественное мнение и российские демократы первой волны считали, что *мировое сообщество* (после окончания «холодной войны» это понятие приобрело отсутствовавшую раньше цель-

ность) будет в состоянии справиться с любыми новыми вызовами безопасности.

Первая война новой эпохи — конфликт в зоне Персидского залива, завершившийся в начале 1991 г. разгромом классического агрессора — Ирака и освобождением жертвы неспровоцированного нападения — Кувейта, казалось, стал проверкой в деле нового — справедливого, единого, многостороннего — мирового порядка. Представлялось, что единство воли и эффективность действий десятков стран, объединенных принципами Устава ООН, являются достаточной гарантией от международного произвола. Потенциальные агрессоры получили наглядный урок, а потенциальные жертвы агрессии приобрели уверенность в защите со стороны сил, обеспечивающих мировой порядок.

Правда, как вскоре выяснилось, главным вызовом новому миропорядку стала не классическая агрессия. Гораздо более серьезной оказалась проблема конфликтов на этнической или религиозной почве, вышедшая на поверхность сразу во многих регионах мира, как только сошла на нет «холодная война». Впрочем, и здесь многие находили основания для оптимизма. То, как произошел распад Советского Союза, вселяло уверенность в управляемости процессов реорганизации мирового геополитического пространства. Демонтаж огромной ядерной державы с тысячелетней историей осуществился в основном упорядоченно, главным образом благодаря тому, что Российская Федерация — ядро СССР и историческая метрополия этого евразийского колосса — спокойно «отпустила» свои бывшие окраины.

Иначе развивались события в Югославии, где была предпринята неудачная попытка сохранить единство федерации, силой обуздав центробежные тенденции. На рубеже 90-х годов Югославия была в целом более либеральным, более рыночным и более компактным образованием, чем Советский Союз. Тем не менее именно бывшая СФРЮ стала очагом многих конфликтов, заставивших мир содрогнуться и приведших к вмешательству извне.

Впрочем, первоначально общий оптимизм был настолько силен, что югославский и другие подобные конфликты парадоксальным образом даже укрепляли его. Казалось, что потребность в миротворчестве не только морально сплотит мировое сообщество, но и даст мощный импульс формированию некоего реального прототипа «мирового правительства», что станет настоящим «прорывом» к политическому объединению человечества. На авансцену мировой политики выдвигалась

Организация Объединенных Наций, до тех пор чаще служившая полем конфронтации, чем форумом сотрудничества.

Совет Безопасности ООН, прежде безнадежно заблокированный из-за несогласия между его постоянными членами, стал проявлять устойчивое единодушие. Право вето не применялось ни одним из государств — членом Совета Безопасности несколько лет подряд. Понятие миротворчества было расширено и переосмыслено. Помимо пассивного поддержания мира (peacekeeping) возросла потребность в активном принуждении к миру (peace enforcement) тех, кто практикует насилие, появилось понятие «гуманитарная интервенция». В результате впервые стало возможным задействовать ст. VII Устава ООН, посвященную коллективным силовым акциям против агрессора, в том числе в этнополитических конфликтах. Появились проекты создания постоянных международных вооруженных сил и полиции, реанимации Военно-штабного комитета ООН, придания генеральному секретарю ООН функций «всемирного главнокомандующего» и т. п.

С самого начала, однако, «новый интервенционизм» оказался перед двойной дилеммой. Во-первых, в большинстве этнополитических конфликтов сталкивались освященный международным правом принцип территориальной целостности государств и так называемое право наций на самоопределение, одновременно сформулированное еще в конце первой мировой войны президентом США В. Вильсоном и российскими большевиками во главе с В. Лениным. Во-вторых, новая доктрина международного вмешательства во имя защиты прав человека (гуманитарной интервенции) однозначно предусматривала ограничение суверенитета государств.

Что касается первого противоречия, то с точки зрения действующего международного права конфликт принципа территориальной целостности государств и права наций на самоопределение вплоть до отделения является в значительной степени искусственным. Принцип территориальной целостности и нерушимости границ (т. е. отказа от их *насилъственного* изменения) безусловно доминирует в международном праве. Правом на сепарацию обладают — в специально оговоренных случаях — не «нации», а территории, входящие в состав сложных государств. В мире, где проживают — далеко не всегда компактно — около 2 тыс. этносов, буквальная реализация их «права на отделение» не может не привести к всеобщему хаосу.

На практике лозунг национального самоопределения успешно использовался в освободительной борьбе народов колоний. Его применяли победители в первой мировой войне — президент В. Вильсон и руководители стран Антанты — в ходе Версальской конференции при конструировании послевоенной Европы. На него ссылались российские большевики, стремившиеся расшатать царскую империю и приобрести при этом новых союзников. В самом СССР, однако, принцип территориальной целостности безусловно доминировал: право наций на самоопределение оставалось не более чем политической декларацией.

Второе противоречие носит более серьезный характер. Оно связано с общей демократизацией международных отношений, растущим признанием того, что права человека в любой стране являются предметом озабоченности всего мирового сообщества. Следовательно, нарушение этих прав неизбежно влечет реакцию со стороны международных организаций, объединений государств и отдельных правительств. Проблема состоит в разногласиях между государствами по поводу характера, форм, субъекта, а также объекта такой реакции. Какой международный орган обладает правом на принятие легитимных решений? Кто и в каком порядке призван исполнять эти решения? Какими могут и должны быть формы и пределы применения силы? Как обеспечить «равенство всех стран перед международным законом»? Пока здесь существует гораздо больше вопросов, чем ответов. Можно констатировать, что коллективный и индивидуальный интервенционизм, ставший после окончания «холодной войны» основным способом применения военной силы в мире, сам становится источником международных осложнений. Яркий пример тому — косовский кризис.

* * *

Кризис вокруг Косово, как уже отмечалось, подвел черту под первым десятилетием постбиполярного мира. Преодоление раскола Европы, начало экономической, социальной и политической трансформации России создавали основу для формирования единой системы безопасности всего Северного полушария в рамках формулы «от Ванкувера до Владивостока». Недавние антагонисты, США и Россия официально провозгласили друг друга стратегическими партнерами, разделявшими общие ценности и декларировавшими идентичные или параллельные интересы.

С окончанием «холодной войны» вероятность ядерной войны снизилась до ничтожно малой величины, стали возможными глубокие сокращения арсеналов ядерного оружия. За подписанием Договора СНВ-1 вскоре последовал Договор СНВ-2. Сдерживание посредством устрашения, обеспечивавшее в течение десятилетий конфронтации стратегическую стабильность в мире, признавалось устаревшим и требовало замены на новую концепцию, исходившую из новых партнерских отношений. Контроль над вооружениями утратил прежнюю актуальность и воспринимался как реликт «холодной войны». Блестательный успех политики нераспространения, исключившей появление новых ядерных государств в пределах бывшего СССР, казалось, превращал ядерную проблематику как таковую в анахронизм.

Войны регионального или локального масштаба считались возможными, и для их предотвращения или прекращения предусматривались коллективные акции, вплоть до силового навязывания мира. Применительно к изменившимся условиям были разработаны новые теории предупреждения конфликтов, кризисного регулирования и постконфликтного восстановления. Предполагалось, что мандат на применение силы будет выдавать ООН, а сами миротворческие (в широком смысле слова) операции могут осуществляться как самой всемирной организацией, так и ее региональными партнерами.

Против стран, чьи режимы представляли угрозу соседям или мировому сообществу в целом, были введены санкции ООН. Исключенные правящими кругами и общественным мнением западных стран из клуба «цивилизованных государств» (отсюда не вполне точный русский перевод «rogue states» как «страны-изгои»), эти государства помещались в карантин санкций, подвергались различным формам корректирующего давления и контроля за их поведением. Сравнительно слабые и изолированные, они, как считалось, представляли лишь ограниченную опасность.

Резкое сокращение уровня и масштаба угроз привело к кризису «оборонного сознания» в Америке, Европе и России. После исчезновения одной большой военной угрозы возрастала потребность в переориентации вооруженных сил на ведение миротворческой деятельности. Увеличение числа «горячих точек» означало как количественный рост операций по поддержанию, восстановлению или установлению мира, так и изменение их качества. В Европе подавляющее большинство таких «точек» оказалось сконцентрировано в двух регионах — на Балканах и

на Кавказе. ООН в первом случае и Россия во втором брались стабилизировать ситуацию, усадить конфликтующие стороны за стол переговоров и открыть путь мирному урегулированию.

Возможно, будущий историк определит рубеж 1992 и 1993 гг. как черту, отделяющую торжество оптимизма от нарастающего пессимизма. Фиаско операции в Сомали (октябрь 1993 г.) еще представлялось изолированным инцидентом, но боснийская война 1992—1995 гг. и кровопролитие в Чечне в 1994—1996 гг. стали настоящим поражением идеалистической версии «нового мирового порядка». Дело не в том, что в рамках ООН или ОБСЕ не удалось создать систему «раннего предупреждения», — правительства оказались неспособны не только предупреждать события, но зачастую и адекватно реагировать на них. Многие ведущие государства включая США быстро охладели к ООН. В результате организация, еще недавно превозносившаяся как главный форум принятия решений, предстала в положении беспомощной и в принципе второстепенной структуры. Региональный аналог ООН — ОБСЕ с трудом ищет свою нишу в системе европейской безопасности. Декларативной приверженности одним и тем же принципам оказалось недостаточно в случаях, когда расходятся национальные интересы ведущих держав. Наконец, логика внутривластной борьбы в некоторых крупных странах — в частности, в США и России — стала все больше диктовать конкретные шаги их правительств на международной арене.

К середине 90-х годов общие контуры порядка, идущего на смену биполярному миру, стали впервые проступать более или менее отчетливо. Прежде всего резко возросла асимметрия ведущих участников международных отношений. Нарастающие трудности в процессе посткоммунистической трансформации России, продолжение дезинтеграционных процессов в бывшей советской Евразии контрастировали с беспрецедентным ростом мощи и международного влияния США, усилением динамики европейской интеграции после заключения Маастрихтского договора и неуклонным возвышением Китая.

В Европе процесс расширения НАТО на восток, начавшийся в 1993 г.; осуществленное американцами в 1995 г. силовое принуждение сербов, хорватов и мусульман к миру в Боснии и Герцеговине; поражение Москвы в чеченской войне создавали новую ситуацию. Не ОБСЕ, а НАТО становилось центральным несущим элементом новой архитектуры европейской безопасности. Протесты России против строи-

тельства Европы с «разделительными линиями», предостережения президента Б. Ельцина насчет опасности «холодного мира» (после принятия решения о расширении НАТО в 1994 г.) и даже «третьей мировой войны» (во время бомбардировок Боснии в 1995 г.) не возымели эффекта. Россия была вынуждена приспособливаться к новой ситуации, где у нее оставалось все меньше рычагов влияния на международные отношения, а ее собственная зависимость от внешнего мира беспрецедентно возросла.

Приспособление России к такой ситуации оказалось особенно трудным из-за затянувшегося и глубокого экономического спада и растущего несоответствия между остаточным великодержавным мышлением значительной части элиты и существенно сокращавшимися возможностями государства. Партнерство с США не состоялось, поскольку оно не могло не быть асимметричным, что не устраивало российские верхи, и поскольку Вашингтон постепенно перестал рассматривать Россию как надежного и важного партнера. Начиная с 1993 г. в отношении между Россией и США наметилась тенденция к постепенному отчуждению, которую до сих пор так и не удалось переломить.

Эти отношения сумели пережить многое: октябрьский кризис 1993 г. в Москве и чеченскую войну, расширение НАТО и односторонние американские удары по Ираку, — но с каждым разом нормализация двусторонних отношений, пусть даже поверхностная, давалась Кремлю и Белому дому все тяжелее. Каждый новый кризис увеличивал пассив этих отношений, ничего не добавляя в актив. По существу российско-американские отношения оказались поражены системным кризисом, выход из которого пока не просматривается. В известном смысле символом реального состояния отношений между США и Россией стала судьба Договора СНВ-2, подписанного в январе 1993 г. и превратившегося затем в заложника внутривнутриполитической борьбы между Кремлем и оппозиционно настроенным российским парламентом. Кроме того, Государственная дума, возможности которой влиять на формирование внешней политики России ограничены, откладывала рассмотрение договора всякий раз, когда США прибегали к применению силы в Ираке или на Балканах.

Косовский кризис 1999 г. стал первым откровенно жестким столкновением России и Америки после окончания «холодной войны». Взрыв антиамериканизма был лишь спровоцирован ударами НАТО по Югославии — он был подготовлен расширением альянса, которое

Москва тщетно пыталась предотвратить, американско-британскими налетами на Ирак без санкции ООН, наконец, августовским финансовым крахом 1998 г. в России и последовавшим за ним тяжелым экономическим кризисом. Этот кризис в предельно жесткой форме продемонстрировал зависимость России от Запада и в первую очередь от США. Многие россияне восприняли такую зависимость как унижительную. В свою очередь, многие эксперты и официальные лица в США сочли кризис окончательным свидетельством провала российских реформ. Конфликт из-за Косово закрепил новую историческую «расстыковку» России и США, оставив без ответа вопрос о том, как будет выглядеть новая модель российско-американских отношений.

Отношения между единственной сверхдержавой и ее бывшим конкурентом при всей их значимости более уже не являются центральным элементом мировой политики. Косовский кризис высветил другие важные черты нового порядка, требующие глубокого изучения и осмысления. Остановимся на некоторых из них.

Самое очевидное состоит в том, что *перемены* в международных отношениях преобладают над преемственностью не столь явно и не повсеместно, как предполагалось ранее. В то время как часть мира проявляет готовность к действительно фундаментальным изменениям (пример — введение единой европейской валюты), другая его часть демонстрирует стойкую приверженность сложившимся стереотипам мышления и поведения. Речь не идет о новом разделении стран на «прогрессивные» и «регрессивные». Процессы глобализации и интеграции, затрагивающие человечество в целом, иногда соседствуют в одних и тех же странах с процессами примитивизации жизни и структурного разложения обществ. Популярность геоэкономики растет параллельно ренессансу традиционной геополитики.

Косовский кризис означает важнейший прецедент в современной практике международных отношений: впервые в истории военный удар по суверенному государству был нанесен в ответ не на внешнюю агрессию, а на внутренний конфликт и на насилие государства в отношении собственного населения. В реакции стран НАТО тесно переплелось многое: и жесткий внешнеполитический реализм, и стремление к реализации идеала демократии в полиэтничном обществе, и давление общества в пользу «принятия мер», и манипулирование общественным сознанием с помощью средств массовой информации.

Несмотря на резкие различия в реакции на интервенцию НАТО, бесспорно, что на исходе XX в. то, что делает правительство в пределах границ своей страны, перестает являться сугубо внутренним делом данного государства. Массовый исход беженцев из района конфликта выступает в качестве важнейшего стимула к активизации международного вмешательства. Заснятые на пленку и переданные в эфир кадры, свидетельствующие о массовых репрессиях, являются другим важнейшим сигналом. Эти сигналы распространяются мировыми средствами массовой информации, воздействующими как на общественность, так и на лиц, принимающих решения.

В результате международное вмешательство постепенно становится нормой, если в ходе внутреннего конфликта оказываются затронутыми права человека. В то же время само это вмешательство носит сугубо избирательный характер, и интервенты практически не имеют возможности избежать обвинений в следовании «двойным стандартам». Правда, не стоит забывать, что на Балканах вмешательство во внутренние дела государств во имя защиты прав единоверцев — старая практика, к которой в XVIII — начале XX в. обычно прибегали и Россия («покровительница православных»), и другие ведущие европейские державы. Как правило, они выступали в индивидуальном порядке, конкурируя друг с другом, но иногда действовали согласованно — например, во времена Священного союза.

Это напоминание представляется важным, поскольку из-за серьезных разногласий между постоянными членами Совета Безопасности ООН международное вмешательство в Ираке и Югославии с 1998—1999 гг. осуществляется без санкции Совета Безопасности, по решению руководства США и/или Совета НАТО. Такая практика может иметь важные последствия в будущем, и не только в Европе.

Косовский кризис — еще один аргумент в уже упоминавшемся конфликте стремления государств к защите своей территориальной целостности и нерушимости границ, с одной стороны, и попытке сепаратистских движений добиться государственной независимости под лозунгом национального самоопределения, с другой. Пока мировое сообщество государств еще пытается соблюсти принцип нерушимости границ, но проведение этого принципа в жизнь оказывается трудной задачей. Невозможность в ряде случаев — особенно после кровопролитных конфликтов — обеспечить совместное безопасное проживание враждовавших этнических групп в рамках не только унитарного, но

даже федеративного государства завела в тупик процесс урегулирования даже там, где достигнутое перемирие сохраняется в течение нескольких лет. Реально существует целый ряд непризнанных квазигосударств, от Абхазии до Чечни. Спустя пять лет после подписания Дейтонских соглашений дальнейшая судьба Боснии и Герцеговины однозначно не определена. На нее может оказать влияние тот или иной вариант решения косовской проблемы.

* * *

Обращение к балканской теме — давняя традиция Фонда Карнеги за Международный Мир. Одной из первых публикаций Фонда стал увидевший свет накануне первой мировой войны доклад международной комиссии, исследовавшей причины и ход Балканских войн 1912 и 1913 гг. Среди авторов этого доклада был депутат Государственной думы России профессор Павел Милюков, позднее ставший министром иностранных дел Временного правительства ¹. В списке изданий основанного в 1993 г. Московского Центра Карнеги — вышедший в 1996 г. сборник статей «Россия на Балканах» ².

Работа над нынешней книгой шла параллельно с нарастанием косовского кризиса. Когда материалы были уже готовы к печати, переговорный процесс, начавшийся в Рамбуйе, зашел в тупик, и началась натовская операция «Союзная сила». Естественным образом книга оказалась посвященной предыстории острейшего международного кризиса. Авторы попытались вскрыть глубинные мотивы сербско-албанского конфликта, а также причины, приведшие к вооруженному вмешательству Запада.

С самого начала работы над книгой имелось в виду, что внутренний конфликт в южном сербском крае станет необходимым фоном исследования, а в центре внимания авторов будут находиться преимущественно международные аспекты косовского кризиса, который, как стало ясно уже в начале 1998 г., будет иметь важные последствия как для Балканского региона, так и для всей системы международных отношений в Европе.

Монография состоит из семи глав, две из которых посвящены исторической эволюции косовской проблемы (т. е. сербско-албанским отношениям), а остальные — непосредственно международным аспектам кризиса. Такой замысел определил подбор авторов, среди которых

как ведущие российские балканисты, так и известные ученые-политологи. Кроме того, подбор авторов имел целью представить читателю основные точки зрения, существующие в российском научном сообществе по одному из самых актуальных вопросов современных международных отношений. В этом смысле книга не только и, возможно, не столько о Косово, сколько о России, ее международной идентичности и роли в современном мире.

В *первой главе*, написанной Еленой Гуськовой, излагается история косовской проблемы и прослеживается динамика развития нынешнего кризиса. При этом особое внимание уделено видению проблемы с сербской стороны. Споры по поводу исторических прав на ту или иную территорию, характерные для Балкан и Кавказа, хотя и не способны «выяснить истину», указывают на доминирующий стереотип «исторического мышления». Пронесенная через века память о собственной прошлой славе и утраченном величии и, наоборот, о нанесенных соседями обидах является важнейшим психологическим фактором, который вынуждены учитывать все, кто претендует на роль посредника или миротворца в этнополитических конфликтах.

Е. Гуськова исследует этническую политику титовской Югославии и кризис социалистической модели федерализма. В самом деле, все существовавшие в мире социалистические федерации распались, но распад югославской федерации оказался наиболее болезненным и затяжным. Косовский кризис — очередной, но, возможно, не последний его этап. Характерно, что в процессе распада происходит мутация интернационального по своей природе коммунизма в национал-шовинизм, который порождает не менее агрессивный вооруженный сепаратизм.

Рассматривая различные планы мирного решения конфликта в Косово, Е. Гуськова подробно анализирует варианты урегулирования, выдвинутые сербскими политико-академическими кругами, в том числе проекты регионализации Сербии, кантонизации или раздела Косово и т. д.

Вторая глава, принадлежащая перу Нины Смирновой, сосредоточена на анализе аргументов албанской стороны. Автор обращает внимание на то, что, приходя к власти, коммунисты немедленно превращались в стойких государственников, сторонников централизма, не останавливавшихся перед этнолингвистической дискриминацией тех или иных этнических групп. В то же время основная причина этнополити-

ческого конфликта видится Н. Смирновой в социально-экономической отсталости края, обострении демографической проблемы.

Особую остроту косовской проблеме придало наличие соседнего независимого албанского государства. Руководство прежней Югославии противилось повышению статуса края до республиканского, поскольку опасалось, что следующим шагом косоваров станет отделение от СФРЮ и присоединение к Албании — хотя именно в то время это было крайне маловероятно. Существование независимой Албании, наличие активной косовской диаспоры в Германии, других странах Западной Европы, в США способствовали интернационализации кризиса.

Н. Смирнова делает вывод, что применение силовых приемов с целью удержания Косово в составе Югославии фактически приводит к утрате Сербией этого края. После масштабного кровопролития и этнических чисток дальнейшее сосуществование сербов и албанцев в составе Сербии или хотя бы Югославии представляется невероятным.

На Балканах, как и на Кавказе, основные проблемы взаимосвязаны. Когда в 1913 г. Косово было отделено от Османской империи, эта территория была разделена между Сербией, Черногорией и Албанией. Для сегодняшней Сербии то или иное решение косовской проблемы прямо связано с судьбой союзной Югославии. Черногория и Македония, Греция и Турция, Болгария и Венгрия, Босния и, конечно, Албания непосредственно затронуты конфликтом. Некоторые из этих стран испытывают огромный наплыв беженцев из Косово, другие являются базой для военных действий НАТО или косовских повстанцев, третьи могут распасться или отделиться, четвертые — вступить в конфликт друг с другом.

В *третьей главе*, написанной Аллой Язьковой, рассматривается региональное балканское измерение косовского конфликта. А. Язькова ставит вопрос о причинах непрерывной атомизации Балканского региона. Она указывает на «пограничный» характер положения Балкан, где сталкивались три ведущих цивилизационно-конфессиональных ареала, чрезвычайную этническую пестроту региона, длительное иноземное господство и традиции вооруженной борьбы за освобождение, позднее формирование наций и государств, многократную насильственную перекройку границ, вмешательство мощных внешних сил. А. Язькова подчеркивает, что при всех внешних различиях балканских народов очень много схожего (но не общего!), что, однако, не только

не сближает их, а наоборот, способствует конфликтам. Различные планы Балканской федерации оказались не реализованными; продолжается распад единственной реальной федеративной структуры региона — Югославии.

Тем не менее проблемы Юго-Восточной Европы не могут решаться без активного участия самих балканских государств: либо эти страны научатся брать на себя ответственность и проявлять инициативу, сотрудничая друг с другом, либо проблемы каждой страны будут продолжать беспокоить соседей и весь остальной мир. Такой поворот, однако, возможен только в результате успешного осуществления экономических и политических реформ в странах, где долгое время существовали авторитарные (как в СФРЮ) и тоталитарные (например, в Албании) режимы. Как свидетельствует опыт 90-х годов, трансформационные процессы в большинстве государств Юго-Восточной Европы обещают быть длительными и трудными.

Разумеется, роль внешних факторов в международных отношениях на Балканах, изменившись по форме, остается чрезвычайно важной. Екатерина Степанова исследует в *четвертой главе* эволюцию политики США в косовском вопросе — от первого «рождественского» предупреждения, адресованного в 1991 г. С. Милошевичу президентом Дж. Бушем, до решения Б. Клинтона в марте 1999 г. о нанесении ударов по Югославии.

Фокусируя внимание на проблеме средств и способов регулирования региональных конфликтов, Е. Степанова отмечает, что «в условиях относительного, а не абсолютного господства США на мировой арене» действия Вашингтона диктуются «преимущественно внутривнутриполитическими факторами, а также ограниченным набором внешнеполитических интересов», среди которых важнейшим остается укрепление взаимодействия с европейскими союзниками по НАТО.

В то же время, втянувшись в косовский кризис, несмотря на отсутствие прямых жизненно важных интересов в регионе, США и их союзники все глубже вовлекаются в процессы на Балканах, которые в длительной перспективе будут требовать определенных ресурсов и постоянного внимания. Во всяком случае, по мнению Е. Степановой, любое долговременное решение косовской проблемы должно быть увязано с ситуацией в Боснии, Албании, Македонии, что требует комплексного и всеобъемлющего подхода.

Позицию европейских союзников США по НАТО анализирует в *пятой главе* Юрий Рубинский. Он вскрывает причины негативного от-

ношения общественного мнения западноевропейских стран к белградскому режиму и к сербам вообще и анализирует мотивы, которыми руководствуются ведущие европейские державы в своей балканской политике.

Ю. Рубинский отказывается видеть в Западной Европе простого дублера Вашингтона и указывает на возросшую по сравнению с боснийским кризисом степень согласованности политики стран ЕС на косовском направлении. Процесс европейской интеграции, увенчавшийся в начале 1999 г. важным успехом — введением единой валюты 11 государств Евросоюза, постепенно распространяется на сферу внешней политики, безопасности, а в перспективе — обороны. Европейцы не могут оставаться безучастными к массовому кровопролитию и гуманитарной катастрофе, происходящим вблизи границ ЕС и грозящим перекинуться через эти границы. Кроме того, ряд стран Европы не свободны от этнополитических проблем у себя дома.

В главе подробно анализируются особенности подходов ведущих европейских стран — Германии, Франции, Великобритании, Италии. Автор делает вывод, что, как и для США, косовский конфликт является пробным камнем для определения роли и веса Европы в международных отношениях на рубеже XXI в.

Еще одной страной, чья внешняя политика и внутривнутриполитическая стабильность проходят испытание в косовском конфликте, является Россия. Российское видение этого конфликта рассматривает в *шестой главе* Юрий Давыдов. Анализируя исторический опыт российской политики на Балканах, автор приходит к выводу, что Россия, политика которой в данном регионе традиционно была густо замешана на государственных интересах и сильных эмоциях, может в очередной раз оказаться в своего рода «балканской ловушке». Ю. Давыдов полемизирует с установившимся мнением о том, что Сербия якобы является наиболее верным союзником России на Балканах. Сейчас, когда международные позиции Москвы ослаблены и поиск союзников превращается в навязчивую идею, Россия, по его мнению, рискует пасть жертвой собственных симпатий (как в 1914 г.) — вопреки национальным интересам.

Внутри российской политической элиты и в обществе в целом существует значительный разброс мнений по проблеме курса Москвы в косовском вопросе — от сосредоточенных на внутренних проблемах «изоляционистов» до активизировавшихся «антизападников» и остающихся в явном меньшинстве умеренных «национал-либералов». Рез-

кая и быстрая радикализация общественного сознания после начала ударов НАТО по Югославии очевидна, но тем не менее не достаточна для действительной консолидации элит и общества.

Наконец, автор *седьмой главы* Павел Кандель сопоставляет косовский кризис и конфликты на постсоветском пространстве. Распад СССР и СФРЮ произошел практически одновременно, но до сих пор имел очень разные последствия. Несмотря на отмечаемое многими внешнее сходство между Сербией и Россией, лидеры, элиты, общества в двух государствах очень разнятся, что предопределило разный ход процесса распада Советского Союза и старой Югославии. В этой связи П. Кандель отмечает в качестве доминирующей характеристики сербского общественного сознания «погруженность в историю и сосредоточенность на традиционных комплексах и национальных мифах». Логическим следствием этого является стремление «довоевать недовыигранные войны». Российское сознание принципиально иное благодаря тому, что в его основе лежит имперский, а не этнический принцип. Для того, чтобы стать россиянином, не нужно доказывать «чистоту крови» или переходить в православие — достаточно российского подданства (паспорта) и знания русского языка.

Впрочем, предупреждает П. Кандель, процессы трансформации на постсоветском пространстве еще не завершены, и возможность «югославизации» ситуации не исключается полностью. Российский экономический кризис, политическая нестабильность и расстыковка между международными амбициями страны и ее реальными возможностями повышают опасность срыва в пропасть внутренних усобиц. «Игра без правил» по балканскому образцу при определенных условиях может утеряться и в Российской Федерации, и в странах СНГ.

* * *

Постиндустриальное ядро Европы устремлено вперед, но на периферии континента действует другое историческое время. Балканские кризисы 90-х годов, в том числе и косовский, являются своего рода бунтом истории против прогрессистских устремлений этого «ядра». В ответ же «ядро», несмотря на все его колоссальные преимущества, не может просто взять ситуацию под свой контроль и навязать сербам, албанцам и другим ту или иную общественно-политическую модель. Необходимо, чтобы удовлетворяющую их современную модель выра-

ботали сами балканские народы. На это уйдет время. Пока же, как и в начале века, на Балканах вновь популярны проекты Великой Сербии, Великой Албании и пр.

При безусловной важности «албанского вопроса» ключевой страной региона, как подтвердили все кризисы 90-х годов, остается Сербия. Ее изоляция или смена в ней руководства может в лучшем случае принести ограниченные и непрочные результаты. Лишь встраивание Сербии в систему взаимовыгодных отношений в регионе и на континенте в целом может стабилизировать Балканы.

Примечания

¹ Современное переиздание доклада с вступлением, написанным крупнейшим американским дипломатом Джорджем Кеннаном, было выпущено в 1993 г.: *The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict* by George F. Kennan / Carnegie Endowment. — Washington, D.C., 1993.

² Россия на Балканах / Под ред. Ш. Гарнетта и И. Кобринской; Моск. Центр Карнеги. — М., 1996.

Динамика косовского кризиса и политика России

Елена ГУСЬКОВА

Современный кризис на территории бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), распад федерации — это трагедия не только для людей всех национальностей бывшей и нынешней Югославии, но и для Европы в целом. Сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, массовые преступления, ненависть и жестокость, искореженные судьбы, разрушенные церкви, костелы и мечети, музеи и библиотеки — таковы основные вехи этой трагедии. Уже написаны сотни книг, в которых рассматриваются различные аспекты этой сложной проблемы. Российские ученые внимательно следили за развитием кризиса на Балканах с самого начала. Опубликованы книги, статьи обобщающего характера и брошюры на эту тему¹, защищены кандидатские и докторские диссертации². Однако еще не все события стали предметом исследования, и ученые продолжают спорить по целому ряду проблем. Основные разногласия касаются причин возникновения «югокризиса», оценок соотношения внутренних и внешних факторов распада югославской федерации, роли субъектов конфликта, а также участия России в урегулировании балканского кризиса и ее стратегических целей в Европе и мире на современном этапе.

Для Югославии как многонационального и многоконфессионального государства национальный вопрос всегда был особо чувствительным. Историческое развитие большинства народов, входивших в ее состав, проходило по-разному: одни находились под игом Турции, другие — под господством Австро-Венгрии, одни боролись за освобождение с оружием в руках, другие ждали благоприятных условий. Различия в общественно-экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии, разные взгляды на принципы организации госу-

дарства, на историческую перспективу развития нации создавали проблемы во взаимоотношениях между народами, объединившимися в одном государстве в 1918 г. (Королевство сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. — Югославия) и в 1945 г. (Федеративная Народная Республика Югославия — ФНРЮ, с 1963 г. — Социалистическая Федеративная Республика Югославия — СФРЮ). Одной из таких проблем является движение за объединение Косово с Албанией.

Кризис, охвативший Югославию в начале 90-х годов, не закончился подписанием Дейтонских соглашений. Обострение ситуации в Автономном крае Косово и Метохия привело к новому витку кризиса, на разрешение которого были направлены усилия международных организаций и мировой дипломатии.

Немного истории

В югославской и албанской исторической науке идут споры о происхождении албанцев и их исконных землях на раннем этапе албанской истории. Директор Исторического института Сербской академии наук С. Терзич считает общепризнанным, что области Косово и Метохия никогда не находились в составе какого-либо албанского государства, а с XII в. входили в средневековое сербское государство «и с тех пор в европейской науке известны как исторические области Сербии», что в XIV в. «...южная граница сербского средневекового государства проходила по реке Мат в современной Албании. После завоеваний сербского царя Душана в Сербское царство вошла почти вся Албания. Однако из этого исторического факта сербы не делают вывод об особых правах на земли, которые составляют нынешнюю Албанию»³. Косово Поле после известной битвы сербов против турок в 1389 г. стало символом сербского героизма, сопротивления турецкому завоеванию и занимает особое место в сербском эпосе, литературе, искусстве и коллективном сознании сербов.

В Албании, напротив, полагают, что Косово «является территорией с автохтонным иллиро-албанским населением, которое не только постоянно проживало там в разные исторические периоды, но и составляло большинство жителей», что, «несмотря на нашествие на Косову⁴ в IX—XI вв. славян и ее вхождение в болгарские и сербские государственные структуры, албанцы все же остались в большинстве на своих землях, успешно сопротивляясь процессу славянизации»⁵.

Нашествие турок на Балканы привело к росту эмиграции славянского населения на запад и север за Дунай и Саву на протяжении XVI—XIX вв. Сокращение православного населения в исконных районах его проживания стало важным следствием турецких завоеваний. Турецкие правители заселяли опустошенные юго-западные районы Старой Сербии мусульманским населением, преимущественно турками и албанцами из горных областей Албании. Туркам удалось закрепить многочисленное мусульманское население в важных со стратегической точки зрения районах Вардарской Македонии, Косово, Метохии, Санджака и Боснии. Этот мусульманский коридор как бы делил надвое область расселения сербов и черногорцев⁶. Спасаясь от массовых преследований со стороны турецкого войска и албанских отрядов, часть сербов покидала родные места, другие же принимали ислам. С. Новакович, посланник Сербии в Константинополе, писал в 1898 г. министру иностранных дел Турции о злодеяниях албанцев по отношению к «христианскому населению сербской народности», преследовавших цель «истребить этот народ в тех краях», отмечая, что «число беженцев, которые переходят границу, чтобы спасти свои жизни, огромно, и оно растет каждый день...»⁷. Несмотря на длительное выселение из района Косово и Метохии, сербы, как православные, так и принявшие ислам, в конце XIX в. еще составляли там около половины населения⁸.

В результате победы в Первой Балканской войне (1912—1913 гг.), которую страны Балканского союза (Сербия, Черногория, Болгария и Греция) вели против Турции, последняя утратила почти все свои владения на Балканах, а территории стран Балканского союза расширились. Несмотря на то, что усилиями «великих держав» создавалась независимая Албания, сербское правительство не шло ни на какие уступки по поводу Косово и Метохии, считая их «святой землей» сербского народа, и обе области отошли к Сербии. Это дало повод Албании предъявить территориальные претензии к Сербии, а албанцам края — заявить об оккупации Косово Сербией и после 1918 г. начать при поддержке Тираны борьбу за присоединение этих областей к Албании. Лидер Албании Э. Ходжа позже писал: «Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы Албании и албанского национального меньшинства в Косово... не согласившегося с таким решением вопроса и не желающего оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их [косовских албанцев] единственный идеал — это слияние с Албанией»⁹.

С началом второй мировой войны в процессе расчленения югославского государства большая часть Косово и Метохии вошла в созданную Италией Великую Албанию. Именно в эти годы активно осуществлялась идея выселения с этой территории неалбанского населения. В июне 1942 г. М. Кроя, премьер-министр албанского марионеточного правительства, открыто заявил, что «...необходимо приложить усилия к тому, чтобы всех сербов-старожилов из Косово выгнать... сослать в концентрационные лагеря в Албанию. А сербов-переселенцев надо убить»¹⁰. По данным американских спецслужб, с апреля 1941 г. по август 1942 г. албанцы уничтожили около 10 тыс. сербов, а число сербских беженцев за все годы оккупации составило 100 тыс. человек. Примерно столько же албанцев в эти годы переселилось из Албании в Косово¹¹. По словам Э. Ходжи, на территории Косово не велась народно-освободительная борьба, поскольку албанцы не были уверены в том, что, «сражаясь наряду с народами Югославии против фашизма, они этим завоевывают себе право на самоопределение для объединения с Албанией»¹².

После войны руководство Югославии ничего не сделало для восстановления прежней этнической структуры Косово. Наоборот, уже 6 марта 1945 г. было принято постановление «О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания» в Македонию, Косово, Метохию, Срем и Воеводину. На протяжении нескольких десятилетий этот факт в научной литературе не обсуждался. Однако в последние годы были опубликованы новые документы, которые позволили историкам сделать несколько предположений относительно мотивов появления данного указа.

Известный политик, ученый и писатель, близкий соратник Иосипа Броз Тито Милован Джилас писал в своих воспоминаниях, что правительства Албании и Югославии в конце войны «в принципе стояли на точке зрения, что Албания должна объединиться с Югославией, что разрешило бы и вопрос албанского национального меньшинства в Югославии». Это «принесло бы не только непосредственные выгоды и Югославии, и Албании, но одновременно покончило бы с традиционной нетерпимостью и конфликтами между сербами и албанцами. И — что особенно важно — это дало бы возможность присоединить значительное и компактное албанское меньшинство к Албании как к отдельной республике в составе югославо-албанской федерации»¹³. И. Тито намного больше интересовала судьба задуманной им «Балканской фе-

дерации», ядром которой должна была стать Югославия, чем область Косово в составе Сербии. Он готов был ею пожертвовать, чтобы сделать свои планы привлекательными для Албании. Майор Дж. Х. Мейджер, член британской военной миссии в Сербии, записал в конце 1944 г.: «Я верю в заявление Тито, что его не интересует будущее Косово, которое он отдал бы Албании, если бы она этого захотела»¹⁴. Э. Ходжа подтвердил такое желание, дословно повторив слова И. Тито из его письма в ЦК ВКП(б): «Косово принадлежит Албании и должно быть присоединено к Албании. Мы желаем этого от всей души, но в настоящий момент не можем этого допустить, потому что реакция великосербов еще очень сильна»¹⁵. Идея федерации долго оставалась для И. Тито актуальной, и он продолжал делать все для сближения двух стран. В 1946—1947 гг. было заключено 46 договоров, которые фактически устанавливали единую экономическую политику Албании и Югославии. Договоры о сотрудничестве и соглашении об отмене виз соответствовали планам И. Тито «принять все меры к сближению населения Косово и Метохии с населением Албании»¹⁶. Югославские ученые оценивают такую политику как ущемление прав прежде всего сербского населения. Одни полагают, что для И. Тито «Косово было каналом по овладению Албанией и одновременно способом разрушения исторического сознания сербского народа»¹⁷, другие видят в этом «стратегию ослабления сербского фактора в будущей Югославии»¹⁸, третьи отмечают стремление уменьшить территорию Сербии под влиянием синдрома «великосербской угрозы»¹⁹.

Особый статус территориальной политической единицы Косово и Метохия получили только после образования ФНРЮ в 1945—1946 гг.^{19a} Каждое послевоенное десятилетие повышало статус Косово и приносило существенное расширение автономии — от автономной области в составе Сербии в 1945 г. до автономного края с широчайшими полномочиями, фактически самостоятельного субъекта федерации, в 1974 г.

Проблема Косово в социалистической Югославии

Последние двадцать лет косовские албанцы не участвовали в переписи населения, поэтому данные об их численности разнятся. По одним источникам, в 1981 г. население Автономного края Косово составляло 1584 тыс. человек, из которых албанцев было 1227 тыс., или

77,4%, а сербов — 209 тыс., или 13,2%²⁰. Сами албанцы считают, что их в крае около 2 млн человек²¹. По другим сведениям, это соотношение имеет более благоприятный для сербов характер: согласно последним данным Статистического управления Югославии, албанцев в крае около 917 тыс., или 66%. Сербов, черногорцев и тех, кто считает себя югославами, насчитывается 250 тыс. Кроме того, в этой небольшой провинции проживают 72 тыс. мусульман²², 21 тыс. турок, 97 тыс. цыган²³.

В социалистической Югославии строительству федеративных отношений всегда уделялось большое внимание. В развитии югославского федерализма, в том числе и во взаимоотношениях республик и краев, можно выделить несколько этапов.

Первый этап (1943—1950 гг.) связан с теоретической разработкой и строительством централистско-административной системы власти в федеративном государстве. Первая Конституция ФНРЮ (1946 г.) испытала на себе сильное влияние Конституции СССР 1936 г. Она окончательно утвердила федеративный строй, провозгласив Югославию «союзным государством республиканского типа, объединением равноправных народов, которые на основе права на самоопределение, включая право на отделение, выразили свою волю жить совместно в федеративном государстве». Союзными единицами становились республики как содружества проживающих на их территориях народов и национальных меньшинств. Сербия была конституирована как сложная федеральная единица. Воеводина, где проживало около 500 тыс. венгров, и Косово и Метохия (Космет) получили статус автономных областей в составе Сербии. Отношения между республиками и федеральными органами в этот период строились на приоритете центральной власти.

Косовские албанцы не были довольны своей судьбой в составе новой Югославии. Во всяком случае, в этом уверял руководство СССР Э. Ходжа, писавший в ЦК ВКП(б) в 1949 г. о том, что «...демократические и национальные права албанского национального меньшинства Косово и Метохии совершенно не соблюдаются. Никакой связи с Албанией!»²⁴. В этот период именно связь с Албанией и осуществление возможности присоединения к Албании стали для албанцев основными критериями «уровня демократии» в крае. Предоставление Косово автономии, открытие албанских школ в Косово и Метохии Э. Ходжа расценил как демагогию, поскольку «их идеал — соединение с Албанией — остался неосуществленным»²⁵. После 1948 г. он считал, что

настал удобный момент для начала борьбы албанского населения в Югославии «за свое освобождение», которая должна быть жесткой, бескомпромиссной, не исключающей вооруженного восстания²⁶.

Второй этап начался в 50-е годы, когда югославское общество взяло курс на самоуправление, и закончился принятием Конституции 1974 г. Проведившиеся реформы, разработка самоуправленческой теории, использование новой терминологии создавали ощущение перемен, демократизации, усиления влияния республик на жизнь страны. Хотя в партийных документах этого периода подчеркивалась актуальность решения национального вопроса и необходимость развития Югославии в качестве федеративного государства равноправных народов, приоритет все же был отдан решению социально-политических проблем самоуправления, а не национальных вопросов. Принятая в 1963 г. Конституция носила достаточно противоречивый характер: с одной стороны, повышался статус национальных меньшинств, которые стали называть народностями, а автономные области (в том числе Косово) получили статус краев, а с другой — понижалось значение нации в политической системе страны. Югославское руководство пыталось построить новое, так называемое «самоуправленческое» общество, в связи с чем в новой структуре парламента не нашли отражения принципы учета интересов народов и народностей, населявших Югославию. Три веча (палаты) были задуманы как выразители интересов трудящихся разных профессий, а организационно-политическое вече должно было отражать интегральные интересы самоуправления в целом и интересы общественно-политических организаций. Но в многонациональной стране нельзя было не учитывать требования населяющих ее народов. Поэтому за период с 1967 по 1971 г. были приняты 42 поправки к Конституции, которые расширяли суверенные права республик и краев и сужали компетенции федерации. Предполагалось, что с помощью этих изменений будут сняты причины межнациональных конфликтов. Однако предотвратить развитие националистических выступлений не удалось.

Третий этап развития югославской федерации начался с принятием Конституции 1974 г., согласно которой республики и автономные края наделялись еще более широкими правами и приобретали большую политическую и экономическую самостоятельность. Автономные края (Воеводина, Косово и Метохия), получившие полномочия по решению всех вопросов внутренней жизни, обладали широким двойным стату-

сом: с одной стороны, они являлись составной частью Сербии, а с другой — имели фактически те же права в рамках СФРЮ, что и сама республика. По сути автономные края превратились в равноправные единицы союзного государства. Сербия не могла принять ни одного решения без одобрения автономного края, который, в свою очередь, мог не считаться с мнением руководства Сербии. На практике при решении хозяйственных или политических вопросов на республиканском уровне трудно было достичь единства — руководящие органы края подчинялись республиканским только в том случае, когда считали это выгодным. Автономный край обладал равными правами с республиками кроме одного — не мог отделиться от Сербии. Поэтому в Косово с первых дней выступления албанцев звучали требования предоставления краю статуса республики. Поскольку албанцы по численности были четвертой нацией в СФРЮ²⁷, они считали свои требования обоснованными. Руководство Сербии опасалось деятельности «контрреволюционного подполья» по албанизации Косово и усиливало там активность министерства внутренних дел и службы безопасности. Однако со стороны руководства федерации и других республик действия Сербии часто рассматривались как унитаристские и подвергались резкой критике.

Сепаратистская деятельность албанских группировок в Автономном крае Косово началась сразу после войны и не прекращалась ни на один день. Менялись средства и тактика, но цель сепаратистов — объединение с Албанией — была неизменной и не зависела от статуса края в республике, от объема вкладываемых в его развитие средств, от уровня межнациональных отношений во всей федерации. Следует подчеркнуть, что в 50-е годы антиюгославская деятельность в крае не носила массового характера. Она начиналась с создания сети подпольных групп, с пропагандистской деятельности, особенно среди молодежи, с налаживания связей в руководстве республики и страны. Уже в 1956 г. сербская служба безопасности раскрыла в крае несколько диверсионных групп, которые за несколько лет до этого были заброшены в Косово из Албании с целью создания нелегальных националистических организаций. В июле 1956 г. состоялся известный Призренский процесс, показавший глубокие корни подпольных организаций и их широкие связи в руководстве страны²⁸. В конце 50-х — начале 60-х годов в Косово действовало «Революционное движение за объединение албанцев» в составе около 300 человек, которое возглавлял Адем Демачи. В программе движения было записано: «Наша борьба будет долгой, и

мы к ней должны подготовиться», а устав начинался со слов: «Основная и конечная цель движения — освобождение шиптарских²⁹ краев, аннексированных Югославией, и их объединение с матерью Албанией»³⁰. Чтобы достичь поставленных целей, предполагалось «употребить все средства» включая политические и пропагандистские акции, а также вооруженную борьбу и общенародное восстание. Основными формами национального движения косовских албанцев были: националистическая пропаганда — в 50-е годы, демонстрации и провокации — в 60-е, вооруженная борьба — в 70-е, вооруженное восстание — в начале 80-х и, наконец, полномасштабная война за независимость — в конце 90-х годов. Подпольные организации Косово пользовались поддержкой албанских организаций по всему миру — таких, как «Союз косоваров» (со штаб-квартирой в Италии, позже в Турции), третья «Призренская лига» (со штаб-квартирой в Нью-Йорке и филиалами в Турции, Австралии, Канаде, Франции, Бельгии, ФРГ).

В 60-е годы албанские сепаратисты активизировались: они устраивали провокации и диверсии, оскверняли церковные и культовые памятники, запугивали православное население. В архиве Призренской православной епархии имеются письма священников, которые сообщали об отъезде многих сербских семей из края. Дечанский игумен Макарий писал 3 апреля 1968 г. сербскому патриарху Герману: «Шиптары опять проявляют свою исконную ненависть к сербам. Мы находимся в более тяжелой ситуации, чем во время австрийской или турецкой оккупации. Тогда мы имели хоть какие-то права... Ежедневными стали насилия, кражи средь бела дня, унижения и преследования...»³¹. В 1968 г. в крае произошли массовые выступления националистически настроенной албанской молодежи, которые были разогнаны полицией. «Тем демонстрациям, — вспоминал видный албанский политический деятель, заместитель председателя Демократической лиги Косово профессор Фехми Агани, — предшествовали так называемые конституционные дискуссии в СФРЮ. Я участвовал в них, настаивая на требованиях, которые с того времени уже стали постоянными: самоопределение, Косово — республика...»³². Служба государственной безопасности (УДБА) отмечала, что националистические настроения в Косово ширятся, охватывая интеллектуалов, школьников и студентов. В одном из сообщений МВД Сербии, составленном в 1966 г. на основании данных краевого отделения внутренних дел, подчеркивалось: «В средних школах, средних специальных заведениях, гимназиях и учи-

тельских школах молодежи легально преподают национализм... Враждебная активность растет. В последнее время становится все больше таких акций, как... организация бойкота, физические нападения на лиц черногорской и сербской национальности, угрозы и принуждения к отъезду с этой территории, открытые враждебные выступления в общественных местах...»³³.

Неспокойно было в крае и в 70-е годы, хотя Конституция 1974 г. значительно расширила права автономии для Косово, а многие албанцы считают этот период наиболее благоприятным для развития края³⁴. Союзный секретарь (министр) по внутренним делам СФРЮ Ф. Херлевич сообщал, что с 1974 г. по начало 1981 г. органами безопасности было обнаружено свыше тысячи албанских националистов, занимавшихся подрывной деятельностью. Многие из них, по его словам, были связаны с одной из самых активных ирредентистских организаций — так называемым «Красным фронтом», «проалбанской организацией, которая действует с территории западных стран, а направляется Албанской партией труда»³⁵. В 1973 г. окружной суд Приштины приговорил к тюремному заключению Х. Хайзера, «министра обороны» так называемой «Республики Косово», и еще 13 человек, занимавшихся набором «новобранцев» в отряды «армии Косово», которые проходили военную подготовку и обучение на территории северной Албании³⁶. Один из организаторов акций протеста в 1981 г. Хидает Хюсени вспоминал, что в 70-е годы он «включился в общее студенческое движение», которое занималось в основном пропагандой, распространением запрещенной литературы и листовок. «Это был вид постоянного движения албанцев за национальное освобождение и равноправие с другими народами в той Югославии... Я поддерживал тогда связи с группами, которые действовали в рамках движения за национальное освобождение албанцев», — рассказывал он³⁷.

В марте 1981 г. в Косово вспыхнуло восстание. Очень быстро социальный протест перерос в постоянную политическую акцию длиной в десять лет, усилив напряженность внутри Сербии и обострив межреспубликанские отношения. Уже через несколько дней демонстранты несли транспаранты с открыто политическими требованиями: «Косово — республика», «Мы албанцы, а не югославы», «Косово — косоварам». Ф. Агани вспоминал: «...демонстрации были подготовлены множеством нелегальных групп. Впоследствии, с началом митингов, появились и другие организации. Все хотели использовать атмосферу, ко-

торая сложилась после смерти Тито»³⁸. Несмотря на то, что на этом этапе косовские албанцы еще опасались потерять высокий уровень автономии, им тем не менее удалось заявить о себе как о силе, которая готова отстаивать свои цели. Один из участников тех событий писал: «...Демонстрации в какой-то степени были реакцией на тенденции к усилению сербского национализма и объявленной [Белградом] деструктивной политики по отношению к албанцам... Мы попытались защищаться путем создания республики Косово, так как считали, что это единственная гарантия того, что мы будем независимы, как Македония или Черногория»³⁹. Постепенно митинги стали принимать антигосударственный характер — на них все чаще звучали требования об объединении с Албанией, с флагштоков сбрасывались югославские флаги. Сепаратисты пользовались активной поддержкой Тираны: албанские теле- и радиопередачи принимались почти на всей территории Косово.

Демонстрации в крае сопровождался саботажем на отдельных предприятиях, распространением листовок, активизацией деятельности по превращению Косово в «этнически чистый» край. Албанские националисты использовали любые методы вплоть до угроз физического истребления сербов и черногорцев, оскверняли памятники культуры, православные церкви и кладбища, поджигали дома, насильственно занимали чужую землю, ограничивали свободу передвижения. Следствием этого стал массовый отъезд сербских семей из края. В 1981 г. в 635 населенных пунктах из 1451 не осталось ни одного серба. Чисто сербскими оставались только 216 сел⁴⁰. На протяжении 10 лет на этой территории царил албанский террор, остановить который было трудно. Осенью 1988 г. уже 7 из 23 общин края были «этнически чистыми», а к 1991 г. сербов в Косово насчитывалось менее 10%. Постоянный процесс выселения из автономного края сербов и черногорцев стал важнейшим индикатором кризиса.

События в Косово в разной степени способствовали активизации некоторых националистических сил и в других частях Югославии. Помимо выступлений албанцев в Македонии, Хорватии, Боснии и Герцеговине с призывом ехать в Косово и «бороться за республику» отмечались провенгерские националистические выступления в Воеводине. Немедленно последовала и реакция сербского населения, активную поддержку у которого находили лозунги «Сербская нация под угрозой» и «Сербский народ разобщен».

В то время косовский вопрос стал чуть ли не самой крупной общественно-политической проблемой страны. Уже тогда некоторые политические деятели напрямую связывали его с кризисом югославского федерализма. «Косово — это проблема не только Сербии, это общеевропейская проблема, — подчеркивал член Президиума СФРЮ В. Бакарнич. — Если в Югославии какая-то национальность не может существовать, тогда вопрос надо поставить по-другому — а может ли вообще существовать Югославия?»⁴¹. Руководство Югославии понимало, что предоставление краю статуса республики «в наибольшей степени угрожает стабильности и территориальной целостности Югославии»⁴², поэтому пыталось разрешить конфликт другими способами.

Обществоведы и политики выдвигали различные объяснения причин националистических выступлений в Косово в 80-е годы. Албанские авторы связывали их с дискриминацией албанцев в социально-экономической и национальной сферах, в результате чего они ощущали себя «гражданами второго сорта»⁴³. Однако следует отметить, что многие исследователи, в числе и албанские специалисты, отмечают дискриминацию албанского населения Косово в основном в первые два десятилетия существования «второй» Югославии, в то время как последующий период до смерти И. Тито они оценивают как достаточно благоприятный для развития албанского народа. По мнению Ф. Агани, несмотря на то, что время до 1981 г. было, возможно, «самым успешным периодом в нашем послевоенном развитии», «трудности и деформации оправданно или неоправданно объяснялись давлением со стороны Сербии», и албанцы всерьез опасались, что власти пойдут на изменение Конституции. «Требование “Косово — республика” было частично результатом этой неуверенности, попыткой предотвратить намечающуюся ревизию Конституции», — подчеркивал он⁴⁴. По словам академика Реджепа Чосьи, с 1968 по 1980 г. албанцы «дышали более или менее свободно»⁴⁵.

Хорватский политический деятель С. Шувар в своей книге «Все наши национализмы» предлагал искать корни проблемы Косово в рецидивах «великосербской политики». Однако и он ссылаясь главным образом на 50—60-е годы, когда, по его словам, попирались конституционные права албанского населения, искажалась история албанского народа, не приветствовалось официальное употребление албанского языка, а УДБА во главе с Александром Ранковичем «культивировала недоверие к национальным меньшинствам» и практиковала физиче-

ские расправы в отношении отдельных лиц⁴⁶. Говоря о «дискриминации граждан» и «государственном терроре», албанцы, как правило, имели в виду именно «времена Ранковича» (до 1968 г.)⁴⁷. Хорватский историк Д. Биланджич писал, что «недоверие к представителям национальных меньшинств, устранение их представителей с ответственных политических должностей, особенно в органах государственной безопасности, препятствование работе радио, печати, развитию языка» стали последствиями унитаристско-централистских тенденций в развитии Югославии в конце 50-х — начале 60-х годов⁴⁸.

Сейчас большинство сербских историков и политологов видят причины албанских выступлений «в сепаратистской идеологии албанцев в Сербии», а в последнее время — и в «исламском экстремизме»⁴⁹. Однако некоторые сербские авторы усматривают и более глубокие причины кризиса в крае. Так, Н. Пашич писал, что албанские демонстрации показали «исковерканные национальные отношения и ряд проблем, которые долго, в течение десятилетий, скрывались». Среди них он называл разрушение старой патриархальной системы ценностей и традиционного способа жизни, негативные тенденции, которые «сопровождают любую быструю урбанизацию, — такие, как нерешенные проблемы жилья, социальная неуверенность, безработица», разделение общества по национальному признаку и национальную нетерпимость, «политику территориальной замкнутости», проводимую местными властями, иллюзию, что проблемы Косово можно решить без участия албанцев⁵⁰. Представители оппозиционных партий во всем винят только «навязанный и албанцам, и сербам» политический режим Слободана Милошевича, «виновного в том, что во всей Сербии не соблюдаются права человека»⁵¹.

В 80-е годы руководство СФРЮ и Союза коммунистов Югославии⁵² связывало решение проблемы Косово с борьбой против «антисоциалистических действий» и «антикоммунистической идеологии», прежде всего в самой Сербии. Сербское руководство обвиняли в многообразных проявлениях национализма — в «унитаризме», «бюрократическом стремлении к централизму», в «великосербском национализме», который прикрывается лозунгом «Сербия и сербы находятся под угрозой»⁵³. Информация о событиях в Косово в полном объеме была недоступна общественности в течение длительного времени. Согласно социологическим данным, 23% словенцев, 20% жителей Боснии и Герцеговины, 17% хорватов и македонцев вообще не знали, с какими про-

блемами сталкиваются народы, населяющие Косово⁵⁴. Между тем большинство исследователей склонялось к выводу, что причины такой ситуации следует искать в неблагоприятной общественно-политической атмосфере, социальных и экономических проблемах, среди которых выделялись безработица и низкий уровень жизни⁵⁵.

Проявления крайнего национализма во многом были порождением нерешенных экономических проблем и сложной социально-экономической ситуации в Косово. На экономическом положении края сказывались и трудности экономического развития страны в целом, которые стали наиболее ощутимыми с начала 80-х годов. Автономный край Косово, богатый природными ресурсами (углем и минералами) и имеющий плодородную землю, являлся самой отсталой частью Югославии. Средний уровень жизни здесь оставался намного ниже не только среднеюгославского, но и характерного для других слаборазвитых частей страны. Если в 1947 г. уровень развития трех слаборазвитых республик страны — Боснии и Герцеговины, Македонии и Черногории — был всего на несколько процентов выше, чем в Косово, то в 1980 г. — уже в 2,5 раза выше⁵⁶.

На развитие Автономного края Косово в течение всего послевоенного периода выделялись значительные средства: с 1956 г. — Сербией, с 1957 г. — Югославской федерацией, а с 1965 г. — федеральным Фондом по кредитованию ускоренного развития слаборазвитых республик и автономных краев⁵⁷. Результаты таких масштабных финансовых влиний в экономику края наиболее отчетливо видны в абсолютных цифрах. С 1965 по 1985 г. темпы экономического роста в крае были самыми высокими в стране и составляли 6,7%; если в Югославии в целом совокупный общественный продукт за тридцать лет увеличился в 5,5 раза, то в Косово — в 5,2 раза. Промышленное производство увеличилось в СФРЮ на 6%, а в Косово — на 7%. Но в пересчете на душу населения экономические показатели Косово значительно уступали другим регионам. В 1980 г. уровень общественного продукта на душу населения там был на 72% ниже среднеюгославского. Уровень безработицы в крае на 30% превышал средний показатель по стране: более 800 тыс. человек в Косово не могли найти работу⁵⁸. Одним из факторов, обусловивших такие различия в показателях, был опережающий естественный прирост населения, по темпам которого Косово занимало первое место как в Югославии, так и в Европе. Все средства и ресурсы, которые Югославия вкладывала в развитие края, поглоща-

лись приростом населения. Неудивительно, что «демографические инвестиции» вызывали, с одной стороны, нарекания остальных республик Югославии, а с другой стороны, недовольство самих албанцев, полагавших, что они недополучают средства, предназначенные для развития края, и потому отстают в социально-экономическом развитии. Эффективность капиталовложений в Косово была в два раза ниже, чем в среднем по стране. В 1981 г. сумма убытков от нерентабельных предприятий составила 280 млрд динаров, а план экономического развития в том же году был выполнен лишь на 41%. В условиях экономической дезинтеграции СФРЮ увеличивалась хозяйственная обособленность края — в 1983 г. доля товарооборота в пределах Косово составила почти 63%⁵⁹.

В поисках причин обострения ситуации многие исследователи обратили внимание на систему образования, которая была тесно связана с системой начального и среднего образования в Албании. По мнению специалистов, именно эта система во многом способствовала «албанизации» и росту националистических настроений в крае, особенно среди молодежи. В Косово приезжали сотни учителей и профессоров из Тираны, а косовские преподаватели, в свою очередь, проходили стажировку в Албании. Занятия велись по албанским учебникам, государственные программы игнорировались. Университет готовил албанистов в таком количестве, которое не требовалось стране. «Албанизация Косово» становилась естественным процессом, а восприятие националистических идей происходило уже за школьной партией. В Косово насчитывалось 904 начальных и 69 средних албанских школ. В 1970 г. в Приштине был открыт университет, где на албанском и сербском языках обучались 37 тыс. студентов, 80% которых были албанцами⁶⁰. В итоге в крае было на 14% больше студентов на 1000 человек, чем в среднем по стране.

Югославский журналист Б. Богунович вспоминал слова, сказанные в 1974 г. будущим послом США в Югославии Лоуренсом Иглбергером на одной из неформальных встреч. Тот посетовал, что югославы постоянно тратят силы на борьбу с антикоммунистической эмиграцией, не замечая, «что могилу Югославии копают в Приштине». И далее пояснил: «Посмотрите, что вы как государство делаете в Приштине и в Косово в целом. Вы открыли им [косовским албанцам] один из самых больших университетов в Югославии, дали им Академию наук и в этих... институтах готовите... политологов, социологов, философов, чем сами себе создаете вели-

кую армию будущих недовольных, которые не будут ни хотеть, ни уметь делать что-нибудь серьезное, которые завтра выйдут на улицы и потребуют свое государство и свою республику!»⁶¹. Действительно, все краевые структуры власти — милиция, суды, система школьного и университетского образования, Академия наук, писательская организация — практически неограниченно использовались албанскими националистами для пропаганды своих идей во всех слоях населения.

В 80-е годы руководство Сербии использовало различные методы урегулирования ситуации в крае. Периоды введения военного положения сменялись периодами разработки новых программ решения проблемы Косово, которые включали в себя экономические (преодоление замкнутости края, изменение его экономической структуры, укрепление материальной основы самоуправления) и политические (попытки формирования краевого единства на классовой, а не на национальной основе) меры. Так, в соответствии с общегославской программой по косовскому вопросу, принятой в декабре 1987 г. ЦК СКЮ, было решено продолжить работу по созданию условий для опережающих темпов экономического развития края, интегрирования экономики Косово в экономику СФРЮ, обеспечения края квалифицированными специалистами для работы в органах управления и правосудия, установления планового контроля над использованием средств федерального Фонда по кредитованию ускоренного развития слаборазвитых республик и автономных краев и принятия соответствующих мер по развитию культуры и образования. При скупщине СФРЮ был образован постоянный орган для наблюдения за осуществлением этой программы⁶². На федеральном и республиканском уровнях неоднократно рассматривались вопросы преодоления замкнутости края, изменения структуры его экономики, укрепления материальной основы самоуправления, создания современной инфраструктуры, усиления социальных гарантий со стороны государства, осуществления гарантий конституционной законности для всех жителей Косово. Опрос общественного мнения в Югославии показал, что 20% респондентов высказались за меры укрепления законности в крае, 17% — за улучшение организации труда, 12% — за развитие демократических институтов⁶³. В 1987 г. была принята программа по предотвращению переселения сербов и черногорцев из Косово.

В конце 80-х годов ситуация в крае резко обострилась. Когда решением руководства Союза коммунистов Сербии были сняты руководи-

тели краевого комитета Союза коммунистов Косово, в числе которых был популярный среди албанцев Азем Власи, в Приштине и других городах прошли демонстрации протеста, а в феврале 1989 г. началась забастовка шахтеров, выступавших против исключения А. Власи из ЦК СКЮ. События в крае вызвали огромный резонанс в стране. В Любляне (Словения) население поддержало требования шахтеров, а в Сербии — осудило, потребовав от правительства принятия срочных мер по стабилизации ситуации. 3 марта 1989 г. Президиум СФРЮ ввел в Косово комендантский час. Дальнейшие события в крае связывают с именем С. Милошевича, избранного в 1986 г. председателем ЦК Союза коммунистов Сербии. В 1987 г. популярность этого человека стремительно возросла — его выступление в апреле в Косово-Поле, где он впервые открыто заговорил о несправедливом положении Сербии в югославской федерации и пообещал защиту сербскому народу, было воспринято как сербская национальная программа. В С. Милошевиче народ увидел национального лидера. В 1988 г. он организовал ряд манифестаций и так называемых «митингов истины» (в Ужице, Валево, Заечаре, Шабаце, Крушеваце, Кралево, Вране, Лесковаце, Крагуеваце, Нише, Белграде), в которых участвовало от 100 до 300 тыс. человек. Воодушевленные возможностью впервые говорить о своих национальных чувствах и проблемах власти, люди скандировали имя С. Милошевича и носили его портреты. К концу 80-х годов С. Милошевич выделился из партийно-государственной олигархии и фактически стал «неприкосновенным политическим правителем Сербии»⁶⁴. Однако, отмечает американская исследовательница С. Вудворд, несмотря на то, что «личная популярность Милошевича росла, на формирование сербского общественного мнения влияли различные политические программы, а сам Милошевич подвергался давлению со стороны националистов некоммунистической ориентации, часть которых открыто выступала против албанцев в Косово и выражала поддержку сербам вне Сербии»⁶⁵.

Пути поиска выхода из ситуации привели руководство Сербии к убеждению, что только централизация власти и упразднение ряда полномочий краевых органов сможет нормализовать ситуацию. Серьезной критике подверглись равноправные отношения между республикой и краями. Возобладала точка зрения, согласно которой Конституция 1974 г. ослабила Сербию, лишив ее права на собственное государство. В Сербии развернулась кампания за правовое, территориальное

и административное единство республики и за ограничение прав автономных краев. Принятые сербской скупщиной в марте 1989 г. поправки к Конституции Сербии, лишавшие АКК права вето в отношении конституционных изменений в Сербии, были встречены в штыки косовскими албанцами. В сентябре 1990 г. эти изменения были официально узаконены с принятием новой Конституции Сербии. Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали отмечал в этой связи, что, «...по словам правительства, реформа была необходима в связи с тем, что Сербия была серьезно парализована широкой независимостью, которой обладали края. Многие законодательные и судебные функции краевых органов были переданы республике». Автономные края сохранили полномочия в отношении краевого бюджета, вопросов культуры, образования, здравоохранения, использования языков и других вопросов. В ответ на эти изменения, по словам Б. Бутрос-Гали, «...большое число государственных служащих из числа албанцев в Косово подали в отставку, многие были уволены и заменены лицами из других частей Сербии. Как утверждают, до 100 тыс. человек были таким образом сняты со своих должностей в республиканских и краевых административных органах, школах и на государственных предприятиях»⁶⁶.

Реакцией на изменение статуса Косово (1989 г.) стали демонстрации и стычки с полицией, которые с этого момента приобрели массовый характер: в январе 1990 г. в демонстрациях уже участвовало около 40 тыс. албанцев. Введенные в край военные подразделения и полиция силой пытались удержать порядок в ряде городов. В Косово множились жертвы как со стороны демонстрантов, так и со стороны полиции, а в Белграде тысячи студентов скандировали: «Не отдадим Косово!». Словения была возмущена поведением Белграда и отозвала из края своих полицейских, которых встретили в республике как героев. Это было время, когда становилась очевидной неизбежность распада федерации, когда Хорватия и Словения встали на путь отделения, подкрепляя свои шаги юридическими мерами — решениями республиканского парламента, принятием соответствующих деклараций, волеизъявлением граждан на референдуме. По стопам Хорватии и Словении пошло и Косово. 2 июля 1990 г., в тот же день, когда Словения приняла «Декларацию о полном государственном суверенитете Республики Словения», албанские делегаты краевой скупщины приняли «Конституционную декларацию», которая провозглашала Косово республикой. В ответ сербская скупщина распустила скупщину Косово, обосновав

это решение многочисленными нарушениями общественного порядка в крае. В этих условиях 7 сентября 1990 г. делегаты распущенной краевой скупщины в обстановке полной секретности приняли новую конституцию края, провозгласившую Косово республикой, судьба которой должна впредь решаться ее гражданами. Этот акт был расценен сербским руководством как антиконституционный и подрывающий территориальную целостность республики.

Все меры по политической и экономической стабилизации положения в крае не принесли ожидаемого эффекта. Конфликт перерос республиканские границы и стал острейшей проблемой всей страны, которую в течение 10 лет не удавалось решить ни с помощью вооруженных сил, ни путем принятия соответствующих партийных резолюций и постановлений, ни ограничением автономии.

Распад СФРЮ и обострение ситуации в Автономном крае Косово и Метохия

Косовские албанцы считают, что с принятием Конституции Сербии 1990 г. автономия края была уничтожена. В крае развернулась кампания гражданского неповиновения и началась массовая бессрочная забастовка. Распущенный парламент на тайном заседании решил приступить к созданию «параллельных структур власти» — подпольных парламента и правительства. Албанские учителя отказались следовать новой школьной программе и выразили желание учить детей по албанским программам на албанском языке. В ответ власти отказались финансировать албаноязычное обучение. Тогда албанские дети перестали ходить в государственные школы, а занятия проводились в других местах. В то время как с государственной службы было уволено большое число учителей и профессоров — албанцев, в условиях подполья продолжил работу албанский университет. Нелегальная система образования охватывала 400 тыс. детей (480 школ) и 15 тыс. студентов (13 факультетов университета и семь высших школ)⁶⁷. В результате весь край разделился на два параллельных общества — албанское и сербское. Каждое имело свои систему управления, экономику, просвещение и культуру. В экономике, несомненно, доминировали албанцы, создававшие частные фирмы с солидным капиталом. В политических структурах преобладали сербы, поскольку албанцы бойкотировали выборы и отказывались занимать административные должности.

В 1990 г., когда в СФРЮ начала формироваться многопартийная система, в крае возникли албанские политические партии, выступавшие с программами, нацеленными на достижение равноправного положения албанцев в Сербии, — Демократическая лига Косово, Партия демократического действия, Демократическая мусульманская партия реформ. Позже возникли Албанская демохристианская партия, Крестьянская, Парламентская и Социал-демократическая партии Косово. Демократическая лига Косово стала самой крупной политической партией края, а авторитет ее лидера, писателя-диссидента Ибрагима Руговы, был неоспорим. И. Ругова призывал своих сторонников к организации «мирного отпора сербской оккупации», опасаясь последствий серьезных столкновений⁶⁸. Позже, в 1994 г., ДЛК стала ведущей партией, которую жители края провозгласили «лидером национального движения за независимость Косово»⁶⁹. В выборах 1990 г. в Косово участвовали и сербские партии — Социалистическая партия Сербии, Народная радикальная партия, Сербское движение обновления. Албанское население края бойкотировало выборы: в первом туре на участки пришли всего 18,61% избирателей, преимущественно сербы. Практически все голоса были отданы Социалистической партии Сербии, получившей 30 из 34 мест в парламенте⁷⁰. С этого времени большинство албанцев бойкотировало все выборы в государственные институты Республики Сербии и СРЮ, исключив тем самым албанское меньшинство из процесса ведения государственных дел.

В сентябре 1991 г. косовские албанцы провели референдум о независимости края и единодушно высказались за создание независимой республики, а 24 мая 1992 г. в крае состоялись выборы президента и парламента. Руководство Сербии, объявившее эти выборы незаконными, не слишком мешало их проведению. Сербы в выборах участия не принимали. Албанцы отдали свои голоса И. Ругове (95—100%) как президенту «Республики Косово» и его партии — Демократической лиге Косово (78%). Чтобы выразить поддержку албанцам, на выборы приехали делегации ряда стран и международных организаций⁷¹.

В целом суть проблемы Косово состоит в столкновении интересов большинства албанского населения края, которые выражаются в стремлении, отделившись от Югославии, создать свое национальное государство и соединиться с Албанией, и интересов Республики Сербии и СРЮ, которые отстаивают целостность своей территории. Обе стороны используют все доступные меры для достижения поставленных це-

лей. Нарушения прав человека в крае, вызванные усилением полицейского режима, в равной степени являются следствием отказа албанцев использовать предоставленные им Конституцией Сербии права. Так, с 1989 г. косовские албанцы бойкотировали выборы, участие в которых могло бы позволить им управлять всеми краевыми органами власти, иметь 30 депутатских мест в скупшине Сербии и участвовать в решении общегосударственных вопросов. Проблемы в области просвещения во многом были связаны с бойкотом албанским населением края системы образования Югославии и нежеланием признавать государственные институты Сербии и СРЮ. «Продолжающаяся нестабильность, — подчеркивал Б. Бутрос-Гали в 1996 г., — оказала пагубное влияние как на местное албанское население, так и на сербское меньшинство в крае»⁷². Ситуацию в Косово генеральный секретарь ООН оценивал как тупиковую, поскольку стороны придерживались диаметрально противоположных взглядов на статус и будущее края.

На фоне развала страны, сопровождавшегося конфликтами в Хорватии и Боснии и Герцеговине, а также введения против Сербии и Черногории международных санкций решение проблемы Косово отодвигалось Белградом на неопределенный срок. Руководство Сербии удерживало ситуацию под контролем только с помощью находившихся в крае полицейских сил. Как сообщали албанцы, полиция постоянно водит их на так называемые информационные разговоры, проводит обыски в албанских селах, арестовывает мужчин, подвергает их допросам, а иногда избивает, держит под контролем все дороги, регулирует деятельность средств массовой информации и все сферы общественной жизни⁷³. Видный албанский политический деятель Шкельзен Маличи отмечал в 1994 г., что албанцы старались не отвечать на полицейские репрессии, вследствие чего «албанское движение уже четыре года практически топчется на месте». Однако эта пауза была использована косовскими албанцами для политической консолидации: в этот период, который Ш. Маличи назвал «временем Руговы», позиции ДЛК и ее лидера значительно усилились⁷⁴.

Действительно, «терпеливый и хитрый», как его характеризовал Ш. Маличи, И. Ругова в это время много сделал для того, чтобы привлечь внимание Запада к проблеме Косово. Он обращался к правящим кругам стран Запада с просьбой о размещении в крае миротворческих сил ООН и военных сил НАТО, а позже стремился убедить Запад в необходимости установления «гражданского протектората» над Косово⁷⁵.

Союзная республика Югославия (Сербия и Черногория)

В 1993 г. во время поездки в США И. Ругова получил заверения Вашингтона, что снятие санкций с Югославии будет обусловлено решением проблем края. В Косово зачастили иностранные гости. Интересные выводы сделали представители Великобритании, Франции и Португалии, которые побывали там в мае 1994 г. По их оценкам, 38% населения ожидали решения проблем от политического руководства края, 20% — от США (в 1991 г. — 64%) и только 11% — от ЕС. 65% были уверены, что получают военную поддержку извне в своей борьбе против Сербии. Члены делегации выражали опасения относительно усиления «радикализма и даже экстремизма» в Демократической лиге Косово, несмотря на то, что руководители ДЛК не отвергали возможности начать переговоры с Белградом⁷⁶. В мае 1994 г. в ответ на призывы со стороны участников Международной конференции по бывшей Югославии к началу диалога между властями Сербии и косовскими албанцами о статусе края С. Милошевич заявил, что «не видит никаких преград для осуществления политической и культурной автономии для Косово и албанцев». В Приштине эти слова, напомнившие косовским албанцам высказывания некоторых политических лидеров Сербии, которые хотели «всеми средствами разрушить параллельную систему образования и здравоохранения, созданную албанцами в Косово»⁷⁷, было воспринято с недоверием. Обе стороны с трудом шли на переговоры, настаивая на своих условиях. Албанцы требовали «срочно остановить унижения, репрессии и изгнание албанского населения, открытия школ и предприятий для албанцев». В свою очередь, сербы настаивали, чтобы албанцы признали Сербию «своим государством»⁷⁸. Лишь 1 сентября 1996 г. С. Милошевич и И. Ругова подписали меморандум о взаимопонимании, касавшийся системы образования в Косово.

Населенные албанцами области Македонии и Черногории также никогда не исключались из планов косовских албанцев. В ходе международных переговоров по урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине И. Ругова ожидал, что боснийские сербы вступят в конфедеративные отношения с Сербией, что значительно облегчило бы косовским албанцам задачу вступления в конфедеративные отношения с Албанией. По замыслу И. Руговы Косово должно было стать независимой республикой, «открытой для Сербии и Албании», а албанцы в Черногории должны были получить автономию. Для македонских албанцев он планировал добиваться «статуса государствообразующего народа» в рамках Македонии⁷⁹. С осени 1994 г. в

выступлениях И. Руговы все чаще стали звучать идеи объединения Косово с Албанией.

Весной 1996 г. напряженность в крае вновь обострилась. Убийство сербом албанского юноши вызвало ответные акции албанских боевиков — нападения на полицейских, расстрел посетителей кафе и т. п. Власти провели массовые аресты. Международная общественность обвинила сербское руководство в нарушении прав человека, физическом насилии и даже в применении пыток к арестованным. На Балканы вылетела специальный докладчик Комиссии по правам человека ООН Элизабет Рэн, которая, по ее словам, «была информирована о сотнях таких случаев». Однако Б. Бутрос-Гали в своей записке от 12 ноября 1996 г. отметил, что Э. Рэн «не смогла подтвердить эту информацию»⁸⁰.

Как писал бывший лидер Союза коммунистической молодежи, а затем деятель национального движения косовских албанцев А. Власи, в 1997 г. закончился период моделирования концепции будущего политического статуса Косово, «концентрации политических сил», разработки политической инфраструктуры и интернационализации проблем края, для которого было характерно полное единение албанцев на общей политической платформе. «Косовский кризис выходит на новый виток и вступает в период большего обострения, — прогнозировал А. Власи. — Назревает серьезный поворот, идет перегруппировка политических сил для участия в будущих событиях, дыхание которых уже ощущается»⁸¹. По словам А. Власи, «косовские албанцы больше не одиноки» и, поскольку ситуация в крае не улучшилась по сравнению с 1989 г., больше не верят в эффективность мирных переговоров с сербскими властями, переключившись на поддержку Освободительной армии Косово (ОАК), деятельность которой «предвещает серьезные перемены». «Сербский режим ошибся в оценках, полагая, что албанцев можно сломить силой... Желание, стремление и готовность албанцев к борьбе за независимость Косово от Сербии остались непоколебимыми»⁸². А. Власи отмечал, что появление ОАК, о которой было еще мало что известно, свидетельствует о создании радикального крыла албанского национального движения в виде военной организации.

Действительно, в 1998 г. началась резкая радикализация сепаратистского движения в Косово и Метохии. В нем можно выделить три течения. Первое — политическое, которое действует через Демократическую лигу Косово во главе с И. Руговой. Выступая за независимость

Косово, И. Ругова в принципе не отрицает возможности переговоров с руководством республики. Второе течение связано с деятельностью «правительства Республики Косово в подполье» во главе с Буяром Букоши и со штаб-квартирой в Ульме (Германия). Б. Букоши имеет большое влияние на албанцев, находящихся на заработках или в эмиграции за пределами Косово. Через его руки проходят деньги, которые направляются в Косово из-за границы. Третье течение, которое олицетворяет Освободительная армия Косово, носит экстремистский характер и действует террористическими методами. Цели политического и военного руководства ОАК заключаются в том, чтобы создать и расширить территорию, свободную от власти Сербии, добиться признания своей борьбы как национально-освободительной и, заручившись поддержкой международных организаций, отделиться от Югославии. Затем должен вступить в действие план объединения тех территорий Косово, Черногории, Македонии и Санджака, большинство населения которых составляют этнические албанцы. С августа 1998 г. по март 1999 г. политическое крыло ОАК было представлено бывшим председателем Комитета защиты прав косовских албанцев А. Демачи, возглавившим в декабре 1996 г. Парламентскую партию Косово. Его планы и действия пользовались мощной поддержкой со стороны Тираны. Диссидент со стажем, прошедший в тюрьмах СФРЮ более 25 лет, А. Демачи остается одним из самых непримиримых критиков политики «мирного сопротивления» И. Руговы.

Уже осенью 1998 г. в руководстве национальным движением косовских албанцев стал назревать раскол, обозначивший тенденцию к усилению «жесткой линии», сторонники которой выразили готовность к ведению вооруженной борьбы. От И. Руговы отвернулся его заместитель по партии Х. Хюсени, создавший Новую демократическую лигу Косово. Освободительную армию Косово стала открыто поддерживать Независимая уния студентов, которая отозвала своего представителя из делегации для переговоров с Белградом, сформированной И. Руговой. Сторонники более радикальной линии потянулись из Демократической лиги Косово в партию А. Демачи. Постепенно все более заметную роль начал играть премьер-министр непризнанной «Республики Косово» Б. Букоши, заявивший, что выступает «за войну, а не за переговоры, которые равносильны капитуляции албанцев».

В начале 1998 г. боевики ОАК, прошедшие подготовку в албанских лагерях, спровоцировали возобновление конфликта, вылившееся в

вооруженные столкновения с сербской полицией, взрывы в македонских городах Гостивар, Куманово и Прилеп и не прекращавшиеся убийства мирных жителей. Помимо насильственного вытеснения сербов из края и блокады сербских сел среди использовавшихся террористами методов были убийства и угрозы в адрес лояльных албанцев, не желавших воевать, захват в заложники мирных жителей, нападения на посты милиции и армейские патрули. Большинство дорог в крае, контролируемых, особенно в ночное время, албанскими военизированными патрулями, стало небезопасно для передвижения. Население края, которое не поддерживало экстремистов, было запугано и подвергалось насилию. Албанцы-католики в страхе уезжали из метохийских сел, чтобы избежать насильственного включения в отряды террористов.

Ответные меры полиции, носившие жесткий характер, вызвали новую волну сопротивления. Югославские пограничники пытались остановить шедших через границу боевиков и лавину оружия для сепаратистов. Количество проникавших на территорию Косово и Метохии террористических групп, а также оружия, нелегально доставлявшегося из Албании, агрессивность этих групп при столкновениях с югославскими пограничниками говорили о подготовке албанцев к проведению более широких военных акций. Только за четыре дня апреля 1998 г. пограничники обнаружили семь террористических групп (некоторые по несколько сотен человек); за 10 дней были задержаны «посылки» с 250 автоматами, 4 пушками, 20 пулеметами, 5 минометами, 200 минами, 5,5 тыс. гранат и 200 тыс. снарядов⁸³. Уже весной 1998 г. столкновения вооруженных албанских групп с полицией напоминали боевые действия. ОАК пыталась расширить зону своего влияния, а армейские правительственные подразделения и полиция не только старались помешать им в этом, но и активно разрушали склады оружия и опорные базы сепаратистов, продвигаясь к границе с Албанией. К октябрю 1998 г. Косово практически было очищено от повстанческих вооруженных формирований, которые были оттеснены к албанской границе.

Проекты и практика урегулирования конфликта в Косово

В социалистический период развития Югославии решение проблем Косово осуществлялось различными методами: в годы, когда господствовал курс партии на «построение интернационального общества и преодоление национальных предрассудков», существование

межнациональных противоречий замалчивалось, позже для наведения порядка использовались полицейские силы, затем применялись экономические и политические меры. Периоды расширения прав автономий сменялись периодами усиления централизации власти. При этом наиболее интересные планы урегулирования кризиса выдвигались именно в моменты наибольшего обострения ситуации в Косово.

Известный сербский писатель Добрица Чосич еще в 1968 г., выступая на пленуме ЦК Союза коммунистов Сербии, открыто сказал о трудностях в межнациональных отношениях в стране, в том числе о косовской проблеме. Он впервые заговорил о нетерпимости и даже ненависти, которые существуют между народами Югославии. Писатель критиковал как сербский национализм, так и «этноцентрическую энергию» албанцев, их «стремление к объединению со своими соплеменниками в Албании» и произнес свою знаменитую фразу: «В Косово возможно или югославское, или албанское государство. Оба варианта — исключены». Д. Чосич не верил, что идея «братства и дружбы» может быть противопоставлена идее создания единого албанского государства, ибо в этом случае, по его словам, «встанет проблема границы»⁸⁴. Предвидя тяжелые последствия борьбы албанцев за отделение края, Д. Чосич разработал план раздела края на сербскую и албанскую части, согласно которому большая часть из 200 памятников сербской культуры — православных церквей и монастырей, которыми богато Косово, — сохранилась бы за Сербией. Тогда идеи Д. Чосича не встретили поддержки у руководства страны, а сам он подвергся резкой критике.

Вопрос о разделе Косово вновь возник в 1994 г. во время очередного обострения обстановки в крае. Профессор Бранислав Крстич предложил свой вариант решения проблемы, исходя из того, что в Косово и Метохии столкнулись два права: «историческое право сербского народа и этническое право албанского национального содружества». По мнению Б. Крстича, эти два права можно примирить только в том случае, если их разделить территориально. Поэтому он выступил с идеей раздела территории Косово, взяв в основу перепись населения 1961 г., проводившуюся до начала албанского демографического бума. В соответствии с «планом Крстича» албанцам отошла бы территория, на которой расположены памятники албанской культуры, а также западные и южные области, населенные преимущественно албанским населением. Этим землям Б. Крстич предложил обеспечить широкую тер-

риториальную автономию. Оставшиеся общины с большинством сербского и черногорского населения, по его мнению, могли бы быть интегрированы в состав Черногории и Сербии⁸⁵. Б. Крстич пытался убедить своих оппонентов, что до тех пор, пока сербы будут считать все до единой общины Косово и Метохии, где живут 90% шиптаров, своими историческими территориями, а албанские политические партии — настаивать, что весь край должен стать «независимой республикой Косово», вопросы сербско-черногорско-албанских отношений нельзя будет решить демократическими методами. Прогноз Б. Крстича, согласно которому в середине XXI в. в Сербии численность населения достигнет 10,5 млн человек, из которых 40,5% составят албанцы, должен был заставить задуматься тех, кто считал проект нереальным. Один из лидеров Демократической партии депутат союзной скупщины Д. Тошич в более осторожной форме также поддержал идею разделения Косово на две области, предложив сконцентрировать в одной из них приблизительно 98% общего числа албанцев в крае (при этом доля сербского населения в другой части края могла бы составить до 30%)⁸⁶.

Албанские ученые и политические деятели сразу назвали проект Б. Крстича абсолютно неприемлемым. «Учитывая этнический, экономический и другие факторы, Косово неделимо», — заявил Ф. Агани⁸⁷. Единственно возможным решением для Косово, по мнению албанских лидеров, могло бы быть проведение референдума о независимости края под контролем ООН, ОБСЕ, ЕС и США, исход которого ни у кого не вызывал сомнений⁸⁸.

В 1996 г. академик Миодраг Йовичич выдвинул идею регионализации всей страны, согласно которой Косово и Метохия стали бы двумя регионами. Он исходил из следующих предпосылок: во-первых, Сербия должна сохранить Косово и Метохию, во-вторых, в современном мире все граждане независимо от национальности должны обладать равными правами, поэтому национальные автономии — анахронизм, в-третьих, Автономная область (край) Косово и Метохия начиная с 1945 г. является источником постоянных проблем для Сербии. В результате, как отмечал М. Йовичич, «Косово и Метохия сегодня представляют собой недопустимый пример асимметричного государственного устройства, который по этим причинам надо обязательно ликвидировать»⁸⁹. План М. Йовичича заключался в том, чтобы разделить страну на 13 регионов — территориальных единиц с широкой автономией и своими органами власти — двухпалатной скупщиной и прави-

тельством, но не имеющих элементов государственности. При этом каждый регион представлял бы собой географическое, экономическое и культурное целое.

Сербский историк Душан Батакович разработал план кантонизации Косово. В феврале 1999 г. во время переговоров в Рамбуйе этот план был даже представлен его автором государственному секретарю США Мадлен Олбрайт в надежде, что он поможет сербам обрести гарантии безопасности, если станет одним из приложений к тексту договора. По мнению Д. Батаковича, весь край следует разделить на 18 кантонов, в пяти из которых сербское население составило бы большинство. Сербские кантоны могли бы войти в конституционную систему Сербии, а албанские поддерживали бы связь с Югославией на федеральном уровне и имели бы незначительные обязательства по отношению к Сербии⁹⁰.

В 1997 г. к решению косовской проблемы активно подключилось и международное сообщество. В этом процессе приняли участие Контактная группа по бывшей Югославии, ООН, ОБСЕ, НАТО, а также руководство отдельных стран. В ноябре 1997 г. министры иностранных дел Франции и Германии выступили с инициативой предоставить краю специальный «промежуточный» статус, рассчитанный на определенный переходный период. Согласно этой инициативе с помощью международных организаций должны были быть созданы «оптимальные условия для мирного политического выхода Косово из-под юрисдикции Сербии и для формирования соответствующей демократической политической инфраструктуры», которая обеспечила бы равноправное положение Косово в «будущем содружестве равноправных народов и государств»⁹¹. Албанцы поддержали эту инициативу, поскольку рассматривали любой специальный статус как шаг к осуществлению своего стремления к отделению от Сербии; по тем же причинам сербское руководство выступило против нее. Сербская оппозиция, обвиняя руководство страны в обострении межнациональных отношений, полагала, что и албанцы виноваты в сложившейся ситуации, поскольку ничего не делают, чтобы изменить правящий строй, — в частности, не участвуют в выборах, а значит, и «в изменении власти в Сербии, что обязательно привело бы к улучшению ситуации в Косово». Если бы албанцы «вышли на выборы еще в 1990 г., то мы бы покончили с этим режимом, и уже сейчас проблема Косово в основе своей была бы решена», — отмечал директор Центра сербских исследований М. Протич⁹².

Заявку на участие в урегулировании конфликта в Косово сделал и Североатлантический альянс, уже в августе 1997 г. предупредивший югославского президента о возможности вооруженного вмешательства в конфликт с целью «предотвращения дальнейшего кровопролития» (уже тогда в качестве наиболее вероятного сценария силовой акции в Косово рассматривались удары с воздуха по сербским позициям). Экстренно собралась и Контактная группа, стран-участниц которой встречали вооруженные столкновения в Косово: самую жесткую позицию, как всегда, заняли США, предложившие применить к Белграду жесткие меры вплоть до введения экономических санкций и военной интервенции. В «Сообщении о ситуации в Косово», подписанном членами Контактной группы, подчеркивалось, что Белград «не может противостоять международным стандартам и не ожидать при этом серьезных последствий». С этого времени Контактная группа начала готовить переговоры по урегулированию кризиса в Косово.

В начале декабря 1997 г. косовская тема неожиданно возникла на заседании Совета по выполнению Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине в Бонне. Это вызвало негативную реакцию югославской делегации, заявившей, что, с одной стороны, проблема Косово является внутренним делом Югославии, а с другой — она не являлась предметом обсуждения в Дейтоне, поэтому не может рассматриваться данным международным органом. Югославская делегация в знак протеста против обсуждения темы Косово покинула Бонн.

Контактная группа подкрепляла свои шаги решениями Совета Безопасности ООН. В сентябре 1998 г. была принята резолюция № 1199, обязывавшая сербов прекратить огонь и начать мирные переговоры с албанской стороной. В ответ правительство и скупщина Сербии приняли заключение о ситуации в Косово, в котором было выражено стремление к сотрудничеству как с международными организациями, так и с албанской делегацией, а также предлагался ряд мер по решению проблемы политическими средствами в рамках СРЮ. Скупщина Черногории в ходе многодневного заседания попыталась отмежеваться от решения сербской скупщины, приняв резолюцию, осуждавшую «ошибочную политику» сербского руководства в Косово и бездеятельность союзных органов, но поддерживавшую стремление начать переговоры с албанской стороной⁹³.

Здесь следует отметить, что с первого дня обострения проблемы Косово мировое сообщество поторопилось так расставить акценты, что-

бы речь шла не о сепаратистском движении косовских албанцев, а о движении за автономию. Чтобы настроить общественное мнение на нужную волну, утверждалось, что косовские албанцы вообще лишены какой-либо автономии и борются за элементарные права человека. Как и при оценке предыдущих конфликтов и кризисов на территории бывшей Югославии, при анализе ситуации в Косово в западных и ряде российских средств массовой информации замалчивались некоторые существенные моменты, касающиеся взаимоотношений Белграда и косовских албанцев, а также статуса автономного края. Поэтому, рассматривая развитие нынешнего кризиса в Косово, следует особо подчеркнуть, что в условиях растущего национализма и сепаратизма во всех республиках бывшей СФРЮ руководство Сербии пошло в 1990 г. на ограничение (но не ликвидацию!) автономии Косово. Целью роспуска краевой скупщины, провозгласившей отделение Косово от Югославии, была попытка интегрировать всю территорию Сербии и выбить почву из-под сепаратистского движения.

Выдвигая все новые и новые условия, албанская сторона долгое время отказывалась от переговоров с Белградом, на которых настаивал Запад. Сначала албанцы требовали ведения переговоров на югославском (федеральном), а не на сербском (республиканском) уровне, затем введения войск НАТО или установления международного протектората над Косово, наконец, вывода всех армейских и полицейских подразделений из края, на что руководство страны долго не соглашалось. В начале октября 1998 г. ситуация накалилась: в Косово начались боевые действия, а НАТО пригрозила Югославии воздушными ударами, если сербские полицейские силы и формирования ЮНА продолжат операции в крае. Представители НАТО заявили, что альянс готов нанести удары без одобрения Совета Безопасности ООН, а страны — члены альянса начали подготовку к возможной военной акции.

Угрозы бомбовых ударов с воздуха по территории Сербии в октябре 1998 г. выполнили роль дамклова меча, спасаясь от которого С. Милошевич подписал 13 октября соглашение с представителем США Ричардом Холбруком. Оно предполагало отвод сербских сил из края и размещение там 2 тыс. наблюдателей ОБСЕ. Миссию ОБСЕ по проверке в Косово возглавил американский посол Уильям Уокер. 15 октября начальник Генерального штаба ЮНА и верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе подписали соглашение, предусматривавшее учреждение миссии по воз-

душному контролю над территорией края, дополняющей МПК ОБСЕ. Глава французской дипломатии Юбер Ведрин подчеркнул, что установление режима воздушного контроля самолетов НАТО над территорией Косово, а также ряд других мер (таких, как дислокация «сил интервенции в соседних странах в случае возникновения проблем» или взаимоотношения ОБСЕ и НАТО) должны быть рассмотрены и подтверждены Советом Безопасности. Последовавшая за этими соглашениями резолюция Совета Безопасности 1203 действительно обратила «особое внимание на необходимость обеспечения охраны и безопасности членов Миссии по проверке в Косово и Метохии» и признала, что Югославия «представляет собой сохраняющуюся угрозу миру и безопасности в регионе»⁹⁴.

Против военных планов НАТО выступил ряд стран (Китай, Индия, Белоруссия и др.), но наиболее решительной была реакция России, заявившей, что вмешательство во внутренние дела суверенного государства требует согласия Совета Безопасности ООН. Известный российский ученый и опытный дипломат О. Хлестов писал, что краеугольным камнем современного международного правопорядка является правомерность использования вооруженной силы в международных отношениях «лишь в двух случаях: 1) при осуществлении права на самооборону; 2) по решению Совета Безопасности ООН против нарушителя мира или агрессора, что именуется принудительными действиями ООН». Поэтому если НАТО «осуществит принудительные действия без санкций Совета Безопасности, это взорвет всю правовую систему, на которой зиждутся отношения между членами мирового сообщества», и явится «актом агрессии, как она определена в документах ООН, принятых в 1974 г.»⁹⁵.

В феврале 1999 г. в Рамбуйе под Парижем 17 дней длился первый раунд переговоров. Албанскую делегацию из 16 человек составляли в основном представители Освободительной армии Косово, умеренной Демократической лиги Косово во главе с И. Руговой, а также Объединенного демократического движения во главе с Реджепом Чосьей. Делегацию возглавил один из командиров боевиков ОАК Хашим Тачи. «Политический представитель ОАК» А. Демачи высказался против ведения любых переговоров и заключения любых соглашений с Белградом. В сербскую делегацию из 14 человек помимо официальных лиц входили ученые-правоведы, а также представители турок, албанцев, цыган и других национальностей Косово.

На начавшейся 6 февраля в Рамбуйе мирной конференции должны были обсуждаться разработанные Контактной группой принципы решения косовской проблемы включая «элементы широкой автономии Косово». Однако делегациям для обсуждения были предложены только отдельные части «Временного договора о мире и самоуправлении в Косово и Метохии» — «Рамочный документ» и три приложения из девяти, которые уточняли проблемы Конституции Косово, выборов в органы самоуправления и судебной системы. Лишь через неделю делегации получили еще одно приложение, касавшееся экономических вопросов. Несмотря на то, что текст этих документов не совпадал с текстом политического заявления о принципах мирного урегулирования, состоявшего из 10 пунктов, согласованных Контактной группой, делегации продолжили работу. Все дополнения, на которых настаивала делегация СРЮ, касались лишь положений о сохранении территориальной целостности Сербии и Югославии. 23 февраля Контактная группа констатировала, что в переговорном процессе произошел прогресс, и выразила надежду, что в скором времени удастся договориться по всем вопросам политической части договора.

Однако весь текст предполагаемого соглашения сторонам предоставили лишь в день окончания переговоров. Оказалось, что 69% текста сербская делегация видела впервые. В частности, два приложения (№ 2 и 7) предварительно не рассматривались Контактной группой и основывались на предложениях отдельных ее членов об автоматическом вводе войск НАТО после подписания мирного соглашения и организации полицейских сил. В сопроводительном письме отмечалось, что «это окончательное предложение включает в себя положения, высказанные на встрече в Рамбуйе», подчеркивалось, что «Россия не присоединяется к приложениям 2 и 7» (представитель России посол Борис Майорский поставил свою подпись под документом с примечанием: «Кроме глав 2 и 7») и что ответ надо дать не позднее 13 часов того же дня⁹⁶.

По окончании первой фазы переговоров стороны ограничились политическими заявлениями. Югославская делегация отметила, что, несмотря на достигнутый в Рамбуйе прогресс, переговоры следует продолжить, четко определив элементы автономии Косово и подтвердив территориальную целостность Сербии и Югославии. В заявлении делегации косоваров подчеркивалось, что она подпишет договор, если через три года албанское население Косово сможет провести референдум о независимости. Представители США отвергли возможность про-

должения переговоров, уточнив, что предложенный текст должен быть подписан в первый день начала второго раунда. Фактически СРЮ получила ультиматум: в случае подписания югославской делегацией мирного соглашения на территорию края должны были быть введены войска НАТО, а в случае отказа от подписания на сербов возлагалась ответственность за провал переговоров, что предполагало наказание бомбовыми ударами.

Югославия резко осудила предъявленный ультиматум и выразила готовность подписать ранее согласованную политическую часть договора, настаивая на гарантиях целостности Сербии даже по истечении трехлетнего «переходного» периода. Только после этого СРЮ была согласна рассмотреть объем и характер международного присутствия в Косово для выполнения соглашения. Албанская делегация также не пошла ни на какие уступки, отказавшись подписать соглашение и разоружить армию, а также потребовала проведения референдума о независимости по окончании трехлетнего переходного периода и присутствия сил Североатлантического альянса на своей территории.

Второй раунд переговоров начался в Париже 15 марта 1999 г. Предложение югославской делегации о продолжении переговоров принято не было. Албанской делегации разрешили подписать договор в одностороннем порядке. Представитель России отказался удостоверить своей подписью этот документ, поскольку в Контактной группе не обсуждались военные приложения к нему. Фактически сорвав продолжение переговоров, США и НАТО начали готовиться к наказанию «виновника срыва переговоров». 24 марта НАТО обрушила на Югославию первые ракетно-бомбовые удары.

Воздушная акция НАТО длилась несколько недель и нанесла Югославии огромный ущерб. Только за первые две недели бомбежек было совершено свыше 1000 авианалетов. В них было задействовано 430 самолетов, в том числе 330 боевых, выпущено более 800 крылатых ракет и сброшено свыше 3000 т взрывчатки. Бомбовые удары, кроме военных объектов, пришлись на национальные парки и заповедники, которые находились под защитой ЮНЕСКО, а также на средневековые монастыри и святыни: частично или полностью разрушены 10 православных и католических церквей и монастырей, в Джаковице тяжело поврежден исторический памятник IV в. н. э. «Табачки мост», пострадали Петроварадинская крепость и многие другие объекты. В ряде городов были поражены центры для беженцев, больницы, водопроводы,

мосты, школы, частные дома, телефонные и другие коммуникации, автомагистрали, склады сырья для искусственных удобрений, фабрики. Уже через несколько дней после начала акции площадь нанесения бомбовых ударов была расширена на всю Югославию. Пострадали хозяйственные и гражданские объекты, центры для беженцев из Боснии и Хорватии, более 150 школьных зданий, ТЭЦ, мосты, железные дороги, больницы, телевизионные ретрансляторы, табачная фабрика, самый крупный автомобильный завод в стране «Застава», были разрушены шесть и повреждены восемь мостов, пять раз ракеты падали на железную дорогу. Уже за первые две недели бомбардировок 500 тыс. рабочих лишились работы. Наконец, бомбовые удары вызвали лавину беженцев из Косово, направившихся в Македонию, Албанию, Сербию и Черногорию, что уже превратилось в колоссальную проблему для стран Балканского региона.

Военный путь решения проблемы расширения автономии Косово, предложенный западными странами, оказался нерезультативным. Мировое сообщество вынуждено искать новые варианты урегулирования кризиса, самым эффективным из которых, на наш взгляд, является путь продолжения переговоров, каким бы долгим и многотрудным он ни был.

Кризис в Косово и политика России

На протяжении последних столетий российско-сербские и российско-югославские отношения пережили взлеты и падения, периоды охлаждения и сотрудничества. Кризис на территории Югославии в начале 90-х годов пришелся на конец длительного периода охлаждения и стагнации отношений между СССР и Югославией, когда балканское направление не входило в число приоритетов советской, а затем и российской внешней политики. В этих условиях в СССР и СФРЮ почти одновременно разразились национально-политические кризисы.

В последующие годы экономической изоляции и давления со стороны международных организаций Югославия искала поддержку среди европейских государств. Как это часто случалось в истории, руководство Сербии и Черногории обратилось к России как к возможному посреднику в переговорах с Западом. Реакция Москвы на эти предложения, носившая весьма прохладный характер, оставалась неизменной вплоть до 1996 г., хотя на протяжении этого периода можно про-

следить некоторые внутренние изменения внешнеполитического курса России на Балканах. Причинами такого постоянства были желание России получить экономическую и политическую поддержку Запада для проведения либеральных реформ, ее стремление избежать «югославского варианта» развития и занять место СССР в международных организациях, в том числе в Совете Безопасности ООН, а также политическая незрелость российского внешнеполитического руководства, строившего иллюзорные планы сближения «национальных интересов» России и США.

С начала 90-х годов внешняя политика России на балканском направлении прошла несколько этапов.

1. Период внешнеполитической неопределенности 1991—1992 гг., непосредственно после распада СССР (вплоть до февраля 1992 г. Москва руководствовалась принципом невмешательства во внутренние дела Югославии и необходимости сохранения единства СФРЮ).

После заключения в декабре 1991 г. Беловежских соглашений, зафиксировавших начало распада СССР, в условиях отсутствия общедоговорного механизма разработки и принятия внешнеполитических решений сфера внешней политики была фактически полностью монополизирована руководством МИД. Президент и его администрация практически не принимали участия в разработке тактики поведения России на Балканах, как, впрочем, и в других регионах (внешнеполитическая стратегия как таковая в тот период вообще отсутствовала). Поэтому на начальном этапе «югославского кризиса» основным разработчиком российского внешнеполитического курса был министр иностранных дел Андрей Козырев. При отсутствии научно обоснованной внешнеполитической концепции нового российского государства, политика на отдельных направлениях, в том числе и на балканском, часто формировалась спонтанно. Начало обострения «балканской проблемы» пришлось, таким образом, на период, когда в России преобладал антикоммунистический пафос, отрицались все элементы внешней политики предшествовавшего периода включая «сферы влияния», были отвергнуты все союзники бывшего СССР и официально объявлено об отсутствии внешнеполитических противников, а дипломатия новой России налаживала дружеские отношения с лидерами западных стран, стремясь ни в чем им не противоречить.

Как писал А. Козырев, российскими дипломатами в самом тесном контакте с их английскими и другими западными коллегами была раз-

работана «концепция нового государства — продолжателя СССР в ООН», в соответствии с которой России «удалось унаследовать статус, привилегии и одновременно ответственность одной из пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности». Чтобы оправдать «кредит доверия» Запада к новому руководству России, Москва, по мнению А. Козырева, должна была «перейти на другую, цивилизованную, демократическую сторону баррикад», заключив «подлинный союз с теми, кто стоит на страже международной законности». Таким образом, главной целью деятельности А. Козырева было, по его словам, введение России «в качестве великой державы в семью наиболее передовых демократических государств... в так называемое западное общество...»⁹⁷.

2. С февраля 1992 г. Москва резко изменила оценку событий в Югославии, признав факт распада федерации. На этом этапе балканская политика России, самоустранившейся от участия в урегулировании «югокризиса», носила крайне противоречивый и непоследовательный характер.

3. Период с 1993 по 1995 г. характеризовался попытками России включиться в формирующуюся систему европейской безопасности и в мировое сообщество в качестве равноправного демократического государства. В соответствии с этим курсом российская дипломатическая активность на Балканах осуществлялась в русле политики США и других западных держав. В таких обстоятельствах Россия выполняла роль последнего инструмента давления на сербскую сторону. Основной характеристикой этого периода была несамостоятельность внешней политики России, ее зависимость от западных держав, прежде всего от США. К концу 1995 г. Россия перестала быть фактором, влияющим на ход событий в этом регионе.

4. Период с начала 1996 г. характеризовался разочарованием России в идее быстрой интеграции в «западный мир» и систему европейской безопасности. Наряду с другими факторами, повлиявшими на изменение российской внешнеполитической концепции, не последнюю роль сыграли и первые итоги балканского кризиса, которые уже были очевидны к началу 1996 г. Среди набравших силу негативных тенденций в деятельности «мирового сообщества» во главе с западными странами, особенно ярко проявившихся на постюгославском пространстве, было закрепление в международных отношениях «права и закона силы», признание международными организациями административ-

ных границ многонационального государства как межгосударственных по просьбе субъектов федерации без согласия на то центра; изменение сути миротворческой концепции ООН, переход к применению силы для наказания непослушной или несговорчивой стороны конфликта, возможность участия войск НАТО в миротворческих операциях.

С назначением в начале 1996 г. Евгения Примакова министром иностранных дел стали вырисовываться новые параметры внешней политики России. Столкнувшись с последствиями деятельности своего предшественника, Е. Примаков уже в марте 1996 г. заявил о необходимости «активизировать политику по всем азимутам» с целью создания наиболее благоприятных условий для сохранения целостности России, противостояния тем негативным тенденциям, которые проистекают из главенствующей роли одной сверхдержавы при переходе от двухполюсного мира к многополюсному, и активного участия в ликвидации международных конфликтов⁹⁸.

В августе 1996 г. Е. Примаков впервые заговорил о приоритете национальных интересов России перед всеми другими внешнеполитическими соображениями. Он подчеркивал, что необходимо «отстаивать национальные интересы России, идя даже на разногласия, предположим, с США, — но в рамках партнерства, не сползая к конфронтации». Министр выразил недовольство складывающейся системой главенства одной державы в системе международных отношений, подчеркнув, что «двухполюсный мир ранее соперничавших двух сверхдержав и блоков должен эволюционировать не к однополюсному под командой США, а к многополюсному, где у России больше маневра для защиты национальных интересов»⁹⁹. Эти тезисы отражали поиск новых ориентиров во внешней политике России, но Балканы пока не занимали в ней определенного места.

С упрочением позиций Е. Примакова его внешнеполитическая концепция становилась более рельефной. Основные положения этой концепции он сформулировал 28 апреля 1998 г. в докладе на научной конференции «Юбилейные Горчаковские чтения», определив ее как «рациональный прагматизм». По его мнению, России по плечу активная внешняя политика с многовекторной направленностью. Вместо маневрирования между великими державами и создания коалиций России, по мнению Е. Примакова, следует налаживать конструктивные партнерские отношения со всеми образующимися мировыми полюсами. При этом Россия должна строить свои отношения с США, имеющие

для нее большое значение, на взаимовыгодной основе, «вспахивая поля совпадающих интересов». Е. Примаков неоднократно подчеркивал необходимость сохранения «накопленных за всю историю России позитивных ценностей и традиций, в том числе и в имперский, и в советский периоды»¹⁰⁰. В качестве важнейшего ориентира внешней политики России он рассматривал укрепление территориальной целостности страны.

Участие России в Контактной группе и в процессе реализации Дейтонских мирных соглашений по Боснии, а также нестабильность и новые очаги конфликтов на Балканах обусловили повышение значения балканского направления российской внешней политики. Свою роль здесь сыграли и другие внешнеполитические соображения и задачи: поиск стран, которые могли бы сохранить военный нейтралитет в условиях всеобщего стремления в НАТО, определение места России в складывающейся системе европейской и мировой безопасности и т. д. По уровню экономического развития и проблемам переходного периода Россия ближе к странам балканского региона, чем к развитым странам Европы. Участие в процессе мирного урегулирования на Балканах и степень влияния Москвы на процесс принятия международных решений, затрагивающих этот регион, стали важным показателем места и роли России в системе международных отношений. Е. Примаков также связывал активную роль России на Балканах со способностью мирового сообщества преодолеть новые угрозы международной безопасности и «не допустить превращения Косово в одну из наиболее опасных горячих точек на земном шаре»¹⁰¹.

В ходе дискуссий по косовскому вопросу российская дипломатия первоначально чувствовала себя несколько неуверенно в уже сложившейся системе взаимоотношений среди западных партнеров. На ее позицию влияли условности и «традиции» Контактной группы, а также стереотипы поведения США и НАТО на Балканах и восприятия ими участников конфликта. Однако постепенно Россия стала, образно говоря, не только «подавать реплики», но и «выступать с монологами» в рамках Контактной группы, впервые высказав особое мнение по ряду вопросов. Параллельно этому политика России на Балканах приобретала более четкие очертания, чему во многом способствовало развитие ситуации в самом Косово.

В апреле 1998 г. Е. Примаков выразил позицию России уже более определенно, выступив против попыток отделения Косово от Сербии

и размещения в крае «иностранных войск под чьим бы то ни было флагом». Он подчеркнул, что особое мнение России по косовскому вопросу сложилось в немалой степени под влиянием анализа планов и деятельности НАТО в регионе и в Европе в целом. Высказав опасения по поводу создания прецедента применения Североатлантическим альянсом военной силы без соответствующего мандата со стороны Совета Безопасности ООН, Е. Примаков решительно выступил против любого военного вмешательства в косовский конфликт.

В целом суть перемен в позиции России по урегулированию в Косово, произошедших в связи с более глубинными изменениями российской внешнеполитической линии, связанными с деятельностью Е. Примакова в качестве министра иностранных дел (1996—1998 гг.), а затем главы правительства России (сентябрь 1998 — май 1999 г.), можно было бы обозначить следующим образом.

Во-первых, смягчились требования демонстрации Россией обязательного единства в рядах постоянных членов Совета Безопасности ООН и Контактной группы по бывшей Югославии в ущерб объективности российской позиции, как это было, например, в 1994 г., когда заместитель руководителя российской делегации на 49-й сессии Комиссии ООН по правам человека В. Бахмин отмечал, что ряд принятых сессией резолюций недостаточно сбалансирован и носит заведомо антисербский характер. Тогда российская делегация, критикуя отдельные положения соответствующих резолюций, «решила не нарушать консенсус, учитывая сложность югославского кризиса»¹⁰². Теперь же позиция России в Совете Безопасности должна была, по словам Е. Примакова, «зависеть от адекватности предлагаемых мер той ситуации, которая будет существовать на тот момент»¹⁰³. Во-вторых, российская дипломатия стала все чаще руководствоваться экспертными оценками в ходе анализа событий и подготовки решений. В-третьих, Россия начала выдвигать самостоятельные дипломатические инициативы (не только в отношении конфликта в Косово, но и по поводу очередного обострения кризиса вокруг Ирака в феврале — марте и декабре 1998 г., американских бомбардировок территории Афганистана и Судана в августе того же года и т. д. В-четвертых, Россия выступила категорически против применения военной силы НАТО в этнополитических конфликтах без одобрения Совета Безопасности ООН. В-пятых, Россия активизировала усилия по укреплению роли ООН и ОБСЕ в системе европейской и международной безопасности. Наконец, Россия в принци-

пе отвергла «равнение на США как на единственный полюс влияния в мире» в качестве основы своей внешней политики, в том числе и на Балканах¹⁰⁴.

Наметившиеся изменения во внешней политике России предстояло продолжить и закрепить новому министру иностранных дел Игорю Иванову, назначение которого на эту должность в сентябре 1998 г. совпало с новым обострением ситуации в Косово. Продолжив курс на сохранение территориальной целостности Югославии, И. Иванов высказался категорически против применения силы для решения косовской проблемы. В октябре 1998 г. четкая и последовательная политическая линия Москвы сыграла немалую роль в предотвращении военного вмешательства НАТО на территории Югославии. Помешав нанесению спланированных воздушных ударов, Россия неожиданно для Запада в условиях тяжелейшего экономического кризиса нарушила естественный ритм систематического и беспрепятственного выполнения Североатлантическим альянсом своих планов. Фактически Россия впервые сыграла роль частичного контрбаланса негативных тенденций в системе международных отношений, отведенную ей Е. Примаковым.

В ходе переговоров по урегулированию косовского конфликта в Рамбуйе предстояло проверить на практике выдвинутый И. Ивановым 26 января 1999 г. на встрече с госсекретарем США М. Олбрайт тезис о том, что «рыночная экономика не означает, что внешняя политика должна быть рыночной» и что «Россия не торгует своими национальными интересами». В целом оценить позицию России в отношении урегулирования косовской проблемы трудно в силу ее противоречивого характера. С одной стороны, Россия поддерживала применение разнообразных «мер воздействия» на Югославию за исключением военной силы, отклонила просьбу Югославии рассмотреть в Совете Безопасности вопрос об осуждении угроз НАТО нанести воздушные удары по территории СРЮ и не возражала против максимального расширения статуса автономии для Косово «с выходом на федеративный уровень», что неизбежно приближало Косово к созданию независимой республики. С другой стороны, И. Иванов последовательно выступал против вооруженного вмешательства НАТО в югославские дела без санкции Совета Безопасности и поддержал позицию Белграда, согласившегося рассматривать только политическую часть мирного соглашения, предложенного Контактной группой участникам конфликта. Параллельно в декабре 1998 г. Россия и Югославия подписали прото-

колы о военно-техническом и научно-техническом сотрудничестве в области обороны.

* * *

В 1997—1998 гг. в структурах российской власти впервые наметилось широкое совпадение интересов по вопросам урегулирования кризиса на территории Югославии. В октябре 1998 г. Государственная дума провела слушания на тему «Угрозы европейской безопасности в связи с расширением НАТО (на примере событий на Балканах)», по итогам которых депутаты признали «непосредственную (без участия ООН) деятельность НАТО по урегулированию конфликтов в Боснии и Албании разновидностью недопустимого вмешательства во внутренние дела суверенных государств или вооруженной агрессией». Продолжая выступать против использования оружия в косовском конфликте, российская дипломатия, проявляя максимум выдержки, настаивает на его решении мирными политическими средствами. Россия решительно осудила военную операцию НАТО против СРЮ как агрессию против суверенного государства и выступила инициатором поиска дипломатического и политического урегулирования этой сложной проблемы.

В целом с начала 90-х годов внешняя политика России прошла сложный путь — от полного бездействия к сосредоточению и активному отстаиванию национальных интересов, в том числе и на Балканах. Опыт демократического обсуждения проблем, упор на диалог и переговоры вместо военного давления и бряцанья оружием, ставшие неотъемлемыми чертами российской дипломатии, дают миру положительный пример решения национальных конфликтов, а России — надежду на сохранение территориальной целостности и неповторение югославского варианта на своей территории.

Примечания

¹ Балканы между прошлым и будущим. — М.: ИМЭПИ — Горбачев-Фонд, 1995. — 222 с.; *Валев Э. Б.* Югославский клубок // География. — 1996. — № 5, 7, 9, 13, 15, 19; *Волков В. К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. — 1994. — № 4. — С. 3—32; *Гуськова Е. Ю.* Урегулирование на Балканах: От Бриони до Дейтона (мирные планы 1991—1995). — М.: ИНИОН, 1998. — 68 с.; *Она же.* Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии (хроника событий). — М.: ИНИОН, 1998. — 156 с.; *Князев В. К.* Трагическая судьба Югославии предупреждает // Федерализм. — 1996. —

Косово: международные аспекты кризиса

№ 3. — С. 139—154; Куликова Н., Милованов В. Балканский кризис и Дейтонское соглашение // Правила игры. — 1996. — № 1. — С. 100—126; Лециловская И. И. Исторические корни югославского конфликта // Вопр. истории. — 1994. — № 5. — С. 40—56; Мартынова М. Ю. Балканский кризис: Народы и политика / Ин-т этнологии и антропологии РАН. — М., 1998. — 465 с.; Мартынова М. Ю., Кошуба М. С. Новая этнополитическая карта Балкан. — М., 1995; Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). — М.: Инслав, 1994. — 328 с.; Россия на Балканах. — М., 1996. — 106 с. — (Моск. Центр Карнеги; Вып. 8).

² Ганин М. В. Югославский конфликт и роль ЕС в его урегулировании: Автореф. дис... канд. полит. наук. — М., 1994; Лукашенко Е. А. Распад Югославии, его уроки и международные последствия (политологический анализ): Автореф. дис... канд. полит. наук. — М., 1997; Мартынова М. Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: Автореф. дис... д-ра ист. наук. — М., 1996; Пономарева Е. Г. Распад югославской модели федерализма: Автореф. дис... канд. полит. наук. — М., 1995.

³ Терзич С. Историческая подоплека событий в Косово и Метохии // Обозреватель. — 1998. — № 10. — С. 37, 38.

⁴ Албанское название края — «Косова» (женского рода).

⁵ Ляука И. Эволюция проблемы Косовы и ее современное состояние: Автореф. дис... канд. полит. наук. — М., 1994. — С. 7.

⁶ Валеv Э. Б. Югославский клубок // География. — 1996. — № 13. — С. 4.

⁷ Documents diplomatiques: Correspondance concernant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille-Sérbie (Vilayet de Kossovo) 1898—1899. — Belgrade, 1899. — S. 16.

⁸ Терзич С. Указ. соч. — С. 40.

⁹ Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. — Т. 2: 1949—1953. — Москва; Новосибирск: Сибир. хронограф, 1998. — С. 206.

¹⁰ Цит. по: Терзич С. Указ. соч. — С. 40.

¹¹ Там же.

¹² Письмо Э. Ходжи... — С. 207.

¹³ Джилас М. Лицо тоталитаризма. — М.: Новости, 1992. — С. 96.

¹⁴ Българија непризнатијат противник на Третија Рајх. — София: Министерството на одбраната, 1995. — С. 169.

¹⁵ Письмо Э. Ходжи... — С. 211.

¹⁶ Восточная Европа в документах российских архивов 1944—1953. — Москва; Новосибирск: Сибир. хронограф, 1997. — Т. 1: 1944—1948. — С. 477.

¹⁷ Avratov S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. — Veternik: LDI, 1997. — S. 123.

¹⁸ Велика Албанија: замисли и могуће последице. — Београд: Инст. за геополит. студије, 1998. — С. 35.

¹⁹ *Глигоријевић Б.* Југословенски национализам и комунизам (большевизам) као де-зинтеграциони фактори // Европа и Срби. — Београд: Историјски инст. САНУ, 1996. — С. 506.

^{19a} Декларација о провозглашењу ФНРЈУ била је пријета Учредитељном скупштином 29 новембра 1945 г. — *Примеч. ред.*

²⁰ *Валеџ Е. Б.* Указ. соч. — С. 2. Ср.: Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Grafički prikaz statistike stanovništva. — Београд, 1988. — С. 32, 155.

²¹ *Целетовић Иванов П.* Ко су и шта хоће Шиптари. — Београд: Богавац, 1998. — С. 186.

²² В данном случају назив националности. Термин «мусулмане» за одређење етничке припадности употребљавајући од пописа становништва 1961 г. За разумевање терминологије представљамо пример. У анкетама писали: «националност — мусулманин, вероисповедание — атеист».

²³ Автономни крај Косова и Метохија: Факти. — Белград: Сојуз. секретаријат по информ., 1998. — С. 6.

²⁴ Писмо Е. Ходжи... — С. 209.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. — С. 212.

²⁷ После сербов, хрватова и мусулмана.

²⁸ Подручје об овом см.: *Bulatović Lj.* Prizrenski proces. — Нови Сад, 1987. — 230 с.

²⁹ Шиптар — албанец (серб.).

³⁰ *Bulatović Lj.* Оп. цит. — С. 129.

³¹ *Јевтић Атанасије, јеромонах.* Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. — Приштина: Јединство, 1990. — С. 44.

³² *Агани Ф.* [Интервју] // Интервју. — 1996. — 19 јан. — Бр. 374. — С. 23.

³³ *Bulatović Lj.* Оп. цит. — С. 158—159.

³⁴ *Ляука И.* Указ. соч. — С. 17; *Џосја Р.* Gandijevski put udaljava od cilja // Monitor. — 1994. — 2 септ. — С. 14; *Агани Ф.* [Интервју]. — С. 23.

³⁵ *Херлевић Ф.* Нећемо дозволити да Титово и наше дело ико угрожава // Борба. — 1981. — 13 мај. — С. 6.

³⁶ *Миљковски М.* Профил средњег албанског терориста // Србија. — 1994. — Окт. — № 12. — С. 4.

³⁷ *Хисени Х.* [Интервју] // Интервју. — 1994. — 5 авг. — Бр. 341. — С. 26.

³⁸ *Агани Ф.* [Интервју]. — С. 23.

³⁹ *Хисени Х.* [Интервју]. — С. 30.

⁴⁰ *Игић Ж.* Косово и Метохија (1981—1991): Увод у југословенску кризу. Дневник. — Приштина, 1996. — Књ. 1. — С. 316.

⁴¹ *Вакарић В.* Stabilizacija instrument društvenih odnosa za budućnost // Vijesnik. — 1982. — 1/3 јан. — С. 2.

⁴² Шеснаеста седница Централног комитета СКЈ: Косово одређује будућност СФРЈ // Комунист. — 1988. — 5 авг. — Г. 46. — Бр. 1633. — С. 6.

⁴³ *Ляука И.* Указ. соч. — С. 23.

⁴⁴ *Agani F.* [Intervju]. — С. 23.

⁴⁵ *Ćosja R.* Оп. cit. — С. 14.

⁴⁶ *Šuvar S.* Svi naši nacionalizmi. — Valjevo, 1986. — С. 219—220, 224.

⁴⁷ *Ćosja R.* Gandijevski put... — С. 12.

⁴⁸ *Bilandžić D.* Historija Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. — Zagreb: Školska knjiga, 1979. — С. 264.

⁴⁹ Автономный край Косово и Метохия... — С. 22—23.

⁵⁰ *Пашић Н.* Косово између страха и наде // НИИ. — 1996. — 16 авг. — Бр. 2381. — С. 55—56.

⁵¹ Most Radija Slobodna Evropa: Inicijativa o specijalnom statusu Kosova // Naša borba. — 1997. — 13/14 dec. — С. IV/V.

⁵² До 1952 г. — Коммунистическая партия Югославии (КПЮ). КПЮ была создана в 1919 г.

⁵³ *Janić D.* Prilog raspravi o uzročima i oblicima ispoljavanja nacionalizma u SRS // Savez komunista u borbi protiv antisocijalističkih delovanja i antikomunističkih ideologija. — Beograd, 1986. — С. 100—103.

⁵⁴ Jugoslavija na kriznoj prekretnici. — Beograd: Inst. društ. nauka, 1991. — С. 157.

⁵⁵ Шеснаеста седница Централног комитета СКЈ... — С. 6.

⁵⁶ ИТАР-ТАСС. Служебный вестник информации из социалистических стран. Серия «СО». — 1982. — 28 мая. — С. 19.

⁵⁷ Эта помощь, как пишет в своем исследовании М. Маркович, составляла в 80-е годы 1,5 млн долл. ежедневно. *Marković M.* Problem Kosova // Srpsko pitanje. — Beograd: Politika, 1991. — С. 214.

⁵⁸ Социалистическая Федеративная Республика Югославия. — М.: Наука, 1985. — С. 170.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Автономный край Косово и Метохия... — С. 30.

⁶¹ ТАНЈУГ — пола века. — Београд: ТАНЈУГ, 1993. — С. 234.

⁶² Jugoslovenski program o Kosovu // Jugosl. pregled. — 1987. — Г. 31. — Вр. 11/12. — С. 494—504.

⁶³ Jugoslavija na kriznoj prekretnici... — С. 158.

⁶⁴ *Антонић С.* Влада Слободана Милошевића. Покушај типолошког одређења // Српска полит. мисао. — 1995. — № 1. — С. 97.

⁶⁵ *Iudvard S.* Balkanska tragedija: Haos i raspad posle hladnog rata. — Beograd: Filip Višnić, 1997. — С. 104.

- ⁶⁶ Документација ООН. А/51/665; S/1996/931. — Р. 11.
- ⁶⁷ *Радовановић Ј.* Факултет у гаражи, пракса у Истамбулу // *Наша борба*. — 1995. — 24 нов. — С. 12; Школство на Космету // *НИН*. — 1994. — 30 септ. — Бр. 2283. — С. 26.
- ⁶⁸ *Ѕаронја-Њадџић М.* Човек с европском шалом // *Наша борба*. — 1994. — 13/14 дец. — С. VII.
- ⁶⁹ *Будџовић Ј.* [Интервју] // *Борба*. — 1994. — 17 авг. — С. 14.
- ⁷⁰ Од изборних ритуала до слободних избора. — Београд: Инст. друштв. наука, 1991. — С. 295—298.
- ⁷¹ *Ковачевић С., Дајић П.* Хронологија југословенске кризе 1942—1993. — Београд: IES, 1994. — С. 71.
- ⁷² Документација ООН. А/51/665; S/1996/931. — Р. 12.
- ⁷³ Документи. Репесија над албанцима на Косову // *Наша борба*. — 1994. — 24 дец. — С. 7.
- ⁷⁴ *Малућу Ш.* Време Ругове // *НИН*. — 1994. — 12 авг. — Бр. 2276. — С. 24.
- ⁷⁵ *Ѕаронја-Њадџић М.* Човек с европском шалом... — С. VII.
- ⁷⁶ British, French and Portuguese Delegation. Report of the visit. — (Manuscript).
- ⁷⁷ Ибрахим Ругова поводом Њолбрукове изјаве и наводној Милошевићевој «понуди» // *Борба*. — 1994. — 10 мај. — С. 12—13.
- ⁷⁸ *Вариактаревић Р.* Тругао са два тупа угла // *Борба*. — 1994. — 25/26 јун. — С. IX.
- ⁷⁹ *Барјактаревић П.* Судар двеју конфедерација // *Борба*. — 1994. — 28 септ. — С. 14.
- ⁸⁰ Документација ООН. А/51/665; S/1996/931. — Р. 13.
- ⁸¹ *Власи А.* Нојев рефлекс српске власти // *Наша борба*. — 1997. — 13/14 дец. — С. II/III.
- ⁸² Ibid.
- ⁸³ *Симеуновић Д.* Распрострањена појава // *Војска*. — 1998. — 7/14 мај. — Бр. 23. — С. 10; *Мијалковски М.* Насилје терориста неће проћи // *Там же*. — С. 20—21.
- ⁸⁴ *Џосић Д.* Говор са седнице СК СК Србије // *Недељни телеграф*. — 1998. — 1 апр. — С. 28, 31.
- ⁸⁵ *Крстић В.* Два права — иста територија // *Борба*. — 1994. — 22 септ. — С. 11 (подробнее см.: *Крстић В.* Косово између историјског и етничког права. — Београд: Кућа Вид, 1994. — *Примеч. ред.*).
- ⁸⁶ *Тошић Д.* [Интервју] // *Интервју*. — 1994. — 5 авг. — Бр. 341. — С. 25.
- ⁸⁷ *Аганић Ф.* [Интервју] // *Време*. — 1994. — 16 мај. — а 186. — С. .22.
- ⁸⁸ *Џосја Р.* Гандијевски пут... — С. 14.
- ⁸⁹ *Јовић М.* Решење са дводомном скупштином // *Наша борба*. — 1997. — 17 јун. — С. 8.
- ⁹⁰ *Булajiћ Ј.* Швајцарски рецепт за Косово и Метохију // *Блиц*. — 1999. — 8 март. — С. 3.
- ⁹¹ Most Radija Slobodna Evropa... — С. IV/V.
- ⁹² Там же.

Косово: международные аспекты кризиса

⁹³ Резолюция Скупштина Црне Горе о Косову и Метохији // Победа. [Подгорица]. — 1998. — 1 окт. — С. 1.

⁹⁴ S/RES/1203 (1998), 24 oct. 1998.

⁹⁵ *Хлестов О. Н.* Если по Югославии нанесут удар // Независимая газ. — 1998. — 24 окт.

⁹⁶ Izveštaj delegacije vlade Republike Srbije o razgovorima vođenim na sastancima u Rambujeu i Parizu radi utvrđivanja sporazuma o suštinskoj samoupravi na Kosovu i Metohiji // Politika. — 1999. — 24 mart. — S. 1.

⁹⁷ *Козырев А. В.* «Преображение или кафкианская метаморфоза»: демократическая внешняя политика России и ее приоритеты // Независимая газ. — 1992. — 20 авг.

⁹⁸ *Примаков Е.* [Интервью] // Известия. — 1996. — 6 марта.

⁹⁹ *Примаков Е.* [Интервью] // Известия. — 1996. — 9 авг.

¹⁰⁰ *Примаков Е. М.* Россия в мировой политике // Канцлер А. М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. — М.: МИД РФ, 1998. — С. 15.

¹⁰¹ Там же. — С. 14.

¹⁰² Вестник ИТАР-ТАСС. — М., 1993. — 26 февраля.

¹⁰³ *Примаков Е. М.* [Интервью] // Независимая газ. — 1994. — 30 мая.

¹⁰⁴ *Пушков А.* Кому нужно избавиться от Примакова // Независимая газ. — 1994. — 20 мая.

Конфликт в Косово как часть «албанского вопроса»

Нина СМЕРНОВА

Исторический контекст

Историческая область Косово, большая часть которой вошла в состав Автономной области Косово и Метохия и, согласно Конституции ФНРЮ, принятой 31 января 1946 г., стала частью Народной Республики Сербии¹, привлекает пристальное внимание международной общественности в течение последних десяти лет. В средствах массовой информации драматическое развитие событий в этом крае характеризуется и как межэтнический конфликт, и как столкновение идей Великой Албании и Великой Сербии, и как религиозное противостояние мусульман и православных, и как проявление сепаратизма, поощряемого Вашингтоном, Бонном и даже Ватиканом (несмотря на то, что папа Иоанн Павел II и скончавшаяся в 1997 г. настоятельница католического Ордена милосердия мать Тереза, албанка по происхождению, неустанно призывали к прекращению кровопролития на Балканах). Все эти интерпретации содержания конфликта имеют один изъян — они практически не принимают во внимание албанскую сторону, не учитывают интересы и мнения самого албанского населения Косово (косоваров), их взгляды на происходящее. А ведь речь идет о судьбе двухмиллионного народа, второго по численности в современной Югославии. Истоки косовского конфликта уходят вглубь веков и коренятся в истории борьбы албанского народа за независимость против иноземных захватчиков.

Вместе с тем выработка рекомендаций по преодолению кризиса невозможна без знания и понимания того, как народы, жившие в течение многих веков на относительно небольшой по площади территории Косово, боровшиеся против общих врагов в средние века и в но-

вое время, оказались настолько разведенными по разные стороны баррикад, что уже вряд ли смогут мирно сосуществовать в ближайшем будущем. Ясно, что ни сербская, ни албанская стороны не сомневаются в невозможности и ненужности восстановления status quo ante bellum.

Обратимся к давно документально доказанным фактам о совместном проживании в этой части Балканского полуострова славян и албанцев в средние века (что отрицается современными сербскими политиками). Так, в битве на Косовом Поле в 1389 г. в коалицию балканских феодалов во главе с сербским князем Лазарем, выступившую против турецкого нашествия, входили, кроме сербских, ополчения боснийских, венгерских, влашских (румынских) и двух албанских феодалов — Георгия Бальши и Димитра Йонимы. Их владениям угрожали османы, и князья пытались их остановить. О Косовской битве существует обширная научная литература. Связанные с ней героические и трагические события нашли отражение также в устном творчестве балканских народов. Наиболее известен сербский эпос. Однако еще в 20-е годы XX в. сербские исследователи обнаружили, что в фольклоре косовских албанцев утвердилось представление, что главным героем битвы, проникшим в стан врагов и убившим султана Мурада, был албанец Милош Копилич². Можно привести свидетельства того, что косовские албанцы боролись вместе с сербами против турок во время австро-турецких войн 1689—1690 и 1737—1739 гг. в составе вооруженных сил империи Габсбургов³.

В XIX в. в обстановке общего подъема антитурецкого движения порабощенных народов Балкан началась борьба албанского народа за автономию. В 1847 г. была образована недолго просуществовавшая Албанская национальная лига, впервые выдвинувшая требование объединения территорий, населенных албанцами, и создания автономного государства⁴. В Османской империи сложилась практика формирования административных единиц независимо от этнического состава населения. Так было удобнее пресекать в зародыше национальные движения. Поэтому албанцы оказались рассредоточенными по четырем вилайетам — Скутарийскому (Шкодринскому), Косовскому, Манастирскому (Битольскому) и Янинскому. Занимавшее в этой системе ключевые позиции Косово дважды на протяжении последней четверти XIX в. становилось центром освободительного албанского движения. Видный российский дипломат того времени М. Хитрово уже тогда выделил главную тенденцию, отметив в служебной записке в рос-

сийское министерство иностранных дел в октябре 1879 г., что в Косово «происходит теперь громадное социальное движение в смысле национального возрождения». Вместе с военным министром графом Д. Милутиным он отстаивал идею автономии края⁵. Приоритет в изучении Лиги Призрена (1878—1881 гг.) — первого общенационального объединения, руководившего борьбой албанцев, принадлежит рано ушедшей из жизни советской исследовательнице Ирине Сенкевич⁶. Она первой в мировой историографии создала прекрасно документированную монографию по материалам главным образом российских и австрийских архивов. История Лиги Пейи (1899 г.) менее известна и нашла отражение по преимуществу в трудах косовских историков⁷.

В начале XX в. очаги вооруженного сопротивления вспыхивали по всей территории Балкан, еще находившейся под турецким владычеством. В 1910 г. во время общеалбанского восстания Косово вновь сыграло роль объединителя для албанцев Северной Албании, а также современных Черногории и Македонии. Но возобладавшие местнические настроения региональных вождей свели на нет многолетнюю борьбу партизанских чет (отрядов). Провозглашение независимости Албании состоялось на юге страны 28 ноября 1912 г. в городе-порте Влёра. Никем не признанное новое государство не имело даже приблизительно обозначенных границ. Его спонтанное появление на карте Европы в разгар дипломатических интриг и военных действий на Балканах осталось мало кем замеченным, кроме самих албанцев. Только по окончании Балканских войн в 1913 г., когда «великие державы» стали в очередной раз перекраивать карту Балкан, добавив в общий котел турецкое наследство, Албания официально получила независимость, статус нейтрального княжества и границы, за пределами которых осталось значительное по численности албанское население.

Вопрос о воссоединении албанских земель всегда составлял одно из важнейших направлений внутренней политики Албании. В албанском парламенте 20-х годов заседали депутаты от Косово, а Ахмет Зогу при восшествии на престол в сентябре 1928 г. провозгласил себя «королем всех албанцев».

Косово впервые вошло в состав Сербии в 1913 г., а после первой мировой войны и образования Югославии — в состав последней. И сразу на ее территории появился нелегальный ирредентистский Косовский комитет, поставивший своей целью подготовку условий для воссоединения с Албанией и получавший моральную и материальную

поддержку как от фашистской Италии, так и от Коминтерна (по линии Балканской секции).

Поддержка прав Косово на самоопределение вплоть до отделения входила в программу югославской компартии. Политика насильственной сербизации Македонии и населенной в большинстве своем албанцами области Косово и Метохия, проводившаяся Белградом, породила движение комитаджиев — отрядов вооруженных крестьян. Население оказывало им всестороннюю помощь. «Их защищают все местные жители — крестьяне, ремесленники, интеллигенция, — писала правительственная газета «Политика» в марте 1923 г. — Их защищают и им сочувствуют местные священники, учителя, судьи, даже местные полицейские и другие чиновники, словом, все те, кто не любит нашу власть и кто открыто или тайно борется против нее»⁸.

После 1935 г. Коммунистическая партия Югославии стала выступать за целостность Югославии, выдвинув лозунг автономии Косово и Метохии. Созданный в 1940 г. Областной комитет КПЮ для Косово и Метохии подчинялся непосредственно ЦК наряду с партийными организациями Словении, Хорватии и Македонии. После начала второй мировой войны, в декабрьском номере коммунистического журнала «Пролетер» за 1942 г. в статье о национальном вопросе в Югославии И. Тито увязал его с освободительной борьбой и поставил проблемы Косово в один ряд с черногорскими, хорватскими, македонскими и т. п.

После краха королевской Югославии почти вся территория Косово и небольшая часть Македонии вошли в оккупационную зону Италии и управлялись итальянским наместником из Тираны. Промышленный район Трепча немецкие оккупанты взяли под свою юрисдикцию, сохранив ее даже тогда, когда осенью 1943 г. Берлин, под лозунгом «дарования» албанцам свободы и «освобождения» их от власти Италии, заявил о создании «Великой Албании». По всей вероятности, такие спекуляции на объединении албанцев в одном государстве привели к тому, что антифашистское движение в Косово стало развиваться позже, чем в соседней Македонии, где албанские районы попали в болгарскую оккупационную зону. Именно там 14 октября 1941 г. погиб албанец из Куманова Байрам Шабани, ставший первым Народным героем Югославии.

Албанские коммунисты отрицали фашистский вариант объединения всех албанцев в одном государстве. Такой же позиции придерживались и националисты, включившиеся в антифашистскую борьбу про-

тив итальянских оккупантов намного раньше коммунистов. Однако и те, и другие подразумевали под национально-освободительной борьбой противостояние не только итало-немецкой оккупации, но и гнету великосербских шовинистов. Различие состояло в том, что коммунисты скрывали свои ирредентистские чаяния за интернационалистскими лозунгами, а националисты открыто провозглашали, что борются за «единую этническую Албанию». Поэтому созданная в конце 1942 г. националистическая организация «Балы комбтар» («Национальный фронт») смогла привлечь на свою сторону широкие слои населения. Летом 1943 г. на переговорах с делегацией прокоммунистического Национально-освободительного фронта члены «Балы комбтар» (балысты) навязали свою концепцию организации власти, и только вмешательство югославских инструкторов при ЦК албанской компартии предотвратило, как тогда говорили, «сползание на националистические позиции»⁹.

Коммунисты тем не менее не могли игнорировать настроения масс и по своим каналам ставили соответствующие вопросы перед руководством КПЮ¹⁰. Так, в июле 1943 г. ЦК Коммунистической партии Албании предложил переподчинить партийную организацию Косово и местные партизанские отряды албанскому партийному руководству. Этот демарш не увенчался успехом: югославские коммунисты признавали, что освободительное движение в албанских районах Югославии могло значительно выиграть, если бы им руководили из Албании, но, как отмечал в письме к И. Тито С. Вукманович-Темпо¹¹, «в этом случае мы повредили бы себе в глазах сербского народа»¹². Ситуация, сложившаяся в связи с освобождением албанскими партизанами г. Дебара и поднятием там албанского флага, вызвала бурную полемику между И. Тито и Э. Ходжей. Причем последний оправдывал действия албанцев тем, что если бы они, взяв город, установили там македонскую власть, то «даже народ нас бы не понял, ибо он и без того считает нас продавшимися славянам»¹³. Только обещание И. Тито провести после окончания войны плебисцит в албанских районах Югославии приостановило дальнейшее обсуждение «албанского вопроса».

С 31 декабря 1943 г. по 2 января 1944 г. в высокогорной деревне Буян, расположенной в пограничной зоне нынешнего албанского округа Тропойя, а в годы войны служившей прибежищем для косовских партизан, состоялась конференция, на которой было зафиксировано создание Национально-освободительного совета Косово и Плато Дукагь-

ин¹⁴. Председателем руководящего комитета избрали М. Ходжу, его заместителями — П. Йовичевича и Р. Беришу. Членами совета, состоявшего из 42 человек, стали в основном албанцы. Шесть депутатов представляли сербскую и черногорскую общины. Резолюция конференции содержала все обычные для того времени положения, подчеркивала значение антифашистской борьбы народов Югославии, призывала популяризировать «братство народов Балкан, англо-советско-американский блок и Красную армию, ведомую маршалом Сталиным». Однако в одном абзаце этого документа подчеркивалось: «Косово и Плато Дукагын являются регионом, большинство населения которого составляют албанцы, желающие объединения с Албанией, что было их всегдашним чаянием... Единственным путем для албанского народа Косово и Плато Дукагын по достижению объединения с Албанией является совместная с другими народами Югославии борьба против кровавого нацистского оккупанта и его продажных прислужников, потому что это единственный путь завоевания свободы, что позволит всем народам включая и албанский определить свою судьбу и реализовать свое право на самоопределение вплоть до отделения»¹⁵.

Руководство КПЮ оказалось в весьма сложной ситуации. С одной стороны, признание принципа самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельного государства входило в набор постулатов, которых формально придерживались все компартии, а с другой — постановка такого вопроса в практической плоскости обнаруживала полную его абсурдность. Ни одна компартия, стремящаяся к завоеванию власти и реально на нее претендующая, не стала бы нарушать целостность страны. Об этом свидетельствовала история компартий всех стран Восточной Европы, стремившихся сохранить ряд завоеваний «буржуазных» правительств. Руководство КПЮ также предпочитало хранить молчание о том, что произошло в Буяне, ибо одно упоминание о том, что косовары требуют самоопределения, могло нанести ущерб антифашистскому движению в Сербии и сыграть на руку четникам Д. Михайловича, утверждавшим, что коммунисты продолжают разваливать Югославию.

В июне 1944 г., когда на острове Вис состоялось подписание известного соглашения Тито — Шубашича¹⁶ и там собралась вся верхушка компартии, обсуждение косовского вопроса вызвало живую дискуссию. Главные теоретики партии Э. Кардель и М. Пияде сошлись во мнении, что проблема Косово может быть решена «путем создания федератив-

ных связей Югославии с Албанией»¹⁷. Известно, что популярные в 1944—1947 гг. проекты «Балканской федерации» не исключали участия в ней не только Болгарии и Югославии, но также Албании и даже Греции. Другой вариант решения проблемы, основанный на необходимости изменения этнического состава Косово, выдвигал профессор Васо Чубрилович, обратившийся в ноябре 1944 г. к И. Тито, М. Джиласу и А. Ранковичу с памятной запиской «Проблема меньшинств в новой Югославии». В ней он перечислил тех, кого надо было выселить с занимаемых ими территорий из соображений стратегического характера. Упомянув о немцах и венграх, он основное внимание уделил албанцам. «Косово и Метохия всегда занимали ключевые позиции на Балканах, — писал В. Чубрилович. — Расположенные в Центральной части Балкан, эти районы отделяют Черногорию от Сербии, а их обеих — от Македонии. Эти земли Федеративной Югославии не установят надежных связей между собой до тех пор, пока они не обретут общую этническую границу»¹⁸.

Во время первого официального партийно-государственного визита в Белград в июне 1946 г. Э. Ходжа поднял вопрос о Косово. Первоначально предполагалось выступить с совместной декларацией по Косово или в какой-то форме затронуть вопрос о будущей судьбе края в албано-югославском договоре о дружбе и взаимной помощи. Однако И. Тито отказался это сделать, заявив, что «эта область, населенная в подавляющем большинстве своим албанцами, несомненно будет присоединена в свое время к Албании, но что это возможно лишь тогда, когда и Албания, и Югославия будут государствами социалистическими». Он подчеркнул, что в тогдашней международной обстановке это было бы преждевременным, а внутри страны привело бы к ослаблению позиций югославского правительства, особенно в Сербии¹⁹.

В последующие полтора года ориентация на тесный албано-югославский союз вплоть до включения Албании в состав Югославии в качестве седьмой республики смягчала остроту косовского вопроса. На рубеже 1947—1948 гг. интеграционные процессы вступили в стадию практического осуществления: шли переговоры о составлении привязанного к югославской экономике албанского пятилетнего плана, о создании объединенного военного командования, о формировании общего бюджета, о таможенном союзе, об общей валюте и т. д. Развивавшийся полным ходом конфликт между И. Сталиным и И. Тито побудил Белград согласиться на отказ от Косово — с тем, чтобы удержать в

своей орбите Албанию. Представитель КПЮ при ЦК компартии Албании С. Златич намекнул тиранскому руководству в марте 1948 г. на возможный приезд в Тирану самого И. Тито, имевший целью «передачу» Косово Албании. «По моему мнению, хотя я могу ошибаться, — делился своими соображениями с Э. Ходжей С. Златич, — стоит заняться косовским вопросом. Пришло время собрать воедино албанский народ»²⁰.

После разрыва советско-югославских отношений в связи с попытками И. Сталина «расшатать» внутреннюю обстановку в Югославии и даже ликвидировать И. Тито физически Э. Ходжа обратился в 1949 г. с письмом в ЦК ВКП(б) «О Косово и Метохии», в котором высказывались соображения о необходимости поддержки албанского населения Косово, Метохии, Македонии, Черногории в его борьбе против «фашистской банды Тито». В Албании намечалось создание Комитета освобождения Косово, и Э. Ходжа предложил организовать антититовское восстание косовских албанцев, конечной целью которого явилось бы воссоединение с Албанией. В Кремле с этим не согласились. Из Москвы поступила рекомендация «не проявлять особой торопливости», ибо лозунг отторжения Косово и Метохии от Югославии не найдет поддержки у югославских народов, а вопрос о судьбе албанского меньшинства «может быть успешно решен только после свержения диктатуры югославских националистов»²¹.

С того времени и до наших дней вопрос о воссоединении Косово с Албанией в практической плоскости не ставился. В первые годы после разрыва с СССР югославское руководство заняло жесткую линию в отношении всех сторонников Коминформа. Репрессивные меры против «своих» албанцев оправдывался в том числе и тем, что они тайно сочувствовали позиции, занятой группой Э. Ходжи, который безоговорочно поддержал обе резолюции Коминформа — как относительно мягкую 1948 г., так и разгромную 1949 г., объявлявшую Югославию «фашистским государством». Карикатуры, изображавшие И. Тито и А. Ранковича с топорами, с которых стекала кровь косовских албанцев, появлялись и в Югославии. Только после нормализации межгосударственных советско-югославских отношений и ослабления полицейского режима в стране началось движение косоваров за расширение автономных прав, а затем и за республику.

Этнолингвистические и демографические проблемы

Этнодемографические особенности ситуации в Косово стали предметом масштабных политических спекуляций. В прежней и нынешней Югославии Косово было и продолжает оставаться одним из самых слаборазвитых регионов, особенно в промышленном отношении. Даже богатейшие в Югославии месторождения полезных ископаемых не используются в полной мере. Вместе с тем в Косово сосредоточено 58% запасов угля, 52% свинцово-цинковых руд, 100% висмута, 50% железо-никелевых руд бывшей Югославии, там велась добыча редких и цветных металлов, ртути, а также неметаллических минералов (магнезита, асбеста и др.)²², которые вывозились из края в сыром виде или после первичной переработки. Рабочую силу составляли албанцы, администрацию, а после 1991 г. и инженерно-технический персонал — исключительно сербы. Свинцово-цинковый комбинат в Трепче и железо-никелевый в Плоговаце представляют такую ценность для югославской экономики в целом, что, как отмечал сербский бизнесмен и радикальный политик, организатор этнических чисток в Восточной Славонии Ж. Разнатович («Аркан»), они останутся в сербских руках даже в том случае, если произойдет раздел провинции между Сербией и Албанией²³.

Послевоенная ориентация на ускоренное индустриальное развитие Югославии мало затронула Косово. Приток албанского населения в города не только Косово, но и Югославии в целом был относительно невелик. Он направлялся в основном в сферу обслуживания, в коммунальный сектор. Перенаселенные сельские районы продолжали ориентироваться на традиционные формы ведения хозяйства. Его натуральный характер не способствовал продвижению крестьянской продукции на широкий общегославский рынок. Край сохранял замкнутость, обусловленную экономическими и этнокультурными особенностями.

Албанцы, горожане и сельские жители, так или иначе контактировавшие со славянским населением, свободно овладевали сербскохорватским языком, ибо он был языком межнационального общения. Но если даже этот по сути дела единый язык в 80-е годы после длительных отнюдь не лингвистических споров был разделен на сербский и хорватский языки, то негативные тенденции во взаимоотношениях носителей неродственных языков в период обострения центробежных яв-

лений в национальных республиках усиливались отчужденностью между славянами и албанцами, существовавшей на бытовом уровне. Законодательно закрепленное двуязычие в крае, просуществовавшее до 1989 г., предоставляло равные права обеим общинам. Но в повседневной жизни общепринятой нормой стало ведение делопроизводства на сербскохорватском языке на основе латинской графики²⁴ (для славян гегский (северный) диалект албанского языка, на котором говорят косовары, довольно труден). Надо признать, что такое положение не приводило к конфликтам: две параллельно развивающиеся общины, каждая со своим языком, культурой, вековыми традициями, своими школами и магазинами, мирно сосуществовали. Однако постепенное увеличение диспропорции между численностью албанского и славянского населения фактически привело к превращению края в мононациональный (в настоящее время около 90% населения Косово составляют албанцы, и 10% приходится на долю всех остальных национальностей), а рассуждения на тему демографии стали предметом политических спекуляций.

Официальная югославская пропаганда всегда ссылалась на «исторические» права сербов на территорию Косово, которая якобы лишь впоследствии подверглась заселению неизвестно откуда пришедшими албанцами, для которых была характерна высокая рождаемость. Таким образом, у славян («законных» жителей) на бытовом уровне складывалось отношение к их албанским соседям как к «незаконным» пришельцам, людям «второго сорта».

Демографическая ситуация в Косово действительно является сложной. Но без понимания того, как она складывалась после создания многонационального югославского государства в 1918 г., невозможно найти пути выхода из нынешнего кризиса.

По данным переписи населения 1924 г. (национальность определялась по языку матери), на территории Югославии проживало 441 740 албанцев (из них 280 440 — в Косово). Они составляли 2,2% населения всей Югославии и 64% населения Косово²⁵ (причем в самой Албании тогда насчитывалось всего 830 тыс. жителей).

После первой мировой войны Италия стала проводить активную экспансионистскую политику на Балканах. Крупное славянское государство — Югославия — рассматривалось ею в качестве «врага номер один». Стремление фашистской Италии превратить Албанию в свой плацдарм наталкивалось на противодействие югославского правитель-

ства. Косово и населенные албанцами территории Македонии считались важнейшим стратегическим районом, входящим в систему обеспечения безопасности югославского государства. В рамках создания «полосы безопасности» вдоль границы с Албанией Белградом была разработана программа изменения этнического состава района за счет переселения сербов и черногорцев и поощрения албанской эмиграции.

Законы о колонизации южных районов Югославии от 24 сентября 1920 г. и 11 июня 1931 г. гарантировали переселенцам предоставление до 50 га земли, бесплатный переезд к месту поселения, право пользования общественными лесами и пастбищами, освобождение в течение трех лет от налогов. Земельный фонд формировался за счет государственной и церковной собственности, заброшенных частных поместий и владений албанцев, которые экспроприировали под предлогом отсутствия у хозяев прав на владение землей. В результате двух волн колонизации 1922—1929 и 1933—1938 гг. около 11 тыс. сербских и черногорских семей заняли более 120 тыс. га земли. Глава аграрной комиссии Дж. Кристич, ответственный за колонизацию Косово, с удовлетворением отмечал, что в некоторых районах на севере края этнический состав изменился, и славянские поселения появились там, где в 1913 г. не было ни одного серба²⁶.

Объявлению колонизации успешной мешал возникший между местным албанским населением и «пришельцами» антагонизм. Выражали недовольство и местные сербы, не имевшие привилегий и преимуществ новых сербских поселенцев. Часть изгнанных со своих земель косоваров согласились принять албанское подданство (так, в 1930 г. около 2 тыс. семей получили наделы на государственных землях, располагавшихся в болотистых местностях центральной Албании)²⁷. Другие же переселялись в Турцию или просто уходили в горы, возрождая движение качаков — крестьянской вольницы времен османского господства. Общее число вынужденных переселенцев неизвестно. Официальные югославские источники приводили следующие цифры: за период с 1927 по 1939 г. 19 279 человек эмигрировали в Турцию, 4 322 — в Албанию. Британская исследовательница М. Викерс считает эту цифру заниженной по сравнению с 30 тыс. сербов, хорватов и словенцев, ежегодно уезжавших за океан по экономическим причинам²⁸.

Королевское правительство не отказалось от попыток изменить этнический состав Косово и в конце 30-годов. Теоретическое обоснование и практические шаги по решению проблемы содержались

в докладе В. Чубриловича «Выселение арнаутов», прочитанном в Сербском культурном клубе в Белграде 7 марта 1937 г.²⁹ Известный историк и общественный деятель, В. Чубрилович анализировал проблему колонизации южных районов, критикуя действия правительства в предшествовавший период. Рассматривая внутренние аспекты этой проблемы, он предлагал конкретные методы ее реализации, рассчитывая стоимость выселения 200 тыс. албанцев и размещения в крае славянских (по преимуществу черногорских) колонистов. В. Чубрилович считал, что привычные к тяжелому крестьянскому труду черногорцы легче уживутся с албанцами, чем сербы. В заключении доклада он привел данные статистики за 1921—1931 гг., свидетельствующие, по его словам, о том, что «плодовитость албанской женщины нанесла поражение нашей колонизаторской политике... мы должны как можно скорее извлечь из этого выводы и сделать коррективы, пока еще есть время».

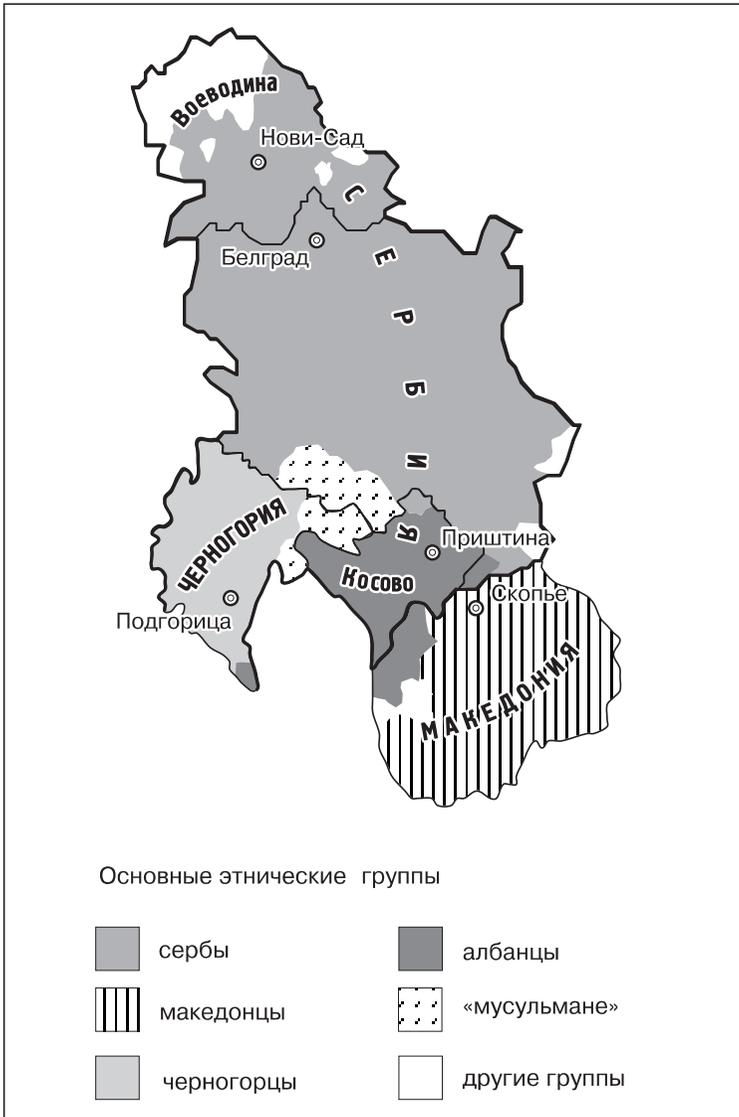
Однако на это у югославского государства не оказалось ни времени, ни денег. В июне 1938 г. после сложных переговоров Белграду удалось заключить конвенцию с турецким правительством о переселении в Турцию 40 тыс. семей югославских (косовских) албанцев-мусульман и турок в течение семи лет (с 1939 по 1944 гг.)³⁰. Не ратифицированная конвенция так и осталась на бумаге, а албанская проблема продолжала вызывать головную боль у белградских властей. В начале 1939 г. итальянский министр иностранных дел Г. Чиано, готовясь к оккупации Албании, предложил принцу-регенту Павлу участвовать в разделе страны. Тот отказался, заявив: «Мы имеем столько албанцев в пределах нашего государства и столько от них неприятностей, что у нас нет ни малейшего желания увеличивать их число»³¹. По обе стороны от 114-километровой албано-югославской границы оказалось албанское население, одинаково враждебно настроенное по отношению к «группе Тито». В связи с этим перед югославским руководством вновь встала необходимость «обеспечения спокойствия и порядка» в Косово. В новой Югославии оказались востребованными идеи В. Чубриловича о необходимости изменения этнического состава населения путем депортаций и поощрения выезда албанцев в Турцию, изложенные им в упомянутом докладе в ноябре 1944 г. Однако все эти меры не дали результатов: с 1948 г. вплоть до 90-х годов происходило постепенное абсолютное и относительное увеличение численности албанского населения в Косово за счет естественного прироста.

Все исследователи, изучающие демографические процессы в Югославии, опираются на официальные результаты переписи населения 1981 г. как на наиболее достоверные³². Они, в частности, отмечали значительный перевес албанского населения над сербским (см. таблицу).

**Этнический состав населения Автономного края Косово
(по данным переписи 1981 г.)**

Год	Всего	Албанцы	Сербы
1948:			
человек	733 820	498 242	171 914
%	100,0	68,5	23,6
1953:			
человек	808 141	524 559	189 869
%	100,0	64,9	23,5
1961:			
человек	963 988	646 605	22 716
%	100,0	67,2	23,6
1971:			
человек	1 234 693	916 167	228 261
%	100,0	73,7	18,4
1981:			
человек	1 588 441	1 226 736	209 498
%	100,0	77,2	13,2

Примечание. В таблице не приведены данные по прочим национальностям, доля которых на порядок ниже, чем у двух основных.

Преобладающий этнический состав населения Сербии, Черногории и Македонии (по данным на 1991 г.)

По переписи населения 1991 г., которую косовские албанцы бойкотировали, что несколько снижает степень достоверности цифр, из общей численности 1 954 747 жителей Косово албанцев насчитывалось 1 607 690 (82,2%), а сербов — 195 301 (10%). Причем в целом за период с 1948 по 1991 г. численность албанцев в крае выросла в 3,2 раза, главным образом за счет высокого уровня рождаемости и снижения смертности. В 1988 г. каждый третий житель Югославии был рожден в этом крае³³. Поэтому приводившееся до начала военных действий в 1998 г. в российских СМИ соотношение между численностью албанцев и других национальных групп в Косово как 9 : 1 при всей условности имеет право на существование, ибо оно отражает устоявшуюся в течение многих лет тенденцию к гомогенизации населения в этническом отношении.

Статистические данные свидетельствуют, что только в период 1948—1961 гг. происходило *относительное* снижение доли албанцев в общей численности населения Косово при продолжавшемся увеличении их числа в *абсолютных* цифрах. При этом доля сербов сохранялась неизменной при некотором росте абсолютных цифр. В тот период правительство Турции согласилось принять на постоянное жительство некоторое количество мусульман-турок из Югославии, и тогда менять национальность стали не только албанцы, но и все те, кого «кооперативный социализм» И. Тито не устраивал по политическим и экономическим причинам. В итоге из 259 535 кандидатов на выезд в 1953 г. только 181 887 человек (70,1%) в анкетах указали турецкий в качестве родного языка³⁴.

Печально известная Служба государственной безопасности во главе с А. Ранковичем производила массовые репрессии против албанцев, уличенных (или подозревавшихся) в противозаконном хранении оружия и в подготовке восстания с целью воссоединения с Албанией. Брионский пленум ЦК СКЮ 1966 г. остановил выселение в Турцию и констатировал, что в 50-е годы Косово действительно захлестнула волна преследования албанского населения³⁵. Методы А. Ранковича осудили. Начался процесс осознания албанцами своих прав, было продекларировано их равноправие с сербами и черногорцами и... начался исход сербов. Уезжали замешанные в злоупотреблениях чиновники из полицейских органов и государственного аппарата, не сумевшие прижиться колонисты и те, кто лишился привилегий. В результате естественного оттока сельского населения в города славяне предпочитали

обосновываться в родственных по духу и более развитых по уровню жизни славянских городах федерации. Тогда около 40% сербских переселенцев осели в окрестностях Белграда. На их места в Косово приезжали албанцы из Македонии, Южной Сербии, Черногории³⁶.

В 1971 г. статистика зафиксировала двойной (по сравнению с 1948 г.) рост албанского населения и самую большую по сравнению с предыдущими периодами численность сербского и черногорского населения (соответственно 228 261 и 31 555 человек). Поэтому, несмотря на то, что в последующие два десятилетия экономическая эмиграция косоваров (главным образом в ФРГ) превышала славянскую, процентное соотношение изменялось в пользу первых. За то же время официальная югославская статистика зафиксировала уменьшение численности сербов на 33 тыс. В целом же по экс-Югославии сокращение доли сербов во всех республиках (кроме Словении) стало отмечаться с 1961 г.³⁷

Сложность современного демографического положения в Косово прослеживается на таком показателе, как плотность населения. С 1921 по 1981 г. она выросла с 40,3 до 145,5 человека на 1 кв. км. Для сравнения можно привести данные по Боснии и Герцеговине, второй после Косово территориальной единице бывшей Югославии, отличающейся высоким приростом населения. За тот же период плотность населения там увеличилась с 37,5 до 80,7 человек на 1 кв. км³⁸. Что касается более поздних сведений, то в докладе косовских экспертов на международной конференции по народонаселению 1996 г. приведены данные о плотности населения в 192 человека на кв. км³⁹.

Уникальная по сложности демографическая ситуация не учитывается при разработке долгосрочных планов урегулирования косовского кризиса. Представляется, что федеральные власти готовы повторить эксперименты по изменению этнического состава края, проводившиеся в 1920, 1931, 1937 гг. и в послевоенные годы. Доказательством служит переселение в Косово в 1996 г. сербских беженцев из Хорватии и организация в 1998—1999 гг. своеобразной «дороги в одном направлении», когда бежавшим за пределы края албанцам перекрывался путь назад.

Диаспора. Косово, как, впрочем, и другие территории Балкан, населенные албанцами, стало источником масштабной эмиграции. Многочисленная албанская диаспора, в настоящее время насчитывающая, по приблизительным данным, от 7 до 10 млн человек, начала создаваться с XV—XVI вв. после захвата Балкан турками.

До весны 1999 г. в Югославии проживало около 2 млн албанцев, большая часть которых сосредоточена в Косово. Небольшой анклав — около 40 тыс. человек — находился на юге Черногории. Непосредственно к границам Албании примыкают районы расселения албанцев в бывшей республике Югославии — Македонии. Их численность составляла около 500 тыс. человек, т. е. приблизительно треть всего населения республики⁴⁰.

В соседней Греции наряду с экономическими эмигрантами, прибывшими из Албании после 1990 г., существуют поселения албанцев (с XV—XVI вв. и даже ранее) вокруг Афин и в Эгейской Македонии. Эти «исторические» мигранты сохранили этническое средневековое самоназвание — арбреши. Тогда же, спасаясь от турецкого нашествия, албанцы бежали в Италию (на Сицилию и в Калабрию). Они, подобно арбрешам Греции, интегрировались в общественно-политическую жизнь страны, но не ассимилировались полностью, сохранив свой язык и культуру. Итальянские арбреши участвовали в освободительных походах Джузеппе Гарибальди, а его ближайший соратник арбреш Франческо Криспи стал первым премьер-министром объединенной Италии. Симптоматично, что во время массового исхода из Албании летом 1990 г. именно арбрешские районы юга Италии послужили прибежищем для албанских беженцев.

Обширная албанская диаспора с центром в Бостоне образовалась в США в конце XIX в. У нее своя автокефальная православная церковь, созданная с благословения и при поддержке Русской зарубежной церкви. Издаются двуязычные газеты. В наши дни, во время боснийского и косовского кризисов, албанская диаспора в США старалась влиять на политику Вашингтона в сторону более активного вмешательства в конфликт. Из других стран, в которых проживает значительное число албанцев, можно отметить Турцию, Египет, государства Латинской Америки, Австралию. В 70—80-е годы неблагоприятная экономическая конъюнктура в Югославии и в частности в Косово вызвала отток албанской рабочей силы в развитие страны Европы. В настоящее время только в Германии находится около 350 тыс. гастарбайтеров из Косово. Нестабильность в крае не только препятствует их возвращению на родину, но и создает постоянную опасность увеличения их числа.

Изменение статуса Косово в составе Югославии после 1989 г.

За послевоенный период статус Косово претерпел следующие изменения: в 1946—1963 гг. — Автономная область Косово и Метохия (Космет) в составе Сербии, в 1963—1974 гг. — Автономный край Косово, в 1974—1989 гг. — Автономный край Косово в составе Сербии и паритетная часть федерации, наконец, с 1990 г. по настоящее время — Автономный край Косово и Метохия в составе Республики Сербия.

После 1966 г. федеральное правительство стало уделять больше внимания урегулированию статуса этнических меньшинств и выравниванию их прав с титульными этносами республик. Демонстрируя перелом в национальной политике, И. Тито в 1967 г. совершил визит в Косово, проехав на знаменитом «голубом поезде» через главные города края. Ослабление полицейского режима позволило косоварам усилить движение за расширение автономии, что вылилось в октябре — ноябре 1968 г. в демонстрации под лозунгами «Косово — республика!» и «Долой сербский колониализм!». При разгоне молодежного митинга в Приштине произошли столкновения с полицией, и один из студентов был убит. В ответ по всему городу прокатилась волна насилия. Для прекращения беспорядков в город вошли армейские подразделения и несколько танков⁴¹. Позже, в декабре 1968 г., лозунги албанской республики в составе Югославии поддержали демонстранты в Западной Македонии (при условии присоединения последней к Косово).

Конституционные поправки 1967—1971 гг. поощряли регионализм в югославской политической жизни и постепенно расширяли автономные права Косово и Воеводины. Радикальная реформа федерации была проведена в результате принятия Конституции СФРЮ в 1974 г. Республики получили возможность принимать самостоятельные решения по важнейшим вопросам экономического и социального характера. Косово и Воеводина уравнивались в правах с остальными республиками при сохранении прежнего автономного статуса. Конституция в целом ослабляла позиции центра, усилив самостоятельность республик. Однако албанцы не получили формального изменения статуса и продолжали время от времени выходить на улицы с лозунгом «Косово — республика!». Оживление дискуссий вокруг «национального вопроса» происходило повсеместно. Так, в Сербии недовольство республиканских властей вызвал сам факт признания за автономными краями Ко-

сово и Воеводина равных с нею прав, в то время как в Хорватии, где сербы составляли 14,7% населения и могли претендовать на особый статус, подобный албанскому в Сербии, их права специально не оговаривались. Исподволь создавалось представление о дискриминации сербов в других союзных республиках, что имело большое значение для выдвижения С. Милошевича в конце 80-х годов на роль защитника интересов сербского народа.

Обязательность применения принципа двуязычия при приеме на государственную службу создавала трудности для славянского населения, лишь немногие представители которого знали албанский язык. Стали строго соблюдаться паритетность и система национальных квот. В результате четыре пятых всех постов в государственных структурах стали занимать албанцы. Как писал известный югославский политолог П. Симич, началась албанизация общественной жизни Косово⁴². Можно спорить о точности определения, данного начавшемуся процессу, но то, что Конституция 1974 г. стимулировала суверенизацию всех (кроме Сербии) национальных республик Югославии и Автономного края Косово, является непреложным фактом. На примере Югославии прослеживаются все те линии развития, которые впоследствии проявились и при распаде СССР. И так же, как и на всем постсоветском пространстве, этнолингвистические проблемы стали неотъемлемой частью острейшей политической борьбы⁴³.

Федеральное руководство отвергало саму мысль о возможности появления седьмой албанской республики под тем предлогом, что следующим шагом может стать ее отделение и воссоединение с Албанией. Обманутые левацкими, часто откровенно террористическими идеями, имевшими хождение в Европе, некоторые косовары бежали из «полицейского государства» Югославии в «свободную социалистическую» Албанию. Но их ждало глубокое разочарование в виде тюремного заключения (например, брат Б. Букоши, отсидев пять лет в Югославии за свою политическую деятельность, смог эмигрировать в Албанию, где был осужден уже на десять лет за шпионаж). Это не мешало некоторым наиболее радикально настроенным националистам мечтать о воссоединении с Албанией. Так, в феврале 1976 г. А. Демачи, отбывший к тому времени два срока за националистическую пропаганду, был приговорен к 15 годам заключения по обвинению в создании «Национально-освободительного движения Косово», преследовавшего цель воссоединения с Албанией.

Движение за придание Косово статуса республики решительно пресекалось сербскими властями. Наибольшего накала конфронтация в крае достигла после смерти И. Тито, вылившись весной 1981 г. в массовые студенческие волнения. Формальным поводом стало выступление 11 марта 1981 г. группы студентов Приштинского университета с жалобами на плохие условия жизни в общежитии и некачественное питание в столовой. В то время в университете насчитывалось 36 тыс. студентов-очников и 18 тыс. заочников. Албанское руководство края сознательно шло на обучение такого количества студентов, считая, что лучше держать молодежь в аудиториях в качестве студентов, чем на улице безработными. Вместе с тем учебные и жилые корпуса могли принять без ущерба для качества обучения и уровня жизни от силы треть этого количества. Вместо того, чтобы предъявить претензии руководству университета и вместе с ним наметить меры по устранению этого действительно ненормального положения, студенты окунулись в митинговую стихию. Они нашли сочувствие у уличной толпы, но были разогнаны.

Следующее выступление произошло 26 марта, но на этот раз студенты выдвинули среди прочих и лозунг провозглашения Косово республикой. Их поддержали рабочие, крестьяне и, как выяснилось впоследствии, некоторые руководящие работники СКЮ края, солдаты и полицейские. Начались массовые беспорядки, в ходе которых пострадали в первую очередь сербские и черногорские торговцы и ремесленники. В разгоне манифестаций участвовали подразделения ЮНА. Не обошлось без жертв, точное количество которых неизвестно (по данным официальных источников, погибло 11 человек, по сведениям организации «Международная амнистия» — 300, албанской общины — 1000 человек). Сведения о событиях в крае замалчивались, и только 29 сентября 1981 г. о них более или менее подробно рассказал в интервью агентству «Танюг» министр внутренних дел Сербии С. Доланц. Он подчеркнул, что «...албанские ирредентисты обнаружили свое истинное лицо.... Они не говорят больше о республике, а провозглашают “Да здравствует Энвер Ходжа!”». Это не что иное, как покушение на целостность югославского государства. Вот почему мы называем это контрреволюцией»⁴⁴.

Напряженная ситуация в крае сохранялась до середины мая 1981 г., когда было предотвращено новое студенческое выступление и закрыт университет. В печати началась критика местных властей, которые допустили создание неконтролируемого положения в системе образова-

ния. Ежегодный выпуск 8—10 тыс. специалистов, из которых только 20% имели техническую подготовку, а остальные были филологами, историками, лингвистами, способствовал увеличению армии безработных, если они оставались в крае, а не эмигрировали, пополняя армию югославских гастарбайтеров. Для специалистов, получивших исследовательские или преподавательские должности, существовала льготная процедура получения ученых степеней. Прекратились и без того нерегулярные прямые культурные связи с Албанией. Активизировавшиеся с начала 70-х годов торгово-экономические отношения между двумя странами вновь перешли на федеральный уровень. Критике подверглась хозяйственная политика администрации края, которая использовала довольно значительные отчисления из созданного еще в 1965 г. федерального Фонда по кредитованию ускоренного развития слабо-развитых республик и автономных краев не на экономическое развитие Косово, а на строительство престижных объектов.

Во второй половине 80-х годов борьба косовских албанцев за республиканский статус для Косово развивалась на фоне общего стремления региональных элит (кроме сербской) к обретению максимальной самостоятельности в рамках федерации. Сербы в силу своего исторически сложившегося (начиная с 1918 г.) численного преобладания в Югославии не желали мириться с тем, что они могут оказаться на положении национального меньшинства в «чужом» государстве. И тем более в «своей» автономной провинции Косово. Для шедшего к вершинам власти в республике С. Милошевича стало естественной потребностью использовать это противопоставление сербов албанцам, которое переросло в противостояние, для завоевания симпатий сербов в Косово. Прошедшая с триумфом поездка в край 27 апреля 1987 г. создала ему авторитет защитника интересов сербов не только в Косово, но и за пределами Сербии. Именно это обстоятельство помогло ему утвердиться на посту председателя президиума ЦК Союза коммунистов Сербии, а затем и президента республики. Победа жесткой линии имела еще одно немаловажное последствие: она означала поворот к конфронтации не только с албанцами Косово, но также с Хорватией и Словенией⁴⁵.

Еще в феврале 1987 г. Президиум СФРЮ обнародовал проект поправок к Конституции федерации, детализированных в поправках Президиума Социалистической Республики Сербии, которые ставили целью внести рациональные изменения в структуру федерации, но на деле

не только лишали Косово и Воеводину права считаться ее паритетными частями, но и существенно урезали их автономный статус. В Воеводине к грядущим изменениям отнеслись довольно спокойно, особенно после смещения осенью 1988 г. партийной верхушки. В Косово дискуссия относительно поправок вызвала волнения в обществе, а попытки отрешить от власти двух оппозиционных республиканским властям албанских лидеров привели к протесту шахтеров, совершивших 70-километровый марш-бросок из Митровицы в Приштину в ноябре 1988 г. Через три месяца около тысячи шахтеров промышленного комплекса Трепча объявили голодовку, требуя увольнения из административных и партийных органов функционеров, считавшихся ставленниками сербских властей.

Последующий ход событий известен. Пытаясь предотвратить принятие поправок, 215 представителей творческой интеллигенции обратились 21 февраля 1989 г. с призывом к законодательным органам центра и республик, к общественному мнению Югославии не допустить ущемления прав автономий⁴⁶. Тем не менее 23 февраля 1989 г. скупщина Сербии приняла поправки к Конституции. Через месяц, после продолжительных споров и манипуляций с составом и численностью косовской скупщины, с ними вынуждены были согласиться косовские законодатели. 27 марта на улицы Приштины, Печа, Подуево, Митровица вышли демонстранты, протестуя против этого решения. Частично ЮНА и МВД Сербии разогнали манифестантов, многие из которых получили ранения, а 27 человек было убито. Подтверждая ориентацию на жесткий курс, С. Милошевич выступил в Косово-Поле 28 июня 1989 г. Он признал, что одной из причин поражения сербов в известной битве на Косовом Поле в 1389 г. явились внутренние разногласия и призвал к укреплению единства сербского народа. «Сегодня, как и шесть веков тому назад, — заявил С. Милошевич, — мы боремся... Пока это не военные сражения, хотя и их нельзя исключать». В ответ началось невооруженное сопротивление косовских албанцев, возглавленное литератором И. Руговой.

Лидер косовских албанцев И. Ругова родился 2 декабря 1944 г. в небольшой деревушке Церце, расположенной в горном массиве Ругова недалеко от границ с Албанией и Черногорией в зажиточной крестьянской семье. Ему не исполнилось и полугода, когда его дед и отец были расстреляны по подозрению в сотрудничестве с албанской националистической организацией «Балы комбтар». Он окончил факультет

албанского языка и литературы университета в Приштине, в 1976—1977 г. стажировался в Высшей школе социальных исследований в Париже, где, как он признавался, «заразился демократией». В 1984 г. И. Ругова защитил диссертацию по истории албанской литературной критики и с головой ушел в политику. «Настало время не писать, — говорил он, — а работать на то, чтобы обеспечить условия для творческого процесса в будущем»⁴⁷. Несмотря на то, что решение заняться политикой И. Ругова принял после кровавых событий 1981 г., его приверженность мирным методам сохранилась до наших дней. Он убежден, что «политика — это война без оружия, а обращение к оружию означает конец политики»⁴⁸.

Необходимость придать национальному движению организованный характер привело к объединению в декабре 1989 г. нескольких партий, наиболее крупными из которых были Крестьянская, Социал-демократическая, Парламентарная и Христианско-демократическая, в Демократическую лигу Косово, во главе которой встал И. Ругова. Отказавшись от требования республики, ДЛК выступила за широкую автономию, проведение свободных выборов и переход к рыночной экономике. И. Ругова надеялся на успех прямых переговоров с сербами и призывал своих соратников избегать инцидентов, которые могли бы спровоцировать С. Милошевича на проведение этнических чисток⁴⁹.

Тем временем 22 марта 1990 г. сербская скупщина одобрила программу развития Косово. Во имя главной цели — мирного сосуществования этнических групп, главной угрозой которому являлся якобы албанский сепаратизм, предусматривалось принятие «специфических мер для обеспечения законности и порядка, мира, свободы, равенства, территориальной целостности Сербии». Провозглашая равноправие для всех косовских граждан, программа предусматривала право возвращаться на прежнее (довоенное) местожительство только для сербов и черногорцев. На эти нужды предполагалось выделение особых сумм, но денег не было, и в этой части программа не была осуществлена. Однако ее дополнила серия подзаконных актов, которые определили механизм перевода административно-хозяйственной системы края в федеральное подчинение. В итоге функции законодательной, исполнительной, административной и юридической властей впредь стали осуществляться республиканскими органами. Произошло частичное перераспределение собственности путем передачи краевых объектов в республиканскую собственность.

Но основной удар был нанесен по системе образования, науки, культуры и средствам массовой информации под тем предлогом, что с них надо было снять «печать национальной ограниченности». Язык, культура и история албанского народа, которая до того преподавалась и изучалась в Косово, подлежали фактическому запрету, ибо их развитие способствовало укреплению национального самосознания⁵⁰.

Ущемление прав албанцев в Косово вызвало серию ответных действий со стороны руководства ДЛК, которое приступило к формированию параллельных административных органов. 2 июля 1991 г. собрание албанских депутатов косовского парламента приняло решение провозгласить Косово «независимой и равноправной республикой в составе федерации (конфедерации)», а также дезавуировало решение 23 марта 1989 г. о согласии с конституционными поправками. Через несколько дней Народное собрание Албании признало независимость Косово в усеченной формулировке (без слов, выделенных курсивом)⁵¹.

5 июля 1991 г. сербские власти издали указ о роспуске косовского правительства и парламента, после чего на территории Косово было введено прямое правление Белграда. Начались массовые увольнения служащих-албанцев, из коллегиального президиума федерации вывели албанских представителей, закрылись учебные заведения всех уровней (от школ до университета), преподавание в которых велось на албанском языке, была ликвидирована Академия наук, прекращены передачи на албанском языке по радио и телевидению, запрещено издание и распространение выходившей с февраля 1945 г. самой старой газеты на албанском языке «Рилиндья» («Возрождение»). Из периодических изданий продолжала выходить только газета «Буйку» («Крестьянин»).

На гонения против албанского языка и культуры албанцы ответили созданием параллельной системы образования на родном языке, а на изгнание из государственных учреждений — формированием параллельной системы власти. 26—30 сентября 1991 г. состоялся полулегальный референдум о независимости. Согласно сообщению избирательной комиссии, в нем участвовало 87% избирателей. Из них 99,87% высказались за провозглашение Косово независимой и суверенной республикой с правом стать субъектом содружества суверенных государств в новой Югославии. 19 октября было сформировано временное коалиционное правительство Республики Косово во главе с доктором медицины Б. Букоши, признанное Народным собранием Албании⁵².

В политической декларации, принятой по итогам событий Координационным советом албанских политических партий в Югославии, предусматривались следующие три варианта разрешения албанского вопроса в будущем:

если не будут меняться внутренние межреспубликанские и внешние границы Югославии, то Республика Косово войдет в союз суверенных республик Югославии как независимое и суверенное государство; таким образом, албанский народ останется в ареале Македонии, Сербии и Черногории и будет пользоваться всеми соответствующими его статусу правами;

если внешние границы останутся прежними, а изменения коснутся границ республики, то главным требованием момента станет создание Албанской республики в составе Югославии на основе этнического принципа, как это имеет место у сербов, хорватов, словенцев и других народов;

если не сохранятся и внешние границы Югославии, то албанский народ Югославии может решить вопрос о воссоединении с Албанией путем плебисцита⁵³.

Декларация повисла в воздухе и пока никем не была востребована. Боснийский кризис показал, что в наше время все попытки реализации объединительных и разъединительных проектов с позиции силы и большой кровью обречены на провал. Это не значит, что горячие головы в Косово и Албании, слушая призывы боснийских сербов объединиться с Сербией в одном государстве, не мечтали о том же для албанцев. Словесная дуэль между президентом Албании Сали Беришей и известным косовским писателем Р. Чосьей в начале 1993 г. стала тому подтверждением.

Скандал разгорелся после интервью, данного С. Беришей косовской газете «Буйку» и озаглавленного «Идея Великой Албании никогда серьезно не рассматривалась в албанских политических кругах». В ответ на это Р. Чосья в открытом письме С. Берише обвинил его в том, что он пренебрег жертвами страдающих в сербских тюрьмах албанских писателей, историков, ученых, которые «никогда не примирятся с границами 1912 г.», «прошедшими по сердцу албанского народа». С. Бериша ответил столь же эмоциональным открытым письмом, опубликованном одновременно в «Зери и популыт» и «Буйку». «Косовскую проблему никогда не разрешить на пути терроризма, — подчеркивал С. Бериша. — Албанское движение в Косово развивается успешно именно по-

тому, что использует цивилизованные и нетеррористические методы... Любое другое решение, навязывающее насилие, только узаконит насилие и агрессию на Балканах и приведет к настоящей трагедии для Балкан и Албании»⁵⁴.

В период обострения боснийского кризиса основное внимание мировой общественности было приковано к ситуации в Боснии и Герцеговине. Только когда в печати появлялись сообщения о каком-либо инциденте в Косово, комментаторы начинали предсказывать близкое вооруженное выступление косовских албанцев. И. Ругова отрицал самую возможность таких акций, считая их самоубийственными: по его мнению, безоружный народ не смог бы противостоять хорошо вооруженной сербской армии⁵⁵. Сформулированное И. Руговой видение будущего края звучало так: «Наилучшим выходом для Косово является предоставление краю статуса независимой и нейтральной республики, открытой как в сторону Сербии, так и в сторону Албании, при условии введения на всей территории международной гражданской администрации как переходной ступени». Этой позиции, разработанной в конце 1995 г., он продолжал придерживаться до октября 1998 г.

Интернационализация косовского конфликта

Впервые обсуждение положения в Косово вышло на международный уровень в октябре 1990 г. Тогдашний президент Албании Рамиз Алия, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявил, что югославское руководство применяет в Косово политику и практику геноцида в отношении албанского населения, и призвал мировое сообщество обратить на это пристальное внимание. Заявление встретило сочувствие делегатов ассамблеи, которые стоя приветствовали албанского лидера. Телевидение Тираны вело прямую трансляцию, и в последующие дни именно эта часть выступления тиражировалась всеми албанскими СМИ.

Международные организации откликнулись на поступающие из Косово сведения о нарушениях прав человека. Особую озабоченность вызывали действия, предпринятые югославским руководством после введения в Косово режима прямого правления Белграда. Направленная в Югославию группа депутатов Европарламента составила подробный отчет, на основании которого была принята специальная резолюция. Выражая глубокое беспокойство «в связи с постоянным наруше-

нием прав человека в Косово», Европарламент сделал вывод о том, что «республики и автономные края Югославии должны обладать правом свободного определения своего политического будущего мирным и демократическим путем в рамках признания внешних и внутренних границ».

Косовские политики, и в первую очередь И. Ругова, приложили много усилий, чтобы решение косовской проблемы стало рассматриваться на Западе как неотъемлемая часть регулирования «югокризиса». Этому способствовали как результаты миссии в экс-Югославии специального посланника Комиссии ООН по правам человека Т. Мазовецкого, так и позиция тогдашнего югославского премьер-министра Милана Панича, наладившего прямые переговоры с косовскими лидерами. Последний, выступая по самым разнообразным аспектам урегулирования конфликтов на территории Югославии, высказал соображение относительно Косово, которое непосредственно отразилось на его политической судьбе. «Право на самоопределение должно распространяться и на албанское население автономного края Косово, — заявил он 22 сентября 1992 г. — Если этнические албанцы будут свободны, если у них будут такие же права, как и у всех остальных, то они не станут требовать независимости. Более того, возможно, соседней независимой Албании следует присоединиться к нам в рамках союза балканских государств»⁵⁶. Таких заявлений М. Паничу не могли предложить ни сербы, ни албанцы: первые — потому, что он фактически предлагал уступить Косово албанцам, а вторые — за намерение подчинить Албанию Югославии под предлогом включения ее в «балканский союз». Косовские албанцы бойкотировали президентские выборы в Сербии 20 декабря 1992 г., на которых С. Милошевич одержал победу над М. Паничем.

Дальнейшей интернационализации косовского вопроса способствовала и деятельность президента Албании С. Бериши. Так, выступая в Корче 4 июня 1993 г., он обосновал необходимость вмешательства международных структур в ситуацию в Косово тем, что вопрос о положении почти трех миллионов албанцев на территории экс-Югославии имеет общепалканское значение. При этом в решении косовского вопроса С. Бериша исходил из двух основных посылок. Во-первых, он указывал на необходимость содействия мирового сообщества предотвращению вооруженного конфликта, а во-вторых, предлагал выработать для Косово такой политический статус, который соответствовал

бы современному подходу к территориальным и этнонациональным проблемам. При этом под «мировым сообществом» он подразумевал Европейский Союз, Совет Безопасности ООН и НАТО. План С. Бериши предусматривал рассмотрение конкретных шагов по решению косовской проблемы на Совете Безопасности ООН с привлечением «правительства Косово» и с учетом требований населения края⁵⁷. В одном из пунктов плана содержалось предложение о необходимости возвращения к схеме урегулирования боснийского кризиса, принятой в ходе женевских и лондонских консультаций 1991—1992 гг., когда решение косовской проблемы стояло в ряду требований, выполнение которых признавалось необходимым для снятия санкций с СРЮ.

События в Боснии и Герцеговине в 1994—1995 гг. отодвинули косовский вопрос на второй план. Однако по дипломатическим каналам албанские политики из Тираны и Приштины продолжали предпринимать усилия по интернационализации косовского вопроса. Правительство Албании не скрывало заинтересованности в судьбе своих соплеменников. Одним из приоритетных направлений албанской внешней политики, как отмечал тогдашний заместитель министра иностранных дел А. Старова, явилось «стимулирование широкой постановки вопроса о Косово в международных организациях», включения этого вопроса в общий пакет, касающийся урегулирования ситуации в бывшей Югославии⁵⁸. Этого, однако, не произошло из-за позиции, занятой официальным Белградом и президентом С. Милошевичем, который объявлял любую попытку обсуждения косовской проблемы в международных структурах вмешательством во внутренние дела Сербии. Албанцы заподозрили, что мировое сообщество принесло Косово в жертву ради боснийского урегулирования. В ДЛК наметился раскол: А. Демачи и Р. Чосья резко критиковали И. Ругову, «ненасильственная тактика» которого, по мнению его оппонентов, не принесла никакого успеха.

В постдейтонский период И. Ругова начал заново строить схему интернационализации косовской проблемы без особой надежды на содействие со стороны С. Бериши, который к тому времени успел испортить отношения с США и увязнуть во внутривнутриполитических проблемах. Правда, И. Ругове удалось при активной поддержке со стороны албанской диаспоры в США привлечь внимание Вашингтонской администрации к проблеме Косово и добиться личной встречи с президентом Б. Клинтон. Летом 1996 г., в разгар кампании по выборам президента, И. Ругова получил заверения от Б. Клинтона, госсекретаря Уоррена

Кристофера, представителя США в ООН М. Олбрайт, сенатора Б. Доула и других американских политиков и официальных лиц в том, что они приложат все усилия, чтобы косовский вопрос был, наконец, решен. В США согласились с тем, что целью американской политики в Косово должно быть улучшение условий жизни для проживающих там албанцев и предоставление краю статуса автономии с самыми широкими полномочиями, однако не поддержали требования независимости Косово, которое нарушало бы территориальную целостность Югославии. В поисках путей воздействия на ситуацию в Косово 5 июня 1996 г. в Приштине открылось представительство Информационного агентства США⁵⁹ (до этого монополия на освещение событий в Косово находилась в руках сербских СМИ).

Позиция официальной Тираны по всему комплексу проблем, связанных с Косово, нашла отражение в интервью С. Бериши венской газете «Die Presse» 16 августа 1996 г. Он сказал, что после заключения Дейтонских мирных соглашений по Боснии положение в Косово существенно ухудшилось, и поэтому нельзя исключать вероятность политического взрыва. С. Бериша отверг все спекуляции насчет возможных претензий его страны на воссоединение Косово с Албанией, подчеркнув, что «Албания уважает существующие границы». Однако Тирана, по его словам, не примирится ни с разделом Косово, предлагаемым в некоторых разработках белградских политиков, ни с этническими чистками в крае. С. Бериша призвал также к переговорам между Белградом и Приштиной при посредничестве третьей стороны⁶⁰.

Между тем в Белграде активно обсуждали косовскую проблему. Инициативу проявила Сербская академия наук в лице ее президента Александра Деспича, предложившего начать переговоры с албанцами о «мирном разводе». Предложения А. Деспича вызвали бурю негодования среди других академиков. В дискуссии включилась и демократическая оппозиция режиму С. Милошевича. В частности, высказывалось мнение, что Сербии следует всеми силами пытаться избежать опасности «дейтонизации» Косово и решать проблему своими силами, без постороннего вмешательства. Подчеркивалась также необходимость выработки общесербской программы, чтобы затем на ее основе начать переговоры с легитимными представителями албанцев Косово⁶¹. Во всех проектах раздела края подчеркивалась необходимость удержания района Трепче в руках сербов, что подтверждало мнение албанцев о том, что никакие обоснования мифических исторических прав не вы-

держивали сравнения со вполне материальными расчетами сербской стороны.

Между тем С. Милошевич отказывался как от обсуждения косовской проблемы, продолжая считать ее внутренним делом Сербии, так и от прямого диалога с И. Руговой, не признавая последнего полномочным представителем косовских албанцев. И. Ругове все же удалось получить согласие С. Милошевича на открытие албанских школ в крае, но это обещание так и не было выполнено. Выступления демократической оппозиции в Белграде в конце 1996 г., а затем вооруженный мятеж в Албании в марте 1997 г. временно отвлекли внимание югославской и международной общественности от косовской проблемы. Однако уже на этом этапе стало очевидно, что в Югославии не выработана общенациональная программа в отношении судьбы Косово. С. Милошевичу удалось в очередной раз упрочить свои внутривластные позиции путем усиления откровенно националистического крыла в правительстве. Демонстрацией «безальтернативной политики» С. Милошевича стала беспрецедентная по жестокости акция югославской армии в марте 1998 г., когда под предлогом ликвидации базы террористов ОАК было уничтожено 52 человека рода Яшари включая стариков, женщин и детей. В Югославии окончательно победила ориентация на силовое решение косовской проблемы, предполагавшее этнические чистки и изменение этнического баланса в крае в пользу сербов. При этом неясно, понимала ли обновленная политическая команда С. Милошевича, усиленная националистами Воиславом Шешелем и Вуком Драшковицем, бесперспективность такого курса.

Кризис 1998 г. и пути его преодоления

С 1998 г. расстановка сил в Косово кардинально изменилась. Неспособность или нежелание мирового сообщества использовать миротворческий потенциал И. Руговы и его сторонников привели к радикализации позиции косоваров в целом. Вышла на поверхность Освободительная армия Косово (Ushtrija çlirimtare e Kosovës), еще годом раньше казавшаяся «виртуальной реальностью». История возникновения ОАК пока покрыта тайной. Когда с апреля 1996 г. в Косово стали совершаться нападения на сербских полицейских, в югославской печати впервые появились сообщения о субсидируемых Тираной и/или албанским посольством в Белграде нелегальных вооруженных группи-

ровках с центром в одной из европейских стран. И. Ругова категорически отрицал, что ДЛК имеет какое-либо отношение к террору и к ОАК, утверждая, что теракты подстроены сербскими властями, стремящимися сорвать наметившийся диалог⁶².

На нынешнем этапе ОАК пользуется поддержкой большинства косоваров, убежденных в том, что ее формирования защищают их от произвола сербских спецназа и армии. В рядах ОАК сражаются албанцы — бывшие солдаты ЮНА, считавшиеся лучшими (наряду с черногорцами) воинами, а также возвращающиеся из Европы гастарбайтеры. ОАК, первоначально вооруженная старым стрелковым оружием, смогла увеличить свой военный потенциал при помощи контрабандного ввоза оружия, в том числе и через Югославию. «Война — это бизнес», — утверждали в свое время торговцы оружием в Боснии, совершая сомнительные сделки даже в ущерб интересам собственной общины. То же происходит и в Косово.

Только в самое последнее время появилась информация о структуре ОАК, разделенной на пять «оперативных зон», а также о некоторых ее военных и политических руководителях. Так, официально объявлено, что главнокомандующим ОАК назначен 30-летний Сулейман Селими, бывший командующий «оперативной зоной» в районе Дреницы⁶³. Его сверстник Х. Тачи, председатель политического руководства ОАК, вышел из подполья только к моменту начала переговоров в Рамбуйе, на которых он выступил в качестве руководителя делегации косовских албанцев. Х. Тачи, изучавший политологию в Цюрихе, вероятно, обладает хорошими организаторскими способностями, если ему удалось объединить весьма разношерстную по составу делегацию косовских албанцев. Однако его политические взгляды пока не особенно ясны, так как он избегал публичных выступлений (по свидетельству очевидцев, Х. Тачи склонен к радикализму в подходе к вопросам стратегии и тактики принятия политических решений).

В целом ОАК де-факто признана частью международного сообщества как организация, за которой стоит реальная сила. В ходе подготовки к началу прямого сербско-албанского диалога выяснилось, что ОАК к тому же претендует на роль постоянно действующей военно-политической партии.

Весной 1998 г. конфликт между сербами и албанцами в Косово резко обострился. Обе стороны пытались доказать, что именно «оппонент» виноват в развязывании очередного витка напряженности. Казалось,

что когда под давлением мировой общественности начался диалог С. Милошевича и И. Руговы, появилась реальная возможность мирного выхода из кризиса. Политические комментаторы видели решение проблемы в превращении Косово в третью республику Югославии или в обретении краем особого автономного статуса по типу Каталонии.

29 мая 1998 г., после переговоров в Белом доме с Б. Клинтоном И. Ругова, приняв во внимание твердую позицию мирового сообщества, выступающего за целостность Югославии, так сформулировал свою точку зрения: «Мы стоим за независимость, но признаем необходимость переходного периода под эгидой международных организаций». Ответом С. Милошевича стала военно-полицейская операция на юго-западе края, имевшая целью поиск и ликвидацию боевиков ОАК и создание «коридора безопасности». В результате тысячи албанских беженцев снялись с места (только в Албании их обосновалось 25 тыс., общее же число беженцев на тот момент колебалось от 300 до 500 тыс.).

В октябре 1998 г. под угрозой ракетно-бомбовых ударов НАТО по территории Югославии было подписано соглашение Холбрука — Милошевича, предусматривавшее прекращение вооруженного противостояния. В январе 1999 г. Белград проигнорировал требование мирового сообщества о прекращении использования военной силы в Косово, к которому присоединился и российский МИД. Наступление на Подуево, расстрел 45 человек в деревне Рачак, карательные операции с применением тяжелой техники в ряде других районов заставили говорить о нарушении югославской стороной октябрьского соглашения и о возможности в связи с этим нанесения военных ударов НАТО по территории Югославии. Действия С. Милошевича привели к усилению широко распространенного среди косовских албанцев мнения, что образумить сербов может только демонстрация силы.

Новая серия дипломатических челночных рейсов между Белградом и столицами некоторых европейских государств включая Москву не привела к прекращению военных действий. Срочный созыв 28 января 1999 г. Контактной группы позволил ее участникам предъявить обеим сторонам конфликта по сути дела ультимативные требования согласиться на участие в переговорах в Рамбуйе.

Слабость позиций албанской стороны на этом, как и на предыдущих этапах переговорного процесса состояла в разобщенности ее действий и взглядов. Раскол в ДЛК, приведший к выходу из движения ра-

дикалов, не способных к принятию компромиссных решений, осложнил политическую ситуацию внутри Косово. При полном совпадении взглядов на будущий статус Косово как на суверенную республику, правительство которой должно иметь право принимать самостоятельные решения по всем жизненно важным политическим, экономическим и социальным проблемам, в понимании методов достижения этой цели нет единства. Переговорный процесс, начавшийся в Рамбуйе, фактически впервые заставил вошедших в косовскую делегацию людей, некоторые из которых до этого даже не встречались друг с другом, работать единой командой.

Осмысление итогов начального этапа переговоров позволяет понять расстановку политических сил в Косово. Очевидно, что реальное воздействие на ситуацию в крае оказывают три организации — ОАК, ДЛК и Объединенное демократическое движение Р. Чосьи. Представители этих движений, возглавившие делегацию в Рамбуйе (руководителем делегации стал Х. Тачи, И. Ругова и Р. Чосья — его заместителями), договорились о взаимодействии, приняв решение о создании Временного правительства Косово на переходный период — вплоть до проведения свободных выборов⁶⁴. Неясно, насколько реально создание такого органа и какова его дееспособность в обстановке нестабильности, подогреваемой непрекращающимися вооруженными столкновениями и террористическими актами. По всей вероятности, это решение можно расценить пока в качестве декларации о намерении косовских албанцев сотрудничать между собой.

Положительным моментом предпринимавшихся попыток по консолидации албанской общины Косово стало временное снижение уровня радикализма в политических верхах косовского общества. «Вечный диссидент» А. Демачи, еще в 1997 г. тому назад выступавший с эфемерной идеей формирования суперреспублики под названием Балкания в составе трех суверенных республик — Сербии, Черногории и Косово — и бойкотировавший переговоры в Рамбуйе, так как они не предусматривали обсуждения независимого статуса Косово, по-видимому, сошел с политической сцены. А. Демачи резко критиковал позицию косовской делегации на переговорах, хотя и признавал, что существующая уже сто лет проблема Косово не может быть решена так скоро, как бы этого хотелось. Через неделю после данного 24 февраля 1999 г. интервью газете «Косова сот» («Косово сегодня»), в котором А. Демачи говорил, что косовары должны опираться исключительно на свои силы

и собственную армию и не ждать ни от кого дарования свободы, ему пришлось подать в отставку с поста политического представителя ОАК.

В Рамбуйе победила умеренная часть косовских албанцев. Влиятельный журналист Ветон Суррой, наиболее прагматичный политик из всех 16 делегатов, убеждал соотечественников не настаивать на включении в пункты соглашения «магического слова “референдум”», а также предрекал «изоляцию ОАК от народа и мира», если ее представители не подпишут политическое соглашение. И в конечном счете именно его точка зрения оказалась решающей.

Косовары полагали, что в Рамбуйе они пошли на серьезные уступки, согласившись подписать политические условия, выполнение которых не было обеспечено международными гарантиями. По возвращении в Приштину И. Ругова и Р. Чосья заявили о том, что соглашение ставит своей целью прекращение кровопролития в Косово и открывает перспективы для мирного урегулирования. Х. Тачи накануне окончания конференции в Рамбуйе так обозначил надежды албанской стороны: «достижение справедливого мирного соглашения, гарантии соблюдения которого выступят НАТО и правительство США; образование демократических институтов и обеспечение их функционирования; признание прав народа Косово на определение окончательного статуса края; строительство прочной экономической системы и свободного рынка»⁶⁵.

Правительство Албании неоднозначно оценило итоги переговоров в Рамбуйе. Премьер-министр Пандели Майко еще при вступлении в должность в сентябре 1998 г. в качестве одной из важнейших задач своего кабинета выдвинул содействие окончательному урегулированию косовской проблемы. В дальнейшем он прилагал усилия к тому, чтобы убедить косоваров в необходимости сохранять и укреплять внутреннее единство, продолжая линию своего предшественника Фатоса Нано. Была выработана формула, согласно которой албанское правительство выражало готовность поддержать любое решение косовского вопроса, одобренное самими косоварами. В заявлении для печати 22 февраля 1999 г. по результатам встречи в Рамбуйе П. Майко подтвердил позицию албанского правительства, которое «выражает глубокое убеждение, что политическое соглашение между обеими сторонами на переговорах должно быть гарантировано присутствием в Косово миротворческих сил НАТО»⁶⁶. Вместе с тем П. Майко весьма критически высказался по поводу «бездействия мирового сообщества» в отноше-

нии нарушения белградскими властями октябрьского соглашения Холбрука — Милошевича, выразившегося в выводе тяжелой бронетехники из казарм и в массовой передислокации сербских войск, о чем премьер направил послание генеральному секретарю НАТО Хавьеру Солане⁶⁷.

Прекращение кровопролития в Косово стало ближайшей и непосредственной задачей мирового сообщества, взявшего под контроль развитие косовского кризиса. В сложившейся после провала переговоров в Париже ситуации было также очевидно, что чисто политического решения вопроса уже явно недостаточно. Действия как сербского спецназа и ЮНА, так и ОАК принимали все более ожесточенный характер, и насущным требованием момента стала задача демилитаризации края, осуществление которой без введения в зону конфликта международных разделительных сил не представлялось возможным. Однако способ решения этой проблемы, предложенный западными участниками Контактной группы, а именно претворение в жизнь политических аспектов мирного плана под контролем сил НАТО, был обречен на неудачу, ибо изначально отвергался югославской стороной.

Вместе с тем переговоры в Рамбуйе завершились выдвиганием оптимального в тех условиях плана политического урегулирования, предполагавшего предоставление краю широкой автономии в рамках Югославии и разоружение ОАК. Установление трехлетнего периода, в ходе которого должна была происходить «притирка» механизмов функционирования административно-хозяйственной структуры края в мирных условиях, давала возможность ослабить существующие между сербами и албанцами противоречия. Обсуждение жизнеспособности модели «расширенной автономии» откладывалось вплоть до истечения трехлетнего «промежуточного» этапа, который мог бы продемонстрировать целесообразность предоставления краю независимости в чистом виде или поиска различных модификаций автономного устройства, соответствующего правилам сожительства в европейском сообществе. Причем, исходя из истории 80-летнего пребывания Косово в составе Югославии, второй вариант представлялся наиболее реальным, а потому предпочтительным.

Дело в том, что добывающая и обрабатывающая промышленность края, ряд предприятий которой имел общегославское значение, долгие годы ориентировалась на тесные связи с соответствующими внутриюгославскими структурами, а ее дальнейшее развитие открывало

новые рабочие места для перенаселенного аграрного юга Косово. Именно албанцы составляли костяк шахтеров, металлургов, строителей в крае. Кроме того, еще в 1990—1991 гг. требования албанского национального движения по сути дела не шли дальше широкого самоуправления и восстановления позиций албанской национальной культуры и не предполагали выхода края из состава Югославии. Радикализация лозунгов косовских албанцев относится лишь к периоду с 1996 г.

15 марта 1999 г., когда на авеню Клебер в Париже открылся второй раунд переговоров, сербская делегация отказалась подписать предложенный Контактной группой план мирного урегулирования. За считанные часы ситуация вокруг Косово кардинально изменилась. В нарушение октябрьского соглашения Холбрука — Милошевича 1998 г. началось введение в край сорокатысячного контингента ЮНА, с новой силой возобновились «этнические чистки». После вывода из края миссии ОБСЕ и первых ракетно-бомбовых ударов НАТО по территории СРЮ началась пятая по счету и самая кардинальная за всю историю существования Югославии кампания по изменению этнического состава Косово.

За год — с марта 1998 г., когда сербская полиция и формирования ЮНА начали военные действия в Косово, по 24 марта 1999 г., когда НАТО начало военную операцию против СРЮ, — из края выехало около 400 тыс. человек, в основном этнические албанцы. Почти столько же беженцев покинуло территорию края за неделю после 24 марта 1999 г. Уже к 31 марта, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в Косово на положении беженцев оказалось до 830 тыс. человек, т. е. половина албанского населения края⁶⁸. Гуманитарная катастрофа, под предлогом предотвращения которой НАТО начало военные действия против Белграда, стала реальностью. Под дулами сербских автоматов албанцы вынуждены были покидать свои жилища, устремляясь в сторону Македонии и Албании (при этом у них отбирали документы, чтобы навсегда закрыть дорогу назад).

По мнению многих политических наблюдателей, начало военной операции НАТО на Балканах и новый виток противостояния в Косово перечеркнули договоренности, достигнутые в ходе переговоров в Рамбуйе. Все чаще появляются проекты раздела Косово на сербский север и албанский юг. Вопрос состоит в том, кто будет жить и работать на «сербском севере» после изгнания оттуда основной рабочей силы, ведь судьба 200—250 тыс. косовских сербов, которые жили в крае накануне

начала военных действий, остается неизвестной. Несомненно, раздел Косово приведет к разрушению края как единого хозяйственного целого и превращения его лишь в географическое понятие на карте Балканского полуострова.

Еще одним важным следствием трагических событий весны 1999 г. внутри и вокруг Югославии стал фактический уход с политической сцены ключевых фигур, представлявших албанскую сторону в Рамбуйе. С одной стороны, И. Ругова существенно дискредитировал себя в глазах косовских албанцев встречей с президентом С. Милошевичем после начала бомбардировок территории СРЮ, в том числе Косово. С другой стороны, при любом варианте последующего мирного урегулирования никаких политических перспектив не имеет и идейный антипод С. Руговы — Х. Тачи, за которым еще в феврале 1999 г. стояла реальная сила ОАК. Очевидная бесперспективность военно-силовых методов решения политических проблем постепенно превращает ОАК и ее руководителей в «виртуальную реальность» образца периода до 1997 г.

Война разрушила и всю систему политических партий и объединений в Косово, строительство которой придется начинать заново. Не исключено, что в случае реализации одного из вариантов автономизации Косово могут быть востребованы бывшие партийные функционеры из числа «национальных кадров», подготовленных в свое время И. Тито (например, Махмут Бакалы), подобно тому, как это произошло в некоторых республиках бывшего СССР. Однако любые прогнозы относительно перспектив преодоления кризиса могут быть опрокинуты очередным витком развития событий.

* * *

Косовская проблема переходит в XXI в. с туманной перспективой на разумное разрешение в ближайшие годы. Опыт более чем 80-летнего пребывания албанцев Косово под властью королевской, а затем социалистической Югославии не сулит быстрого преодоления накопившихся за эти годы национальных, экономических, психологических, демографических и прочих противоречий. Независимо от исхода переговорного процесса, начавшегося в Рамбуйе, необходимо признать, что Косово потеряно для Сербии с того времени, когда стали предприниматься силовые приемы для его удержания в составе рес-

публики. Де-юре пока можно сохранить видимость целостности границ Югославии, но де-факто ее уже давно нет. Свидетельством этого является ситуация не только в Косово, но и в фактически неконтролируемой Белградом Черногории.

Примечания

¹ Косово впервые вошло в состав Сербии после Балканских войн 1912—1913 гг. После образования Югославии в 1918 г. (до 1929 г. — Королевство сербов, хорватов и словенцев) Косово не выделялось в качестве особой административной единицы, сохранив свое определение исключительно в качестве исторической области, подобно Метохии, Боснии, Далмации, Македонии и др. Поэтому распространенное в публицистической литературе определение Косово как «сербской области, населенной преимущественно албанцами», по меньшей мере неточно.

² В сборнике *Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju*. — Beograd, 1923. — Knjiga 1. — Sv. 1—2 были опубликованы как сама песня, так и материал о причинах, породивших ее появление (*Elezović G. Edna arnautska varijanta o boji na Kosovu; Cajkanović V. Motivi prve arnautske pesme*). См. также: *Stojković M. Lazarica ili boj na Kosovu, narodna eroreja u 25 pesma*. — Beograd, 1927. В России этот факт, претендующий на сенсацию, обнародовал в наши дни в своих репортажах из Югославии И. Некрасов. См.: *Некрасов И. Бессмысленная война // Эксперт*. — 1998. — № 31.; *Он же. Ни разругать, ни развязать // Известия*. — 1999. — 14 янв. Можно также прибегнуть к авторитету К. Маркса, который писал, что в Косовской битве османы одержали победу над объединенными силами сербов, албанцев, боснийцев, болгар и валахов. См.: *Архив Маркса и Энгельса*. — Т. 6. — М., 1939. — С. 156.

³ *Tomić J. O Arnautima u Staroj Srbiji i Sandžaku*. — Beograd, 1913; *Kostić M. Ustanak Srba i Arbanasa u Staroj Srbiji protiv Turaka, 1737—1739, i seoba Srba u Ugarsku // Glasnik Srbskog naučnog društva*. — Skoplje, 1930. — Knjiga 7—8.; *Rizaj S. Kosova gjatë shekujve XV, XVI dhe XVII*. — Prishtinë, 1982; *Историја народа Југославије*. — Београд, 1960. — Т. 2.

⁴ *Prifti K. Aspekte të luftes për krijimin e shtetit kombëtar shqiptar në vitet e Lidhjes shqiptare të Prizrenit (1878—1881) // Studime historike*. — 1979. — № 4. — F. 86; *Смирнова Н. Д. Документы АВПР о Призренской лиге (1878—1881) // Балканские народы и европейские правительства в XVIII — начале XX в.* — М., 1982. — С. 234.

⁵ *Смирнова Н. Д. Указ. соч.* — С. 225.

⁶ *Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса*. — М., 1965.

⁷ *Rahimi Sh. Lufta e shqiptarëve për autonomi (1897 — 1912)*. — Prishtinë, 1978.

⁸ *История Югославии: В 2 т.* — М., 1963. — Т. 2. — С. 76.

⁹ О переговорах в Мукье существует обширная научная и научно-политическая литература в Албании и Югославии. Вопрос о том, что же на самом деле произошло в этой небольшой деревушке около Тираны, продолжает вызывать споры. Новый взгляд

на проблему дают публикации албанских документов. См.: Politike antikombetare e Enver Hoxhes. Plenumi i 2-të i KQ të PKSH. — Berat, 23—27 nëntor 1944. Dokumente. — Tiranë, 1996.

¹⁰ С 1952 г. — Союз коммунистов Югославии (СКЮ).

¹¹ С. Вукманович-Темпо — видный деятель КПЮ. В 1943 г. — делегат Генерального штаба Народно-освободительной армии Югославии на переговорах с руководством партизанских армий Албании и Греции о создании Объединенного балканского штаба.

¹² *Marković D., Bosiljević S.* Delegat vrhovnog štaba. — Beograd, 1968. — S. 209.

¹³ *Смирнова Н. Д.* Албанская партия труда (страницы истории) // Бюл. науч. информ. ИВИ РАН. — 1974. — № 9. — С. 120—121.

¹⁴ Плато Дукагын (Rrafsh i Dukagjinit) — албанское название Метохии, принятое у косоваров (косовских албанцев). Косово по-албански звучит как Косова. Двойные названия — сербские и албанские — имеют практически все крупные населенные пункты Косово, а также албанских районов Черногории и Македонии.

¹⁵ Резолюция опубликована полностью в приложении к статье: *Lalaj A.* On the Vujan Conference // *The Truth on Kosova.* — Tirana, 1993. — P. 218.

¹⁶ И. Шубашич — с мая 1944 г. глава эмигрантского (Лондонского) правительства Югославии. Соглашение Тито — Шубашича касалось взаимного признания НКОЮ (Национального комитета освобождения Югославии) и Лондонского правительства.

¹⁷ *Rajević R.* Autonomija Kosova. — Beograd, 1985. — S. 229—230.

¹⁸ *Cubrilović V.* The Minority problem in the New Yugoslavia // *Kosova: Historical Political Rev.* [Tirana]. — 1993. — № 1. — P. 39.

¹⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. — Новосибирск, 1997. — Т. 1: 1944—1948. — С. 476—477.

²⁰ *Marrëdhëniet shqiptaro-jugosllave 1945—1948.* Dokumente. — Tiranë, 1996. — F. 412—413.

²¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953. — Москва; Новосибирск, 1998. — Т. 2: 1949—1953. — С. 161—163, 206—212.

²² *Fjalori enciklopedik shqiptar.* — Tiranë, 1985. — F. 534.

²³ *Vickers M.* Between Serb and Albanian: A History of Kosovo. — London, 1998. — P. 267.

²⁴ Албанский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье. Предполагается, что он сформировался на основе одного из исчезнувших палеобалканских языков — илирийского. Албанский язык имеет два диалекта, на которых говорят северные (геги) и южные (тоски) албанцы. В послевоенной Албании в качестве официального языка утвердилась литературная норма тосского диалекта.

²⁵ *Prethodni rezultati Popisa stanovništva u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca.* 31 januara 1924. — Sarajevo, 1924. — S. 3—24. Для сравнения: *Westermanns Weltatlas.* — Berlin; Hamburg, 1926. — S. 49b (численность албанцев в Югославии на 1921 г. дана в количестве 480 тыс. человек).

²⁶ *Vickers M.* Op. cit. — P. 105—107.

²⁷ Краткая история Албании. — С. 305.

²⁸ *Vickers M.* Op. cit. — P. 119.

²⁹ Арнауты — одно из названий албанцев (от турецкого «Арнавутлук» — Албания). В современной Югославии албанцев называют «шиптарами» — искаженное самоназвание албанцев «шкиптары» (shqiptare). Самоназвание народа и страны «Shqipëri» происходит от глагола «shqipëtoj», что значит «говорить ясно, понятно». Доклад хранится в Военно-историческом архиве (Белград). Цитируется по рукописной копии, находящейся в распоряжении автора главы.

³⁰ Текст конвенции опубликован в: Gjurmime Albanologjike. — Prishtinë, 12/1982; The Truth on Kosova. — Tirana, 1993.

³¹ *Смирнова Н. Д.* Балканская политика фашистской Италии (1936—1941). — М., 1969. — С. 82.

³² Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 1981 godini. Nacionalni sastav stanovništva po opstinama. Konačni rezultat // Statistički bilten. — Beograd, 1982. — Br. 1295.

³³ *Мартынова М. Ю.* Балканский кризис: народы и политика. — М., 1998. — С. 21—23, 309—313. Исследовательница приводит следующие данные: при общем снижении уровня рождаемости сербов в Югославии в целом (в 1988 г. 53 общины имели отрицательный индекс прироста населения), в Косово уровень рождаемости повышался. По всей вероятности, это достигалось за счет населения сельских районов, где крестьяне заботились о наследовании земельной собственности в рамках одной семьи.

³⁴ *Islami H.* Kosova dhe shqiptaret. Cështje demografike. — Prishtinë, 1990. — F. 83.

³⁵ В 1958 г. за публичные протесты против практики выселения албанцев в Турцию впервые попал в тюрьму 22-летний писатель Адем Демачи. См.: *Wickers M.* Op. cit. — P. 160.

³⁶ *Islami H.* Op. cit. — F. 166.

³⁷ *Мартынова М. Ю.* Указ. соч. — С. 24.

³⁸ Там же. — С. 23.

³⁹ Kosova: The Hungry Future. The National Report to the World Food Summit. — Rome, 13—17 November 1996. — P. 6.

⁴⁰ *Мартынова М. Ю.* Указ соч. — С. 275. О проблемах албанцев в Македонии см.: *Смирнова Н. Д.* Албанский вопрос: в чем его суть // Этнополитические конфликты в посткоммунистическом мире. — М., 1996. — Ч. 1, а также *Schmidt-Neke M.* Schwierige Nachbarschaft: Albanien zwischen Griechenland und Makedonien // Südosteuropa. — München, 11—12/1994.

⁴¹ *Wickers M.* Op. cit. — P. 167.

⁴² *Simic P.* The Kosovo and Metohija Problem and Regional Security in the Balkans. — Belgrade: Inst. of Intern. Politics and Economics, 1996. — P. 10.

⁴³ В Косово сербскохорватский язык продолжал сохранять функции языка общения, а, например, в Словении он потерял такое значение, что было расценено сербами как ущемление их прав и послужило одной из причин исхода сербского населения из республики.

- ⁴⁴ *Vickers M.* Op. cit. — P. 197—198.
- ⁴⁵ *Silber L., Little A.* The Death of Yugoslavia. — London, 1995. — P. 99.
- ⁴⁶ См. текст обращения в: The Truth on Kosova. — P. 314—318.
- ⁴⁷ *Rugova I.* La question du Kosovo. — Paris, 1994. — P. 117.
- ⁴⁸ Ibid. — P. 33.
- ⁴⁹ *Biberaj E.* Kosova: The Balkan Powder Keg // Kosova. — 1994. — № 3. — P. 30.
- ⁵⁰ *Stavileci E.* Constitutional Changes and Abolition of Autonomy // Ibid. — № 4. — P. 27—28. Между прочим, некоторые работы по истории Албании, написанные советскими историками, переводились на албанский язык в Косово. Например, вышедшая в 1965 г. «Краткая история Албании» была переведена в 1967 г. и уничтожена при разгроме библиотечного фонда университета в 1992 г.
- ⁵¹ *Zëri i popullit.* — 1991. — 12.07.
- ⁵² *Repishti S.* Self-determination and the Present Status of Kosova // Kosova. — 1993. — № 2. — P. 37; *Zëri i popullit.* — 1991. — 22.10.
- ⁵³ The Truth on Kosova. — P. 338.
- ⁵⁴ *Biberaj E.* Op. cit. — P. 14; *Illyria.* — 1993. — 3.02.
- ⁵⁵ И. Ругова, избранный 24 мая 1992 г. президентом Республики Косово, получил в западных средствах массовой информации неофициальный титул лидера косовских албанцев.
- ⁵⁶ Цит. по: Известия. — 1992. — 24 сент.
- ⁵⁷ *Rilindja demokratike.* — 1993. — 5.06.
- ⁵⁸ *Rilindja.* — 1996. — 29.11.
- ⁵⁹ *Rilindja.* — 1996. — 29.06.
- ⁶⁰ См. перепечатку этого интервью в газете «Relindja» (1996. — 18.08).
- ⁶¹ Подробнее см.: *Смирнова Н. Д.* Последняя резервация Европы // Новое время. — 1996. — № 37. — С. 34—35.
- ⁶² *Рябинин С.* Косовские албанцы готовы к переговорам с Белградом, но только при посредничестве Вашингтона // Сегодня. — 1996. — 13 авг.
- ⁶³ *Rilindja.* — 1999. — 23.02.
- ⁶⁴ *Rilindja.* — 1999. — 25.02.
- ⁶⁵ *Gazeta shqiptare.* — 1999. — 20.02.
- ⁶⁶ *Zëri i popullit.* — 1999. — 23.02.
- ⁶⁷ *Rilindja.* — 1999. — 26.02.
- ⁶⁸ Бегство из Косово // Коммерсантъ-Daily. — 1999. — 8 апр.

Косовский конфликт в балканском политическом контексте

Алла ЯЗЬКОВА

Эволюция кризисной ситуации в Косово и вокруг него подтверждает тот очевидный для международных наблюдателей факт, что косовский конфликт еще далек от окончательного разрешения, как далеки и перспективы мира и стабильности в Балканском регионе. В 1998 г. наиболее опасные этапы косовского кризиса (февраль — март и октябрь), как правило, завершались выработкой компромиссных формальных и неформальных соглашений, в основу которых были положены взаимные уступки сторон. Но это не снимало, а лишь временно приглушало остроту противоречий, представляющих потенциальную угрозу европейскому миру. Военная акция НАТО против Югославии, начавшаяся в конце марта 1999 г., привела к превращению косовского конфликта в международный.

Кризис вокруг Косово оказывает непосредственное воздействие на внутрибалканскую ситуацию, чреватое опасными последствиями. По оценке директора белградского Центра стратегических исследований В. Векарича, косовский конфликт представляет собой потенциальный очаг общепалканской войны, в которую в случае ее возникновения неизбежно будут вовлечены Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория), Албания, возможно — Македония и Греция, а также Турция, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для мира в Европе. Но и сейчас, замечает он, неразрешенный косовский конфликт порождает и усиливает почти все опасности и тревоги, с которыми столкнулся балканский мир после окончания «холодной войны», — от межэтнических конфликтов, терроризма и нарушений прав человека до неконтролируемых миграций, торговли наркотиками, разрастания криминальных структур¹.

С учетом сказанного представляется необходимым рассмотреть косовскую проблему в ее региональном, общевалканском аспекте, обозначив основные этапы ее эволюции в 90-е годы, а также раскрыть специфику интересов и позиций балканских государств, в наибольшей степени затронутых косовским кризисом. «Албанский вопрос» как одна из ключевых проблем нынешнего конфликта на территории Косово в настоящей главе детально представлен не будет, так как его рассмотрению посвящена глава 2.

Исторический опыт взаимоотношений балканских государств в XX в.

В контекст европейских и международных событий XX в., а также в соответствующие представления современников Балканы неизменно вписывались как негативно окрашенная геополитическая сфера. Уже сам термин «Балканы» зачастую подразумевал характеристику этого региона как «порохового погреба» или «уязвимого подбрюшья» Европы. Подобного же рода негативная окраска присуща и получившему широкое хождение в XX в. понятию «балканизация». По оценке известного югославского аналитика и публициста Р. Петковича, балканизация — это состояние постоянного конфликта между балканскими государствами по поводу территорий и непрерывная атомизация Балканского региона². К этой характеристике можно добавить фактор многолетней своекорыстной «игры» крупными европейскими и мировыми державами на противоречиях между балканскими государствами.

Как и почему возникли эти негативные стереотипы и породившие их объективные реалии? Каковы их исторические рамки и возможные пути стабилизации положения в Балканском регионе? Ответы на эти и другие связанные с ними вопросы позволяют глубже понять причины, современный характер и дальнейшую эволюцию кризисной ситуации в Косово в новых историко-политических условиях на рубеже XXI в.

Многие из нынешних сложных проблем стратегически важного и густонаселенного Балканского региона (общая численность проживающего в его географических рамках населения составляет около 50 млн человек) носят объективный характер. На Балканах издавна происходило соприкосновение православия, католицизма и ислама, неоднократно выливавшееся в острые религиозные конфликты. Этническая карта Балкан по пестроте не сопоставима ни с одним другим европей-

ским регионом (за исключением, пожалуй, Кавказа), что стало результатом множественных массовых миграций разнородных этнических групп в течение последних двух тысячелетий. Находясь на протяжении веков под властью Османской и Австрийской (затем Австро-Венгерской) империй и ощущая на себе постоянное, хотя и осуществлявшееся в различных формах воздействие политики Российской империи, народы Балканского полуострова формировались в условиях противоречивых культурно-политических влияний. Наконец, в XX в. на Балканах произошло мощное столкновение порожденных западной цивилизацией политических идеологий — коммунизма, фашизма и национализма³, что еще более усилило конфликтный потенциал региона.

Многие из ныне свойственных Балканам проблем и их характеристик уходят корнями в прошлое. Это и исторически сложившаяся многоэтничность, и позднее формирование наций и государств, и многократная насильственная перекройка границ, и длительная борьба против иноземного господства и, как следствие всего этого, затяжная экономическая отсталость.

Применительно к бывшей Югославии обнаружилось и издержки заимствованного из советской практики административного деления, при котором в основу территориального разграничения был положен принцип более или менее компактного расселения титульных наций. Границы между союзными республиками устанавливались произвольно, а некоторые этнические группы, например, албанцы, изначально были поставлены в этом плане в неравноправное положение. Сложный характер взаимоотношений между коммунистическими партиями Югославии и Албании в годы войны и в послевоенный период также оказал непосредственное воздействие на развитие конфликта вокруг Косово.

Характерной чертой международного развития балканских государств всегда была их зависимость от крупных европейских держав, которые после обеих мировых войн также решали крайне болезненные для них вопросы об установлении либо изменении государственных границ. Территориальный передел обострял межгосударственные противоречия, а после второй мировой войны к этому добавилось блоковое противостояние. В годы «холодной войны» Балканский полуостров представлял собой мир в миниатюре: расположенные на нем государства входили в НАТО (Греция и Турция), Организацию Варшавского Договора (Румыния и Болгария), Движение неприсоединения

(Югославия) либо оставались в самоизоляции (Албания — единственная европейская страна, не подписавшая в 1975 г. Хельсинкского Заключительного акта СБСЕ).

Крушение авторитарных и тоталитарных режимов в Болгарии, Румынии, Албании и прекращение блокового противостояния внесло кардинальные изменения в расстановку сил на Балканах. Внимательный наблюдатель не мог не заметить по крайней мере двух характерных черт балканской ситуации конца 80-х — начала 90-х годов: возрастания самостоятельности стран региона и их одновременного «сползания» в острый экономический и политический кризис, усиления нестабильности и конфликтности, эскалации национализма и межэтнических противоречий вплоть до призывов к пересмотру границ. После распада Югославии и начала военных действий между ее бывшими республиками региональные кризисы стали реально угрожать миру в Европе. Нынешнее противостояние на территории Косово и вокруг него представляется особенно опасным не только в силу заложенного в нем потенциала этнической непримиримости и конфликтности, но и ввиду возможностей его неконтролируемой эскалации на Европу и другие прилегающие к ней регионы.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации и выявить возможности регулирования балканских кризисов, многие аналитики задаются вопросом: так ли уж исконна непримиримость многочисленных этносов и культур в этом регионе, как об этом твердят противостоящие друг другу стороны? Существовали ли у них общие исторические корни и предпринимались ли ими попытки совместных действий? И, что особенно важно для постепенного ослабления напряженности вокруг Косово, на какой основе возможно «примирение» населяющих этот край албанцев и сербов?

В свете этих вопросов представляется весьма интересным суждение известного итальянского исследователя балканских проблем С. Бьянкини. Вопреки распространенным представлениям он выдвигает обоснованный, на наш взгляд, тезис об общности исторического прошлого балканских народов и их сходных по характеру культуре и цивилизационной основе⁴. Об этом же в свое время писал крупнейший румынский историк Н. Йорга, отмечавший, что по одежде, орнаментации, домашнему убранству и архитектуре, методам ведения сельского хозяйства, обычаям и суевериям, образу мыслей и чувств, музыкальным мелодиям балканские народы «абсолютно идентичны»⁵.

На протяжении веков народы балканского региона были объединены идеями и практикой национально-освободительной борьбы против османского господства. Не случайно поэтому на различных этапах истории возникали попытки их многостороннего сотрудничества, и даже проекты федеративного объединения, в пользу чего активно высказывались балканские лидеры — Светозар Маркович, Христо Ботев, Димитр Благоев. Для обсуждения одного из таких проектов по инициативе Д. Благоева в 1910 г. была созвана конференция социал-демократических партий балканских стран, что, впрочем, не помогло предотвратить Балканские войны 1911—1912 гг. и 1913 г. В межвоенные годы была предпринята попытка создания блока балканских государств — Балканской Антанты, объединившей Румынию, Югославию, Грецию и Турцию, но оставившей в изоляции Болгарию и Албанию. Раздираемая внутренними противоречиями и постоянно подвергавшаяся натиску извне, Балканская Антанта не способствовала предотвращению военного конфликта на Балканах и распалась в 1940—1941 гг. Наконец, в годы второй мировой войны и сразу после ее окончания при участии британской дипломатии разрабатывались планы создания Балканской федерации в составе Югославии — Греции, Югославии — Болгарии — Албании, которые встретили резкое противодействие И. Сталина и не были реализованы из-за разногласий между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции⁶. Федеративным планам не способствовало и нарастание противоречий между самими балканскими государствами в связи с территориальными спорами в процессе послевоенного мирного урегулирования⁷.

Новый этап межбалканского сотрудничества наступил после подписания в Хельсинки Заключительного акта СБСЕ в 1975 г. В январе — феврале 1976 г. по инициативе тогдашнего премьер-министра Греции К. Караманлиса состоялась встреча экономических экспертов Болгарии, Греции, Румынии, Турции и Югославии, на которой обсуждались перспективы сотрудничества в сфере промышленности и торговли, организации научных и культурных обменов, туризма, транспорта, медицины. Вопросы политического сотрудничества на встрече официально не рассматривались из-за резкого противодействия тогдашнего советского руководства, опасавшегося создания на Балканах «замкнутых политических блоков». Тем не менее встреча в Афинах стала своеобразным преломлением «духа Хельсинки» и прологом последующего преодоления блокового противостояния на Балканах.

Согласно принятым на встрече в Афинах рекомендациям в конце 70-х — начале 80-х годов прошли совещания отраслевых ведомств в Анкаре (1979 г.), Софии (1981 г.), Бухаресте (1982 г.), Белграде (1984 г.). В январе — феврале 1984 г. в Афинах состоялась встреча экспертов по вопросам создания на Балканах зоны, свободной от ядерного оружия, однако это не привело к принятию конкретных решений из-за неопределенности самого статуса безъядерных зон⁸.

Дальнейшим существенным шагом к оздоровлению обстановки в регионе стала первая в его истории встреча министров иностранных дел всех балканских государств включая Албанию, прошедшая в Белграде в феврале 1988 г. В ходе предшествовавших встрече переговоров был сделан ряд существенных шагов в сторону сближения балканских государств. Так, было прекращено — более чем через 40 лет после окончания второй мировой войны! — формальное состояние войны между Грецией и Албанией, наметились сдвиги в обсуждении двусторонних проблем в болгаро-турецко-греческих отношениях. Болгария и Греция, еще принадлежавшие к противостоявшим друг другу военно-политическим блокам, стали налаживать тесное сотрудничество, в том числе и в военной сфере. Практически все участники межбалканского сотрудничества высказались в пользу преодоления его замкнутого характера, за налаживание совместных или скоординированных связей с западными странами и их интеграционными группировками.

С 1988 по 1990 гг. проводились регулярные встречи министров иностранных дел всех балканских стран, что способствовало ослаблению их внутренних, в том числе и межэтнических противоречий. На состоявшейся в октябре 1990 г. встрече в Тиране отмечалось в качестве своеобразного политического парадокса, что в век многосторонней дипломатии главы государств и правительств балканских стран ни разу не встречались, хотя их интересы намного ближе, чем, например, интересы лидеров стран «третьего мира», проводящих регулярные встречи⁹.

Подводя итоги этому этапу межбалканского сотрудничества, нельзя не заметить, что его активизации, особенно во второй половине 80-х годов, способствовало постепенное размывание национальных, идеологических и блоковых барьеров в отношениях между самими балканскими странами и в их контактах с Западом. Далеко не последнюю (если не главную) роль в этом процессе сыграл сформировавшийся на этапе горбачевской перестройки новый характер отношений СССР с государствами Восточной и Западной Европы.

Однако в конце 80-х годов межбалканское сотрудничество вступило в полосу кризиса. Крушение коммунистических режимов сопровождалось сложными и противоречивыми процессами, возрождением националистических идей и лозунгов. Американский исследователь С. Лэррэби еще до начала вооруженного конфликта в Югославии отмечал в этой связи, что главная угроза европейской безопасности теперь исходила уже не от советского блока, а от межэтнических конфликтов и политической фрагментации самого балканского региона¹⁰. Об этом писал и греческий исследователь Т. Кулумбис, по мнению которого два главных очага нестабильности в балканском регионе в начале 90-х годов — это эскалация межэтнических и территориальных противоречий и ослабление взаимного доверия как следствие ликвидации биполярных структур времен «холодной войны»¹¹.

Наступившие в результате распада советского блока перемены обозначили, таким образом, новую расстановку сил в балканском регионе. Тем не менее нельзя не подчеркнуть положительное значение предшествующего этапа конструктивного сотрудничества балканских государств, опровергнувшего представления о «непримиримости» их национальных интересов и идеологий.

Главным дестабилизирующим фактором балканской политики начала 90-х годов стал распад СФРЮ как результат крушения коммунистического режима и роста националистических настроений в руководящих слоях ее бывших союзных республик. В силу ряда причин уже в конце 80-х годов все ранее существовавшие противоречия между ними и всё многообразие их политических интересов трансформировались в этнополитические конфликты, а «национальные интересы» возобладали над интересами политических групп и индивидуума¹².

Суверенизация республик проходила в условиях нарастающей дискриминации и нарушений прав национальных меньшинств. Одними из первых дискриминации были подвергнуты косовские албанцы, лишившиеся после 1989 г. большей части ранее предоставленных им автономных прав. Уже в начале 90-х годов ситуация в Косово стала приобретать взрывоопасный характер как вследствие усилившейся внутренней напряженности, так и в результате резкого ухудшения отношений между Сербией и Албанией. Межнациональный конфликт на территории Косово стал, таким образом, не только одним из первых, но и в силу ряда обстоятельств одним из самых сложных на Балканах, постепенно вовлекая в противостояние другие страны этого беспокой-

ного региона. На позиции конфликтующих сторон оказывали воздействие как реальные факторы, так и укоренившиеся в сознании поколений албанцев и сербов мифологемы, реанимируемые их радикальными научными и политическими элитами.

Еще накануне распада СФРЮ сербские ученые выдвинули идею «этнически обоснованных границ». Один из наиболее активных ее пропагандистов академик Д. Чосич, впоследствии избранный на пост президента СРЮ, в марте 1991 г. заявил в открытом письме Конгрессу сербской интеллигенции о «свободе и правах сербов защищать свою духовную, культурную и историческую идентичность, *невзирая на временные республиканские границы внутри Югославии*» (курсив мой. — А. Я.)¹³. В апреле того же года в подготовленной на этой основе программной «Декларации сербского национального единства» было заявлено базовое требование: «Единое государство для всех сербов»¹⁴.

Тем самым возрождались идеи «Великой Сербии», в рамках которых при участии президента Сербской академии наук А. Деспича разрабатывались проекты раздела Косово и выселения из края сотен тысяч албанцев. Известно также, что С. Милошевич с конца 80-х годов был лично причастен к развязыванию антиалбанских кампаний в пресе¹⁵.

Подобного рода планы конструировались и албанской стороной. В феврале 1992 г. видный интеллеktуал из числа косовских албанцев Р. Чосья заявил, что разрешение албанского вопроса посредством объединения всех албанцев должно устранить одну из величайших несправедливостей в Европе¹⁶. «Албанская нация разорвана на пять частей (Албания, Косово, Македония, Черногория и Греция), но сегодня возникли новые условия для решения великой национальной задачи», — заявлял Р. Чосья¹⁷.

Публичные заявления идеологов албанского и сербского национализма выносили полемику на международный уровень и способствовали размежеванию позиций самих балканских государств, а также евро-атлантического сообщества и России. Как справедливо подметил ныне проживающий в США югославский писатель и диссидент М. Михайлов, в своем подходе к проблемам Югославии международное сообщество с самого начала руководствовалось мифами и идеями, противоречащими друг другу, что было чревато недальновидностью решений, принимаемых в отношении этого разнообразного, но глубоко взаимозависимого региона¹⁸.

Не менее опасной была перспектива эскалации общебалканской нестабильности, ставшая очевидной после того, как обнаружилось, что вслед за призывами к пересмотру границ Сербии и Албании могут последовать такого же рода попытки со стороны других балканских государств. Их многостороннее сотрудничество, сформировавшееся в 70—80-е годы, подверглось в новых условиях серьезному испытанию. Как справедливо отмечает президент Греческого фонда европейской и внешней политики Т. Веремис, повсеместный взрыв «национализмов» не способствовал их взаимодействию. «Национализмы» несовместимы, подчеркивает он, и если одно государство проявляет национализм против другого, то оно получает в ответ ту же реакцию¹⁹.

Сербско-албанское противостояние вокруг Косово, послужившее иллюстрацией к этому высказыванию, превратилось в силу ряда обстоятельств в один из самых сложных конфликтов на Балканах. Во второй половине 90-х годов оно стало серьезным фактором, постоянно провоцирующим региональную нестабильность.

Взаимоотношения стран Балканского региона в 90-е годы

После начала вооруженных конфликтов на территории распавшейся Югославии опасность их «расползания» на другие районы Балканского полуострова привела к изменению расстановки сил в регионе. На предшествующих этапах основными линиями противостояния на Балканах были: румыно-венгерский конфликт по поводу принадлежности исторической области Трансильвания и положения проживающего в ней почти двухмиллионного венгерского населения; болгаро-югославо-греческий спор вокруг так называемого македонского вопроса; болгаро-турецкий конфликт, обусловленный грубейшей дискриминацией режимом Т. Живкова проживающих в южных районах Болгарии этнических турок; приграничные проблемы в отношениях между Албанией и Грецией; наконец, постоянная напряженность между Югославией и Албанией в связи албанским населением Косово. Большинство этих проблем было обусловлено неоднородным составом населения балканских государств и проживанием в их приграничных районах значительных национальных меньшинств, этническая родина которых находится в сопредельных странах²⁰.

Распад СФРЮ и вооруженные конфликты на ее территории послужили причиной появления острых противоречий, на этот раз между бывшими союзными республиками, а также в самих этих республиках — по поводу дискриминации национальных меньшинств. Вплоть до середины 90-х годов, пока военными действиями были охвачены Хорватия и Босния и Герцеговина, конфликт в Косово переживал стадию внутреннего развития. Но уже тогда высказывались опасения по поводу возможности выхода конфликта за пределы Югославии в случае применения сербским руководством силы против албанского населения Косово.

Большинство балканских государств попыталось в условиях возросшей нестабильности обезопасить себя посредством нормализации отношений с соседями. Важным стимулом, обусловившим казавшееся ранее недостижимым «историческое примирение» между Румынией и Венгрией, Болгарией и Турцией стала также перспектива разноскоростного вовлечения стран региона в трансатлантические и западноевропейские интеграционные группировки — НАТО и ЕС.

В начале 90-х годов с инициативой заключения двусторонних соглашений, которые должны были гарантировать нерушимость границ и продемонстрировать намерение развивать добрососедские отношения на Балканах, выступила **Болгария**. В октябре 1991 г. она заключила с Грецией заключен Договор о дружбе, добрососедстве, сотрудничестве и безопасности сроком на 20 лет. В декабре того же года был подписан «Софийский документ» о мерах по обеспечению доверия, безопасности и военных контактах между Болгарией и Турцией, дополненный заключенным в мае 1992 г. двусторонним Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве²¹. Вопреки исторически сложившимся противоречиям Болгария стала также первым государством, признавшим в декабре 1992 г. независимость Македонии.

В первой половине 90-х годов Болгария заключила двусторонние договоры с Румынией и Албанией, заявив о «равностороннем» подходе к развитию отношений со всеми государствами — наследниками СФРЮ, но на практике более активно сотрудничая с Македонией и отчасти с Хорватией и Словенией²².

Избирательный подход к развитию отношений с постюгославскими государствами был характерен и для других балканских стран: Греция и Румыния поддерживали наиболее активные контакты с СРЮ (Сербией), Турция — с Боснией и Герцеговиной, Македонией и Алба-

нией, Албания — с Турцией и Македонией²³. В 1992 г. был заключен албано-турецкий договор о военном сотрудничестве, тогда же Албания вступила в Организацию «Исламская конференция» в расчете на получение поддержки исламских государств, в том числе и в косовском вопросе²⁴.

Что касается **Греции**, то ее традиционная роль инициатора и организатора процессов межбалканского сотрудничества в первой половине 90-х годов существенно ослабла, и сегодня греческие политологи характеризуют этот период как «время упущенных возможностей»²⁵. В значительной мере это объяснялось «заикленностью» греческого правительства и руководства правящей партии ПАСОК на проблемах государственной символики и названия Македонии, которую греческая сторона до середины 90-х годов отказывалась признавать²⁶. В первой половине 90-х годов из-за ухудшения положения национальных меньшинств по обе стороны албано-греческой границы обострились также и отношения между Грецией и Албанией. Особенно острый характер «проблема Северного Эпира» в албано-греческих отношениях приобрела летом 1993 г., когда тогдашний премьер-министр Греции К. Мицотакис напрямую увязал вопросы о необходимости предоставления автономных прав национальным меньшинствам в южных районах Албании и в Косово²⁷. Сам же косовский вопрос рассматривался в этот период греческими политиками в основном в связи с проблемой «турецкого проникновения» на Балканы и с расширением конфессиональных связей Турции с албанским населением Косово и Македонии, равно как и самой Албании.

Балканская политика Греции приобрела более сбалансированный характер после прихода в 1996 г. к власти правительства Константиноса Симитиса, которое в дальнейшем многое сделало для нормализации отношений с Албанией, заключив с ней в марте 1996 г. Договор о взаимопомощи и сотрудничестве.

Сама же **Албания**, предпринимая шаги в сторону нормализации отношений со странами Балканского региона, в середине 90-х годов стала тем не менее первым и единственным государством, официально признавшим «теневое правительство» Косово и поддержавшим требование албанского населения Македонии о предоставлении автономии. При поддержке албанской стороны конституированная в Загребе (Хорватия) Ассамблея Косово провела в мае 1991 г. выборы президента, которым стал И. Ругова. В сентябре того же года состоялся подпольный

референдум, провозгласивший Косово «суверенным и независимым государством»²⁸.

В октябре 1991 г. был создан Координационный совет албанских политических партий бывшей Югославии, объединивший албанские политические группы в Сербии и Косово, Черногории и Македонии. И хотя официально Албания не принимала участия в деятельности этого органа, контакты его лидера И. Руговы с тогдашним политическим руководством Албании были, по оценкам международных наблюдателей, очевидными²⁹. Все это не способствовало улучшению отношений Албании с Сербией и настораживало правительства Македонии и Черногории, где проживает значительное число этнических албанцев³⁰. В этих условиях на первый план постепенно выходила косовская проблема, образуя замкнутый круг противоречий, основанный на нежелании белградского руководства своевременно принять конструктивные решения и ответных действиях албанских лидеров.

Исходя из этого, итальянский исследователь Р. Спано оценивал ситуацию в Косово как одну из наиболее сложных и запутанных проблем Балканского региона в 90-е годы. По его мнению, дальнейшее нарастание противоречий, связанных с проживанием в рамках одного государства сербов и албанцев, албанцев и македонцев, в перспективе может привести к пересмотру ряда внутрибалканских границ. Именно поэтому, как полагал Р. Спано, положение в Косово стало в 90-е годы центральным пунктом балканской политики, своеобразной «бомбой с часовым механизмом» на Балканах³¹.

Опасения пограничных с Албанией и Косово государств подтверждались направлением эволюции политических требований косовских лидеров. Если в начале 90-х годов, накануне распада СФРЮ, они добивались самоопределения в ее составе, а в случае изменения внутриреспубликанских границ — объединения всех албанцев в одной республике, то после распада Югославской федерации и по сей день неизменным остается их требование независимости Косово, ставящее под угрозу территориальную целостность Сербии и Союзной Республики Югославии, а также провоцирующее нестабильность в других областях Сербии, в частности, в Воеводине и Санджаке.

В начале 90-х годов под непосредственным влиянием событий в Косово в населенном мусульманами славянского происхождения **Санджаке** вопреки рекомендациям союзных властей был проведен референдум о придании этой области статуса политической автономии. В де-

кабре 1992 г. партия «Мусульманское национальное вече» призвала население Санджака по примеру косовских албанцев бойкотировать выборы в государственные органы республики, а позднее высказалась в пользу вхождения в состав Боснии и Герцеговины. При этом югославские авторы подчеркивали идентичность позиций и требований политических лидеров косовских албанцев и мусульман Санджака³².

Что касается других государств балканского региона и в особенности ближайших соседей Сербии, то реализация этих планов означала бы для них дальнейшую эскалацию сепаратизма и межэтнических конфликтов. Поэтому уже в первой половине 90-х годов начался поиск возможностей мирного разрешения спорных вопросов, и одна из первых инициатив в этом направлении была предпринята премьер-министром СРЮ М. Паничем³³, изложившим в августе 1992 г. свой конкретный план решения косовской проблемы. По его мнению, нормализация обстановки в Косово могла бы быть достигнута на основе проведения свободных демократических выборов, в которых приняло бы участие все население края. М. Панич поручил министерству юстиции привести действующее в крае законодательство в соответствие с нормами СБСЕ. В целях нормализации обстановки была создана Комиссия по правам национальных меньшинств, началась разработка закона «О свободе и правах объединений национальных меньшинств и их представителей», которая после ухода М. Панича из правительства в декабре 1992 г. так и не была завершена. Было также принято решение о восстановлении в Косово обучения на албанском языке³⁴.

План М. Панича по нормализации обстановки в Косово, поддержанный премьер-министром Греции, который согласился быть посредником в переговорах между Белградом и Приштиной, собирались обнародовать в августе 1992 г. на лондонской конференции по Югославии. Однако в последний момент он был отклонен лидером косовских албанцев И. Руговой — по мнению международных наблюдателей, в расчете на то, что на конференции «будет отдано предпочтение платформе косовских албанцев, не учитывающей интересы Сербии»³⁵.

За короткое время пребывания на посту премьер-министра М. Панич предпринял также ряд шагов по нормализации общей обстановки на Балканах. Важной международной инициативой стал его план создания экономической унии расположенных на полуострове государств. В августе 1992 г. он провел переговоры с руководителями Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, а также совершил сенсационный визит в

Тирану, в ходе которого предложил Албании сотрудничество «без каких-либо предварительных условий», заверив албанскую сторону в том, что «трагедия Боснии в Косово не повторится»³⁶. Эти конструктивные предложения были, однако, сведены на нет после поражения М. Панича в декабре 1992 г. на президентских выборах. Тем самым была упущена реальная возможность начать переговоры о судьбе Косово на общевалканском (с участием Греции) и международном уровнях.

Попытки посредничества в мирном решении косовской и других потенциально опасных проблем предпринимали в первой половине 90-х годов и другие балканские государства. В ноябре 1992 г. по инициативе Турции в Стамбуле была созвана конференция министров иностранных дел балканских государств с участием Австрии, но без СРЮ. Ее участники обратились к Совету Безопасности ООН с просьбой «изучить возможность развертывания международных вооруженных сил в Косово, Воеводине и Санджаке... в целях сдерживания исключительно взрывоопасной ситуации в этих областях». Участники стамбульской конференции призвали также руководство Сербии и косовских албанцев к проведению переговоров по ситуации в Косово в рамках Женевской конференции по бывшей Югославии и к установлению контроля над экстремистскими группировками³⁷.

В последующие годы проблема Косово неоднократно обсуждалась на встречах политиков балканских государств, но, как правило, в ограниченном составе и в ряде случаев без участия СРЮ. К тому же, как показала состоявшаяся в апреле 1994 г. в Софии встреча президентов Албании, Болгарии и Македонии, их позиции по Югославии и по косовской проблеме оказалось трудно совместить. Так, выступая в Народном собрании Болгарии, албанский президент С. Бериша заявил, имея в виду ситуацию в Косово: «...Если сербская агрессия будет и далее поощряться, конфликт в Боснии и Герцеговине станет лишь прелюдией к региональным столкновениям неизмеримо большего масштаба», чем вызвал недовольство болгарской стороны и резкий протест посольства СРЮ³⁸.

В 1995 г. Греческий фонд европейской и внешней политики, ставя целью разработку конкретных предложений по урегулированию косовского конфликта, инициировал исследовательский проект на тему «Стратегия предотвращения конфликта в Косово». Основные выводы состояли в необходимости проведения переговоров между конфликтующими сторонами с участием пользующегося их доверием между-

народного посредника. По мнению греческих экспертов, обязательными условиями начала переговоров могли бы быть подтверждение территориальной целостности СРЮ и предоставление Косово широкой автономии. Гарантами федеративного характера Югославии и статуса Косово как ее интегральной части должны были бы стать ООН, ЕС, ОБСЕ и Совет Европы³⁹.

Предложенные греческими экспертами условия мирного разрешения косовского конфликта содержали также следующие конкретные рекомендации: а) восстановление автономного статуса Косово должно предшествовать завершению переговоров; б) международные гарантии территориальной целостности СРЮ должны исключать возможность предоставления Косово независимости или его объединения с соседними государствами; в) Косово должна быть предоставлена международная помощь для финансирования совместных сербско-албанских проектов; г) албанцы Косово должны дать согласие на участие в предстоящих общереспубликанских выборах; д) воинские подразделения должны быть выведены из населенных пунктов, а военизированные соединения распущены; е) возможно создание единого правового органа на основе паритетного представительства сербов и албанцев, председателем которого стало бы нейтральное лицо, пользующееся доверием обеих сторон⁴⁰.

Согласованные меры доверия, согласно греческому проекту, должны были включать положения о запрещении пропаганды и акций сепаратизма, восстановление двуязычного Приштинского университета и возобновление деятельности двуязычных СМИ, а также учреждение поста омбудсмена⁴¹. Греческий проект содержал позитивную основу для переговоров по установлению мира в Косово при посредничестве заинтересованных балканских государств, прежде всего Греции, и его основные положения сохраняют значимость по сей день. В какой-то степени эти идеи нашли отражение летом 1996 г. в ходе переговоров между Белградом и косовскими албанцами, на которых было достигнуто соглашение Милошевича — Руговы, предполагавшее взаимное признание властных полномочий, но так и не вступившее в силу (за исключением возобновления образовательных программ на албанском языке).

Середина 90-х годов ознаменовалась относительной нормализацией отношений между Сербией и Хорватией, а также завершением военных действий на территории Боснии и Герцеговины и подписанием в ноябре 1995 г. Дейтонских мирных соглашений по Боснии, реализа-

ция которых пока не принесла конструктивных результатов, кроме прекращения военных действий и сохранения статус-кво под контролем многонациональных сил по поддержанию мира под командованием НАТО. Косовские албанцы пристально следили за развитием ситуации в Боснии, восприняв в основном негативные уроки Дейтона.

По мнению Т. Веремиса, нынешняя боснийская ситуация может стать своего рода моделью для Косово, открывая в перспективе по крайней мере три возможности: создание широкой конфедерации (уже существующей в Боснии, но неприемлемой для сербской стороны в Косово), реализацию «американской мечты» о полиэтничном гражданском обществе (что сегодня на Балканах маловероятно), распад или раздел края в случае возобновления широкомасштабного противостояния. Если де-факто существующий раздел Боснии когда-либо будет юридически оформлен, косовские албанцы «несомненно воспримут это как сигнал к подобным же действиям», — подчеркивает Т. Веремис⁴².

Этот и другие уроки Дейтона, к сожалению, не были должным образом восприняты и сербскими радикальными политиками, продолжавшими делать ставку на решение косовской проблемы силовыми методами. Тем временем в Косово начали действовать экстремистские албанские группировки, для которых обсуждавшиеся ранее условия восстановления автономии и сам термин «автономия» оказались неприемлемыми. В конце 1996 г. на политической арене появилась Освободительная армия Косово, которая сделала ставку на достижение независимости силовым путем. В дальнейшем все это привело к резкому обострению косовского конфликта, его выходу на первый план в балканской и международной политике и существенной перегруппировке сил в Балканском регионе.

Позиции балканских стран по косовскому конфликту

Начало нынешнего этапа конфликта в Косово, превратившего край в наиболее опасную кризисную зону на Балканах, положили события сентября — ноября 1997 г., когда после очередных студенческих выступлений в Приштине и последовавшей за этим серии террористических акций ОАК присутствие сербских силовых структур в крае было резко усилено⁴³. В конце февраля — начале марта 1998 г. произошли вооруженные столкновения между боевиками ОАК, с одной стороны, и сербской полицией и формированиями ЮНА, с другой сторо-

ны, результатом чего стало большое число жертв среди мирного населения в районе Дреницы, где проживают в основном этнические албанцы.

Развитие событий на территории Косово и вокруг него внушало серьезную тревогу руководителям балканских государств. В ноябре 1997 г. на Крите состоялась встреча глав восьми государств и правительств стран Юго-Восточной Европы, в ходе которой ее участники даже избегали называть свой регион «Балканами», как бы подчеркивая этим отказ от негативного содержания этого термина. Особый характер встречи на Крите подчеркивался составом ее участников, среди которых были президенты Югославии и Македонии и премьер-министры Греции, Турции, Болгарии, Румынии и Албании. Босния была представлена заместителем министра иностранных дел, а Хорватия и Словения не представлены вообще, так как, согласно заявлениям руководителей этих стран, они «не являются балканскими государствами».

На первый план встречи вышел вопрос о взаимоотношениях Югославии и Албании. В кулуарах состоялись переговоры с глазу на глаз между руководителями обеих стран. Албанский премьер-министр Ф. Нано назвал их историческими, отметив, что тем самым был заложен «новый фундамент для более тесного сотрудничества между двумя странами». С. Милошевич ограничился заявлением, что его встреча с Ф. Нано была «очень интересной для обеих сторон»⁴⁴. Касаясь вопроса об албанцах Косово, С. Милошевич назвал их «национальным меньшинством», подчеркнув, что косовская проблема «будет решена в рамках международного права» с учетом того, что Косово является неотъемлемой частью Сербии и ситуация в крае является внутренним делом Югославии. В свою очередь, Ф. Нано назвал албанцев Косово «албанской общиной», указав, что их проблемы должны решаться в тех же самых европейских рамках, что и проблемы других общин⁴⁵.

Основное значение переговоров Милошевича — Нано состояло прежде всего в том, что это была первая почти за полвека личная встреча высших руководителей Югославии и Албании. Хотя переговоры завершились без видимых результатов, они вызвали негативную реакцию в Косово⁴⁶.

Другие организации многостороннего сотрудничества, в которых во второй половине 90-х годов участвовали страны балканского региона, — Организация черноморского экономического сотрудничества и Юго-Восточноевропейская кооперативная инициатива — воздержи-

вались от обсуждения косовской проблемы, ссылаясь на свой преимущественно экономический характер.

Большинство балканских стран, непосредственно не затронутых косовским конфликтом, предпочитали по возможности держаться от него в стороне, используя каналы двусторонней дипломатии. Однако наиболее опасные кризисные моменты заставляли их объединять усилия, чтобы не допустить распространения кризиса на другие районы полуострова. Так, массовые убийства в Дренице заставили министров иностранных дел Болгарии, Греции, Македонии, Румынии и Турции созвать экстренное совещание в Софии и обратиться к сторонам конфликта с развернутыми рекомендациями. В направленном ими в Парламентскую ассамблею Совета Европы документе содержался призыв к диалогу между сербскими властями и представителями косовских албанцев без предварительных условий. Согласованная в Софии позиция балканских стран содержала осуждение как противоправных действий сербских силовых структур, так и террористических акций ОАК. В документе подчеркивалось, что окончательное решение косовской проблемы может основываться только на твердом соблюдении прав албанцев, сербов и других проживающих в Косово этнических групп на основе Устава ООН, принципов Хельсинки и стандартов ОБСЕ. Министры специально подчеркнули важнейшее, по их мнению, условие сохранения мира в регионе — безусловное уважение существующих границ, сохранность границ СРЮ и неприятие сепаратистских устремлений радикальных организаций Косово при условии предоставления краю самых широких автономных прав⁴⁷.

Октябрьский (1998 г.) международный кризис вокруг Косово побудил балканские государства прибегнуть к более действенным мерам, а именно к учреждению в январе 1999 г. на встрече в Афинах группы объединенных вооруженных подразделений — балканских многонациональных миротворческих сил с участием Италии, Греции, Турции, Албании, Болгарии, Македонии и Румынии (Словения, а также США присутствовали на учредительной встрече в качестве наблюдателей). Штаб-квартира новой группировки должна перемещаться между столицами государств-участников, а в течение первых четырех лет — располагаться в болгарском Пловдиве. На встрече также было решено провести в конце 1999 г. первые совместные учения балканских миротворческих сил. Греческий министр А. Цохадзопулос заявил, что силы будут «инструментом международного сообщества по решению проблем

безопасности и стабильности в регионе на основе международного права». Министр обороны Италии К. Сконьямильо подчеркнул, что, создавая многонациональные силы, европейцы предоставляют мировому сообществу «дополнительные военные возможности». По словам главы оборонного ведомства Македонии Н. Ключева, силы призваны продемонстрировать «добрую волю к преодолению исторических конфликтов прошлого»⁴⁸.

Значительный интерес к этим планам проявила Югославия, но ей было отказано в членстве в новой группировке, в которой, однако, принимают активное участие главные региональные оппоненты СРЮ — Албания и Турция. Опыт предшествующих этапов балканской политики показывает, однако, что изоляция хотя бы одного из государств может в перспективе негативно отразиться на положении региона в целом.

Что касается нынешнего этапа развития двусторонних отношений в рамках региона и посреднической деятельности отдельных балканских государств, то наибольшую активность на этом направлении проявляет **Греция**, оказавшаяся в условиях разгорающихся на Балканах вооруженных конфликтов перед непростым выбором: либо действовать в русле политики США и НАТО, либо отстаивать собственную позицию, претендуя на региональное лидерство. Греческое руководство избрало второй вариант⁴⁹. В частности, недовольство Запада не помешало грекам во время боснийской войны, невзирая на санкции ООН, снабжать Сербию и Черногорию горючим⁵⁰. В связи с постоянным характером греко-турецкого противостояния в рамках НАТО и обострением конфликтной ситуации вокруг Косово целью греческой стратегии на Балканах оставалось также противодействие турецкой экспансии и предотвращение возможности создания в регионе «исламско-турецкого пояса»⁵¹.

Во второй половине 90-х годов внешняя политика Греции стала более сбалансированной и менее конфронтационной. Из страны, прямо или косвенно вовлеченной в балканские конфликты, она начала постепенно превращаться в стабилизирующую силу и потенциального посредника в процессе мирного урегулирования спорных проблем. После крушения коммунистических режимов греческий капитал стал активно завоевывать рынки балканских стран, создавая общие предприятия с местными партнерами. Основная доля греческих инвестиций (их общая сумма в регионе оценивается в 800—900 млн долл.) идет в

Болгарию и Румынию, в меньшей степени — в Албанию и Македонию. В перспективе разносторонняя деятельность в балканских странах крупнейших греческих банков и быстро растущих компаний в различных сферах производства может способствовать их превращению в региональные транснациональные корпорации⁵².

С целью укрепления своих политических позиций Греция стала играть более активную посредническую роль в вопросах регулирования балканских конфликтов. Так, в июле — августе 1996 г. греческий премьер-министр К. Симитис провел секретные переговоры между Белградом и Загребом, добившись нормализации отношений между Сербией и Хорватией и официального признания ими существующих границ⁵³.

Греческая сторона также пыталась, хотя и безуспешно, способствовать урегулированию конфликта вокруг Косово. В январе 1998 г. заместитель министра иностранных дел Греции И. Папандреу предложил посреднические услуги С. Милошевичу, И. Ругове и Ф. Нано. Албания приняла предложение, косовское руководство отвергло его, а из Белграда не последовало никакой реакции⁵⁴.

В албанских кругах Косово настроенно относятся к Греции из-за ее особых отношений с Белградом на основе христианско-православных ценностей и антиисламской направленности политики обеих стран. Попытки прямых переговоров греческого министра иностранных дел Т. Пангалоса с лидерами ОАК в Тиране (сентябрь 1998 г.) привели лишь к ухудшению албано-греческих отношений в связи с заявленными косовскими лидерами претензиями на населенные этническими албанцами греческие районы как на часть «Великой Албании». Однако греческая сторона и в этом случае не отошла от своего сбалансированного курса в отношении конфликтующих сторон.

В ноябре 1998 г. в Афинах состоялись переговоры К. Симитиса с албанским премьер-министром П. Майко, центральным пунктом которых был вопрос об урегулировании конфликта в Косово. Позиции сторон были близки, но не во всем совпадали. Греческая сторона высказалась против использования силы и в пользу более широкой автономии для Косово, но против каких-либо изменений существующих границ. Албанский премьер-министр, ссылаясь на решения парламента, заявил о необходимости политического диалога для достижения урегулирования, «хотя бы с временным статусом» для Косово⁵⁵. Тем не менее Албании была обещана поддержка во вступлении в НАТО и ЕС, а также экономическая помощь (предоставление Тиране займа в сум-

ме 18 млн долл., несомненно, способствовало стабилизации греческо-албанских отношений).

Следуя линии на сбалансированное развитие отношений со странами Балканского региона, в декабре 1998 г. Греция предприняла попытку устранения спорных вопросов на наиболее чувствительном для нее направлении — в отношениях с Македонией. И хотя название бывшей югославской республики по-прежнему остается препятствием для развития отношений между Афинами и Скопье, в ходе двусторонних переговоров были достигнуты договоренности по ряду экономических вопросов, а также наметился компромисс по вопросу о названии македонского государства.

На всех этапах косовского кризиса Греция сохраняла отрицательное отношение к возможной силовой акции против Белграда, поскольку для нее больше, чем для любого другого члена НАТО, была очевидна опасность расширения в этом случае общепалканского конфликта. Причины фактического отказа Греции от участия в военных операциях НАТО на территории бывшей Югославии заключались также в ее опасениях по поводу неизбежного в этом случае ухудшения сербско-греческих отношений.

В целом греческое руководство сохраняет взвешенную позицию в отношении косовского конфликта, поддерживая баланс сил в регионе и оправдывая взятую на себя роль регионального балканского лидера. Такая позиция Афин вряд ли будет зависеть от персональных изменений в правительстве и сохранится в перспективе, обеспечивая Греции прочные позиции в экономической и политической жизни стран Балканского полуострова.

В свете конфликта на территории Косово возросло значение отношений в треугольнике СРЮ — Албания — Македония⁵⁶.

В 90-е годы быстро растущее албанское меньшинство **Македонии**^{56а} выдвинуло требование признать албанцев «второй государствообразующей нацией» и предоставить им территориальную автономию⁵⁷. Учитывая, что албанское население проживает в приграничных с Албанией районах, а также имея перед глазами пример Косово, македонское правительство отказалось удовлетворить эти требования. В ответ албанское население бойкотировало государственный референдум 1991 г. и в январе 1992 г. провело собственный референдум, в ходе которого 90% его участников высказались за отделение населенных албанцами территорий от Македонии.

В сложившихся условиях правительство Македонии дало согласие на размещение начиная с марта 1995 г. на ее территории Сил превентивного развертывания (СПР) ООН, укомплектованных в основном военнослужащими США и Скандинавских стран. Вопрос о пребывании «голубых касок» в Македонии и их численном составе неоднократно становился предметом обсуждения на международном уровне. В апреле 1997 г. Совет Безопасности ООН в связи с беспорядками в соседней Албании и возможностью их воздействия на Македонию единогласно отклонил ранее принятую резолюцию об их сокращении⁵⁸. Однако в феврале 1999 г. вопрос о продлении мандата СПР ООН был заблокирован в Совете Безопасности Китаем после того, как Македония установила дипломатические отношения с Тайванем.

В дальнейшем противоречия между македонскими властями и албанскими экстремистами, создававшими нелегальные объединения и подпольные вооруженные группировки, оставались острыми⁵⁹. Террористические группы в Македонии и Косово поддерживают между собой контакты, и вооруженный конфликт в Косово легко может перекинуться в Македонию. Подтверждением этому стали взрывы бомб в Скопье и других городах в июле 1998 г., ответственность за которые взяла на себя Освободительная армия Косово. В разгар октябрьского кризиса 1998 г. политические партии албанского меньшинства Македонии открыто поддержали действия ОАК, потребовав от правительства предоставить территорию страны в распоряжение сил НАТО в случае интервенции против СРЮ⁶⁰.

В этих условиях для Македонии первостепенное значение приобрела необходимость установления более тесного взаимодействия с Албанией. В феврале 1998 г., в момент очередного обострения косовской проблемы, президент Киро Глигоров заявил о возможности в случае войны открыть через территорию Македонии коридор для беженцев-албанцев из Косово. Однако албанские власти дали понять, что Албания не готова принять 100—200 тыс. беженцев, как это предложил К. Глигоров⁶¹. В январе 1999 г. на встрече премьер-министров двух стран в Тиране была достигнута договоренность о координации действий Македонии и Албании по косовскому вопросу. Этому в значительной мере способствовали внутривнутриполитические перемены в Македонии после победы на парламентских выборах оппозиционной социал-демократам Всемакедонской революционной организации — Демократической партии македонского национального единства. Несмотря на

анахронизм в ее названии, ВМРО и ее коалиционный партнер — партия «Демократическая альтернатива» — сразу же выступила за конструктивный диалог со всеми соседями на основе выдвинутого нынешним премьер-министром Любчо Георгиевским лозунга: «На Балканах должен воцариться европейский дух!». В качестве первого шага было установлено конструктивное взаимодействие с Партией демократического процветания албанцев, 11 представителей которой вошли в состав нового правительства⁶². Тем самым была продемонстрирована возможность конструктивного сотрудничества этнических групп — пример, который резко контрастирует с политикой Белграда в отношении албанского населения Косово.

С приходом к власти правительства Л. Георгиевского произошли существенные перемены в отношениях Македонии с балканскими соседями и ее позиции по косовскому конфликту. Прежняя линия на сохранение «равноудаленности» уступила место налаживанию более тесных отношений с Грецией и Болгарией и преодолению «исторических разногласий» с ними. Не исключено, что новое руководство может пойти на компромисс с Грецией и по вопросу о названии (предложив, например, вариант «Республика Македония — Скопье»)⁶³.

Новое македонское руководство стало уделять меньше внимания отношениям с Сербией за исключением вопроса о необходимости делимитации границ, который руководство СРЮ не спешит решать. Озабоченность Македонии этой проблемой продиктована ее опасениями по поводу возможности вторжения частей югославской армии, которая под предлогом преследования албанских террористов может нарушить еще не делимитированную границу. Согласно оценкам ЦРУ, такой сценарий представляет несомненную опасность, поскольку может спровоцировать военное вмешательство Албании, Болгарии, Греции и Турции и вызвать масштабный конфликт на Балканах⁶⁴.

В вопросе об отношении к конфликту в Косово правительство Л. Георгиевского все в большей мере ориентируется на США и НАТО. Не случайно первым государственным визитом нового премьера была поездка в Брюссель в декабре 1998 г., где он обсуждал с генеральным секретарем НАТО Х. Соланой совместные действия по урегулированию косовской проблемы^{65–66}. Уже в конце прошлого года в приграничных районах Македонии и Югославии были дислоцированы Силы НАТО по эвакуации миссии ОБСЕ в Косово в составе 1800 военнослужащих. На случай широкомасштабной военной операции в Косово были раз-

работаны и осуществлены планы развертывания более мощной группировки на македонско-югославской и албано-югославской границах.

Македония относится к числу наименее развитых балканских стран (по объему ВВП Македония превосходит лишь Албанию), отягощенных экономической отсталостью, массовой безработицей, особенно среди молодежи, и наличием у населения неучтенных запасов оружия. О состоянии экономики Македонии красноречиво свидетельствует тот факт, что в 1998 г. она из-за неуплаты взноса в ООН (90 тыс. долл.) была лишена права голоса в этой международной организации.

В нынешних условиях македонская сторона проявляет заинтересованность в предотвращении расширения косовского кризиса, урегулировании других спорных вопросов в отношениях с соседями и получении экономической и политической поддержки Запада. Новые македонские лидеры постоянно подчеркивают, что несогласованность действий балканских государств на фоне разрастания косовского кризиса может обернуться опасными последствиями для всего региона.

Это осознает и руководство еще одной балканской республики, где проживает албанское меньшинство, — **Черногория**, объединенной с Сербией в составе СРЮ. Избрание в октябре 1997 г. на пост президента лидера реформаторских сил Мило Джукановича означало поворот Черногории в сторону большей независимости от Белграда, в том числе и в отношении косовского конфликта. Еще до начала нынешнего обострения ситуации в Косово М. Джуканович в интервью журналу «Време» (1997. — 21.02) объявил С. Милошевича «некомпетентным политиком», выступив за урегулирование конфликта политическими средствами⁶⁷. Летом 1998 г. черногорский парламент потребовал в срочном порядке отозвать всех солдат из этой республики, несущих службу в Косово, и перевести их в части, дислоцированные в Черногории.

Черногорские политики настаивали на своем участии в переговорном процессе в Рамбуйе (февраль 1999 г.) на правах наблюдателей. Выступая за предоставление Косово самой широкой автономии, они категорически возражали против предоставления краю статуса третьей республики в составе СРЮ. М. Джуканович резко критиковал операции югославской армии и сербской полиции против мирного населения Косово. Единственный путь к решению косовской проблемы М. Джуканович усматривал в смене белградского режима, который, по его мнению, «привел страну к международной изоляции»⁶⁸.

В сложном переплетении национальных и политических интересов и сил на Балканах перспективы разрешения косовского конфликта не в последнюю очередь зависят и от позиции **Албании**. Несмотря на рост национал-экстремистских настроений как в самой Албании, так и особенно в среде зарубежной албанской диаспоры в 90-е годы, официальная политика Тираны характеризовалась осторожным отношением к «албанскому вопросу» и его конкретным проявлениям в Македонии, Черногории и Косово. Очевидны были и различия в подходе к косовскому конфликту более осторожных «южан»-тосков (Ф. Нано) и «северянина»-гега С. Бериши⁶⁹. Впрочем, и сам С. Бериша, будучи президентом, предпочитал ограничиваться словесной поддержкой соотечественников и стремился всеми силами избежать прямой конфронтации с соседями⁷⁰.

Албанские власти стараются не допускать открытого противостояния в приграничных районах с сербскими вооруженными силами, расположенными вдоль югославо-албанской границы. Тем более что, по оценке экспертов НАТО, для этого необходимо по меньшей мере 60 тыс. хорошо вооруженных военнослужащих, которыми сама Албания не располагает. К тому же перед албанским руководством постоянно возникал вопрос, сумеет ли оно в случае более активной поддержки косовских вооруженных формирований взять их под свой контроль и стоит ли брать на себя ответственность за открыто пропагандируемый косовскими экстремистами лозунг «За Великую Албанию!», способный перессорить Албанию с большинством балканских государств и европейским сообществом.

Тем не менее средства массовой информации ряда стран приводили факты неофициальной поддержки албанскими политиками вооруженных албанских формирований в Косово. Само албанское правительство подтвердило, что в сентябре 1998 г. в ходе противостояния с законно избранной властью экс-президент С. Бериша пользовался услугами боевиков ОАК⁷¹. Из Албании в Косово систематически переправляются большие партии оружия, а северные районы страны фактически контролируются ОАК. Однако, по оценкам Международной кризисной группы, выдворение формирований ОАК с албанской территории означало бы «политическое самоубийство» для албанского правительства, поэтому оно в интересах «национальной солидарности» вынуждено закрывать глаза на активность косовских боевиков в своей стране⁷².

В балканской политике Албании активно присутствует и «исламский фактор», прежде всего в его политическом измерении. Исходным пунктом на этом пути стало вступление Албании в Организацию «Исламская конференция»: при этом она стала первой европейской страной, получившей полноправный статус в ОИК. Тогда это, однако, вызвало ожесточенную дискуссию в среде албанских оппозиционных политиков, обосновывавших свою позицию тем, что сближение с исламским миром может отрицательно сказаться на общей евроатлантической ориентации страны, ее попытках интегрироваться в западные структуры. После прихода к власти в июне 1997 г. правительства Ф. Нано — П. Мило Албания стала ориентироваться преимущественно на двусторонние отношения с исламским миром⁷³. При этом она продолжает получать экономическую помощь от Турции, с которой связана Договором о дружбе и военным соглашением, и финансовую поддержку от Саудовской Аравии, Кувейта и Египта⁷⁴.

Обострение во второй половине 90-х годов кризиса на территории Косово и вокруг него наложило отпечаток на внешнюю политику **Болгарии**. Балканское направление болгарской внешней политики в этот период все более тесно увязывалось с общей евроатлантической ориентацией пришедшего в 1997 г. к власти правительства правых сил во главе с Иваном Костовым. В качестве главной цели правительство правых сил объявило намерение интегрировать страну в НАТО и ЕС, что и определило его позицию по косовскому конфликту. Конкретные акции Болгарии были прежде всего направлены на ликвидацию спорных проблем с соседями и поддержку действий США и НАТО в отношении Югославии и Косово.

Особое значение было уделено нормализации отношений с Македонией, приобретающих для болгарской стороны практическое значение в моменты обострения косовского конфликта. В марте 1997 г. Болгария подписала с Македонией серию соглашений, при этом документы впервые были составлены на двух языках, что расценивалось как значительная уступка со стороны Софии, ранее не признававшей македонского языка и считавшей его диалектом болгарского. В октябре 1998 г. болгарская пресса, как полагали обозреватели, под влиянием правительства, поддержала ВМРО — ДПМНЕ и в значительной мере обеспечила ее победу на парламентских выборах, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему улучшению двусторонних отношений.

Конец большинству спорных проблем в болгаро-македонских отношениях был положен в феврале 1999 г. с подписанием в Софии совместной Декларации об отказе от взаимных территориальных претензий и официальном признании македонского языка в качестве государственного языка Республики Македония. Премьер-министры Болгарии и Македонии оценили этот шаг как полезный пример для решения других застарелых споров, в их числе косовского конфликта⁷⁵. Совместная болгаро-македонская декларация была поддержана руководством ЕС, оценившим ее как «ценный вклад в обеспечение стабильности и безопасности в регионе, где еще далеко не исчерпан потенциал сотрудничества».

В то же время правительство Болгарии в порядке поддержания «атлантической солидарности» приняло в ноябре 1998 г. решение о закрытии национального воздушного пространства для югославских авиаперевозчиков. По оценкам болгарской печати левой ориентации, это стало «очередным шагом, ведущим к преднамеренной конфронтации с югославскими властями», тем более что ему предшествовало разрешение на использование боевыми самолетами НАТО болгарского воздушного пространства для нанесения авиаударов по армейским объектам в Косово⁷⁶. Придерживаясь в косовском вопросе линии на безоговорочную «атлантическую солидарность», болгарская сторона столкнулась с рядом неприятных проблем — прежде всего с неготовностью болгарских ВВС и ПВО отразить ответные действия сербской стороны в случае вооруженного конфликта в Косово, о чем прямо заявил президент Болгарии П. Стоянов в интервью немецкому еженедельнику «*Verliner Morgen*»⁷⁷.

Антисербской позицией болгарского руководства не преминули воспользоваться косовские сепаратисты. Так, по сообщению софийской газеты «*Сега*» со ссылкой на «источники в контрразведке», ОАК разработала программу, предусматривающую распространение сферы своего влияния на соседние с Югославией страны, причем в качестве одного из приоритетных направлений указана Болгария. Многочисленная колония косовских албанцев обосновалась в курортном городке Сандански, расположенном в «стратегическом треугольнике» на стыке границ Болгарии с Македонией и Грецией, а также вблизи границ с Турцией, где проживает мусульманское население — болгарские турки и помаки⁷⁸.

Сама же **Турция** активно использует в своей балканской политике «исламский фактор» и поддержку влиятельных стран Персидского за-

лива, которые, в свою очередь, поощряют ее усилия по оказанию помощи балканским мусульманам. При этом Турция стремится сбалансировать свою политику одновременной поддержкой стратегии США и НАТО, что стало особенно очевидным на примере ее отношения к косовскому конфликту.

Выступая за соблюдение прав исламского населения, турецкие политики неоднократно предлагали направить в «горячие точки» на Балканах, в том числе и в Косово, свои воинские контингенты, против чего активно возражала Греция, указывая, что это могло бы возродить в памяти балканских народов многовековое господство Османской империи. Тем не менее, согласно сообщениям западных информационных агентств, турецкая сторона в феврале 1999 г. подтвердила готовность направить по договоренности с Болгарией свой воинский контингент в Косово ⁷⁹.

В последнее время Турция стала активно расширять контакты с Македонией. В частности, она оказывала Скопье экономическую помощь во время греческой блокады. Недавно подписанное двустороннее соглашение о военном сотрудничестве предполагало, что офицеры пока еще немногочисленной македонской армии будут проходить стажировку в Анкаре.

В целом, однако, политика Турции на всех этапах косовского кризиса по понятным причинам оставалась осторожной: турецкие власти, вынужденные решать сложнейшую курдскую проблему, не могут занять позицию, которая могла бы быть истолкована как поддержка сепаратизма.

Подводя итоги сказанному, можно заметить, что косовский кризис существенно повлиял на расстановку сил на Балканах, способствуя поляризации позиций большей части балканских государств. Более нейтральную позицию заняли Босния и Хорватия, на территории которых расположены сербские анклавы, а также Словения и Румыния, территориально относительно удаленные от зоны конфликта.

Последние две страны, претендуя на членство в НАТО, вынуждены были отреагировать на угрозу нанесения ракетно-бомбовых ударов по военным объектам СРЮ. Согласно сообщениям, полученным в октябре 1998 г., Румыния, как и Болгария, предоставила ВВС НАТО свое воздушное пространство, однако позже румынская сторона дезавуировала эти сообщения. По словам посла Румынии в Москве Иона Дьякону, речь шла лишь о возможности пролета или посадок отдельных самолете-

тов, испытывающих технические неполадки. В этом отличие румынской позиции от венгерской или болгарской, подчеркнул посол. Румыния не поддерживает предложение о введении санкций против СРЮ, так как только в прошлом она понесла ущерб в 7 млрд долл. из-за эмбарго, объявленного Белграду. Что касается более общих подходов к урегулированию косовской проблемы, то Румынии ближе позиция России, отметил посол⁸⁰. В марте 1999 г. Румыния выступила инициатором созыва «синайской тройки» в составе руководителей Турции, Болгарии и Румынии для обсуждения ситуации в Косово и возможных предложений по выходу из кризиса.

В то же время нельзя не указать на те существенные для всех балканских государств обстоятельства, которые побуждают их совместно искать пути мирного разрешения косовского конфликта.

На протяжении 90-х годов важнейшим деструктивным фактором на Балканах оставалась проблема беженцев, вынужденных переселенцев, не имеющих социальной защиты жертв вооруженных столкновений, а также перемещающихся из страны в страну вооруженных лиц и группировок без определенных занятий. По оценкам ООН, уже в январе 1994 г. численность всех этих «групп риска» в постюгославских республиках достигла 4135 тыс. человек⁸¹. В результате военных действий в Боснии только на территории Хорватии оказалось свыше 300 тыс. беженцев, а их общая численность превысила во второй половине 90-х годов 600 тыс. человек⁸².

После каждой новой вспышки вооруженного конфликта в Косово число беженцев, как албанцев, так и сербов, возрастает (еще до октябрьского кризиса 1998 г. оно превышало 200 тыс.). Часть из них через венгерскую границу перебирается на Запад — в Австрию, Германию, Швейцарию, где пытаются получить вспомоществование согласно Конвенции о статусе беженцев (1951 г.) и вызывает все большую озабоченность местной общины и властей. Однако значительный контингент лиц без определенных занятий оседает в сопредельных балканских странах. По данным австрийской прессы, их численность составляла в октябре 1998 г. в Албании 20 тыс., в Черногории — более 40 тыс., в Боснии — 7 тыс., в Словении — 2 тыс.⁸³ Большинство перемещенных лиц живут в неудовлетворительных условиях, осложняя и без того непростую внутривнутриполитическую ситуацию в этих странах и пополняя их криминальные структуры.

Не менее негативным для общепалканской ситуации фактором, порожденным нынешним косовским кризисом, стал практически некон-

тролируемый наркобизнес. Косовские события придали этому традиционному для албанских районов промыслу новый импульс, так как получаемая прибыль идет в основном на финансирование ОАК. По данным Интерпола, албанская наркомафия контролирует до 40% рынка наркотиков бывшей Югославии и до 70% германского рынка. Албанцы из Косово, Македонии и самой Албании контролируют до 80% оборота наркотиков в Швейцарии, Венгрии, а также в ряде балканских государств⁸⁴.

Косовский конфликт продолжает, таким образом, оказывать самое негативное воздействие на общеевропейскую ситуацию, способствуя ее дальнейшей дестабилизации. Нерешенность проблемы Косово и ее дальнейшая эскалация неизбежно повлечет за собой распространение конфликта на другие страны региона. Но даже если бы этот процесс был приостановлен международным сообществом на компромиссной основе (по дейтонскому образцу), это не гарантировало бы Балканский регион от негативных явлений, которые были порождены косовским кризисом и могут быть нейтрализованы и устранены лишь совместными и согласованными усилиями всех без исключения государств региона.

До последнего времени большинство балканских стран предпочитало держаться в стороне от косовского конфликта, однако после начала натовских бомбардировок в него оказались втянутыми сопредельные с Косово Македония и Албания, а также занимающая особую позицию в рамках СРЮ Республика Черногория. Именно они первыми испытали на себе последствия гуманитарной катастрофы на территории Косово. Развязанный режимом С. Милошевича террор против албанского населения, многократно усилившийся под влиянием натовских бомбардировок, привел к массовому перемещению в эти республики беженцев из Косово. Только за одну неделю в Албанию, Македонию и Черногорию были выдворены или вынуждены были спасаться бегством более 120 тыс. косовских албанцев. По оценкам УВКБ ООН общее количество перемещенных лиц за год косовского конфликта достигло 550 тыс., а в случае расширения конфликта может составить 1 млн человек. Наряду с большинством государств балканского региона (прежде всего это относится к Греции) их наплыв угрожает Центральной и Западной Европе — потоки беженцев могут хлынуть через венгерскую границу в Австрию и Германию, а через Адриатику — в Италию.

Расположенные вблизи границ Югославии государства оказались после начала воздушных ударов по Югославии в непосредственной «зоне риска». В Македонию еще в начале 1999 г. были переброшены сухопутные контингенты НАТО — до 12 тыс. солдат, оснащенных тяжелой бронетехникой и артиллерией, дислоцированных в Скопье, Куманово и Тетово. Расширение военно-воздушных операций в Косово повлекло за собой и прямую угрозу Македонии в случае попадания ракет на ее территорию или же нанесения сербской стороной ответных ракетных ударов по позициям воинских группировок НАТО. Все это послужило причиной того, что после начала второго этапа вооруженного вторжения НАТО в Югославию македонская сторона официально запросила предоставления ей «защитного зонтика НАТО» вплоть до возможного вступления в Североатлантический блок.

С началом военной операции НАТО против Югославии самостоятельную позицию заняло руководство Черногории. После начала воздушных операций НАТО ее президент М. Джуканович резко критиковал политику С. Милошевича, назвав ее «безумной», а самого С. Милошевича — «главным организатором кризиса». Власти Черногории отказались распространить на территорию республики режим военного положения. В этих условиях грубым политическим просчетом стали бомбардировки ВВС НАТО ракетных батарей и аэродромов Черногории, отказавшейся поддерживать политику Белграда и еще летом 1998 г. отозвавшей своих солдат из Косово.

Официальная позиция сопредельной с Косово Албании до последнего времени характеризовалась осторожным отношением к «албанскому вопросу» и его конкретным проявлениям в Косово, Черногории и Македонии, хотя негласная поддержка ОАК была очевидной. Наплыв беженцев из Косово (по некоторым данным, более 100 тыс. человек за одну лишь последнюю неделю марта) усиливает политическую нестабильность в Албании. Результатом этого становится легализация деятельности радикальных косовских группировок, что стало очевидным после того, как 3 апреля лидер ОАК Х. Тачи заявил о формировании на территории Албании «временного правительства независимого Косово». В то же время в Брюсселе было заявлено о развертывании в Албании шеститысячного воинского контингента и размещении командной структуры НАТО в Тиране.

Единственным государством — членом НАТО, которое не только не приняло участия в военно-силовой акции против Белграда, но и осу-

дило ее, остается Греция. Греческое общество едино в своей негативной оценке возможных последствий нынешнего кризиса, поскольку для Греции больше, чем для любой другой страны — члена НАТО, очевидна опасность расширения общебалканского конфликта с вовлечением в него Македонии, Турции и Албании. После воздушных ударов НАТО по Югославии Греция официально выразила свое неодобрение этой акции. И премьер-министр К. Симитис, и министр иностранных дел Г. Папандреу высказались за поиск новых политических подходов, учитывая сложность этнических проблем на Балканах и невозможность их решения военным путем. Предлагалось, в частности, в случае прекращения натовских бомбардировок размещение в Косово «международных сил контроля» с участием России и ряда малых стран Европы, к которым в Белграде нет очевидного предубеждения.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что решение о проведении военной операции НАТО против Югославии не только не способствовало прекращению конфликта на территории Косово, но с большой долей вероятности может привести к возникновению новых очагов войн на Балканах. Упорство противоборствующих сторон, желание одной из них сохранить свои позиции ценой жизни собственного народа, «высокомерие силы» и непонимание реальной ситуации со стороны другой подтолкнули Европу и мир к опасному рубежу. Собирать камни несоизмеримо труднее, чем разбрасывать их. Но именно этим придется заняться политикам, если они хотят сохранить мир на Балканах и в Европе.

* * *

Распад СФРЮ и серия конфликтов на ее бывшей территории не только изменили карту Балканского полуострова, но и самым негативным образом сказались на характере межгосударственных и межнациональных отношений в регионе. Набиравшее во второй половине 80-х годов силу многостороннее сотрудничество балканских государств прервалось, поскольку после преодоления блокового противостояния в Европе были исчерпаны его основные цели. В результате крушения коммунистических режимов большинство балканских государств избрали прозападную ориентацию, взяв курс на вступление в НАТО и ЕС. Это в конечном счете и определило новый характер и структуру их взаимодействия.

Что же касается межнациональных отношений в регионе, то их современный уровень определяется стремлением большинства балканских государств и обществ соответствовать стандартам европейских структур. Именно этим объясняются казавшиеся ранее невозможными процессы «примирения» между Македонией и Болгарией, Македонией и Грецией.

В то же время отсутствие реального прогресса на пути демократизации консервирует межнациональную рознь, что наиболее ярко демонстрирует ситуация на территории Косово. По словам философа и публициста Ш. Маличи, в крае «сложилась обстановка тотальной, всеобщей и непримиримой конфронтации между сербами и албанцами»⁸⁵. При всей сложности исторических предпосылок этой конфронтации, возможности ее преодоления существовали (например начавшийся в 1992 г. диалог, инициированный тогдашним премьер-министром Югославии М. Паничем).

В свое время известный югославский политик М. Джилас сформулировал вывод о том, что путь к политической и экономической стабилизации Югославии лежит через осознание национальных различий и договоренности между нациями. Этот разумный совет и сегодня остается в силе, и пренебрежение им способствует эскалации конфликта в Косово с самыми непредсказуемыми последствиями для края, СРЮ и балканского региона в целом. Без соблюдения демократических норм невозможно преодолеть негативные стереотипы и взаимные «образы врага». Пренебрежение этими нормами со стороны сербского руководства еще туже затягивает узел конфликта, усиливает военное противостояние, в котором не может быть победителей.

Предпринимаемые США и НАТО меры по разрешению сложнейших этнонациональных противоречий и «установлению демократии» силовым путем также контрпродуктивны и могут повлечь лишь укрепление нынешнего режима СРЮ, а в конечном счете и эскалацию конфликта за пределы Косово. Если международное сообщество имеет целью стабилизацию обстановки в регионе, оно должно прежде всего найти реальные пути укрепления позиций демократических сил как среди сербов и косовских албанцев, так и в других национальных группах, памятуя о том, что «национальный вопрос» не может быть разрешен в условиях отсутствия демократии.

В более широком плане опыт недавней истории ряда балканских государств свидетельствует, что постепенное ослабление в регионе меж-

национальных и межгосударственных противоречий возможно лишь на основе преодоления последствий господства авторитарных и тоталитарных режимов, поощрявших создание различного рода «национальных мифологем» и активно использовавших их в государственной политике.

Поэтому одна из главных целей европейского и мирового сообщества состоит в необходимости поддержки в странах Балканского региона тех внутренних политических сил, которые выступают за продвижение реформ и утверждение демократических ценностей и уже поэтому несовместимы с практикой национализма и разжигания национальной вражды. Использование их конструктивного опыта и конкретных предложений могло бы внести существенный вклад в преодоление косовского кризиса путем политических переговоров.

Примечания

¹ *Vekarić V.* The Kosovo Problem and the International Community: Reflections on Possible Approaches // CSS Survey [Belgrade]. — 1997. — Apr. — P. 6.

² *Petković R.* Effects of the Yugoslav Crisis upon the Balkan Situation // CSS Survey. — 1996. — March. — P. 3.

³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — № 2. — Весна. — С. 121.

⁴ *Bianchini S.* The Adriatic Southeast European Area: The Balkans // The Intern. Spectator. — 1990. — Vol. 25. — № 4. — Oct.—Dec. — P. 310.

⁵ *Iorga N.* Histoire des États balkaniques jusqu'à 1924. — Paris, 1925. — P. 9—10.

⁶ *Petković R.* Balkan: ni «bure baruta» ni «zona mira». — Zagreb, 1978. — P. 104—105.

⁷ *Смирнова Н., Языкова А.* Балканы в российской политике XIX—XX веков // Европейский альманах: История, традиции, культура. — М., 1998. — С. 58—59.

⁸ *Grigорова G.* The Balkans and Common European Home // Études balkaniques [Sofia]. — 1989. — № 4. — P. 19; Balkan krajem 80-tih. — Beograd, 1987. — S. 99.

⁹ *Петкович Р.* Встреча министров иностранных дел балканских стран в Тиране // Междунар. политика [Белград]. — 1990. — № 974. — 5 нояб.

¹⁰ *Larrabee S.* Long Memories and Short Fuses: Change and Instability in the Balkans // Intern. Security. — 1990/91. — Winter. — Vol. 15. — № 3. — P. 59.

¹¹ *Coulombis T. A.* Greece, NATO and Eastern Europe // Rev. roumaine d'études intern. — 1992. — Jan.—Fev. — P. 24.

¹² См.: *Аблазова Л. С.* Государства — наследники СФРЮ // Балканы между прошлым и будущим. — М., 1995. — С. 42—43.

¹³ *Borba.* — 1991. — 31.03.

¹⁴ Borba. — 1991. — 9.04.

¹⁵ Loza T. Kosovo Albanians: Closing the Ranks // Transition. — 1998. — May. — P. 23—25, 26.

¹⁶ «Greater Albania». Concepts and Possible Consequences. — Belgrade, 1998. — P. 45—47.

¹⁷ Со ссылкой на сообщение Албанского телеграфного агентства от 9 февраля 1992 г.: Vickers M., Pettifer J. Albania: From Anarchy to a Balkan Identity. — London, 1997. — P. 153.

¹⁸ Михайлов М. Уроки Югославии // Дружба народов. — 1995. — № 3. — С. 163.

²⁰ Veremis T. Greece, the Balkans and the European Union. — Athens: ELIAMEP, 1998. — P. 9—10. — (Discussion Papers; C9).

²¹ Согласно официальным данным, венгерское меньшинство в Румынии составляло 7,1% (1992 г.), турецкое население Болгарии — 8,5% (1991 г.), греческое в Албании — 12,3% (1991 г.). Турецкое меньшинство проживает практически во всех балканских государствах, наименее многочисленно оно в Греции, где греки составляют 98% общей численности населения, хотя согласно данным второй половины 80-х годов в ее северных районах существенно возросла численность албанского населения. — Grecic V., Stojcevic M. Ethnic and Minority Conflicts // Rev. of Intern. Affairs [Belgrade]. — 1993. — Vol. 44. — № 1016—17. — P. 20—21.

²² Tzonkov S. Political Changes in the Balkans, Possibilities for Development of Cooperation among the Balkan States // Middle East Business & Banking. — 1992. — P. 44.

²³ Балканите пред избор. Мир или война, европеизация или ребалканизация. — София, 1993. — С. 24.

²⁴ Там же. — С. 25.

²⁵ «Greater Albania»... — P. 47.

²⁶ Veremis T. Op. cit. — P. 10.

²⁷ Подробнее см.: Цехмистренко С. Россия — Греция: формирование новых моделей отношений // Россия на Балканах. — М., 1996. — С. 79—80.

²⁸ La politique balkanique greque de 1990 à 1995 // CSS Survey. — 1996. — July—Aug. — P. 11.

²⁹ Vickers M., Pettifer J. Op. cit. — P. 150.

³⁰ Spano R. Children of a Lesser God? Albania and Albanians between Balkan Dreams and European Images // The Yugoslav Conflict and its Implications for International Relations. — Bologna; Ravenna, 1998. — P. 155.

³¹ Согласно официальным данным в Македонии проживает около 428 тыс. албанцев, в Черногории — свыше 40 тыс. (см.: Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. — М., 1998. — С. 20). Численность албанских мигрантов в Греции колеблется от 100 до 200 тыс. (см.: Spano R. Op. cit. — P. 145). По другим данным, их число достигает 400 тыс. (см.: Сегодня. — 1996. — 4 сент.).

³² Spano R. Op. cit. — P. 174.

³³ Lutovac Z. Minorities: A Wick on the Gun-Powder Barrel? // Rev. of Intern. Affairs [Belgrade]. — 1993. — Vol. 44. — № 1016—17. — P. 36.

³⁴ М. Панич — известный американский предприниматель, глава международного фармацевтического концерна ICN. Уроженец Югославии, в годы второй мировой войны М. Панич участвовал в партизанском движении, а в 1959 г. эмигрировал в США. С июня по декабрь 1992 г. он занимал пост премьер-министра СРЮ. В настоящее время М. Панич оказывает активную поддержку сербской демократической оппозиции.

³⁵ Балканы между прошлым и будущим. — С. 69—70.

³⁶ *Вострухов Е.* Югославский премьер обещает отменить в Косово чрезвычайное положение // *Известия*. — 1992. — 21 авг.

³⁷ Балканы между прошлым и будущим. — М., 1995 — С. 11.

³⁸ Conflict in Kosovo: Failure of Prevention? An Analytical Documentation, 1992—1998. — Schleswig, 1998. — P. 69. — (ECMI Working Paper; № 1).

³⁹ *Компас*. ИТАР-ТАСС. — 1994. — № 75. — 19 мая. — С. 10.

⁴⁰ Kosovo: Avoiding Another Balkan War. — Athens: ELIAMEP, 1996. — P. 15. В дополненной в 1998 г. версии проекта понятие «широкая автономия» было заменено термином «специальный статус».

⁴¹ *Ibid.* — P. 6—7.

⁴² *Ibid.* Омбудсмен — чиновник, рассматривающий протесты граждан к администрации.

⁴³ *Veremis T.* *Op. cit.* — P. 7.

⁴⁴ Conflict in Kosovo. — P. 1—2.

⁴⁵ *Компас*. ИТАР-ТАСС. — 1997. — № 47. — 20 нояб.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Conflict in Kosovo. — P. 69.

⁴⁸ Полный текст документа см.: Crisis in Kosovo. Report Political Affairs Committee of the Parliamentary Assembly of Council of Europe. — Strasbourg, 17 March 1998. — Annex 3. — (Doc. 8037).

⁴⁸ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. — 1999. — 13 янв. — СЕ-4.

⁴⁹ *Цехмистренко С.* Указ. соч. — С. 76.

⁵⁰ Реферат статьи К. Хоуп в «Financial Times» (1997. — 1 July) см.: *Компас*. ИТАР-ТАСС. — 1998. — № 27. — 9 июля. — С. 54.

⁵¹ La politique balkanique greque... — P. 8—9.

⁵² *Компас*. ИТАР-ТАСС. — 1998. — № 27. — С. 54.

⁵³ *Юсин М.* Югославия признала Хорватию с пятилетним опозданием // *Известия*. — 1996. — 9 авг.

⁵⁴ Conflict in Kosovo. — P. 70.

⁵⁵ Пульс планеты. ИТАР-ТАСС. — 1998. — 16 нояб. — СЕ-9.

⁵⁶ *Veremis T.* *Op. cit.* — P. 6.

Косово: международные аспекты кризиса

^{56a} До разрешения спорного вопроса о названии страны в ООН принято использовать название «бывшая югославская республика Македония». — *Примеч. ред.*

⁵⁷ Если в 1981 г. в Македонии насчитывалось 377,7 тыс. албанцев, то в 1991 г. — уже 427,3 тыс. (при общей численности населения около 2 млн). См.: *Мартынова М. Ю.* Указ. соч. — С. 18—20.

⁵⁸ Keesing's Record of World Events. — 1997. — Vol. 43. — № 2. — P. 41506.

⁵⁹ *Isakovic Z.* International Position of Macedonia and the (Sub)Regional Cooperation in the Balkans // *Romanian J. of Intern. Affairs [Bucharest]*. — 1998. — Vol. 4. — № 3—4. — P. 246.

⁶⁰ *Кнежевић П.* То би запалио цео регион // *Политика [Белград]*. — 1998. — 17—18 окт.

⁶¹ *Öschlies W.* Kosovo'98 (II) // *Breitenwirkung und (mögliche) Lösungen des Konflikts*. — 1998. — № 21. — P. 9.

⁶² Macedonia: New Faces in Skopje / *Intern. Crisis Group*. — Brussels, Jan. 1999. — P. 9—10.

⁶³ *Ibid.* — P. 4.

⁶⁴ ИТАР-ТАСС, Пульс планеты. 1999. — 12 февр. — СЕ-3.

^{65—66} Macedonia: New Faces... — P. 2.

⁶⁷ Keesing's Record... — P. 41504.

⁶⁸ См.: *Добер Э.* На переговорах по Косово решится судьба Черногории // *Известия*. — 1999. — 5 февр.

⁶⁹ Conflict in Kosovo... — P. 41504.

⁷⁰ *Vickers M., Pettifer J.* *Op. cit.* — P. 165.

⁷¹ См.: *Добер Э.* Доктор Бериша не смирился с поражением // *Рус. телеграф*. — 1998. — 18 сент.; см. также: *Flieder P.* Kosovo wird Europas Alptraum // *Neue Krone Zeitung*. — 1998. — 10 Okt.

⁷² Подробнее см.: *The State of Albania*. — Brussels, Jan. 1999. — (*Intern. Crisis Group Report*).

⁷³ *Ibid.* — P. 7.

⁷⁴ *Potežica O.* The Islamic Factor in the Balkans // *Rev. of Intern. Affairs*. — 1993. — № 1016—17. — P. 31.

⁷⁵ Бългaрия — Македония. Партньори без скрити намерения // *Политика [София]*. — 1999. — 27 февр.—5 март.

⁷⁶ Дума [София]. — 1998. — 26.11.

⁷⁷ См.: *Горностаев Д.* У России и Болгарии немало противоречий // *Известия*. — 1999. — 4 февр.

⁷⁸ См.: Пульс планеты. — 1998. — 26 окт. Помаки — славяне, принявшие ислам в годы османского господства.

⁷⁹ Денов Л. Прашама войски в Косово? През България ще минат главно турски умиротворителны части, твърди Би Би Си // 24 часа [София]. — 1999. — 27.02.

⁸⁰ См.: Петровская Ю. Россия заинтересована в стабильной Центральной Европе // Независимая газ. — 1998. — 19 дек.

⁸¹ Мартынова М. Ю. Указ. соч. — С. 318.

⁸² Raffone P. The Refugees in the Former Yugoslavia Have Got May-be Rights but No Deeds // Südosteuropa. — 1996. — 45 Jgh. — 4—5.— S. 374.

⁸³ См. диаграмму о потоках беженцев из Косово: Politik [Wien]. — 1998. — 11 Окт. — F. 3.

⁸⁴ Пульс планеты. — 1999. — 11 февр.

⁸⁵ См.: Некрасов И. Ни разрубить, ни развязать. Косово — заложник противоположных интересов // Известия. — 14 января 1999.

Политика США в отношении косовского конфликта

Екатерина СТЕПАНОВА

Резко обострившийся с начала 1998 г. этнополитический конфликт в Автономном крае Косово быстро приобрел широко интернационализированный характер. В него оказались прямо или косвенно вовлечены ведущие европейские и мировые державы, международные организации (ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС и т. д.), множество неправительственных гуманитарных организаций и т. п. Однако главным внешним фактором, оказывающим воздействие на развитие косовского кризиса на современном этапе, остается политика Соединенных Штатов Америки, сохранивших после окончания «холодной войны» позиции ведущей державы постбиполярного мира.

Формирование и эволюцию американской политики в отношении конфликта в Косово нельзя рассматривать в отрыве от политики США в отношении Сербии, постюгославского пространства, стран Балканского полуострова и Европы в целом, а также от тех радикальных перемен, которые произошли в мире с окончанием «холодной войны» и распадом биполярной системы. В этом контексте политику США по косовскому вопросу за последнее десятилетие можно подразделить на три основных этапа: 1) период с начала дезинтеграционных процессов на территории бывшей Югославии (конец 80-х годов) до окончательного распада СФРЮ в 1992 г.; 2) период с 1992 по 1997 г., когда на фоне ожесточенных вооруженных конфликтов в Хорватии и Боснии и Герцеговине и предпринятых международным сообществом попыток их урегулирования, завершившихся разработкой и реализацией Дейтонских мирных договоренностей по Боснии, проблема Косово временно отошла на второй план; 3) период с начала 1998 г., когда произошло резкое обострение самого конфликта и активизировалось американское и международное вмешательство в Косово.

Проблема Косово в балканской политике США (конец 80-х годов — 1997 г.)

На протяжении послевоенного периода СФРЮ играла совершенно особую роль своеобразного буфера, государства-посредника, в поддержании стабильности которого были заинтересованы как Вашингтон, так и Москва. В то же время в Албании господствовал изоляционистский ортодоксально-коммунистический режим во главе с Э. Ходжей. Большинство нелегальных объединений косовских албанцев под влиянием Тираны исповедовали радикальные левокоммунистические варианты марксизма (маоизм или сталинизм), что также не могло не способствовать их международной изоляции. В этих условиях косовская проблема оказалась как бы законсервированной, и любые попытки ее интернационализации были обречены на провал.

Вследствие системного кризиса, а затем распада советского блока и самого СССР давление внешних факторов на СФРЮ резко возросло. Единая Югославия, успешно отстаивавшая свою индивидуальность и самобытность благодаря гибкому маневрированию между двумя полюсами системы международных отношений, с развалом биполярной системы стала не нужна ни Востоку, ни Западу¹. В то же время националистическое сепаратистское движение косовских албанцев постепенно привлекало все большее внимание Запада, особенно усилившееся после смерти албанского лидера Э. Ходжи в 1985 г. Немалую роль в международном признании косовской проблемы сыграла многочисленная и хорошо организованная албанская диаспора в США и Западной Европе.

В конце 80-х — начале 90-х годов американская политика в отношении конфликтов на территории Югославии характеризовалась известной неопределенностью. Это было связано прежде всего с тем, что окончание «холодной войны» и распад биполярной мировой системы поставили под вопрос саму основу военно-политической стратегии США. Перед американской правящей элитой встала задача определения новой роли США в Европе и мире, кардинального пересмотра внешнеполитических приоритетов. Несмотря на весьма благоприятные для США перемены в мире, переходный характер периода 1989—1990 гг. диктовал достаточно осторожный подход к любым изменениям внешнеполитического курса. Так, в 1990—1991 гг. администрация Джорджа Буша придерживалась весьма сдержанной позиции в отно-

шении возможного распада Югославской федерации и в целом выступала за сохранение территориальной целостности страны, справедливо опасаясь перекройки границ в Европе и ее негативного влияния на европейскую безопасность в целом и в особенности на ситуацию в СССР, где активно набирали силу дезинтеграционные процессы.

К интернационализации югославского конфликта первоначально привело поспешное признание Германией и Италией независимости Хорватии и Словении, которые предприняли в мае — июне 1991 г. шаги по выходу из югославской федерации, сопровождавшиеся ожесточенными сербско-хорватскими столкновениями. Однако после проведения референдумов по вопросу о независимости в Македонии (сентябрь 1991 г.) и особенно в Боснии и Герцеговине (март 1992 г.) инициатива по международному оформлению дальнейшего распада СФРЮ перешла к США. Позиция администрации Дж. Буша сыграла немаловажную, если не решающую роль в международном признании независимости Боснии и Герцеговины во главе с «центральным» мусульманским правительством². В то же время США демонстративно отказались признать образовавшуюся в апреле — марте 1992 г. Союзную Республику Югославию (СРЮ) в составе Сербии и Черногории.

Такой поворот в позиции американского руководства объяснялся тем, что в случае назревавшего раздела Боснии США пришлось бы согласиться на сербский вариант этого раздела и на дальнейший союз боснийских сербов с СРЮ. Этот вариант не устраивал администрацию Дж. Буша, которая не могла допустить, чтобы плохо контролируемое Западом образование, во главе которого находились «необольшевиствующие», по американской терминологии, силы, стало новым центром югославской интеграции. Важную роль в определении позиции США сыграл и окончательный распад СССР в 1991—1992 гг., а также ряд других геополитических факторов и интересов, не связанных напрямую с процессом мирного урегулирования на Балканах, — разыгрывание «мусульманской карты» в виде компенсации за войну в Персидском заливе, многолетнюю поддержку Израиля и борьбу с исламским фундаментализмом, необходимость потеснить Германию в вопросах югославского урегулирования, стремление укрепить американское лидерство в НАТО и позиции США в Европе и т. д.

В 1989—1992 гг. со стороны администрации Дж. Буша и международного сообщества в целом заметно возрос интерес и к проблеме Косово. Это было связано прежде всего с резким обострением обстанов-

ки, приведшим в марте 1989 г. к отмене Белградом широкой автономии для Косово и Воеводины, предоставленной им в соответствии с Конституцией 1974 г. Ответом косовских албанцев на назначение сербским правительством на июль 1990 г. референдума по новой Конституции стало провозглашение 2 июля 1990 г. «Республики Косово». Сербское правительство расценило этот шаг как попытку отделения Косово от Сербии и фактически ввело в крае чрезвычайное положение на неопределенный срок. Реакцией американских законодателей на ограничение Белградом автономии Косово стало принятие палатой представителей (29 июня 1989 г.) и сенатом (18 июля) резолюций, осуждавших действия сербских властей.

Интересно, что согласно прогнозу, содержащемуся в докладе ЦРУ, частично опубликованном в ноябре 1990 г., именно Косово считалось главным очагом возможной гражданской войны в СФРЮ, которая, как предполагалось, начнется в течение ближайших 18 месяцев. В целом опасность возникновения новой балканской войны из-за Косово в начале 90-х годов оценивалась американскими экспертами как весьма реальная³. Не случайно военнослужащие США (численностью 540 человек) впервые появились на территории бывшей Югославии в декабре 1992 г. именно в граничащей с Косово Македонии в составе миротворческого контингента ООН, одной из основных задач которого было наблюдение за албано-югославской границей. В конце 1992 г., накануне своего ухода в отставку, президент Дж. Буш специальной телеграммой предупредил президента Сербии С. Милошевича о том, что «в случае конфликта в Косово, вызванного действиями Сербии, США готовы использовать военную силу против сербов в Косово и в самой Сербии»⁴. Сразу после вступления в должность президента США Б. Клинтона в январе 1993 г. госсекретарь У. Кристофер от имени новой администрации повторил это «рождественское предупреждение». Показательно, что впоследствии даже гораздо более ожесточенные межэтнические столкновения в Боснии не послужили поводом к подобным «предупреждениям» Сербии со стороны США.

Однако в ходе кровопролитных событий, развернувшихся в 1992—1995 гг. в Хорватии и особенно в Боснии, проблема Косово естественным образом отошла на задний план. Претензии по косовскому вопросу, предъявлявшиеся администрацией Б. Клинтона сербскому руководству в этот период, не шли дальше призывов к возвращению в край наблюдателей СБСЕ⁵, покинувших Косово по требованию Бел-

града в июле 1993 г. после исключения СРЮ из этой организации⁶. Предпринятые в 1994 г. рядом законодателей попытки добиться принятия Конгрессом США резолюции, рекомендовавшей президенту обсудить со странами — членами Совета Безопасности ООН и Европейского Союза возможность «установления международного протектората в Косово»⁷, а также одобрения закона «О мире и демократии в Косово», который позволил бы увязать вопрос о санкциях против СРЮ с «улучшением ситуации в области прав человека в Косово»⁸, в тот момент не нашли поддержки у администрации Б. Клинтона. Изредка «косовская проблема» возникала в Конгрессе в связи с опасениями законодателей по поводу безопасности американского миротворческого контингента в Македонии в составе Сил превентивного развертывания (СПР) ООН «в отсутствие какой-либо определенной политики США»⁹ в этой части Балкан.

В середине 1995 г. заинтересованность администрации Б. Клинтона в установлении любыми средствами более или менее длительного перемирия в Боснии в условиях начала предвыборной гонки в США привела к эскалации американского вмешательства на территории бывшей Югославии. Благодаря интенсивной дипломатической активности помощника госсекретаря США Ричарда Холбрука, подкрепленной воздушными ударами НАТО по позициям боснийских сербов и массированным мусульмано-хорватским наступлением августа — сентября 1995 г., в ноябре/декабре того же года были заключены Дейтонские/Парижские соглашения, заложившие основу для размещения 70-тысячного многонационального военного контингента под командованием НАТО в Боснии.

Косовская проблема осталась за рамками Дейтонских мирных договоренностей по Боснии. 27 декабря 1995 г., в соответствии с условиями Дейтонских соглашений и резолюцией Совета Безопасности ООН № 1022, Б. Клинтон принял решение о некотором смягчении экономических санкций против СРЮ¹⁰, действовавших с мая 1992 г. Однако, несмотря на то, что в октябре 1996 г. экономические санкции против СРЮ и боснийских сербов были полностью отменены решением Совета Безопасности ООН¹¹, США в одностороннем порядке продолжали блокировать участие Югославии в международных организациях (Генеральной Ассамблее ООН, ОБСЕ, Всемирном банке и т. д.)¹². В июле 1996 г. Конгресс одобрил резолюцию о необходимости сохранения режима санкций против Белграда вплоть до решения ко-

совской проблемы и назначения специального посланника США по Косово¹³, а в сентябре того же года администрация Б. Клинтона впервые увязала проблему снятия санкций с СРЮ с «восстановлением самоуправления и защитой прав человека в Косово»¹⁴. Наиболее значительными шагами американской дипломатии на «косовском направлении» в период после заключения Дейтонских договоренностей и до обострения косовского кризиса в 1998 г. стали организация личной встречи президента Б. Клинтона с лидером косовских албанцев И. Руговой и открытие американского информационного центра в Приштине в июне 1996 г.¹⁵ Показательно, что помимо правительства США ни одно другое государство или международная организация, не говоря уже о зарубежных средствах массовой информации, не получили разрешения на открытие постоянного представительства в Косово.

Весной 1997 г. начало новому обострению обстановки на Балканах положил острый финансово-экономический и политический кризис в Албании, постепенно переросший в валютекущую гражданскую войну, продолжающуюся по сей день. Беспорядкам в Албании предшествовала резкая критика подготовки и проведения выборов в этой стране (май — июнь 1996 г.) со стороны американских и международных наблюдателей¹⁶. Она сопровождалась охлаждением в отношениях между администрацией Клинтона и албанским руководством во главе с С. Беришей, который до того пользовался активной поддержкой США с момента его прихода к власти в 1992 г. как выразитель «демократической альтернативы» тогдашнему «неокоммунистическому» руководству страны. После резкого обострения внутривнутриполитической ситуации в Албании в феврале 1997 г. США, в отличие от других заинтересованных стран (прежде всего Италии и Греции), даже настаивали на отставке правительства С. Бериши в качестве основного условия «восстановления демократического процесса». Такая позиция стала возможна во многом благодаря заключению Дейтонских договоренностей по Боснии, вследствие чего стратегическое значение Албании для США временно снизилось¹⁷. Этим, вероятно, объяснялось и более чем прохладное отношение администрации Б. Клинтона к возможности участия вооруженных сил США в миротворческой операции на территории Албании.

На примере албанского кризиса 1997 г. особенно хорошо просматривается одна из важных особенностей американской политики на Балканах — явно недостаточное внимание, сознательно или неосоз-

нанно уделяемое «албанскому фактору» в регионе, на фоне повышенного внимания к «сербскому фактору». Так, в отличие от ближайших соседей Албании — Греции и Италии, а также ряда других европейских стран США подчеркнуто сдержанно отреагировали на возможный выход кризиса 1997 г. за пределы Албании: как отметил помощник госсекретаря по европейским делам Джон Корнблум в самый разгар беспорядков в Албании, «в данный момент мы не видим опасности распространения насилия в другие районы»¹⁸. Такая оптимистическая оценка разделялась не всеми: не случайно в условиях албанского кризиса 1997 г. и ухудшающейся ситуации вокруг Косово Совет Безопасности ООН принял решение о продлении мандата СПР ООН в Македонии и о сохранении их численности на прежнем уровне¹⁹.

В долгосрочном плане геополитическое ослабление Албании, нарушившее и без того хрупкий баланс сил в этой части Балкан, не облегчило, а многократно усложнило задачу урегулирования косовской проблемы. Хотя вероятность полного отделения Косово от Сербии с последующим присоединением к Албании в подобной ситуации стала еще ниже, тем не менее резкое ослабление Албании сделало весьма проблематичными такие варианты урегулирования, как, например, раздел Косово на сербскую и албанскую части. В краткосрочном плане события в Албании 1997 г. стали одним из главных факторов, оказавших непосредственное влияние на обострение ситуации в Косово в конце 1997 — начале 1998 г. Полная политическая дестабилизация северных районов Албании, которые и ранее использовались в качестве базы косовскими сепаратистами, дезинтеграция албанских вооруженных сил, а также резкое увеличение притока оружия в Косово в результате разграбления военных складов дали толчок новому витку обострения напряженности, начиная с осени 1997 г. Уже 8 января 1998 г. международная Контактная группа по бывшей Югославии была вынуждена объявить проблему Косово приоритетным вопросом и призвать конфликтующие стороны к началу мирного диалога.

Активизация американской политики по косовской проблеме с 1998 г., цели и задачи США в конфликте

23 февраля 1998 г., в ответ на провокацию со стороны сепаратистской Освободительной армии Косово, приведшую к гибели сербских полицейских, Белград направил в край дополнительные силы

безопасности для проведения крупномасштабной полицейской акции, в которой были задействованы вертолеты и тяжелая военная техника. Впоследствии в Косово были введены отдельные подразделения Югославской народной армии, а численность внутренних войск в крае была утроена. Политическая реакция со стороны администрации США последовала незамедлительно. Уже 4 марта 1998 г. специальный представитель США на Балканах Роберт Гелбард, отвечая на вопрос о том, действует ли до сих пор «рождественское предупреждение» Дж. Буша С. Милошевичу, заявил, что «политика США не менялась» и что «Милошевич соответствующим образом предупрежден»²⁰. Особенно резкими были выпады в адрес сербских властей со стороны госсекретаря М. Олбрайт: уже в первые дни кризиса она заявила, что США «располагают всей необходимой информацией для того, чтобы считать все происходящее в крае этнической чисткой», и «не намерены оставаться в стороне и наблюдать за тем, как сербские власти творят в Косово то, что им более не позволено творить в Боснии»²¹. Уже на этом этапе официальные представители США не исключили возможность применения военной силы против Белграда²².

Международная реакция на резкое обострение обстановки в Косово также не заставила себя ждать. На чрезвычайных заседаниях Контактной группы в Лондоне и Бонне (март 1998 г.) было решено высказаться в пользу принятия Советом Безопасности ООН резолюции об эмбарго на поставку вооружения в СРЮ²³, заморозить экспортные кредиты Сербии и отказать в визах сербским официальным лицам, связанным с проведением военно-полицейской операции в Косово²⁴. Тогда же к рассмотрению вопроса о военном вмешательстве в косовский конфликт приступил Совет НАТО. Представители альянса провели чрезвычайную встречу с руководством Албании и договорились об оказании этой стране военной и другой помощи включая новые системы связи и технику для патрулирования границы с Косово²⁵, а также о создании военной миссии НАТО в Тиране с целью укрепления обороноспособности албанских вооруженных сил. На встречах министров иностранных дел и министров обороны стран — членов НАТО (в мае и июне 1998 г.) было принято решение о начале военного планирования в связи с ситуацией в Косово по трем основным направлениям: подготовка серии превентивных мер по предотвращению дальнейшего распространения кризиса, возможное нанесение воздушных ударов по Сербии и проведение «мировотворческой» операции по контролю над

выполнением соглашения о мире или перемирии, если таковое будет достигнуто. К середине июня силы НАТО приняли участие в воздушных маневрах над Албанией и Македонией, а в августе и сентябре — в наземных маневрах албанской армии. В сентябре в Македонии прошли многонациональные учения НАТО и государств — участников программы «Партнерство во имя мира» по отработке сценария масштабной операции по поддержанию мира²⁶.

Однако резкие заявления официальных представителей США и НАТО в адрес Белграда не означали, что администрация Б. Клинтона сформировала свою позицию по косовской проблеме. Этот процесс растянулся на более длительный срок, и вплоть до начала осени 1998 г. носил весьма неоднозначный и противоречивый характер, что объяснялось как сложностью самой проблемы, так и тем, что руководство США просто не успело более или менее четко определить собственные интересы и приоритеты в отношении конфликта в Косово. Как заметил в июне 1998 г. Мортон Абрамовиц, президент Международной кризисной группы — неправительственной организации, ведущей активную деятельность на Балканах, риторика по косовскому вопросу «меняется каждый день», и «ни Запад, ни С. Милошевич не знают, что делать» в сложившейся ситуации²⁷. По мнению президента американского Балканского института Джеймса Хупера, цель политики США на этом этапе состояла в том, чтобы «избежать каких-либо рискованных действий, прямой вовлеченности в конфликт и ответственности за его исход»²⁸. В целом у политических наблюдателей порой даже возникало ощущение, что реальной целью переговоров, ведущихся американскими посланниками в Косово, было «затягивание решения косовской проблемы до того момента, когда президент Клинтон покинет Белый дом»²⁹. Эта неясность и двойственность в полной мере отразилась на отношении администрации США к этническим общинам, а также политическим и военно-политическим группировкам в самом Косово.

Соединенные Штаты долгие годы поддерживали умеренную часть албанской оппозиции в Косово во главе с лидером Демократической лиги Косово И. Руговой, неофициально избранным в 1992 г. первым «президентом» самопровозглашенной «Республики Косово». 14 мая 1998 г. американскому посланнику на Балканах Р. Холбруку удалось организовать первую встречу И. Руگوی с С. Милошевичем, на которой было принято решение продолжить переговоры в ходе дальней-

ших контактов³⁰. Такие переговоры состоялись 22 мая, однако уже следующая встреча была отложена из-за поездки И. Руговы в Вашингтон. Встреча с Б. Клинтоном, которая, по замыслу американских дипломатов, должна была поднять авторитет И. Руговы среди косовских албанцев, привела к обратному результату, укрепив за ним репутацию «марионетки США»³¹. Этому способствовало и совпадение визита И. Руговы в США с временной отменой Контактной группой (19 мая) и Европейским Союзом (26 мая) решения о запрете инвестиций в экономику СРЮ в качестве поощрения Сербии, начавшей диалог с косовскими албанцами. Хотя официально администрация Б. Клинтона продолжает считать «д-ра Ругову, избранного более чем 85% албанского населения Косово, законным представителем косовских албанцев»³², внешнеполитические круги США все более укреплялись в мысли, что «лидирующие позиции г-на Руговы серьезно, если не окончательно, ослаблены»³³.

Позиция США по отношению к экстремистской Освободительной армии Косово носила не менее противоречивый характер. В течение всего 1998 г. нельзя было однозначно ответить на вопрос, «рассматривает ли администрация Освободительную армию Косово в качестве легитимной политической единицы, с которой можно вести переговоры, или террористической организации»³⁴. 23 февраля 1998 г., буквально накануне начала сербской полицейской операции в Косово, США объявили о некотором смягчении санкций против СРЮ в качестве поощрения С. Милошевича за поддержку умеренного правительства боснийской Республики Сербской во главе с Милорадом Додиком. Тогда же, выступая в Приштине, специальный представитель Госдепартамента Р. Гелбард назвал ОАК «без всякого сомнения, террористической группой», подчеркнув, что США резко осуждают террористическую деятельность в крае. Однако уже 12 марта, выступая перед конгрессменами, Р. Гелбард признал, что, хотя ОАК несет ответственность за ряд террористических актов, «правительство США официально не рассматривает эту организацию как террористическую»³⁵. Позднее эту позицию подтвердил и пресс-секретарь Госдепартамента Дж. Рубин, заявивший, что организация, отдельные члены которой совершили акты терроризма, не обязательно является террористической. При этом «обеспокоенность» США действиями ОАК не шла ни в какое сравнение с озабоченностью по поводу политики Белграда, который, по мнению американских официальных лиц, «несет основную ответствен-

ность за принятие мер по прекращению насилия»³⁶ и за то, что «под угрозу поставлено само существование сербского государства»³⁷.

По мере обострения обстановки и активизации военных действий в Косово США перестали игнорировать растущее политическое влияние ОАК. Американские посредники неоднократно встречались с представителями ОАК, пытаясь вовлечь их в политический диалог. Долгое время эта задача осложнялась практическим отсутствием политического крыла в рамках ОАК, представлявшей собой, по словам американских наблюдателей, «разнородное объединение партизанских групп»³⁸, лидеры которых «малоизвестны и плохо связаны друг с другом»³⁹. Первые контакты США с радикальными албанскими сепаратистами на высоком дипломатическом уровне относятся к концу июня 1998 г., когда Р. Холбрук на следующий день после переговоров с С. Милошевичем встретился с повстанцами в Юнике, а Р. Гелбард вступил в контакт с представителями ОАК в Западной Европе, пытаясь убедить их признать политическое лидерство И. Руговы в обмен на допуск к участию в переговорах⁴⁰. Хотя в начале июля США в рамках Контактной группы впервые с начала кризиса позволили себе довольно резкую критику в адрес ОАК, подчеркнув «неприемлемость насилия как способа решения проблемы Косово»⁴¹, уже в конце того же месяца Р. Гелбард официально заявил, что «Освободительная армия Косово — это реальная сила в крае, и как бы мы ни осуждали насилие с обеих сторон, ОАК должна быть представлена на любых переговорах о перемирии или мирном урегулировании»⁴². Показательно, что при тесных контактах с представителями албанского населения Косово США практически игнорировали сербскую общину: за все время своих поездок по краю Р. Холбрук не нашел времени встретиться с лидерами сербской общины и представителями православного духовенства⁴³.

Осенью 1998 г. политика США по «косовскому вопросу» явно активизировалась. Этому способствовал ряд факторов, и прежде всего развитие военно-политической ситуации в крае. Еще в середине июля 1998 г. представители ОАК заявляли, что контролируют около 40% территории Косово (по американским данным на тот же момент, около трети территории края либо полностью контролировалось ОАК, либо было ареной ожесточенных вооруженных столкновений)⁴⁴. Однако в августе — сентябре того же года сербским силам безопасности совместно с армейскими подразделениями удалось подавить основные очаги сопротивления и практически полностью взять под контроль си-

туацию в крае. Ответной реакцией со стороны международного сообщества во главе с США стала эскалация военно-политического давления на Белград. 23 сентября 1998 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1199, требовавшую немедленного прекращения военных действий в Косово и постановлявшую в противном случае «рассмотреть дальнейшие действия и дополнительные меры по поддержанию или восстановлению мира и стабильности в регионе». 24 сентября на неформальном заседании в Виламоре (Португалия) министры обороны стран НАТО приняли решение о начале подготовки к нанесению ракетно-бомбовых ударов по Сербии и к наблюдению и контролю за перемирием, если таковое будет достигнуто. 1 октября Госдепартамент США призвал всех американских граждан срочно покинуть территорию СРЮ, а 12 октября Б. Клинтон выдвинул ультиматум С. Милошевичу, потребовав немедленного выполнения условий резолюции Совета Безопасности ООН № 1199. На следующий день генеральный секретарь НАТО Х. Солана объявил о приведении вооруженных сил альянса в 96-часовую боевую готовность.

Помимо противодействия успешным операциям сербской армии и полиции по подавлению очагов сепаратизма в Косово, еще одной причиной резко усилившегося с конца сентября 1998 г. давления на Белград стало неблагоприятное для США развитие ситуации в регионе в целом (в частности, победа на сентябрьских выборах в Боснии национал-радикалов во всех трех боснийских общинах, нанесящая серьезный удар по Дейтонским соглашениям, а также самые сильные с весны 1997 г. беспорядки в Албании, вылившиеся в настоящий мятеж оппозиции). Наконец, свою роль, безусловно, сыграли и конъюнктурные внутрисполитические интересы администрации и лично Б. Клинтона: за три дня до ультиматума С. Милошевичу палата представителей США проголосовала за проведение Конгрессом полномасштабного расследования на предмет возможного начала процедуры отстранения президента от власти. Стремление администрации сгладить политические последствия скандала вокруг личной жизни Б. Клинтона за счет решительных действий на внешнеполитическом фронте в данном случае было усилено задачей подготовки к промежуточным ноябрьским выборам в Конгресс.

В более общем плане активизация американского вмешательства в косовский кризис явилась не только и не столько способом решения сиюминутных внутрисполитических проблем и реакцией на успешные

действия Белграда против албанских сепаратистов, сколько свидетельством того, что США наконец более или менее определили свои внешнеполитические интересы в связи с этим конфликтом. Среди них наиболее важными представляются два момента: стратегический и идеологический.

Рассуждая о стратегических интересах США применительно к данному конфликту, представители администрации Б. Клинтона постоянно заявляли, что целью американского вмешательства в косовский кризис является прежде всего предотвращение выхода конфликта за рамки Сербии, что привело бы к дестабилизации ситуации во всех соседних странах включая балканских союзников США по НАТО — Грецию и Турцию⁴⁵. Причем, по оценкам официальных представителей США, «в случае резкого обострения ситуации в Косово риск распространения вооруженного конфликта во всех направлениях... будет значительно выше, чем в свое время в Боснии»⁴⁶. Отметим, что хотя дестабилизационный потенциал косовского кризиса в случае его выхода за пределы Сербии действительно довольно высок, непосредственное вовлечение в конфликт таких стран, как Греция, Болгария или Румыния, также как и резкое ухудшение греко-турецких отношений (вплоть до возможного военного конфликта) из-за разногласий по косовской проблеме, все же представляется маловероятным⁴⁷.

Гораздо более реальной угрозой для США представляло возможное негативное влияние косовского кризиса на процесс мирного урегулирования в Боснии и Герцеговине. Администрация Б. Клинтона, потратившая много сил и средств на разработку и реализацию Дейтонских мирных соглашений по Боснии, было крайне заинтересована в поддержании региональной стабильности и в том, чтобы избежать необходимости новой широкомасштабной миротворческой миссии и программы реконструкции на Балканах⁴⁸. Именно угроза срыва процесса выполнения Дейтонских договоренностей, а также дестабилизации граничащих с Косово Македонии и Албании в результате «действий югославских и сербских властей» в крае была указана президентом Б. Клинтонем в качестве основной причины ужесточения экономических санкций против республик СРЮ в июле 1998 г.⁴⁹

Другим важным стратегическим интересом США является использование конфликта в Косово в целях «укрепления позиций НАТО в качестве основного инструмента по обеспечению мира и безопасности в Европе»⁵⁰ за счет дальнейшего усиления «миротворческо-поли-

цейской» функции альянса. С начала обострения кризиса в Косово в 1998 г. руководство США осознавало невозможность отстраниться от решения косовской проблемы, полностью оставив ее на усмотрение своих европейских союзников по НАТО. Кроме того, разразившийся в Косово кризис в очередной раз поставил под вопрос своевременность и адекватность расширения НАТО на восток в качестве ответа на основные угрозы безопасности в Европе. В этом смысле проблема Косово, подобно боснийскому конфликту, стала для США «делом принципа», своеобразным «испытанием на лидерство и решимость»⁵¹.

Другой комплекс причин активизации американского вмешательства в Косово, на первый взгляд, носил ярко выраженный идеологический характер. Представители администрации Б. Клинтона постоянно указывали в качестве одной из главных причин американского вмешательства на резко ухудшившуюся ситуацию с правами человека в Косово в результате сербских полицейских операций, а также на отсутствие основных атрибутов демократического общества в этом автономном крае и, что особенно важно, в Сербии и СРЮ в целом. При этом открыто заявлялось, что главной помехой на пути «демократического развития» Сербии является правление социалистов и лично С. Милошевича в качестве президента СРЮ.

Для США С. Милошевич с момента избрания на пост президента Сербии в 1990 г. представлял собой нежелательного партнера как «неконтролируемый» Западом «неокоммунистический» лидер, стремившийся к тому же к построению на Балканах единого сербского государства (непосредственно примыкающего к южному флангу НАТО), политика которого вряд ли соответствовала бы курсу США на вовлечение стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в сферу влияния Североатлантического альянса. Администрация Б. Клинтона была вынуждена несколько смягчить это отношение в ходе разработки и начала реализации Дейтонских соглашений, заключение которых не в последнюю очередь стало возможно благодаря лично С. Милошевичу. Однако, по мере того как процесс мирного урегулирования в Боснии набирал силу, администрация США возобновила поиск предлогов для ослабления «режима Милошевича» или даже отстранения его от власти. Казалось, такой шанс давали массовые демонстрации «демократической оппозиции» зимы 1996—1997 гг., однако эти ожидания не оправдались. В июле 1997 г. С. Милошевич стал президентом СРЮ; осенью того же года коалиция левых сил во главе с социалистами сумела полу-

чить наибольшее число мест (110 из 250) на выборах в сербскую скупщину, а ставленник С. Милошевича Милан Милутинович был избран на пост президента Сербии. Более того, на выборах 1997 г. значительно укрепили свои позиции националистические силы: второе место заняли представители Сербской радикальной партии, получившие 82 места, а третье — националистическое Сербское движение обновления во главе с В. Драшковицем (45 мест). Чтобы сформировать правительство, левым пришлось пойти на союз с сербскими радикалами, лидер которых В. Шешель занял в марте 1998 г. пост заместителя премьер-министра Сербии. Победа осенью 1997 г. противников С. Милошевича во главе с М. Джукановичем на президентских и парламентских выборах в Черногории, сопровождавшаяся обострением сербско-черногорских противоречий в рамках СРЮ, не способствовала усилению позиций С. Милошевича, но и не смогла их существенно подорвать.

В этом смысле косовский кризис, резко обострившийся с начала 1998 г., предоставил в распоряжение администрации США новый мощный рычаг политического давления на С. Милошевича — возможность представить в качестве основной причины конфликта «антидемократический» характер правящего в Сербии режима. Официальные представители США поспешили заявить, что «в конечном счете проблема не в ситуации в Косово... а в отсутствии в Сербии и Югославии демократии и демократических институтов»⁵². Именно «неспособность США помочь развитию демократии в Сербии», по словам Дж. Хупера, явилась «основной причиной наших проблем на Балканах»⁵³. Смысл подобных высказываний очевиден: как заявил лидер демократического меньшинства в сенатском комитете по международным делам Джозеф Байден, «...пора перестать считать Милошевича частью решения [косовской] проблемы, а не самой проблемой. В долгосрочной перспективе в регионе нет шансов для мира, пока на смену Милошевичу не придет демократическое правительство»⁵⁴. По словам видного сенатора-республиканца Ричарда Лугара, «...долговременное урегулирование балканских кризисов невозможно до тех пор, пока в руководстве Сербии и СРЮ не произойдут коренные перемены... Приоритетом политики США должно быть содействие таким переменам»⁵⁵.

Однако в данном случае важно четко различать политическую риторику и реальное понимание ситуации: несмотря на все публичные выпады против С. Милошевича, администрация США продолжает исходить из того, что «на данный момент Милошевич продолжает контро-

лизовать ситуацию независимо от того, нравится это нам или нет»⁵⁶, и что его политические позиции внутри Сербии остаются достаточно прочными. Так, в отличие от публичных заявлений официальных лиц США, выступления законодателей и экспертов на слушаниях по косовскому вопросу в комитетах и подкомитетах Конгресса свидетельствуют об их довольно скептическом отношении к «сербской демократической оппозиции». По словам сенатора Дж. Байдена, потратившего, по его собственному выражению, «уйму времени на поиск демократической середины в Сербии», для него «наиболее печальным открытием было то, что по крайней мере половина оппозиции настроена гораздо более националистически, чем Милошевич», считая последнего «излишне уступчивым». По мнению Дж. Байдена, «в Сербии нет сил, способных генерировать реальную демократическую инициативу в тех временных рамках, которые отпущены на решение косовской проблемы»⁵⁷.

Итак, реалистически мыслящая часть американского внешнеполитического истеблишмента осознавала, что надежды США на подрыв режима С. Милошевича изнутри остаются призрачными. Более того, у части американских экспертов было понимание того, что фактически у С. Милошевича нет иного выбора, чем та политика, которую он проводит. Как отмечал М. Абрамовиц, теоретически «Сербия может продолжать контролировать Косово только путем усиления репрессий или массивованного притока в край сербского населения параллельно с «выталкиванием» огромного числа косовских албанцев»⁵⁸. Так как сербская «реколонизация» Косово и насильственное изгнание из края значительного числа албанского населения вряд ли возможны, «у Милошевича есть только два способа изменить существующий баланс сил: проводить этнические чистки или приступить к разделу края»⁵⁹. В связи с этим все большее распространение среди американских экспертов получала идея о том, что С. Милошевич сознательно пошел на обострение конфликта, чтобы так или иначе разрешить наконец «косовскую проблему», параллельно укрепив свои внутривнутриполитические позиции. Так, Р. Гелбард неоднократно выражал сомнение, «не специально ли правительство подыгрывает Освободительной армии Косово» и «не существует ли какого-либо негласного соглашения между двумя сторонами, направленного на поляризацию ситуации и ослабление позиции умеренных сил во главе с д-ром Руговой»⁶⁰.

Однако эти нюансы не меняют сущности проблемы: для администрации США ослабление или подрыв режима С. Милошевича являлось

не столько средством урегулирования косовского кризиса, сколько самоцелью. Таким образом, основными стратегическими интересами США, повлиявшими на решение администрации активизировать вмешательство в косовский кризис, были: предотвращение угрозы срыва Дейтонского процесса мирного урегулирования по Боснии, стремление использовать косовский кризис как инструмент давления на режим С. Милошевича, а также более широкие внешнеполитические интересы, главным из которых остается необходимость обеспечить взаимодействие с европейскими союзниками по НАТО и способствовать дальнейшему укреплению позиций этого военно-политического блока в Европе и мире.

Позиция США в отношении возможных вариантов урегулирования конфликта

Помимо собственных стратегических интересов при вмешательстве в косовский кризис администрация США была вынуждена учитывать и специфические особенности данного конфликта, диктующие возможные варианты его урегулирования. Большинство планов и предложений по урегулированию конфликта формулируется в соответствии с тремя основными вариантами его разрешения: а) предоставлением Косово расширенной автономии в рамках Сербии или СРЮ; б) разделом края на сербскую и албанскую части; в) отделением Косово от Сербии. Следует учитывать, что по мере эскалации кризиса число возможных вариантов его урегулирования, включая различные промежуточные стадии, уменьшается. Более того, как заметил Дж. Байден, приближается тот момент, когда любое решение по выходу из кризиса будет носить «одинаково проблематичный характер»⁶¹.

Вплоть до марта 1999 г. наиболее широко обсуждаемым являлся вариант, предусматривавший **предоставление Косово широкой автономии** (близкой к той, которую край имел по Конституции 1974 г.)⁶². При этом решение о дальнейшем статусе Косово должно было быть отложено как минимум на три года. Эта модель «отложенного статуса» предполагала установление над Косово «мягкого» международного протектората и демилитаризацию края.

Первым конкретным шагом в этом направлении стало Заявление о принципах политического урегулирования ситуации в Косово, сделанное 13 октября 1998 г. после массивного военно-силового нажима

на Белград со стороны США и НАТО и подписанное президентом СРЮ С. Милошевичем и специальным посланником президента США Р. Холбруком. Суть соглашения Холбрука — Милошевича из 11 пунктов заключалась в том, что любое решение косовской проблемы должно соблюдать территориальную целостность СРЮ, а вопрос о самоуправлении в Косово — решаться в рамках законодательства Сербии и СРЮ, а также в соответствии с международными стандартами и принципами Хельсинкского Заключительного акта СБСЕ. Предполагалось, что население Косово получит право на демократическое самоуправление и контроль над законодательной, исполнительной и судебной властями в крае; в течение девяти месяцев будут проведены свободные выборы в краевые и муниципальные органы власти. Правительство СРЮ обязалось обратиться к ОБСЕ с просьбой о контроле над выборами, наделить представителей национальных общин дополнительными правами, сформировать под контролем муниципальных властей местную полицию, состав которой должен отражать состав населения края, а деятельность — координироваться краевой администрацией.

Соглашение Холбрука — Милошевича предусматривало также отвод из Косово сербских армейских и полицейских подразделений в места постоянной дислокации (в крае должны были остаться лишь те формирования, которые находились там по состоянию на февраль 1998 г.); развертывание в крае гражданского контингента международных наблюдателей под эгидой ОБСЕ по проверке выполнения сербскими властями и косовскими албанцами требований резолюций № 1160 и 1199 Совета Безопасности ООН; осуществление военно-воздушными силами НАТО проверки выполнения сербами соглашения о перемирии и соответствующих резолюций ООН; обязательство Белграда начать переговоры с албанской стороной до 2 ноября 1998 г., а также обеспечить беспрепятственный допуск на территорию края представителей международных гуманитарных организаций. В целом соглашение Холбрука — Милошевича позволило на время разрядить обстановку вокруг Косово, и Совет НАТО принял решение приостановить механизм автоматической реализации планов нанесения ударов по территории СРЮ (первоначально — до 27 октября 1998 г., затем — вплоть до нового политического решения Совета альянса). 24 октября основные положения соглашения Холбрука — Милошевича, в частности соглашения между СРЮ и ОБСЕ (от 16 октября) и СРЮ и НАТО (от 15 октября), были закреплены соответствующей резолюцией Совета Безопасности ООН⁶³.

Вторым шагом в направлении реализации варианта «автономии» стал предварительный план мирного урегулирования косовской проблемы, выдвинутый США 11 ноября 1998 г.⁶⁴ Несмотря на то, что «американский план» урегулирования часто называют «планом Хилла» (по имени посла США в Македонии Кристофера Хилла), есть основания полагать, что важную роль в его разработке сыграл советник госсекретаря США юрист Джеймс О'Брайен⁶⁵ (именно он в свое время был главным разработчиком Конституции Мусульмано-хорватской федерации и Конституции Боснии и Герцеговины, закрепленных Дейтонскими мирными соглашениями по Боснии). Согласно «плану Хилла» косовские албанцы должны были получить пятую часть мест в федеральной ассамблее СРЮ, представительство в Федеральном суде и членство в Высшем совете обороны СРЮ. Предполагалось, что жители края будут избирать своего президента, принимать законы, собирать налоги, формировать собственную полицию, административные и уголовные суды. При этом «американский план» не содержал письменного подтверждения возможности изменения статуса края и не гарантировал, что Косово будет иметь свою конституцию и формальный статус республики в составе СРЮ, что позволило даже умеренным силам внутри албанской общины оценить уровень автономии, предлагаемый США и Контактной группой, как неадекватный⁶⁶. Ноябрьский вариант американского мирного плана практически не затрагивал и таких важных вопросов, как защита прав сербского меньшинства, проблема контроля за приватизацией и прибылями от промышленных предприятий и шахт. В целом суть американских предложений по урегулированию кризиса в Косово сводилась к фактическому предоставлению Косово расширенной автономии, близкой к статусу республики в составе Югославской федерации, однако без формального права отделения от СРЮ.

Руководство Сербии во главе с президентом М. Милутиновичем, высказавшись против американского плана, уже 21 ноября выдвинуло собственный план мирного урегулирования, согласно которому Косово получило бы широкое самоуправление на три года, оставаясь в рамках Сербии⁶⁷. В «сербском плане», помимо требования уважения территориальной целостности СРЮ, было сохранено положение о необходимости проведения всеобщих выборов в Косово в течение девяти месяцев. Главное отличие сербского плана от американского состояло в том, что его авторы сделали упор на укреплении местного, а не краевого самоуправления в Косово: план предоставлял каждой этнической

общине право самостоятельно контролировать свои дела, предполагал образование верхней палаты парламента, в которой общины будут иметь равное число представителей, и оставлял последнее слово в спорных вопросах за сербским парламентом. Характерно, что оба ноябрьских плана мирного урегулирования, американский и сербский, несмотря на все различия между ними, отталкивались от одних и тех же 11 пунктов, содержащихся в соглашении Холбрука — Милошевича.

В конце 1998 — начале 1999 г. международные посредники вели активную работу по разработке всеобъемлющего плана мирного урегулирования по Косово (так, за три месяца — с ноября 1998 г. по конец января 1999 г. — американской стороной было разработано семь вариантов «плана Хилла»). 29 января 1999 г. Контактная группа на своем заседании в Лондоне приняла решение об организации переговоров между конфликтующими сторонами по проекту мирного соглашения, основой для которого послужил последний вариант американского плана. В феврале 1999 г. такие переговоры под председательством министров иностранных дел Великобритании и Франции Р. Кука и Ю. Ведрина и при посредничестве представителей США (К. Хилл), ЕС (В. Петрич) и России (Б. Майорский) состоялись в парижском пригороде Рамбуйе. Проект политического соглашения, предложенный Контактной группой конфликтующим сторонам, предусматривал «расширенную автономию» для Косово при неизменности границ СРЮ на трехлетний «переходный» период. Белград, сохранявший, согласно этому плану, полномочия в области внешних сношений, обороны и финансовой политики, должен был при этом согласиться на вывод большей части сербских сил из Косово при одновременном разоружении ОАК.

Стратегия США на переговорах в Рамбуйе состояла в том, чтобы, заручившись согласием делегации косовских албанцев на план мирного урегулирования, использовать его наряду с угрозой нанесения ракетно-бомбовых ударов в качестве рычага давления на Белград и «выбить» из сербской делегации согласие на размещение в крае войск НАТО. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться, чему в первую очередь способствовала позиция, занятая косовскими албанцами, в последний момент отказавшимися подписать мирное соглашение под давлением экстремистского крыла ОАК во главе с А. Демачи, не принявшего участия в переговорах. Протест албанской стороны вызвали отсутствие в тексте соглашения положения о проведении референдума о независимости Косово по окончании переходного периода

и требование частичного разоружения формирований ОАК, а также прекращения контрабанды оружия в Косово. В то же время Белград выразил принципиальное согласие с планом политического урегулирования, выступив лишь против военных аспектов его реализации, включавших требование США и их союзниками введения в Косово 30-тысячного контингента многонациональных сил НАТО для обеспечения выполнения соглашения⁶⁸. В результате международным посредникам не удалось добиться подписания сторонами основного политического документа и пришлось ограничиться лишь двумя отдельными заявлениями сербской и албанской делегаций, в которых стороны подтвердили свою принципиальную приверженность делу политического урегулирования и «расширенной автономии» для Косово. Переговоры об окончательном политическом соглашении и его реализации были отложены до 15 марта, чтобы дать сторонам время для консультаций. Белграду удалось временно избежать авиаударов НАТО, а косовским албанцам — отказаться от разоружения своих военизированных формирований⁶⁹.

На переговорах в Рамбуйе американскую дипломатию в целом, а также лично госсекретаря США М. Олбрайт, принявшую в них активное участие, постигла неудача, связанная прежде всего с неверной оценкой характера, целей и задач делегации косовских албанцев (которую, кстати, консультировали почти исключительно американские советники, в частности профессор Американского университета П. Уильямс, уже упоминавшийся М. Абрамовиц и др.)⁷⁰. В ходе переговоров в Рамбуйе отчетливо проявились также внутриведомственные разногласия в Госдепартаменте США по средствам и методам урегулирования косовского кризиса. Доминирующий жесткий подход, основанный на массивном давлении на Белград, олицетворял главный представитель США по вопросам Косово — американский посол в Македонии К. Хилл, которому, однако, не удалось достичь каких-либо заметных результатов в переговорном процессе. Более мягкий и взвешенный подход связывают с именем специального представителя США на Балканах многоопытного Р. Холбрука, сыгравшего одну из ведущих ролей в ходе боснийского мирного урегулирования⁷¹ и заключившего в октябре 1998 г. пока единственное соглашение по Косово с президентом С. Милошевичем.

После провала переговоров в Рамбуйе американская дипломатия сконцентрировала усилия на согласовании текста мирного соглашения

с представителями косовских албанцев. Результатом этой работы стал проект мирного соглашения⁷², принципиально отличавшийся от первоначального политического документа, предложенного сторонам в начале переговоров в Рамбуйе и в целом получившего одобрение сербской делегации. С формальной точки зрения новый вариант соглашения, которое, по замыслу его авторов, должно иметь приоритет перед любыми законодательными актами Сербии и СРЮ, не делал никаких различий между международно признанным государством СРЮ и непризнанной «Республикой Косово» и ее вооруженными формированиями (ОАК), которые в тексте соглашения были обозначены как «иные силы». Согласно гражданским аспектам соглашения органы самоуправления Косово получили бы возможность влиять на федеральную политику (в частности, решения Высшего суда Косово являются обязательными для выполнения всеми федеральными властями), в то время как власти СРЮ фактически были бы лишены соответствующей возможности в отношении края. Права главы гражданской миссии по выполнению соглашения (под эгидой ОБСЕ/ЕС) фактически приравнивались к полномочиям генерал-губернатора, решения которого должны были иметь приоритет даже по отношению к итогам выборов, а сама миссия получила бы собственное телерадиовещание в крае. Предусмотренная соглашением необходимость созыва конференции стран-доноров с целью экономического возрождения Косово не сопровождалась положением о снятии санкций с СРЮ. Но главное — новый вариант мирного плана в качестве неотъемлемой части включал в себя главы, регулировавшие полицейские (глава 2)⁷³ и военные (глава 7)⁷⁴ аспекты урегулирования, заведомо неприемлемые для Белграда (помимо размещения в крае контингента Сил НАТО в Косово, максимальный размер которого не уточнялся, проект соглашения предусматривал полный контроль со стороны альянса над воздушным пространством края; при практически полном выводе сербских сил из Косово за исключением 1500 пограничников и 2500 гражданских полицейских в качестве ответной меры со стороны косовских албанцев предполагалось лишь их принципиальное согласие на разоружение; проект соглашения не предусматривал регулирование военной ситуации в соседних Албании и Македонии, территория которых служит базой для боевиков ОАК, и предполагал произвольное расширение функций военного контингента НАТО в Косово без согласия на то со стороны СРЮ и т. п.). В результате возобновившиеся 15 марта 1999 г. в Париже переговоры уже через несколько

дней зашли в тупик: добившись подписания нового варианта промежуточного мирного соглашения по Косово со стороны косовских албанцев, международные посредники получили категорический отказ сербской стороны от одобрения не согласованного с ней документа.

Однако независимо от результатов любых дальнейших переговоров по Косово разработка и осуществление варианта «расширенной автономии» *в принципе* сопряжены с рядом серьезных трудностей⁷⁵. Поиск «оптимального» варианта автономии для Косово может продолжаться неопределенно долго, а возможность его реализации вызывает серьезные сомнения. В самом Косово главным препятствием к осуществлению любого варианта автономии как долговременного решения конфликта является неприятие его албанской стороной, в лучшем случае рассматривающей такой вариант как промежуточный на пути к конечной цели — обретению независимости от Сербии. Эта ситуация еще более осложняется отсутствием единства внутри албанской общины края, что даже в случае достижения соглашения между противоборствующими сторонами не гарантирует выполнения албанской стороной своих обязательств⁷⁶.

Жизнеспособность любого варианта автономного устройства Косово подрывают и внешние факторы. Требование Соединенных Штатов и других стран Запада наделить Косово «расширенной автономией», уровень которой приближался бы к статусу федеральной республики, но не предусматривал бы права отделения от СРЮ, изначально носило глубоко противоречивый характер. США не в последнюю очередь исходили из того, что если пятую часть федеральной ассамблеи Югославии составят представители косовских албанцев, они могут войти в блок с представителями Черногории, настроенными оппозиционно к Белграду, и таким образом способствовать отстранению С. Милошевича от власти. Эту же цель преследовала игра Вашингтона на противоречиях между Сербией и Черногорией внутри Югославской федерации. Официально выступая за предоставление Косово статуса «расширенной автономии», который имел бы смысл только в случае сохранения и укрепления Югославской федерации, США одновременно предпринимали действия по ослаблению СРЮ, активно используя в этих целях сербско-черногорские противоречия⁷⁷. В таких условиях статус «расширенной автономии» для Косово теряет всякий смысл, ибо дальнейшее ослабление СРЮ при определенных условиях может привести к ее развалу, чреватому полной дестабилизацией на Балканах.

По мере обострения ситуации в крае и интенсификации иностранного вмешательства в конфликт, факторов, способных помешать реализации варианта предоставления Косово «расширенной автономии», становилось все больше. Еще в ноябре 1998 г. главнокомандующий ОВС НАТО в Европе американский генерал Уэсли Кларк заявил, что «окно» для достижения мира в Косово не превышает четырех месяцев, так как обе стороны пользуются временной передышкой для наращивания сил⁷⁸. Хотя большинство экспертов предрекали, что относительное «перемирие» конца 1998 г. продлится по крайней мере до следующей весны, уже начало 1999 г. ознаменовалось новым обострением обстановки в Косово: террористическими актами, захватами заложников и вводом в край дополнительных подразделений ЮНА. Непрерывающиеся столкновения между боевиками ОАК, с одной стороны, и сербскими силами безопасности и формированиями ЮНА — с другой, стали постоянным фоном международных переговоров по урегулированию косовского конфликта в Рамбуйе и Париже.

Однако наиболее серьезный удар по возможности реализации варианта «расширенной автономии» для Косово нанесла начавшаяся 24 марта 1999 г. военная операция НАТО против СРЮ, которая полностью перечеркнула не только первоначальный мирный план Контактной группы, предложенный сторонам в Рамбуйе, но и предшествовавшее ему соглашение Холбрука — Милошевича. Напрямую вмешавшись в конфликт на стороне Освободительной армии Косово, США и НАТО потеряли возможность играть роль посредника в мирном урегулировании. Между тем окончательный провал в условиях военных действий НАТО против Югославии предложенного США и другими западными державами в Рамбуйе плана автономизации Косово не помешал представителям обеих конфликтующих сторон продолжить прямые контакты, о чем свидетельствовала встреча С. Милошевича с И. Руговой и лидерами ряда албанских общин края в начале апреля 1999 г.

По мере обострения ситуации в Косово и усиления международно-го вмешательства в конфликт все более реальной становится идея **раздела края** на сербскую и албанскую части (возможно, при формальном сохранении, хотя бы на первом этапе, суверенитета Сербии). Основным внешним фактором, осложняющим раздел Косово, остается крайняя геополитическая слабость Албании (большая часть экономической активности сосредоточена в северной части Косово, где проживает и большая часть сербского населения; в то же время южная часть края

при отсутствии реальной перспективы присоединения к Албании вряд ли способна выжить в качестве самостоятельного государства). Однако на примере Боснии хорошо видно, насколько раздел проблематичен сам по себе (любая его форма неминуемо влечет за собой дальнейшие «этнические чистки» и новые потоки беженцев) и как непросто будет найти такую его формулу, которая была бы относительно приемлемой для обеих общин, ибо только компромиссный раздел может быть более или менее жизнеспособным. Среди вариантов такого компромисса оптимальным с точки зрения урегулирования конфликта представляется предложенный профессором Б. Крстичем план, предлагающий наряду с *этническим принципом*, который в силу особенностей демографической ситуации в крае дает односторонние преимущества албанской стороне, использовать в качестве основного критерия раздела *принцип исторического права* (предполагающий принять во внимание ареал размещения сербских исторических памятников в Косово, долю землевладения среди сербского и албанского населения и другие критерии, которые позволили бы несколько выправить ситуацию в пользу сербов)⁷⁹.

Администрация Б. Клинтона изначально выступала против раздела Косово: как заявлял Р. Гелбард, США обеспокоены дискуссиями вокруг этой идеи и «будут ей противодействовать», ибо она «попахивает этническими чистками» и может «обернуться полной катастрофой»⁸⁰. Такая позиция объясняется прежде всего тем, что в случае раздела Косово серьезную опасность для США представляет создаваемый таким образом прецедент, который неминуемо подорвет Дейтонский мирный процесс в Боснии, подтолкнув это искусственное объединение к распаду. Под вопросом оказывается и существование такого государства — клиента США, как Македония. Кроме того, возможный раздел Косово объективно выгоден Белграду в большей степени, чем косовским албанцам, предоставляя С. Милошевичу возможность с честью выйти из сложившейся ситуации, что вряд ли может устроить США. Несмотря на это, нельзя исключать ситуацию, в которой Вашингтон будет вынужден примириться с фактическим разделом края (возможно, как и в Боснии и Герцеговине, при формальном сохранении его единства). Более того, военная операция НАТО против Югославии, прямым следствием которой стало ужесточение военно-полицейских операций в Косово и резкий рост числа беженцев⁸¹, преимущественно албанцев, объективно способствует созданию более благоприятных условий для

возможного раздела края. Именно после начала военной операции НАТО против СРЮ были обнародованы первые предложения официальных лиц США о разделе Косово, например, план, выдвинутый конгрессменом-демократом Родом Благоевичем⁸².

Наконец, наиболее радикальным вариантом вмешательства США в косовский конфликт стала бы прямая или косвенная поддержка ими идеи **достижения независимости Косово**. Характерно, что если раньше подобные идеи на Западе носили довольно абстрактный характер, то начиная с 1998 г. в США появились и вполне конкретные разработки такого варианта «урегулирования» косовского конфликта. В частности, они были изложены в докладе американской Общественной группы по международному праву и политике⁸³. Авторы доклада предлагали модель «промежуточного суверенитета», в соответствии с которой население Косово получило бы специфические суверенные права (осуществление полного законодательного, исполнительного и судебного контроля в области внутренней политики и безопасности, экономического развития, образования, налогообложения, добычи и переработки природных ресурсов, транспорта, здравоохранения, культуры и средств массовой информации) на срок от трех до пяти лет. Взамен от косовских албанцев потребовалось бы осуществление специфических гарантий защиты прав всех этнических меньшинств, проживающих в Косово, уважение территориальной целостности соседних стран (Македонии и Албании), отказ от возможности присоединения к Албании и признание Косово в границах, подтвержденных югославской Конституцией 1974 г. Представители Косово были бы также обязаны участвовать в работе федеральных органов в той степени, в которой это необходимо для эффективного перехода к обретению международного статуса. При этом все формирования ЮНА и сербской полиции должны были быть выведены из Косово в течение шесть месяцев. По окончании этого периода предполагалось проведение в Косово референдума под международным контролем, по результатам которого население края могло бы обратиться к международному сообществу с просьбой о признании независимости.

Как и в случае с возможным разделом края, администрация Б. Клинтона изначально выступала против независимости Косово. Р. Гелбард еще весной 1998 г. заявил, что «дальнейшая атомизация не будет способствовать миру и безопасности в регионе»⁸⁴. В самый разгар октябрьского кризиса вокруг возможного военного вмешательства НАТО в

Косово (1998 г.) Б. Клинтон подчеркнул в письме сенаторам-республиканцам, что «...Косово не будет жизнеспособно в качестве независимого государства. Независимость Косово послужит совершенно нежелательным сигналом тем силам в регионе, которые стремятся к созданию Великой Албании, а также национальным меньшинствам в других странах Европы, что приведет к росту нестабильности»⁸⁵. В США понимали, что Сербия не пойдет на односторонний отказ от каких-либо прав на часть своей территории и что вывод сербских полицейских сил из Косово будет означать «фактическую передачу края под контроль ОАК и последующее уничтожение всего сербского населения»⁸⁶. Как официально заявил посол США в Македонии К. Хилл в октябре 1998 г., «мы осознаем, что никогда не смогли бы достичь согласия с Сербией, если бы речь шла о независимости Косово»⁸⁷.

Однако, оценивая вероятность такого исхода как весьма невысокую и на словах выступая против независимости Косово, администрация, не имевшая, по замечанию сенаторов-республиканцев, «четкой программы, нацеленной на воплощение этого курса в жизнь»⁸⁸, никогда не исключала и такого варианта развития событий. Показательно, что в дискуссиях в Конгрессе в 1998—1999 гг. возможному отделению края от Сербии уделялось непропорционально большое внимание по сравнению с другими вариантами урегулирования, и неоднократно поднимался вопрос о том, «на какой стадии США будут готовы признать Косово в качестве независимого государства»⁸⁹. В целом М. Абрамовиц так суммировал отношение США к возможности отделения Косово от Сербии: «как бы США ни выступали против этого, в конечном счете Косово может обрести независимость»⁹⁰ «в силу демографических причин и исходя из логики развития ситуации в крае за последние 10 лет»⁹¹. С началом военной операции НАТО против Югославии в марте 1999 г. дискуссии вокруг возможного обретения косовскими албанцами независимого статуса получили мощный импульс и приобрели новое звучание: все чаще речь заходит о превращении Косово в случае его оккупации войсками Североатлантического альянса в очередной протекторат НАТО на Балканах, что будет означать фактическое отделение края от Сербии и Югославии.

Влияние внутривнутриполитических факторов на политику США по косовскому вопросу

Итак, преследуя собственные внешнеполитические интересы применительно к косовскому конфликту, администрация США вынуждена учитывать военно-политические реалии в самом крае и в регионе в целом. Однако это не единственное и не главное ограничение, влияющее на политику США по косовскому вопросу. Важнейшим фактором, во многом определяющим позицию администрации по этому и другим внешнеполитическим вопросам, являются *внутриполитические интересы и ограничители в самих США*. В целом на протяжении 90-х годов влияние внутривнутриполитических факторов на формирование американской внешней политики, в том числе в отношении региональных конфликтов, оставалось чрезвычайно высоким, что вполне закономерно в условиях резкого ослабления внешних ограничителей американской военно-политической мощи.

Современные внутривнутриполитические дискуссии по вопросам участия США в региональных конфликтах преимущественно сводятся к вопросу о возможности и условиях применения американской военной силы. Основной смысл этих дискуссий состоит в том, что два важнейших компонента государственной бюрократии США — Конгресс, обе палаты которого с 1994 г. контролируются республиканцами, и так называемое военное сообщество (в особенности профессиональное руководство вооруженных сил во главе с Комитетом начальников штабов) — оказывают сдерживающее воздействие на администрацию в вопросе об использовании вооруженных сил США в региональных конфликтах и кризисах, особенно если речь идет о широкомасштабных наземных операциях. Обострение кризиса в Косово в начале 1998 г. и возможность американского военного участия в его урегулировании в очередной раз привели к возобновлению этой дискуссии⁹².

Немаловажно, что обсуждению американского военного вмешательства в Косово предшествовала аналогичная дискуссия 1994—1996 гг. вокруг участия США в боснийском конфликте. Разработанные тогда Дейтонские договоренности по Боснии сами скорее явились следствием внутривнутриполитического компромисса в американских правящих кругах, чем были продиктованы интересами собственно мирного урегулирования кризиса. Боснийский опыт не мог не оказать воздействия на внутриамериканские дискуссии по косовскому вопросу и пре-

жде всего на позицию республиканцев. Вопреки пессимистическим прогнозам середины 90-х годов со стороны республиканцев и военных, боснийская операция пока не стала военной катастрофой для многонациональных сил НАТО, костяк которых составили военнослужащие США. Более того, в ходе операции НАТО в Боснии был достигнут несомненный успех в области осуществления военных мероприятий по прекращению кровопролития, разъединению и частичному разоружению противоборствующих сторон, укреплению и охране разделительных линий между ними, созданию демилитаризованных зон и т. п.⁹³ Именно влиянием боснийского опыта объясняется сдержанная первоначальная реакция ряда умеренных республиканцев на возможность применения Соединенными Штатами военной силы в Косово, контрастировавшая с редким единодушием в рядах республиканцев относительно нежелательности размещения американских войск в Боснии⁹⁴. Свою роль здесь сыграл и межпартийный характер выдвинутого в 1992 г. президентом-республиканцем Дж. Бушем и полностью поддержанного в 1993 г. президентом-демократом Б. Клинтон «рождественского ультиматума» Сербии в отношении Косово⁹⁵.

Однако влияние боснийского опыта на формирование позиции законодателей по косовской проблеме было неоднозначным. Пребывание сил НАТО в Боснии явно затянулось и потребовало гораздо больше ресурсов, чем предполагалось ранее. По данным на ноябрь 1997 г. США израсходовали на реализацию Дейтонских мирных договоренностей по Боснии свыше 7,4 млрд долл.⁹⁶; дальнейшее пребывание американских войск в Боснии обходится США в среднем в 2 млрд долл. в год. В феврале 1998 г. Совет НАТО принял решение о повторном продлении срока пребывания военного контингента в Боснии по истечении очередного мандата в июне того же года. В связи с этим в марте 1998 г. администрация Б. Клинтона в очередной раз обратилась в Конгресс с просьбой выделить дополнительно 487 млн долл. на содержание американских войск в Боснии в 1998 финансовом году и 1,9 млрд долл. на 1999 финансовый год. При этом Б. Клинтон дал понять, что фактически американские войска остаются в Боснии *на неопределенный срок*⁹⁷. Более того, несмотря на значительные затраты и продолжительное военное присутствие США и НАТО в Боснии, конечный результат процесса мирного урегулирования остается под вопросом. Даже относительный успех в деле осуществления военных положений Дейтонских соглашений составил разительный контраст с выполне-

нием их невоенных аспектов, по поводу которых сохраняются серьезные сомнения с точки зрения практической реализации⁹⁸. В плане придания мирному процессу необратимого характера эффективность «дейтонской модели» пока фактически свелась к закреплению нового территориального раздела Боснии и Герцеговины.

По мере обострения ситуации в Косово эти уроки боснийской операции НАТО стали все чаще выходить на первый план во внутривнутриполитических дискуссиях по косовскому вопросу. Постоянно проводя параллели между ситуацией в Боснии и Герцеговине и Косово⁹⁹, республиканцы указывали, что политические условия для американского вмешательства в этом сербском крае носят еще менее благоприятный характер, чем в 1995 г. в Боснии. Если Босния формально была признана США, другими странами Запада и, наконец, международным сообществом в целом в качестве «единого» суверенного государства, то Косово является международно признанной частью Сербии. Кроме того, если в Боснии интересы США были созвучны целям по крайней мере одной из общин (мусульман) и заключались в сохранении единства Боснии и Герцеговины любой ценой, то в отношении Косово нет окончательной ясности в вопросе о том, насколько американским интересам соответствует основная цель косовских албанцев — отделение от Сербии с перспективой последующего присоединения к Албании.

Обсуждая вопрос о применении военной силы против Сербии, республиканцы выражали опасения относительно того, что предложенные администрацией ограниченные ракетно-бомбовые удары могут не привести к желаемому результату и даже способствовать дальнейшей дестабилизации обстановки в регионе, что, в свою очередь, неизбежно приведет к эскалации американского вмешательства вплоть до возможного широкомасштабного участия США в наземной операции в Косово¹⁰⁰. По мнению сенатора Джона Уорнера¹⁰¹ — главного, наряду с сенатором-республиканцем Джоном Маккейном, рупора республиканцев по косовской проблеме, — «авиаудары могут привести к дестабилизации всего региона» и не должны проводиться «до тех пор, пока мы не определим, как нам обеспечить стабильность после их нанесения и до разработки и заключения соглашения о перемирии, а также каковы будут параметры этой стабилизационной операции и будут ли в ней участвовать США»¹⁰². Рассматривая запланированную воздушную операцию против Сербии, предусматривавшую «ограниченный» и «расширенный» варианты, как типичное проявление «градуированной эс-

калации» военной силы, республиканцы подчеркивали, что «нанесение ракетно-бомбовых ударов изначально должно носить длительный, непрерывный и масштабный характер», чтобы «раз и навсегда лишить С. Милошевича возможности продолжать репрессии в Косово»¹⁰³.

Наиболее скептические оценки возможного вооруженного вмешательства США в Косово принадлежали американскому военному сообществу, которое, как правило, критически относится к любым «ограниченным» операциям. Большая часть военного сообщества США традиционно, еще со времен войны во Вьетнаме, придерживается концепции «подавляющей силы», современный вариант которой — «доктрина Пауэлла» — сформировался на основе опыта массированного наращивания и применения американской военной мощи в ходе войны в Персидском заливе 1991 г. Сторонники этой концепции — профессиональное военное сообщество США во главе с КНШ и особенно армейское руководство — выдвигают жесткий набор условий применения Соединенными Штатами военной силы, настаивая на массированном, а не ограниченном ее использовании. Противостоящие им приверженцы концепции «ограниченных целей», особенно популярной в Госдепартаменте, аппарате Совета национальной безопасности и других невоенных компонентах внешнеполитической бюрократии, а также среди гражданских экспертов в области обороны и безопасности, ставят во главу угла военное принуждение конфликтующих сторон к внутривнутриполитическим изменениям (т. е. осуществление ограниченных политических целей ограниченными военными средствами), выступая, таким образом, за рутинизацию использования вооруженных сил США в региональных конфликтах и кризисах.

Руководство КНШ прекрасно осознавало серьезные проблемы, связанные с проведением вооруженной операции против Югославии. С военной точки зрения косовский кризис, как и боснийский конфликт, представляет собой классический образец преобладающего типа современного регионального конфликта — субконвенционального противостояния (на уровне ниже обычной войны), связанного с межэтническими противоречиями и внутривнутриполитической напряженностью. Хотя современные «интернационализованные» гражданские войны, как правило, не выходят за субконвенциональные рамки, они носят особенно продолжительный и упорный характер, и интенсивность вооруженного противостояния в них в среднем превышает уровень насилия, характерный для конфликтов «низкой интенсивности» 70—80-х годов¹⁰⁴.

Хотя речь идет об одном регионе, военные условия возможного вмешательства США/НАТО в Косово существенно отличаются от ситуации в Боснии. Если в Боснии рельеф местности, особенно в долине реки Дрины, облегчал обнаружение, слежение и уничтожение скопленных сербских тяжелых вооружений с воздуха, то между Сербией и собственно Косово не существует географических преград. Колонны с вооружением могут двигаться различными путями, а войска и тяжелая техника — избегать сосредоточения (в отличие, например, от расположения сербских сил во время блокады ими боснийской столицы Сараево). По уровню оснащенности и боеготовности Югославская народная армия существенно превосходит армию боснийских сербов¹⁰⁵. Для военной победы над Сербией США/НАТО в любом случае придется вводить на ее территорию наземные силы. Причем если в воздушной операции технически неизмеримо более слабая армия СРЮ обречена на поражение, то в противоборстве сухопутных группировок сербы вполне способны противостоять войскам альянса. В отличие от Боснии, где были значительные силы боснийских хорватов и мусульман, в Косово нет наземных войск, которые могли бы угрожать сербам. ЮНА насчитывает по разным подсчетам от 114,2 тыс. (оценка Международного института стратегических исследований)¹⁰⁶ до 200 тыс. человек¹⁰⁷, к которым после мобилизации могут присоединиться более 400 тыс. резервистов¹⁰⁸. Если, по оценкам экспертов НАТО, только для размещения вдоль границ края с Албанией и Македонией понадобится до 20 тыс. солдат, то в случае наземной военной интервенции НАТО против Сербии понадобится по разным данным от 50 до 200 тыс. солдат. Более того, начав военную операцию на территории Сербии, США и НАТО ставят под удар свои силы в Боснии. Как подчеркнул помощник министра обороны США по политическим вопросам Уильям Слоукомб, «...рассматривая проблему Косово, нельзя забывать, что главным национальным интересом США в регионе остается успешная реализация Дейтонских мирных договоренностей по Боснии. Мы не можем позволить ситуации в Косово отвлечь нас или “международное сообщество” в целом от выполнения Дейтонских соглашений и в особенности их гражданских [невоенных] аспектов»¹⁰⁹.

Исходя из этого, американские военные довольно скептически отнеслись даже к идее нанесения «точечных» ракетно-бомбовых ударов по Сербии, не говоря уже о возможности проведения еще одной широкомасштабной наземной операции на Балканах¹¹⁰. При обсуждении

планов нанесения ракетно-бомбовых ударов по СРЮ в феврале — марте 1999 г., накануне начала военной операции НАТО против Югославии, руководство Комитета начальников штабов во главе с председателем КНШ генералом Генри Шелтоном и его заместителем Джозефом Ралстоном неоднократно высказывало глубокие сомнения в том, что жизненно важные интересы национальной безопасности США требуют вооруженного вмешательства в Косово и что планируемая воздушная кампания достигнет своих политических целей, предлагая еще раз сосредоточиться на экономических и других невоенных мерах давления на Белград ¹¹¹.

Что касается размещения американских войск в Косово, то уже в начале октября 1998 г. министр обороны США Уильям Коэн, выступая в сенатском комитете по вооруженным силам, не исключил такой возможности, указав в то же время на крайнюю нежелательность подобной операции ¹¹². Стремление избежать «размещения американских войск в Косово, как, впрочем, и в соседних странах», подтверждали и представители американской военной разведки ¹¹³. Эту позицию тогда поддержали обе палаты Конгресса, принявшие в начале октября 1998 г. согласованную резолюцию, выражавшую негативное отношение к возможности размещения в Косово сухопутных сил США ¹¹⁴.

Администрация Б. Клинтона, которая не могла не учитывать тот факт, что внутривнутриполитическая поддержка новой наземной военной операции США на Балканах невелика, вплоть до осени 1998 г. пыталась всячески обойти этот вопрос и сфокусировать внимание Конгресса и общественности на необходимости нанесения ограниченных ракетно-бомбовых ударов по Сербии ¹¹⁵. Однако в октябре 1998 г. администрации все же пришлось высказаться по этому вопросу более определенно: Б. Клинтон заверил сенаторов-республиканцев, что «...США не поддержат такие варианты урегулирования, которые требуют размещения вооруженных сил [в Косово] в неблагоприятной обстановке, и в НАТО пока придерживаются такой же точки зрения. Реально рассматривается лишь возможность градуированных ракетно-бомбовых ударов» ¹¹⁶.

Однако принципиальность и последовательность республиканцев в деле противодействия эскалации военного вмешательства США в региональных конфликтах не стоит переоценивать. Как и многие другие внешнеполитические вопросы, возможность американского военного вмешательства в косовский конфликт представляет для большинства

законодателей удобный предмет для политического торга по более важным для них проблемам. Наиболее ярко это проявилось на примере использования республиканцами проблемы Косово в качестве инструмента давления на администрацию в «больном» для них вопросе о поддержании боеготовности американских вооруженных сил и необходимости увеличения расходов на оборону. По мнению республиканцев, участвовавшее использование американских вооруженных сил в региональных конфликтах служит помехой осуществлению жизненно важных задач по обеспечению национальной безопасности США, способствует изнашиванию оборудования и персонала, падению дисциплины и морали в войсках и т. п. Как заявил сенатор Гордон Смит, «мы пытаемся убедить президента в том, что США не могут одновременно расходовать средства из военного бюджета на Боснию или другие миротворческие операции и поддерживать на должном уровне боеготовность вооруженных сил»¹¹⁷. В специальном послании президенту по «косовскому вопросу» сенаторы-республиканцы недвусмысленно заявили, что не поддержат военную операцию США в Косово до тех пор, пока администрация «не обратится к Конгрессу с просьбой о значительном увеличении оборонного бюджета в ответ на необходимость повышения боеготовности вооруженных сил, подготовки личного состава и модернизации, на которую указывает Комитет начальников штабов»¹¹⁸. В этом вопросе президент пошел навстречу республиканцам и военному руководству страны, проинформировав лидера республиканского большинства в сенате Т. Лотта о начале разработки Административно-бюджетной службой президента и Советом национальной безопасности совместно с Министерством обороны и КНШ многолетнего плана увеличения финансирования вооруженных сил¹¹⁹. 19 января 1999 г. в своем ежегодном послании «О положении в стране» президент публично объявил о планах администрации «покончить с сокращениями военных расходов, которые проводятся с 1985 г.», и увеличить ассигнования на нужды обороны на 12 млрд долл. в 2000 финансовом году и на 110 млрд в течение ближайших шести лет¹²⁰.

Таким образом, администрации удалось одним махом «обезоружить» двух своих главных оппонентов в вопросе о применении вооруженной силы в региональных конфликтах вообще и в Косово в частности — республиканцев и военных — и снять любые возражения с их стороны относительно возможной воздушной кампании против Сербии. Сложилась ситуация, в которой практически все политические силы и ком-

поненты внешнеполитической бюрократии США поддерживали или по крайней мере не выступали против нанесения мощных авиа- и ракетных ударов по Сербии и Косово¹²¹. Это позволило администрации начать готовить почву для обсуждения в Конгрессе и обществе идеи направления в Косово американских военнослужащих для участия в наземной операции, невозможность целиком избежать которого становилась все более очевидной для США в ходе подготовки переговоров по урегулированию косовского конфликта в Рамбуйе¹²². В этом администрации безусловно помогло успешное для президента завершение процесса импичмента: вероятность того, что республиканцы, не желавшие усиливать свой имидж «неконструктивных критиков администрации», сложившийся в ходе суда над президентом, будут жестко противодействовать балканскому курсу Б. Клинтона, уменьшилась.

Американское общественное мнение оказалось вполне подготовленным к обоим вариантам развития событий как практикой вмешательства США в региональные конфликты 90-х годов, которую отличает рутинизация ограниченного применения военной силы, так и многолетней антисербской риторикой, кампанией по демонизации образа С. Милошевича и массовой пропагандой «в защиту косовских албанцев» от «сербской агрессии». По данным опроса Гэллага, проведенного 19—23 февраля 1999 г., в разгар переговоров в Рамбуйе, 54% респондентов одобряли участие США в миротворческой операции НАТО в Косово, в то время как 40% высказались против такого участия. При этом 80% опрошенных заявили, что администрация должна добиться одобрения любой военной операции США в Косово со стороны Конгресса. Голоса тех, кто высказались за и против нанесения ракетно-бомбовых ударов по сербской стороне в случае, если политическое соглашение между сербами и косовскими албанцами не будет достигнуто, разделились поровну¹²³, что подтверждает наблюдение директора Исследовательского центра Пью по изучению общественного мнения и прессы Эндрю Кохута о том, что, как правило, треть американцев традиционно поддерживает военные интервенции США в зонах конфликтов, а треть стабильно выступает против, что дает возможность манипулировать мнением оставшейся третьей части населения¹²⁴.

Здесь следует особо подчеркнуть роль, которую в пропагандистской кампании против Сербии в США сыграли фирмы, специализирующиеся на связях с общественностью, и прежде всего «Ruder Finn Global

Public Affairs»¹²⁵, являющаяся официальным агентом «правительства» самопровозглашенной «Республики Косово». В ноябре 1992 г. Министерством юстиции США был зарегистрирован контракт (№ 4315) между «Ruder Finn» и «правительством Республики Косово», подписанный президентом фирмы Джимом Харфом и «премьер-министром» правительства косовских албанцев в изгнании Б. Букоши (первым мероприятием, предпринятым «Ruder Finn» в этой связи, была попытка добиться присутствия делегации от непризнанной «Республики Косово» на инаугурации президента Б. Клинтона в январе 1993 г.). Уже в 1994 г. около двух третей всех средств, заработанных «Ruder Finn» в бывшей Югославии, поступило от «правительства Косово» (230 141 долл. из 321 912 долл. за второе полугодие 1994 г.). Позднее к «раскручиванию» косовской темы в американских средствах массовой информации подключилась уважаемая юридическая контора «Arnold & Porter». В то же время правительство Сербии, которое в условиях экономических санкций не могло заключать контракты с американскими фирмами, не имело возможности использовать этот рычаг влияния на общественное мнение в США.

Следует отметить также чрезвычайно высокую активность албанской диаспоры в США, насчитывающей, по некоторым оценкам, до 400 тыс. человек (только в одном Нью-Йорке проживает не менее 100 тыс. этнических албанцев). Албанское лобби в США имеет разветвленную сеть общественных организаций (Американо-албанская национальная организация, существующая с 1946 г., Американо-албанская гражданская лига во главе с бывшим конгрессменом этническим албанцем Джозефом Диогуарди, действующая с 1986 г., Национальный албано-американский совет со штаб-квартирой в Вашингтоне, основанный в 1996 г., и т. д.), свои газеты, в том числе выходящая в Бронксе (Нью-Йорк) «Иллирия», и т. п. Основанная в 1998 г. организация американских албанцев «Родина зовет!» официально занимается сбором средств для Освободительной армии Косово (общая сумма средств, собранных этой организацией в 1998 г., составила, по ее собственным оценкам, около 10 млн долл., а по оценкам независимых экспертов — около 5 млн долл.)¹²⁶. В апреле 1999 г., после начала военной операции НАТО против Югославии, на деньги албанской диаспоры в США был сформирован первый батальон в поддержку ОАК и войск альянса. Свои организации имеет и гораздо менее многочисленная сербская диаспора: американское представительство Конгресса сербского единства — меж-

дународной организации сербской диаспоры, созданной в 1990 г., представительство Фонда балканских исследований лорда Байрона со штаб-квартирой в Лондоне¹²⁷ и т. п. Однако активность сербской диаспоры в США не идет ни в какое сравнение с деятельностью значительно более влиятельного американско-албанского лобби (так, для лоббирования своих интересов Конгресс сербского единства вынужден пользоваться услугами фирм, представляющих интересы греческой диаспоры).

В целом, учитывая опыт американского регионального вмешательства 90-х годов и стремление избежать нового масштабного размещения вооруженных сил США на Балканах, поиск администрацией Б. Клинтона пути наименьшего с внутривосточной точки зрения сопротивления в выработке собственной позиции по косовскому вопросу представляется вполне закономерным. В области реальных внешнеполитических шагов такому политическому курсу в наибольшей степени соответствует сочетание ракетно-бомбовых ударов по Сербии или угроз их нанесения, с одной стороны, и прямой или косвенной поддержки албанских сепаратистов, с другой стороны¹²⁸ (поддержка албанских сепаратистов в данном контексте стала лишним способом заручиться одобрением воздушной кампании против Сербии со стороны значительного числа республиканцев в Конгрессе, полагавших, что в отсутствие мирного соглашения между Белградом и косовскими албанцами ракетно-бомбовые удары неминуемо приведут к эскалации прямого американского военного вмешательства в конфликт)¹²⁹. Однако в ходе разработки политического соглашения между противоборствующими сторонами перед США вплотную встал вопрос о международном контроле над реализацией такого соглашения, которая, по мнению администрации Б. Клинтона и руководства европейских стран — членов НАТО, требовала размещения в крае вооруженного контингента НАТО.

Проблема взаимодействия США с европейскими союзниками по НАТО

Учитывая внутривосточные ограничения на использование собственных вооруженных формирований в новой военной операции на Балканах, США были крайне заинтересованы в том, чтобы в случае необходимости эти функции выполнили их европейские союзники по НАТО¹³⁰. В этом смысле для США особое значение приобрела пробле-

ма взаимодействия с европейскими союзниками по НАТО, которую следует рассматривать в качестве главного *внешнеполитического ограничителя* американского вмешательства в косовский конфликт.

Руководство США с самого начала обострения косовского кризиса признавало, что в НАТО отсутствует единодушие по косовскому вопросу и что «потенциал косовского конфликта, с точки зрения серьезных разногласий между США и другими членами альянса, а также между европейскими союзниками США по НАТО, гораздо выше, чем в Боснии»¹³¹. Действительно, европейские союзники США по НАТО, имеющие собственные политические и экономические интересы на Балканах, в принципе не были заинтересованы в военной операции против Сербии. Единственной «жизненно важной» угрозой их безопасности, вызванной конфликтом в Косово, могло стать резкое обострение проблемы беженцев, которого до начала массированных ракетно-бомбовых ударов НАТО по территории Косово все же не наблюдалось¹³². Администрации Б. Клинтона пришлось приложить немало усилий, чтобы в октябре 1998 г. заручиться согласием со стороны Франции, Германии, Италии и Дании на возможное проведение воздушной операции против Сербии.

Значение косовского кризиса для взаимоотношений США с их европейскими союзниками по НАТО невозможно рассматривать в отрыве от более глубоких трансатлантических противоречий. В преддверии Вашингтонской конференции (23—25 апреля 1999 г.), приуроченной к 50-летней годовщине образования НАТО, внутри альянса развернулась широкая дискуссия вокруг новой стратегической концепции НАТО, подготовленной для рассмотрения и принятия на саммите взамен той, которая была одобрена в 1991 г. Среди основных направлений этой дискуссии важнейшее место заняло обсуждение трех взаимосвязанных проблем. Во-первых, речь шла о возведении «кризисного реагирования» и операций, выходящих за рамки ст. V Вашингтонского договора 1949 г., в ранг основной функции альянса наряду с задачей обеспечения «коллективной обороны». Во-вторых, в непосредственной связи с этим встала проблема расширения «зоны ответственности» НАТО и дискуссии вокруг ее возможной «глобализации». В-третьих, рассмотрение этих вопросов неизбежно обостряло проблему легитимации деятельности Североатлантического альянса со стороны более универсальных международных организаций, прежде всего ООН.

По всем трем проблемам США столкнулись с более осторожной и сдержанной позицией нескольких или большинства своих европейских союзников. Администрация Б. Клинтона, поддержанная руководством Великобритании, выдвинула идею расширенного толкования роли альянса в Европе и мире (как выразилась М. Олбрайт, «от Ближнего Востока до Центральной Африки»¹³³) и официального признания «кризисного реагирования» второй основной функцией НАТО, настаивая на замене принципа защиты «общей территории» принципом защиты «общих интересов». В то же время большинство континентальных европейских стран — членов НАТО выступило против глобализации альянса, опасаясь быть втянутыми в конфликты далеко за пределами Европы, и против приравнивания «кризисного реагирования» к задачам обеспечения «коллективной обороны». Однако если поддержка союзниками американской идеи «глобализации» НАТО носит ограниченный характер, то в отношении расширения «зоны ответственности» альянса на «все евроатлантическое пространство и его периферию» (под которой, очевидно, подразумевается и часть территории бывшего СССР) они близки к консенсусу с Вашингтоном.

Наиболее острые разногласия между союзниками продолжает вызывать вопрос о необходимости или, напротив, нежелательности получения санкции ООН на военные акции НАТО за пределами «зоны ответственности» альянса. Руководство большинства европейских стран неоднократно выражало опасения, что проведение таких акций без соответствующего мандата ООН может привести к серьезному потрясению сложившегося миропорядка и всей системы международных отношений, основанных на центральной роли ООН. Основным оппонентом США в этом вопросе выступила Франция, настаивавшая, что любая военная акция НАТО, предпринимая вне традиционной «зоны ответственности» альянса (т. е. территории его членов), обязательно требует соответствующего мандата со стороны Совета Безопасности ООН (или ОБСЕ как единственной общеевропейской организации). По мнению французской стороны, разделяемому Бонном, игнорирование ООН и ОБСЕ при проведении военных операций НАТО вне «зоны ответственности» альянса приведет к тому, что отдельные государства, группы стран или международные организации смогут последовать примеру альянса, что окончательно подорвет существующую международно-правовую систему. Такое различие в позициях союзников по этому вопросу подчеркивает, во-первых, важность для США создания прецеден-

та военного вмешательства НАТО в косовский конфликт без санкции на то со стороны Совета Безопасности ООН, а во-вторых, большую вероятность принятия компромиссной формулировки, декларирующей «соответствие действий НАТО принципам и целям ООН», в то время как в каждом конкретном случае вопрос о международной легитимации деятельности альянса будет решаться отдельно.

Еще один важнейший комплекс вопросов, обсуждавшихся в преддверии апрельской конференции НАТО в Вашингтоне, был связан с проблемой укрепления «европейской основы» альянса. Эта долгосрочная стратегическая проблема носит особенно острый политический характер, так как она напрямую связана с перераспределением командных постов внутри НАТО. Несмотря на то, что все предыдущие попытки Франции добиться права контролировать назначение на пост главнокомандующего ОВС НАТО в Южной Европе натолкнулись на стойкое сопротивление со стороны США, Париж продолжает требовать усиления роли европейских союзников США в определении политики альянса в области обороны и безопасности, а также передачи ряда важных постов в военной иерархии НАТО представителям европейских стран. Определенным прорывом в этой области стали изменения в позиции одного из главных традиционных оппонентов создания сильной «европейской опоры» НАТО — Великобритании, представители которой заявили в ноябре 1998 г. на заседании министров стран — членов Западноевропейского Союза о всесторонней поддержке Лондоном концепции Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Это сделало возможным подписание в декабре 1998 г. в Сен-Мало (Франция) британо-французской декларации о необходимости укрепления военного потенциала объединенной Европы и активизации участия европейских стран в «кризисном реагировании». Администрация Б. Клинтона, на словах поддерживавшая эти и другие европейские инициативы, делает упор на необходимости предотвращения «трех Д» — «дезинтеграции» трансатлантического процесса принятия решений в области обороны и безопасности, «дублирования» функций НАТО европейскими структурами и «дискриминации» при этом тех европейских членов НАТО, которые не являются членами ЕС.

Косовский кризис как нельзя лучше подошел на роль полигона для отработки новой модели участия европейских стран в «кризисном реагировании» и их взаимоотношений с США. Оказавшись своеобразной прелюдией к 50-летию юбилею НАТО, он стал очередной «размен-

ной картой» в отношениях США с их европейскими союзниками по НАТО, которая как бы иллюстрирует разногласия между ними по более принципиальным вопросам.

В этом смысле еще соглашение Холбрука — Милошевича (октябрь 1998 г.) и предусмотренное им размещение в Косово миссии наблюдателей ОБСЕ зафиксировали временный компромисс не только между Вашингтоном и Белградом, но и в каком-то смысле между США и их европейскими союзниками по НАТО. Острота трансатлантических противоречий по косовскому вопросу была временно ослаблена тем, что удалось отодвинуть перспективу ввода военного контингента НАТО на территорию края, «заменяв» его гражданским контингентом ОБСЕ. Кроме того, несмотря на то, что ни соглашением Холбрука — Милошевича, ни соответствующей резолюцией Совета Безопасности ООН не предусматривалось размещение в крае или вокруг него сил НАТО¹³⁴, Совет НАТО счел необходимым создание на основе сил быстрого реагирования альянса специальных отрядов для срочной эвакуации наблюдателей ОБСЕ, если возникнет такая необходимость. В состав так называемых Сил эвакуации НАТО под командованием французского генерала, размещенных на территории Македонии в декабре 1998 г., вошли формирования Франции, предоставившей основной контингент, а также Великобритании, Италии и Нидерландов (всего около 1800 военнослужащих). Согласие европейских союзников США по НАТО на участие в силах эвакуации НАТО *без непосредственного участия военнослужащих США* объяснялось тем, что сама операция планировалась как ограниченная выполнением конкретной задачи — эвакуации в случае необходимости наблюдателей ОБСЕ из Косово.

Как показали подготовка и ход переговоров в Рамбуйе (февраль 1999 г.) и в Париже (март 1999 г.), обязательным условием любой масштабной операции на Балканах для европейских союзников США является непосредственное участие в ней американских войск. Кроме того, размещение в Косово сил НАТО с обязательным, хотя бы символическим участием в них американского контингента стало одним из главных условий подписания соглашения о политическом урегулировании в крае представителями косовских албанцев. 13 февраля 1999 г., после того, как накануне Совет НАТО принял решение о направлении в Македонию дополнительного шеститысячного контингента для подготовки к возможному размещению войск альянса в Косово (операция «Совместная охрана»), а также одобрил политическую концепцию во-

оруженного вмешательства НАТО в Косово с участием около 26 тыс. военнослужащих, президент Б. Клинтон заявил в еженедельном радиобрещении к нации, что США предоставят в состав этого контингента до 4 тыс. солдат (10—15% всех многонациональных сил, предназначенных для размещения в крае)¹³⁵. В тот же день Б. Клинтон провел консультации относительно возможного участия американских войск в операции НАТО в Косово с новым спикером Конгресса республиканцем Деннисом Хастертом и лидером республиканского большинства в сенате Трентом Лоттом. Уже спустя несколько дней госсекретарь М. Олбрайт заявила, что если американские войска в составе сил НАТО будут размещены в Косово, они останутся там на неопределенный срок¹³⁶. Наконец, 11 марта палата представителей Конгресса в целом одобрила предложение администрации о направлении американского наземного контингента в составе 4 тыс. военнослужащих для участия в возможной операции на территории Косово¹³⁷. Однако сенат, принявший 23 марта большинством всего в восемь голосов резолюцию, санкционировавшую нанесение ракетно-бомбовых ударов по территории СРЮ, отказался на этой стадии рассматривать вопрос об участии США в наземной операции¹³⁸.

Одним из основных условий предоставления американских войск, наряду с заключением всеобъемлющего политического соглашения между конфликтующими сторонами и выводом из края большей части сербских сил, стало выдвинутое администрацией Б. Клинтона требование комплектации вооруженного контингента НАТО в основном европейскими силами. В результате основу сил, задействованных в операции «Совместная охрана», — ядра новой мощной сухопутной группировки НАТО на Балканах — составили контингенты Великобритании, Франции и ФРГ. В свою очередь, США пришлось согласиться уступить командование операцией в целом, в том числе американским контингентом, командующему силами быстрого реагирования НАТО британскому генералу Майклу Джексону¹³⁹. Вопросы, связанные с размещением многонациональных сил НАТО в Косово, были подробно рассмотрены в главе 7 промежуточного мирного соглашения по Косово¹⁴⁰, представленного США и их европейскими союзниками на рассмотрение конфликтующих сторон в Париже (март 1999 г.) и категорически отвергнутого руководством СРЮ, расценившим любое возможное размещение войск НАТО на территории Косово как иностранную интервенцию и оккупацию.

Используя такую позицию Белграда в качестве предлога, 24 марта 1999 г. НАТО приступило к нанесению ракетно-бомбовых ударов по всей территории СРЮ. Нет необходимости подробно анализировать соотношение сил сторон, чтобы оценить степень реальности осуществления основной военной задачи НАТО — нанесения непоправимого урона военному потенциалу СРЮ, которая довольно высока. Однако уже первые результаты этой операции в большинстве своем оказались обратными заявленным политическим целям (гуманитарная катастрофа в Косово, которой до того не наблюдалось, стала реальностью, исход албанских беженцев из края превысил все мыслимые пределы, бомбардировки не только не ослабили, а укрепили положение С. Милошевича внутри страны и т. д.). Проведенный анализ показывает, что, во-первых, проблемы, с которыми США и НАТО столкнулись в ходе военной операции против СРЮ, носят не столько военный, сколько политический характер, ставя американское руководство перед необходимостью определить, какую политическую цену оно готово заплатить за планомерное уничтожение военного и экономического потенциала европейской страны и в какой степени стратегическим интересам США отвечает полномасштабная наземная операция в Косово, а во-вторых, оценивать эффективность как военной акции НАТО, так и политической стратегии США в Косово и на Балканах следует, исходя из их более глубоких интересов внутри- и внешнеполитического характера.

* * *

В обстановке, сложившейся на международной арене после распада биполярной системы международных отношений, прежние методы и инструменты регулирования региональных конфликтов перестали отвечать интересам США. Одновременно открылись новые возможности для международного сотрудничества в этой области, сложились предпосылки для более широкого использования Соединенными Штатами международных институтов в качестве инструментов регионального вмешательства.

Значительно возросла непосредственная вовлеченность США в региональные конфликты и кризисы (в том числе с использованием американских вооруженных сил) и, соответственно, потребность американских правящих кругов в выработке средств и методов регулирова-

ния региональных конфликтов. Этим во многом объясняется тот факт, что ведущаяся в военно-политических, академических и более широких общественных кругах США дискуссия по проблемам регионального вмешательства продолжает сводиться преимущественно к вопросу о необходимости или, наоборот, нежелательности применения американских вооруженных сил в целях регулирования региональных конфликтов.

Если в годы «холодной войны» логика биполярной мировой системы накладывала серьезные ограничения на возможность и характер американского вмешательства в процесс регулирования региональных конфликтов, то в условиях постбиполярной эпохи произошло резкое ослабление внешних ограничителей военно-политической мощи США. Поэтому нет ничего удивительного в том, что современная практика американского участия в региональных кризисах и конфликтах диктуется *преимущественно внутривнутриполитическими факторами, а также ограниченным набором внешнеполитических интересов*, основным из которых в условиях относительного, а не абсолютного господства США на мировой арене является поддержание союзнических обязательств — прежде всего в отношении партнеров США по НАТО. Политика администрации Б. Клинтона в отношении острейшего кризиса, разгоревшегося в Косово, не является исключением из этого правила.

Как и в ходе разработки Дейтонского мирного плана по Боснии, американское участие в урегулировании конфликта в Косово является и будет продолжать оставаться следствием прежде всего внутривнутриполитического компромисса в самих США. Учитывая цели и интересы, преследуемые США применительно к данному конфликту, наиболее приемлемым с внутривнутриполитической точки зрения вариантом американского вмешательства является сочетание ракетно-бомбовых ударов по Сербии или угроз их нанесения с прямой или косвенной поддержкой албанских сепаратистов при максимально ограниченном участии в любой возможной наземной операции. С внешнеполитической точки зрения для США ключевым является обеспечение взаимодействия с европейскими союзниками по НАТО и их активное привлечение к возможной военной операции против Сербии, особенно в случае наземной интервенции в Косово.

Официально администрация Б. Клинтона продолжает придерживаться той точки зрения, что реализации всего комплекса интересов США с учетом всех существующих ограничений нового американско-

го вмешательства на Балканах в наибольшей степени отвечает вариант «расширенной автономии» для Косово. Время покажет, насколько реалистичен этот вариант. Сейчас поражает лишь сходство между предлагаемой моделью решения косовской проблемы в рамках «расширенной автономии» и «дейтонской моделью» боснийского урегулирования. Учитывая, что, как показывает трехлетний опыт реализации «дейтонской модели», ее применение в отношении боснийского конфликта скорее загнало вглубь его фундаментальные причины и противоречия, чем способствовало их разрешению, США сознательно продолжают придерживаться курса, направленного на создание марионеточных государств на Балканах и построение «дуги безопасности» вокруг Сербии — от Македонии через Албанию вплоть до Хорватии, Венгрии и Румынии.

Особенность позиции, занятой США по отношению к косовскому кризису, в том, что она, не гарантируя успешного продвижения вперед в деле урегулирования конфликта, вместе с тем крайне затрудняет любое «отыгрывание» ситуации назад. Любой вариант урегулирования косовского конфликта с участием вооруженных формирований НАТО будет иметь далеко идущие последствия для всех стран региона, способствуя его дальнейшей фрагментации. Здесь важно подчеркнуть, что в таких условиях США и НАТО не только манипулируют ситуацией в регионе, но и сами в некоторой степени становятся заложниками местных сил и интересов (так, жесткие акции США и НАТО в отношении Сербии активно используются косовскими сепаратистами в своих целях). Более того, реагируя на каждую новую вспышку насилия в регионе и следуя курсу на установление одного за другим международных протекторатов на территории бывшей Югославии (де-факто такими протекторатами уже являются Босния и Македония, на очереди — Косово, а возможно, и Албания), США и НАТО фактически втягиваются в более широкий процесс, который может вылиться в бесконечную череду акций в зонах кризисов и конфликтов на Балканах (а в перспективе и в других регионах — в восточной части Европы, в бассейнах Черного и Средиземного морей, на Кавказе, в Средней Азии и т. д.).

В конечном счете любая попытка США решить косовскую проблему в отрыве от ситуации в регионе (от Дейтонского процесса в Боснии, положения в Албании и Македонии и т. д.) контрпродуктивна. Несмотря на то, что возможности поиска общепалканского решения для этого и других кризисов ограничены, они существуют (все более широ-

кое распространение получает, например, идея созыва при международном посредничестве всеобъемлющей мирной конференции по ситуации на Балканах с участием представителей Боснии, Хорватии, Македонии, Албании и СРЮ)¹⁴¹. Точно так же военная операция против СРЮ, начатая НАТО без санкции Совета Безопасности ООН и создающая прецедент ничем не ограниченного военного вмешательства альянса на территории страны вне зоны его ответственности, представляет собой серьезную проблему не только для всего международного сообщества, но и для самих США, долгосрочным интересам национальной безопасности которых вряд ли соответствует окончательная девальвация роли ООН в мире и ОБСЕ в Европе.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Манькин А. С., Степанова Е. А.* Формирование новой системы международных отношений и югославский кризис // На рубеже веков / МГУ им. Ломоносова, Белградский ун-т. — 1997. — № 1. — С. 55—63.

² США были первой страной, признавшей независимость Боснии и Герцеговины (7 апреля 1992 г.) вслед за соответствующим решением Европейского Союза (6 апреля 1992 г.).

³ См., например: *Woehrel S.* Kosovo: The Next Post-Yugoslav Crisis?: Congressional Research Service (CRS) Report. — Washington, D.C., 16 Nov. 1992.

⁴ Несмотря на то, что текст телеграммы носил секретный характер, он был широко растиражирован в американской прессе — см., например: *Goshko J. M.* Bush Threatens 'Military Force' if Serbs Attack Ethnic Albanians // *Washington Post* (далее — WP). — 1992. — 29 Dec. Согласно официальному подтверждению специального представителя США на Балканах Р. Гелбарда, попавшие в печать отрывки послания Дж. Буша С. Милошевичу «в точности соответствовали его содержанию». В рассекреченной версии «рождественского послания» отсутствует угроза американской военной интервенции и говорится лишь о том, что «США отреагируют на насилие в Косово, вызванное действиями сербов» (см.: *R. Gelbard's response to Sen. D'Amato* // Appendix to 'The Crisis in Kosovo'. Hearings before the Subcomm. on European Affairs of the Senate Comm. on Foreign Relations, 105th Congress, 2nd session. — Washington, D.C., 6 May and 24 June 1998. — P. 81).

⁵ С 1 января 1995 г. — ОБСЕ.

⁶ Situation in Kosovo. Hearings before the Subcomm. on Europe and the Middle East of the Comm. on Foreign Affairs. U.S. House of Representatives. 103d Congress. 2nd session. — Washington, D.C., 5 Oct. 1994. — P. 2, 5.

⁷ H. Con. Res. 251. International Support for Human Rights in Kosova. 23 May 1994 // Situation in Kosovo... — P. 82—84.

⁸ H. R. 4115. Kosova Peace and Democracy Act of 1994 // *Ibid.* — P. 62—75.

Косово: международные аспекты кризиса

⁹ Situation in Kosovo... — P. 27.

¹⁰ Presidential Determination No. 96-7. 27 Dec. 1995.

¹¹ S/RES/1074 (1996), 1 Oct. 1996.

¹² Подробнее об этом см.: *Woehrel S. J.* Kosovo and U.S. Policy. CRS Report. — Washington, D.C., 26 Sept. 1996.

¹³ Supporting a Resolution of the Crisis in Kosova, H. Con. Res. 155 // Congressional Record. — Washington, D.C., 29 July 1996. — P. H8629—H8633.

¹⁴ U.S. Public Law 104—208. — 30 Sept. 1996.

¹⁵ Подробнее см.: *Kostovic D.* Washington Tests the Waters // War Report. — London, Aug. 1996. — P. 13.

¹⁶ Подробнее см.: *Kim J., Ek C.* Romania, Bulgaria, Albania: Recent Developments: CRS Issue Brief № 92064. — Washington, D.C., 1996. — 13 Dec.; *Nazi F.* Washington Goes Social // War Report. — 1997. — № 53. — Aug.

¹⁷ В частности, США более не испытывали необходимости в использовании албанских авиабаз для запуска беспилотных самолетов с целью ведения разведывательных полетов над Боснией (эти базы использовались США с 1994 г.).

¹⁸ Из выступления на пресс-конференции в Скопье 12 апреля 1998 г.

¹⁹ S/RES/1142 (1997), 4 Dec. 1997.

²⁰ Reuters. — 1998. — 4 March.

²¹ Reuters. — 1998. — 7 March; см. также: *Erlanger S.* Albright Warns Serbs on Kosovo Violence // New York Times (далее — NYT). — 1998. — 8 March.

²² *Shenon P.* US Says It Might Consider Attacking Serbs // NYT. — 1998. — 13 March.

²³ См. соответствующую резолюцию Совета Безопасности ООН: S/RES/1160 (1998), 31 March 1998.

²⁴ Параллельно этот шаг Контактной группы означал фактическое признание Соединенными Штатами Союзной Республики Югославии, так как до этого США официально использовали в качестве названия этой страны лишь сочетание «Сербия-Черногория».

²⁵ *Drozdiak W.* NATO, Albania Discuss Kosovo // WP. — 1998. — 12 March; *Perlez J.* U.S. Official Asks Restraint by Albanians // NYT. — 1998. — 17 March.

²⁶ Хотя это были плановые маневры, на совещании министров иностранных дел НАТО в Люксембурге (май 1998 г.) им было придано особое значение в связи с событиями в Косово. На финансирование маневров Пентагон выделил 120 тыс. долл., а командование НАТО — 40 тыс. фунтов стерлингов.

²⁷ The Crisis in Kosovo... — P. 63, 66.

²⁸ Ibid. — P. 22.

²⁹ *Radu M.* Dangerous Incoherence in Kosovo // Foreign Policy Research Inst. Bull. — 1998. — 21 Oct.

³⁰ *Dinmore G.* U.S. Envoy Arranges Kosovo Peace Talks: Yugoslav President, Albanian Leader to Meet for the First Time in Belgrade // WP. — 1998. — 14 May.

³¹ См.: *Erlanger S.* Clinton Meets Delegation from Kosovo // NYT. — 1998. — 30 May.

³² Statement of Hon. Robert S. Gelbard, Special Representative of the President and the Secretary of State for Implementation of the Dayton Peace Accords // *The Crisis in Kosovo...* — P. 17.

³³ Statement of Hon. Morton I. Abramovitz, International Crisis Group; and former Assistant Secretary of State for Intelligence and Research // *Ibid.* — P. 65.

³⁴ Intervention by Sen. Joseph R. Biden // *Ibid.* — P. 17.

³⁵ Цит. по: *Shenon P.* U.S. Says It Might Consider Attacking Serbs // NYT. — 1998. — 13 March.

³⁶ Kosovo: Current Situation and Future Options. Hearing before the House Committee on International Relations, 105th Congress, 2nd sess. — Washington, D.C., 23 July 1998. — P. 6.

³⁷ Выступление С. Тэлбота цит. по: Reuters. — 1998. — 18 March.

³⁸ Statement of John Fox, Director, Washington Office, Open Society Institute // *The Crisis in Kosovo...* — P. 26. Только 13 августа 1998 г. ОАК формально объявила о том, что ее политические интересы будет представлять лидер Парламентской партии Косово А. Демачи (который, впрочем, уже в марте 1999 г. подал в отставку с этого поста в связи с несогласием с участием делегации косовских албанцев в мирных переговорах в Рамбуйе).

³⁹ Sen. Warner on Kosovo // *Congressional Record.* — 1998. — 8 Oct. — P. S11898; см. также: Sen. Warner on Kosovo // *Ibid.* — 1998. — 3 Sept. — P. S9929; etc.

⁴⁰ Radio B92 Daily Service. — 1998. — 27 June; *Erlanger S.* U.S. Meets with Kosovo Rebel Army Leaders // NYT. — 1998. — 28 June; *Smith R. J.* Kosovo Rebel Leaders Hard to Find; U.S. Efforts to Get Them to Peace Talks Unsuccessful // WP. — 1998. — 28 June.

⁴¹ *Whitney C.* Frustrated by Kosovo Statement, the West Criticizes All Sides // NYT. — 1998. — 9 July.

⁴² Statement of R. S. Gelbard // *Kosovo: Current Situation and Future Options...* — P. 8.

⁴³ В сентябре 1998 г. делегация православного духовенства Косово посетила Вашингтон, а глава делегации епископ Артемий выступал перед Конгрессом США.

⁴⁴ Areas of Control in Kosovo, Mid-July 1998. — US Government Map No. 746891 [R00940] 7-98.

⁴⁵ См.: Sen. McConnell on Catastrophe in Kosovo // *Congressional Record.* — 1998. — 24 Sept. — P. S10902; President Clinton's Letter to Senate Majority Leader Trent, 6 Oct. 1998 // *Ibid.* — 1998. — 8 Oct. — P. S11899.

⁴⁶ Высказывание заместителя госсекретаря США С. Тэлбота цит. по: Statement of J. Fox // *The Crisis in Kosovo...* — P. 24.

⁴⁷ Единственным камнем преткновения в греко-турецких отношениях, который действительно чреват их резким обострением, является кипрская проблема.

⁴⁸ См., например: Statement of M. Abramovitz // The Crisis in Kosovo... — P. 64; Statement of R. Gelbard // Kosovo: Current Situation and Future Options... — P. 11; etc.

⁴⁹ Clinton W. J. Executive Order 13088. 9 June 1998. Blocking Property of the Governments of the FRY, the Republic of Serbia and the Republic of Montenegro, and Prohibiting New Investment in the Republic of Serbia in Response to the Situation in Kosovo // Federal Register. — 1998. — Vol. 63. — № 113. — 12 June. — P. 32109.

⁵⁰ President Clinton's Letter to Senate Majority Leader T. Lott, 6 Oct. 1998 // Congressional Record. — 1998. — 8 Oct. — P. S11899.

⁵¹ Prepared Statement by James R. Hopper, Director, the Balkan Institute, Wash., D.C. // The Crisis in Kosovo... — P. 22; см. также: Hoagland J. NATO's Balkan 'Policy' // WP. — 1998. — 24 Nov.

⁵² Amb. Hill Meets with Media Representatives in Montenegro // USIS Washington File. — 1998. — 20 Oct.

⁵³ The Crisis in Kosovo... — P. 21.

⁵⁴ Sen. J. Biden on the Situation in Kosovo // Congressional Record. — 1998. — 14 Oct. — P. S12487.

⁵⁵ Lugar D. The Milosevic Problem // WP. — 1998. — 30 Nov.

⁵⁶ Statement of M. Abramovitz // The Crisis in Kosovo... — P. 66.

⁵⁷ Intervention by Sen. J. Biden // Ibid. — P. 42—43.

⁵⁸ Statement of M. Abramovitz // Ibid. — P. 65; см. также: Hayden R. M. The State as Legal Fiction: American Proposals for the Constitutional and Political Status of Kosovo // East European Constitutional Rev. — 1998. — Vol. 7. — № 4. — Fall. — P. 49; etc.

⁵⁹ Statement of J. R. Hooper // Ibid. — P. 20.

⁶⁰ Statement of Hon. R. Gelbard // Ibid. — P. 18.

⁶¹ Intervention by Sen. J. Biden // Ibid. — P. 69.

⁶² Об этом варианте подробнее см., например: Heraclides A. Ethnonational and Separatist Conflict Settlement and the Case of Kosovo // Kosovo: Avoiding Another Balkan War / Ed. by T. Veremis, E. Kofos. — Athens: ELIAMEP, Univ. of Athens, 1998. — P. 421.

⁶³ S/RES/1203 (1998), 24 Oct. 1998. При голосовании Россия и Китай воздержались.

⁶⁴ Подробнее об этой и предыдущих американских мирных инициативах по Косово см.: Hayden R. M. Op. cit. — P. 45—50; Smith J. R. U.S. Proposal Outlines Kosovo Power-Sharing // Intern. Herald Tribune. — 1998. — 11 Nov.

⁶⁵ С декабря 1998 г. — заместитель директора Отдела политического планирования Госдепартамента.

⁶⁶ Finn P. Kosovo Albanians Greet Deal with Mistrust // WP. — 1998. — 14 Oct.; O'Connor M. Kosovo's Albanians Give Truce Pact Poor Reviews // NYT. — 1998. — 15 Oct.; Smith R. J. Both Sides Resist U.S. Proposals in Kosovo // WP. — 1998. — 30 Dec.

⁶⁷ Текст плана см.: Политика [Белград]. — 1998. — 21 нояб.

⁶⁸ См. критический анализ переговоров в Рамбуйе: *Rambouillet — A Process Analysis*. Transnational Foundation for Peace and Future Research (TFF). — Lund (Sweden), 20 Febr. 1999. — (PressInfo; № 56).

⁶⁹ *Rambouillet Accords: Co-Chairmen's Conclusions*. — Rambouillet, 23 Febr. 1999; *Balman S. Agreement in Principle Reached* // UPI. — 1999. — 23 Febr.

⁷⁰ *Smith R. J. Albanian Intransigence Stymied Accord* // WP. — 1999. — 24 Febr.; *Perlez J. No Winners at Kosovo Peace Talks, and Albright Seems to Lose Prestige* // NYT. — 1999. — 25 Febr.

⁷¹ См. его критический анализ трехлетнего опыта реализации Дейтонских соглашений по Боснии: *Holbrooke R. El Mayor Fracaso Colectivo de Occidente* // *Politica Exterior*. — 1999. — Vol. 13. — № 67. — Enero/Febrero. — P. 85—97.

⁷² *Interim Agreement for Peace and Self-Government in Kosovo*. — Rambouillet, 23 Febr. 1999.

⁷³ *Ibid.* — P. 28—38.

⁷⁴ Вместе с приложениями см.: *Ibid.* — P. 54—80.

⁷⁵ Следует отметить, что в ходе обсуждения косовского вопроса на слушаниях в комитетах и подкомитетах Конгресса варианту «автономии для Косово», несмотря на то, что он является основой официальной политики США, уделяется наименьшее (!) внимание.

⁷⁶ Подробнее см.: *Unifying the Kosovar Factions: The Way Forward*. — Brussels, 12 March 1999. — (ICG Report).

⁷⁷ Подробнее см. *Caplan R. International Diplomacy and the Crisis in Kosovo* // *Intern. Affairs*. — 1998. — Vol. 74. — № 4. — Oct. — P. 757—758.

⁷⁸ Reuters. — 1998. — 18 Nov.

⁷⁹ *Krstić B. Kosovo između istorijskog i etničkog prava*. — Beograd: Kuća Vid, 1994.

⁸⁰ Statement of Hon. R. Gelbard // *The Crisis in Kosovo...* — P. 14.

⁸¹ По данным Управления верховного комиссара ООН по делам беженцев, только за две первые недели бомбардировок НАТО (с 24 марта по 6 апреля 1999 г.) Косово покинули более 400 тыс. человек (более пятой части всего населения края), при том что за год с начала обострения конфликта в марте 1998 г. беженцев насчитывалось не более 200 тыс.

⁸² *Blagojević R. Partition Kosovo* // WP. — 1999. — 13 Apr.

⁸³ *Intermediate Sovereignty as a Basis for Resolving the Kosovo Crisis*. Public International Law and Policy Group Report Publ. by the International Crisis Group. — New York; Brussels, 9 Nov. 1998.

⁸⁴ *The Crisis in Kosovo*. — P. 5.

⁸⁵ President Clinton's Letter to Trent Lott, 6 Oct. 1998 // *Congressional Record*. — 1998. — 8 Oct. — P. S11899.

⁸⁶ Statement of M. Abramovitz, 24 June 1998 // *Ibid.* — P. 70.

Косово: международные аспекты кризиса

⁸⁷ Amb. Hill Meets with Media Representatives in Montenegro // USIS Washington File. — 1998. — 20 Oct.

⁸⁸ Senate Republicans' Letter to President Clinton, 2 Oct. 1998 // Congressional Record. — 1998. — 8 Oct. — P. S11899.

⁸⁹ Intervention by Sen. Smith, May 1998 // The Crisis in Kosovo... — P. 14.

⁹⁰ Statement of M. Abramovitz, 24 June 1998 // Ibid. — P. 67.

⁹¹ Ibid. — P. 70.

⁹² *Raum T.* Kosovo Causes Angst in Congress // Associated Press. — 1998. — 7 Oct.

⁹³ Bosnia Peace Operation. Progress Toward the Dayton Agreement's Goals. — Washington, May 1997. — P. 4; *Neville-Jones D. P.* Dayton, IFOR and the Future of Bosnia? — Dresden, Sept. 1996. — P. 10—11.

⁹⁴ *Pomper M. A.* Repugnant White House Urged to Send Troops to Province of Kosovo // Congressional Quart. Weekly. — 1998. — Vol. 56. — № 24. — 13 June. — P. 1628—1629.

⁹⁵ См. с. 4.

⁹⁶ Bosnia: The U.S. Role. Hearings before the Committee on International Relations. U.S. House. 105th Congress. 1st session. — Washington, D.C., 7 Nov. 1997. — H. 18.

⁹⁷ Clinton's Report to Congress. House Document 105—223.

⁹⁸ Подробнее см.: Bosnia Peace Operation. Progress Toward the Dayton Agreement's Goals: An Update: GAO Report. — Washington, D.C., July 1997.

⁹⁹ Statement of J. R. Hooper // The Crisis in Kosovo... — P. 19.

¹⁰⁰ См., например, Sen. Roberts on Kosovo // Congressional Record. — 1998. — 30 Sept. — P. S11147; Sen. J. Warner on Kosovo // Ibid. — 1998. — 20 Oct. — P. S12683; etc.

¹⁰¹ С 1999 г. — председатель сенатского комитета по вооруженным силам.

¹⁰² Sen. J. Warner on Kosovo // Congressional Record. — 1998. — 8 Oct. — P. S11897—S11898; см. также: Sen. DeWine on Violence in Kosovo, 2 Oct. 1998 // Ibid. — 1998. — 6 Oct. — P. S11530.

¹⁰³ Senate Republicans' Letter to President Clinton // Congressional Record. — 1998. — 8 Oct. — P. S11898.

¹⁰⁴ *Grant T. A.* The Protraction of Internal Wars // Small Wars and Insurgencies. — 1992. — Vol. 3. — № 3. — P. 241—256.

¹⁰⁵ Подробнее см.: The Military Balance. 1998. — London: IISS, 1998. — P. 99—100; *Сысоев Г.* «Буря в горах» может начаться со дня на день // Коммерсантъ-Daily. — 1998. — 8 окт.; *Плотников Н.* Югославия опять в прицеле НАТО // Независимое военное обозрение. — 1998. — № 38 и т. д.

¹⁰⁶ The Military Balance. — P. 99.

¹⁰⁷ *Фельгенгауэр П.* НАТО продолжает держать сербов на мушке // Сегодня. — 1998. — 29 окт.

¹⁰⁸ The Military Balance. 1988. — P. 99.

¹⁰⁹ Statement of the Hon. Walter B. Slocombe, Under Secretary of Defense for Policy // Kosovo: Current Situation and Future Options. — P. 15.

¹¹⁰ *Priest D.* Military Doubtful on Kosovo Strikes; Officials Say Success Would Require All-Out Bombardment // WP. — 1998. — 17 June; *Drozdyak W.* Allies Grim; Military Defiant amid Kosovo Uncertainty // Ibid. — 8 Oct.

¹¹¹ См.: *Graham B.* Joint Chiefs Doubted Air Strategy // WP. — 1999. — 5 Apr.; *Scarborough R., Cain A.* GAO Cites 'Confusion' in Kosovo Policy // Washington Times. — 1999. — 8 Apr.; etc.

¹¹² Testimony of U.S. Secretary of Defense, William Cohen before the Senate Comm. on the Armed Services. — 6 Oct. 1998.

¹¹³ U.S. Dep. of Defense Background Briefing on Kosovo. — Washington, 27 Oct. 1998.

¹¹⁴ Expressing the Opposition of Congress to Any Deployment of United States Ground Forces in Kosovo. S. Con. Res. 125, 8 Oct. 1998 // Congressional Record. — P. S11991; H. Con. Res. 343, 8 Oct. 1998 // Ibid. — P. H10076.

¹¹⁵ Об этом см.: Sen. J. Warner on Kosovo // Ibid. — 1998. — 8 Oct. — P. S11897.

¹¹⁶ President Clinton's Letter to Trent Lott // Ibid. — P. S11900.

¹¹⁷ Intervention by Sen. G. Smith, 24 June 1998 // The Crisis in Kosovo... — P.63.

¹¹⁸ Senate Republicans' Letter to President Clinton // Congressional Record. — 1998. — 8 Oct. — P. S11898.

¹¹⁹ President Clinton's Letter to Trent Lott // Ibid. — 1998. — 8 Oct. — P. S11899.

¹²⁰ 1999 State of the Union Address // WP. — 1999. — 20 Jan.; см. также: Clinton Steals Conservatives' Thunder by Boosting Military Spending // Agence France Press. — 1999. — 21 Jan.

¹²¹ *Anderson J. H.* Dampening the Tinderbox: What the U.S. Should Do about Kosovo. — Washington, D.C., 5 June 1998. — (The Heritage Foundation Executive Memorandum; № 531); *Dewar H., Goshko J. M.* Hill Signals Support for Airstrikes // WP. — 1998. — 2 Oct. — P. A35.

¹²² *Glachant P.* Washington Slowly Accepting Sending Troops to Kosovo // Agence France Press. — 1999. — 3 Feb.; U.S. Might Commit Troops to Kosovo, Cohen Says // Intern. Herald Tribune. — 1999. — 4 Feb.; etc.

¹²³ Из 1014 опрошенных взрослых американцев (возможная погрешность составляет 3 процентных пункта) более половины не знали, где находится Косово, а около двух третей указали, что не следят за новостями из Косово регулярно или вообще; см.: *Lester W.* Most Americans Favor Sending Troops to Kosovo, Poll Says // Seattle Times. — 1999. — 25 Feb.

¹²⁴ См.: *Davis B.* Public Pressure Lessens for Clinton to Achieve quick Gains in Kosovo // Wall Street J. — 1999. — 5 Apr.; *Kohut A.* Beware of Polls on the War // NYT. — 1999. — 8 Apr.

¹²⁵ С 1991 г. «Ruder Finn» работала на правительства Словении и Хорватии, а с 1992 г. — на «центральное» правительство боснийских мусульман. Так, произошедшая в начале 90-х годов переориентация влиятельной еврейской общины в США на поддержку националистических сил в Хорватии и Боснии в их борьбе с сербами произошла почти

Косово: международные аспекты кризиса

исключительно благодаря усилиям «Ruder Finn». Подробнее об этом см.: *Brock P.* The Partisan Press // *Foreign Policy*. — 1993-94. — Winter. — P. 152—172; *Levinsohn F. H.* Belgrade Among the Serbs. — Chicago, 1994. — P. 7, 312—317; NATO in the Balkans: Voices of Opposition / Ed. by R. Clark. — N.Y.: Intern. Action Center, 1998. — P. 55; etc.

¹²⁶ *Labott E.* Albanian-Americans Help Fund the KLA // *Agence France Press*. — 1999. — 20 Feb.; см. также: *Sullivan S.* Albanian Americans Funding Rebels' Cause // *WP*. — 1998. — 26 May.

¹²⁷ Сопредседателем Фонда с американской стороны является профессор университетов в Хьюстоне и Сан-Диего Рональд Хатчетт, в прошлом — советник президента Рональда Рейгана.

¹²⁸ *The Crisis in Kosovo...* — P. 67, 70, 74.

¹²⁹ *Schmitt E.* Republicans Criticize Clinton on Kosovo // *NYT*. — 1998. — 3 Oct.; *Priest D.* Lott Questions Timing on Kosovo; Administration Has «No Real Plan» of Action, GOP Leader Says // *WP*. — 1998. — 5 Oct.; etc. В свое время группа сенаторов-республиканцев во главе с Р. Доулом и Р. Лугаром и военное руководство выдвигали идею массовой военной поддержки боснийских мусульман именно как средство избежать наземной интервенции США в Боснии.

¹³⁰ См., например: *Sen. J. Warner on Kosovo* // *Congressional Record*. — 1998. — 8 Oct. — P. S11897; *Senate Republicans' Letter to President Clinton* // *Ibid.* — P. S11898.

¹³¹ *Statement of J. Fox, 6 May 1998* // *The Crisis in Kosovo...* — P. 45; см. также: *Intervention by Sen. J. Biden, May 6, 1998* // *Ibid.* — P. 45; *Statement of M. Abramovitz, 24 June 1998* // *Ibid.* — P. 64; *Drozdyak W.* Some Allies Fear Strike on Yugoslavia Might Worsen the Situation // *WP*. — 1998. — 27 Oct.; *Cohen R.* Kosovo Crisis Strains Relations between the U.S. and Europe // *NYT*. — 1998. — 10 Nov.; etc.

¹³² *Statement of M. Abramovitz, 24 June 1998* // *The Crisis in Kosovo...* — P. 66; *Intervention by Sen. J. Biden, 24 June 1998* // *Ibid.* — P. 73; etc. Именно резкий рост числа албанских беженцев в 1997 г. стал главной причиной решения ряда европейских стран об организации собственными силами, без участия США, операции «Альба» на территории Албании.

¹³³ Цит. по: *Drozdyak W.* European Allies Balk at Expanded Role for NATO // *WP*. — 1998. — 22 Feb.

¹³⁴ В резолюции Совета Безопасности ООН № 1203, принятой 24 октября 1998 г., говорится лишь о том, что «в случае возникновения чрезвычайной ситуации» со стороны международного сообщества могут потребоваться «меры по обеспечению безопасности наблюдателей ОБСЕ и свободы их передвижения».

¹³⁵ Передовой отряд американского контингента составили 2200 морских пехотинцев из 24-й экспедиционной бригады, базирующейся на трех десантных кораблях, входящих в состав 6-го (Средиземноморского) флота ВМС США, а остальную часть — армейские подразделения. Стоимость даже такого ограниченного участия США в наземной операции в Косово предварительно оценивалась Пентагоном в 1,5—2 млрд долл. в год (см.: *Pentagon Daily Briefing*. — 1999. — 23 Feb.).

¹³⁶ *Secretary Albright's interview on ABC-TV «Good Morning America», 16 Febr. 1999.*

¹³⁷ Regarding the Use of United States Armed Forces as Part of a NATO Peacekeeping Operation Implementing a Kosovo Peace Agreement. H. Con. Res. 42. 106 Congress, 1st session. — Washington, D.C., 11 March 1999.

¹³⁸ Authorizing the President of the United States to Conduct Military Air Operations and Missile Strikes against the Federal Republic of Yugoslavia (Serbia and Montenegro). S. Con. Res. 21 // Congressional Record, U.S. Senate. — 1999. — 23 March. — P. S3110—S3119.

¹³⁹ Передовой контингент численностью до 10 тыс. военнослужащих был составлен из трех формирований: штаб операции был сформирован на основе сил быстрого реагирования альянса (Рейндален, ФРГ), в качестве второго компонента в операцию влился уже размещенный в Македонии контингент Сил эвакуации НАТО, а третью часть составили более 2 тыс. морских пехотинцев США. Именно они в случае необходимости должны были первыми войти на территорию Косово и занять Приштину.

¹⁴⁰ Interim Agreement for Peace... — P. 54—80. В частности, предполагалось, что многонациональные силы НАТО будут не сами осуществлять полицейские функции, а контролировать действия местной полиции и, в отличие от Боснии, будут размещены не вдоль разделительных линий между сторонами, а по всей территории Косово (см. также P. 24).

¹⁴¹ См., например: *Friedman T. L. Redo Dayton on Bosnia, and Do a Deal on Kosovo* // Intern. Herald Tribune. — 1999. — 8 Feb.; *Crown Prince Alexander of Yugoslavia. Kosovo is Only Part of the Problem in the Balkans* // Ibid. — 1999. — 20—21 Feb.

Политика западноевропейских держав в отношении косовского конфликта

Юрий РУБИНСКИЙ

Позиция Европейского Союза по косовскому вопросу

Когда в феврале 1998 г. конфликт в Косово перерос в кровопролитную гражданскую войну, это не стало неожиданностью для Европейского Союза. В брюссельской штаб-квартире Комиссии ЕС, на сессиях Европейского Совета на высшем уровне и Совета министров стран ЕС, в страсбургском Дворце Европы, где заседает Европарламент, давно опасались вспышки этнополитического конфликта в этом сербском крае.

Когда же взрыв наконец произошел, руководящие органы ЕС реагировали на него немногим более эффективно, чем это было в ходе предыдущих этапов мучительного процесса распада бывшей Югославии. Руководство ЕС ограничилось сожалениями по поводу судьбы населения края и пожеланиями политического урегулирования путем переговоров между враждующими сторонами на базе предоставления Косово широкого внутреннего самоуправления в рамках СРЮ. Вместе с тем в ЕС, вслед за США и в отличие от России, с самого начала не исключали мер силового воздействия на Белград путем угрозы воздушных ударов НАТО по сербским объектам и настаивали на введении войск альянса на территорию Косово в качестве единственной надежной гарантии соблюдения условий будущего компромисса. Великобритания, Франция и ФРГ приняли активное участие в начавшейся 24 марта 1999 г. военной операции НАТО против СРЮ; кроме того, Лондон, Рим и Анкара предоставили базы на территории своих стран в качестве перевалочных пунктов для авиации США, которая играла ведущую роль в воздушной кампании.

Подобная реакция европейцев вполне объяснима. Между уровнем экономической интеграции в рамках ЕС, крупным прорывом в области которой стало введение 4 января 1999 г. евро — единой валюты 11 из 15 стран — участниц «Евроленда», и выработкой ими Общей внешней политики и политики безопасности сохраняется значительный разрыв, хотя последняя, наряду с реформой институтов и бюджета союза, фигурирует на видном месте в программе ЕС «Повестка дня — 2000».

Неудивительно, что хотя все решения в рамках НАТО принимаются на основе консенсуса, ни одна из европейских держав не решилась заблокировать военную акцию альянса против СРЮ, предпринятую без санкции Совета Безопасности ООН. Подобный шаг неминуемо повлек бы не только тяжелый кризис внутри альянса и резкое ухудшение отношений с Вашингтоном, но и раскол бы сам ЕС, затормозив весь процесс евростроительства. Ни одна европейская страна не готова пойти на такой риск.

При этом нельзя не учитывать и роль факторов внутреннего порядка в западноевропейских странах — членах ЕС. В 1998—1999 гг. почти во всех этих государствах у власти находились левые правительства социал-демократов, лейбористов, социалистов. Заботясь о своей репутации не менее последовательных защитников национальных интересов, прав человека и национальных меньшинств, чем правые партии, и стремясь избежать обвинений в пацифизме, они вынуждены, были постоянно доказывать свою решимость использовать все средства включая военную силу для урегулирования международных кризисов. Это особенно характерно для правительств Франции, в котором участвуют коммунисты, Италии, где они входят в парламентское большинство, и Германии, где правящий кабинет опирается на блок социал-демократов и «зеленых», еще недавно выступавших против использования бундесвера в операциях за рубежом, если не вообще за выход из НАТО.

По мере распада бывшей Югославии, начавшегося в 1991 г. односторонним провозглашением независимости Хорватией и Словенией, которое повлекло за собой их вооруженный конфликт с федеральными властями, но особенно в ходе жестокой междоусобной войны в Боснии и Герцеговине (1992—1995 гг.) образ сербов в Западной Европе серьезно пострадал. Воспоминания об их героическом сопротивлении турецкому игу, затем Центральным державам и нацистской оккупации во время двух мировых войн, наконец, о мужественном противостоя-

нии И. Тито диктату И. Сталина в годы «холодной войны» постепенно уходили в прошлое. Под влиянием активной кампании в средствах массовой информации стран ЕС режим президента СРЮ С. Милошевича все больше отождествлялся в глазах широкого спектра представителей европейской политической элиты от социал-демократов слева до либералов, христианских демократов и умеренных консерваторов справа с авторитарно-националистическим режимом личной власти — прямым наследником рухнувшей коммунистической системы. Согласно этой версии, внутренняя политика режима С. Милошевича сводится к подавлению демократии и прав человека, а внешняя — к агрессивным авантюрам во имя создания «Великой Сербии», военным преступлениям вплоть до этнических чисток и циничному попранию своих международных обязательств. В итоге значительная часть общественности Западной Европы склонна воспринимать С. Милошевича как основного, если не единственного виновника югославской трагедии, постоянно грозящего поднести горящий фитиль к балканской пороховой бочке, — как некоего европейского аналога С. Хусейна. Соответственно в глазах европейской общественности СРЮ (наряду с Ираком, Ираном, Ливией, КНДР) вошла в число так называемых «государств-преступников», систематически угрожающих стабильности в мире по окончании «холодной войны» и подлежащих вследствие этого международному ostrакизму.

Массовый исход из Косово албанского населения под давлением сербской полиции и армейских спецподразделений, вытеснивших из края, по данным УВКБ ООН, около 650 тыс. человек (из них 350 тыс. — после начала ракетно-бомбовых ударов НАТО), еще более усилил антисербские настроения в Западной Европе. Трагические картины «гуманитарной катастрофы», постоянно передаваемые средствами массовой информации, оживили в памяти европейцев воспоминания о второй мировой войне и связанных с ней жестокостях и геноциде в отношении целых народов. В течение первых двух недель после начала Североатлантическим альянсом боевых действий против Югославии опросы общественного мнения в западноевропейских странах выявили устойчивую поддержку военной операции НАТО и даже ее расширения — удельный вес таких оценок увеличился на треть (в среднем с 40—45% до 60%).

Очевидно, что столь негативный для сербов психологический фон наряду с привычным рефлексом атлантической дисциплины подтал-

кивал страны ЕС к следованию в фарватере политики США по косовской проблеме еще на дипломатической стадии урегулирования. В момент очередного резкого обострения конфликта осенью 1998 г. именно американец Р. Холбрук, главный архитектор Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине, добился в ходе прямых переговоров в Белграде с С. Милошевичем временного компромисса¹, выступая при этом от имени не только Соединенных Штатов, но и европейских держав. Миссию ОБСЕ по проверке соблюдения условий компромисса Холбрука — Милошевича также возглавил американец Уильям Уокер. Международный посредник — посол США в Македонии К. Хилл старался играть первую скрипку в ходе подготовки планов мирного урегулирования, зачастую отодвигая в тень своего европейского коллегу австрийца Вольфганга Петрича, который был назначен специальным представителем ЕС по вопросам бывшей Югославии во второй половине 1998 г., когда Австрия выполняла председательские функции в ЕС (эти планы обсуждались затем Контактной группой по бывшей Югославии, принимались на основе консенсуса и передавались на рассмотрение враждующих сторон). После неудачи миссии полномочного представителя ЕС по Косово, бывшего премьер-министра Испании Ф. Гонсалеса весной 1998 г., которому не удалось продвинуть стороны к сближению, аналогичную роль взял на себя год спустя известный американский политик, бывший сенатор Б. Доул, сосредоточившийся на обработке албанской стороны в пользу принятия плана Контактной группы, выдвинутого на первом этапе конференции в Рамбуйе.

Тем не менее представлять Западную Европу в виде безгласного статиста, если не простого дублера Вашингтона в косовской проблеме было бы явным упрощением. Как раз с развертыванием конфликта в Косово несколько поутихли ставшие уже привычными сетования на «бессилие Европы», столь характерные для обоих предыдущих этапов югославской трагедии. Более того, все чаще можно встретить утверждения, что именно в косовских делах европейцы избавились от прежней летаргии, начинают преодолевать дефицит политической воли и вот-вот будут готовы принять, наконец, на себя должную меру ответственности за обеспечение мира и безопасности на собственном континенте. Действительно, если на начальных стадиях югославского кризиса различие мотиваций стран Западной Европы служило серьезным препятствием к поискам хотя бы минимального консенсуса, то в случае конфликта в Косово это препятствие стало заметно слабее. В ко-

совском вопросе европейцы стараются делать акцент больше на точках соприкосновения, чем на разногласиях между собой.

Речь при этом идет не столько о ЕС в целом, сколько о четырех ведущих его участницах — Франции, Великобритании, Германии и Италии, которые входят в состав Контактной группы наряду с США и Россией. В ходе сессий Контактной группы в Лондоне, Бонне, Риме, Париже на уровне постоянных представителей и министров иностранных дел, обсуждения в Совете Безопасности ООН косовского вопроса (особенно резолюции № 1199), в ОБСЕ, наконец, в рамках двусторонних контактов эта четверка вела себя более энергично, а главное — более согласованно, чем когда-либо на протяжении югославского кризиса.

Еще в ноябре 1997 г. министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин и его тогдашний германский коллега Клаус Кинкель предприняли совместную поездку в СРЮ с целью примирить конфликтующие стороны. В феврале и марте 1999 г. Ю. Ведрин и министр иностранных дел Великобритании Робин Кук сопредседательствовали на международной конференции в загородной резиденции французского президента — замке Рамбуайе под Парижем — с участием делегаций обеих враждующих сторон и представителей стран — членов Контактной группы (в том числе периодически на уровне министров). Представитель ЕС на переговорах В. Петрич на равных с его американским партнером К. Хиллом и российским послом по особым поручениям Б. Майорским осуществлял по принципу «тройки» постоянные контакты между сербской и албанской делегациями, размещавшимися на разных этажах здания.

Комментируя открытие конференции в Рамбуайе президентом Франции Жаком Шираком, главный редактор парижской газеты «Le Monde» Даниэль Верне отмечал: «Те самые европейцы, которые в начале войны в Югославии в 1991 г. переоценили свои силы и с большим трудом пытаются определить общую внешнюю политику и политику безопасности, оказываясь неспособными сохранить мир на своем континенте, совместно убедили Соединенные Штаты Америки в том, что, с одной стороны, удары с воздуха, к которым, видимо, склонялся Вашингтон, чтобы принудить С. Милошевича пойти на соглашение, могут привести лишь к катастрофе, если они не вписываются в определенную политическую логику; с другой — основные европейские страны готовы послать свои вооруженные силы в Косово для контроля над соблюдением возможного соглашения, даже если Соединенные Штаты отказываются от этого»².

В итоге голоса западноевропейцев зазвучали чаще в унисон, чем в разнобой, а их позиции при оценке поведения сербов и албанцев далеко не всегда послушно копировали позицию США (однозначно враждебную по отношению к сербам) и старались учитывать также российский подход, основанный на защите суверенитета СРЮ от албанского сепаратизма.

В целом европейские державы пытались искать относительно автономную политическую линию в косовском вопросе, которая отвечала бы прежде всего их собственным интересам — как коллективным, так и индивидуальным. В этом смысле косовский кризис отличается от типовых сценариев обычных локальных конфликтов времен «холодной войны» и биполярного мира в еще большей степени, чем военные акции против Ирака («Буря в пустыне» 1991 г., «Лиса в пустыне» 1998 г.).

Причины этого очевидны. Западноевропейские руководители не могут не учитывать того факта, что в косовском кризисе столкнулись основополагающие принципы современных международных отношений: территориальной целостности государств и невмешательства в их внутренние дела, с одной стороны, и права наций на самоопределение, гуманитарного долга защиты прав человека, в частности этнических меньшинств, вне зависимости от национальных границ, — с другой. Подобная противоречивая ситуация имеет место отнюдь не только в бывшей Югославии и на Балканах в целом. Она характерна и для десятков других регионов и стран — от Тибета до Палестины. Однако тот факт, что югославский кризис включая косовский конфликт вспыхнул не где-то за тридевять земель, а в самой Европе, вызвал особое беспокойство европейских стран. «Угрозы этнического сепаратизма и возрождающегося национализма становятся важнейшими проблемами, с которыми сталкиваются многие члены НАТО — такие, как Канада, Турция, Италия и Испания», — отмечал обозреватель «International Herald Tribune» Уильям Дроздяк³.

Великобритания уже 30 лет страдает от незаживающей раны гражданской войны в Северной Ирландии, Испания — от террора сепаратистов подпольной организации ЭТА в Стране Басков, Франция — на Корсике, Турция — в Курдистане. После распада СССР и Чехословакии кризис федераций перебрался на запад Европы: он грозит расколоть Бельгию на государства валлонов и фламандцев. В Италии «Лига Севера» широко оперирует сепаратистской демагогией, ссылаясь на то, что слаборазвитый Юг выкачивает средства из богатых северных про-

винций. Даже Канаде грозит отделение франкоязычной провинции Квебек, которая давно добивается государственной независимости.

Все это имеет самое прямое отношение к косовской проблеме. Как подчеркивает обозреватель французской газеты «Le Monde diplomatique», «Европейский Союз справедливо отвергает независимость Косово: было бы безответственно поощрять дробление Европы на микросоударства, грозящие воспламенить регион. В то же время ЕС справедливо требует от Белграда восстановления автономного статуса Косово. Выход может быть найден в признании самой широкой автономии Косово в рамках Сербии, если не Югославии. Такое соглашение имеет смысл лишь в том случае, если Европа при поддержке НАТО и США найдет средства навязать Сербии и Косово демократическое правление»⁴.

Другая причина, способствовавшая активизации западноевропейских держав в косовском кризисе, связана с его международным контекстом. Этот внутренний межэтнический конфликт чрезвычайно трудно поддается локализации и постоянно грозит дестабилизировать положение в крайне взрывоопасном регионе, изобилующем кризисными ситуациями. Выход края из состава СРЮ и провозглашение косовскими албанцами независимости может дать толчок к их воссоединению с Албанией, и так уже раздираемой соперничеством ее северных и южных районов, к распаду Македонии, более 30% населения которой составляют этнические албанцы, притязаниям Греции на южные территории обеих («Северный Эпир»), Болгарии — на македонский север, обострению греко-турецкого противостояния из-за Кипра и островов Эгейского моря и т. д. Очевидно, что эта цепная реакция грозит быстро выйти из-под контроля, подрывая стабильность на континенте в целом и затрагивая безопасность всех европейских государств. Великая Албания, о которой мечтают экстремисты из Освободительной армии Косово, рискует стать детонатором непредсказуемых событий ничуть не меньше, чем мечты о Великой Сербии, которые вынашивали некоторые безответственные политики в Белграде. «Народы Балкан продолжают дорого платить за слепоту Запада, который допустил в 1991 г. ускоренный распад бывшей Югославии под давлением националистов», — признает обозреватель «Le Monde diplomatique»⁵.

Наконец, проблема Косово отличается от предыдущих этапов югославского кризиса тем, что при всей своей геополитической провинциальности она теснейшим образом связана с глобальными проблемами становления нового миропорядка на пороге третьего тысячелетия.

Новая стратегическая концепция НАТО или «европейская оборонная индивидуальность»?

В конце апреля 1999 г. в Вашингтоне состоялась сессия Совета НАТО на высшем уровне, приуроченная к 50-летию подписания Североатлантического договора. На ней, в частности, обсуждалась новая стратегическая концепция альянса на XXI в.

Согласно этой концепции с окончанием «холодной войны» и исчезновением прежнего главного противника — СССР — смыслом существования НАТО должна стать не только коллективная гарантия безопасности границ стран-участниц от внешней агрессии в регионе Северной Атлантики, но и гораздо более масштабные задачи. Речь идет о предотвращении создания оружия массового уничтожения антизападными диктаторскими режимами, активном противодействии международному терроризму, защите прав человека и национальных меньшинств, которым грозит геноцид, а главное — об операциях по восстановлению и поддержанию мира в локальных конфликтах, в том числе внутреннего характера.

Главная особенность данной концепции заключается в том, что, по замыслу ее американских разработчиков, вооруженные силы альянса могли бы использоваться им вне зоны действия Североатлантического договора и без обязательного мандата единственного уполномоченного на то органа — Совета Безопасности ООН. Новая стратегическая концепция НАТО, таким образом, впервые открыто выводит за скобки ООН с ее правилом единогласия пяти постоянных членов Совета Безопасности и прямо придает действиям альянса глобальный масштаб.

Опытным полем применения новой стратегической концепции НАТО в Европе стала бывшая Югославия — сначала Босния и Герцеговина, а теперь Косово, где односторонние вооруженные действия альянса были призваны легализовать эту концепцию еще до официального ее одобрения на вашингтонском саммите.

Между тем среди европейских участников Североатлантического союза данная концепция вызвала неоднозначную реакцию. Косовский кризис обнажил серьезные разногласия между Соединенными Штатами и их европейскими союзниками по вопросу о том, имеет ли НАТО законное право предпринимать военные акции вне территории стран-участниц без официального одобрения ООН. Некоторые европейские союзники США — Франция, Италия и Германия — долгое время на-

стаивали, чтобы в вопросе о будущих операциях НАТО вне территории стран — участниц альянса авторитет ООН оставался основополагающим. Они оспаривали тезис, согласно которому Косово было исключением из этого правила ввиду потенциальной гуманитарной катастрофы, угрожающей сотням тысяч беженцев⁶.

Разумеется, масштабы этих расхождений не следует преувеличивать: под нажимом Вашингтона западноевропейские державы постепенно корректировали свою позицию в сторону сближения с американской. Принципиальное согласие на ракетно-бомбовые удары НАТО по военным объектам СРЮ без санкции Совета Безопасности ООН было дано на уровне постоянных представителей 15 стран-участниц при штаб-квартире альянса в Брюсселе еще в октябре 1998 г. и вновь подтверждено в феврале 1999 г. с передачей права привести его в исполнение на организационном уровне генеральному секретарю НАТО Х. Солане, а права отдать приказ о начале боевых действий — главнокомандующему вооруженными силами НАТО в Европе американскому генералу У. Кларку. Великобритания, Италия и Турция предоставили базы для развертывания около 400 боевых самолетов, главным образом американских, английских и французских; в Адриатическое море снова, как во времена боснийского кризиса, вошли авианосцы флотов НАТО. Казалось бы, история повторяется.

Однако военно-политическая ситуация в Косово изначально иная, чем в Боснии и Герцеговине. В Боснии европейцы тоже присутствовали достаточно широко — и дипломатически через Контактную группу, ОБСЕ и ООН, и в военном отношении. Именно Франция и Великобритания направили самые крупные военные контингенты сначала в состав Сил ООН по охране в бывшей Югославии (СООНО), а затем Сил быстрого реагирования НАТО, призванных обеспечить безопасность СООНО. Однако реальная роль европейцев в регулировании кризиса оказалась минимальной. В конечном счете его исход решили США, которые, оказав мощную поддержку вооруженным силам Мусульmano-хорватской федерации, подготовили изменение баланса сил между вооруженными сторонами в ущерб боснийским сербам. Удары НАТО с воздуха по сербским позициям лишь завершили процесс, расчистив путь к подписанию под эгидой США Дейтонских соглашений в ноябре 1995 г.⁷

Не исключено, что косовский конфликт рассматривался Вашингтоном просто в качестве удобного инструмента для устранения режи-

ма С. Милошевича в СРЮ, подобно тому, как операция «Лиса в пустыне» имела целью ликвидацию режима С. Хусейна в Ираке. «Откровенно говоря, никакое прочное решение балканского кризиса невозможно без коренных перемен в Сербии и руководстве Югославии. Приоритетом политики США должно быть содействие этим переменам», — подчеркивал американский сенатор Р. Лугар⁸. Однако и в том, и в другом случаях результат оказался обратным — США сумели лишь сплотить вокруг своих врагов патриотические силы, превратив их в национальных героев. Более того, как показала конференция в Рамбуйе, косовские албанцы в политическом плане весьма трудно управляемая сила. Да и в военном отношении ОАК не идет ни в какое сравнение, например, с боснийскими хорватами, за спиной которых стояла армия Хорватии. Помощь же сепаратистам со стороны соседней Албании рискует развалить не столько белградский режим, сколько южный фланг НАТО, и без того ослабленный греко-турецким конфликтом.

В этих условиях роль европейских держав в косовских делах объективно могла бы быть более весомой. Дав Вашингтону санкцию на ракетно-бомбовые удары НАТО по СРЮ в случае неподписания сербской делегацией соглашения о мирном урегулировании в Косово и приняв участие в этой операции, европейцы сознавали, что удары сами по себе ничего не решат, а скорее усложнят проблему. Наземный контингент войск альянса, призванный обеспечить выполнение условий будущего компромисса, может столкнуться с гораздо более серьезными трудностями, чем в соседней Боснии. Власти СРЮ последовательно возражают против его ввода, во всяком случае под флагом НАТО. Администрация США с учетом приближения президентских выборов в США также не горит желанием рисковать жизнями американских солдат.

Между тем в феврале 1999 г. минимальная численность наземного контингента сил НАТО в крае была определена брюссельской штабквартирой альянса в 28 тыс. человек: 8 тыс. англичан, 6 тыс. французов, 3—3,5 тыс. немцев при участии голландских, норвежских и, возможно, польских подразделений. Таким образом, подавляющая часть наземного контингента НАТО, предназначенного к размещению в Косово, пришлось бы на европейцев (которые, кстати, уже предоставили бо́льшую часть персонала Миссии ОБСЕ по проверке в Косово, для прикрытия которой НАТО первоначально сосредоточило в Македонии десяти тысячный военный контингент)⁹. Иными словами, аме-

риканцы взяли на себя «чистую» и безопасную задачу в воздухе, предоставив «грязную работу» на земле европейцам.

Колоссальный поток албанских беженцев из Косово, резко усилившийся с началом бомбардировок НАТО, поставил европейские страны перед гораздо большими проблемами, чем те, с которыми столкнулись США. Вашингтон ограничился согласием принять несколько тысяч косоваров на своей военной базе Гуантанамо (Куба) и направлением воинских частей для обустройства нескольких лагерей для беженцев, что должно было обойтись всего в 12 млн долл. Большую часть беженцев, хлынувших в соседние страны, не имеющие средств для их содержания, — Албанию, Македонию, Черногорию — придется принимать странам Западной Европы, на плечи которых лягут и связанные с этим огромные расходы. Между тем иммиграция на фоне высокого уровня безработицы давно превратилась в крайне болезненную внутривосточную проблему для многих западноевропейских стран, создавая почву для межэтнических конфликтов и подпитывая расистскую демагогию ультраправых движений (в связи с присутствием миллионов арабов из Северной Африки во Франции, турок, сербов, хорватов и босняков в Германии, албанцев — в Италии и т. д.). Очевидно, что в такой ситуации правительства стран Западной Европы не могли остаться в стороне от косовского конфликта.

В этих условиях перед европейскими державами открылось определенное поле для политического маневра не только по конкретной проблеме косовского урегулирования, но и по его роли в качестве полигона по отработке новой стратегической концепции НАТО перед вашингтонским саммитом альянса и прецедента ее применения на практике.

Трансатлантический торг возник прежде всего вокруг самого понятия «прецедент». Ссылаясь на англосаксонскую традицию, согласно которой прецедент создает правовые нормы наряду с законом, США хотели бы видеть в военном вмешательстве в Косово юридическую основу для односторонних действий НАТО на будущее без санкций Совета Безопасности ООН и за пределами границ альянса. Для европейцев же, воспитанных не на обычном, а на писаном римском праве, где источником юридических норм могут быть только законы или договоры, дело обстоит по-иному. Согласившись после долгих колебаний на то, что Косово может рассматриваться как прецедент, они считают потенциальную вооруженную акцию НАТО там не правилом, а исключением, продиктованным чрезвычайными обстоятельствами — гумани-

тарной катастрофой, грозящей сотням тысяч албанских беженцев, вынужденных покинуть свои разрушенные боевыми действиями деревни и скрываться в горах или пытаться попасть за рубеж.

Еще одно различие позиций европейских стран и США по косовскому вопросу связано с политическими целями Запада в Косово. Хотя все члены Контактной группы включая Соединенные Штаты и Россию согласились с планом решения проблемы путем предоставления краю «расширенной автономии» в рамках СРЮ, которой косовары фактически пользовались на протяжении 15 лет вплоть до произвольной отмены ее Белградом в 1989 г., европейцы по причинам, уже упомянутым выше, более твердо, чем американцы, возражали против требования албанских сепаратистов о независимости путем проведения через три года референдума о статусе провинции. Это объективно сблизило их с Россией, для которой принцип территориальной целостности суверенных государств имеет приоритет перед правом наций на самоопределение (что вполне понятно с учетом опыта чеченской войны и центробежных тенденций в РФ в целом). Несмотря на резко критическое отношение к режиму С. Милошевича, европейские державы явно не готовы оплачивать его ликвидацию ценой распада СРЮ со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями.

Наконец, в противовес новой стратегической концепции НАТО, защищаемой американцами, Европа давно выдвигает идею создания второго, европейского полюса альянса. Проблема Косово оказалась теснейшим образом связана с дискуссиями по этому вопросу. Истоки идеи формирования «европейской опоры» НАТО восходят еще к началу 60-х годов, когда ее главным инициатором выступила Франция. Покинув по инициативе Ш. де Голля в 1966 г. интегрированное военное командование альянса и ликвидировав его инфраструктуру на своей территории (при сохранении членства в Североатлантическом альянсе и тесного сотрудничества с его органами на основе специальных соглашений), Париж долгое время пытался построить «европейскую оборонную индивидуальность» вне НАТО — на базе Западноевропейского Союза, созданного в 1954 г. для контроля над соблюдением ФРГ ограничений ее военного потенциала (впрочем, вскоре отмененных) и более тесной военной привязки Великобритании к континенту. Однако упорное сопротивление европейских партнеров Франции — Англии, Германии, Италии любой попытке дублировать функции Североатлантического альянса завело первоначальные проекты «европейского полюса» в тупик.

С середины 90-х годов дискуссии по этой проблеме снова оживились. Речь шла теперь о создании внутри НАТО автономной цепочки командования многоцелевыми соединениями быстрого реагирования для проведения миротворческих операций (в рамках концепции многонациональных оперативных сил) силами одних европейцев, но с использованием инфраструктуры НАТО, если США сочтут для себя нецелесообразным принять в них участие. На таких условиях Франция была готова вернуться в систему интегрированного командования альянса (первые шаги к этому уже имели место). ЗЕС же должен был на основе Маастрихтского договора стать органической составной частью Европейского Союза, выполняя функции военной связки ЕС с НАТО и способствуя реализации застрявшей на мертвой точке Общей внешней политики и политики безопасности ЕС.

Первым опытным полигоном для испытания будущего «европейского полюса» на практике должна была послужить Босния и Герцеговина. Эта попытка закончилась для европейцев бесславно. Европейские страны не сыграли сколько-нибудь автономной и тем более самостоятельной роли в ходе урегулирования кризиса в Боснии и Герцеговине ни в рамках ООН, ни в рамках ЗЕС. В то же время категорический отказ США от передачи европейцам права назначать главнокомандующего ОВС НАТО в Южной Европе затормозил возврат Франции в интегрированную структуру альянса.

На сессии Совета НАТО в Брюсселе в декабре 1998 г., где госсекретарь США М. Олбрайт изложила основные тезисы американского видения новой стратегической концепции альянса, министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин подверг их критике. Подчеркнув, что «НАТО — это организация Североатлантического договора, а не северной части Тихого океана», он отметил, что распространение оружия массового уничтожения фигурирует среди новых рисков, но не является единственным, а в противодействии ему альянс — всего лишь один из инструментов среди прочих¹⁰. При поддержке Германии Франция настаивала, чтобы вмешательство НАТО в конфликты за пределами территории членов альянса осуществлялось только на основании мандата Совета Безопасности ООН.

В связи с этим вряд ли можно считать случайностью тот факт, что незадолго до этой сессии — 1 декабря 1998 г. руководители Франции и Германии в ходе двусторонней встречи в Потсдаме высказались за то, чтобы ЕС создал «оперативные возможности, которых ему не хвата-

ет»¹¹. Три дня спустя — 4 декабря 1998 г. последовала встреча президента Франции Ж. Ширака и премьер-министра Лионеля Жоспена во французском городке Сен-Мало с главой британского правительства Тони Блэйром. Хотя последний подтвердил традиционный отказ Лондона от выбора между атлантической лояльностью США и НАТО как фундаментом безопасности страны и сближением с европейским континентом, он впервые согласился со своими французскими партнерами относительно возможности создания в рамках альянса сугубо европейской составляющей. Стороны обсудили пути потенциальной координации действий своих вооруженных сил на различных театрах военных действий, прежде всего в Косово, и выработку европейцами общей позиции на юбилейном саммите НАТО в Вашингтоне¹². Европейский Союз, отмечалось в совместном заявлении, «должен располагать способностью к автономным действиям, поддержанным кредитоспособными военными силами, а также средствами для принятия решений об их использовании и боеготовности»¹³.

Реакция Вашингтона на франко-британское заявление в Сен-Мало не отличалась особым энтузиазмом: как отмечали американские дипломаты в Париже, «формальное присоединение к идее европейской обороны пошло дальше, чем ожидали в Вашингтоне»¹⁴. Хотя США в принципе не возражают против самой идеи «европейского полюса» НАТО, они вкладывают в это понятие в основном только один смысл — увеличение доли европейских партнеров в расходах альянса при сохранении права принятия решений исключительно за Вашингтоном.

Неудивительно, что встреча в Сен-Мало получила неоднозначную оценку со стороны М. Олбрайт: подтвердив на словах поддержку Соединенными Штатами «европейской оборонной идентичности», она подчеркнула, что последняя должна вписываться в рамки НАТО и не подрывать «жизнеспособности» альянса¹⁵. Американская печать не замедлила напомнить, что оборонная автономия европейцев целиком зависит от военно-транспортной авиации США и их системы разведывательных спутников, предоставление которых в «аренду» должно утверждаться специальным решением Конгресса. Стремясь вбить клин в ряды партнеров США по НАТО, М. Олбрайт подчеркнула, что «европейский полюс» ограничивается лишь узким кругом государств (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург, Испания, Португалия), оставляя за бортом другие страны —

Ирландию, Швецию, Турцию, что вряд ли им понравится: «Перспектива действий в данном направлении вызывает озабоченность среди должностных лиц в Вашингтоне и европейцев в некоторых союзных столицах, которые опасаются, что инициатива Франции и Великобритании поставит под вопрос ряд договоренностей в НАТО и в Европейском Союзе ввиду предоставления особых полномочий горстке европейских наций»¹⁶.

В таких условиях можно ожидать, что исход конфликта в Косово (в большей степени, чем, например, ситуация вокруг Ирака) станет пробным камнем совместимости «новой стратегической концепции» НАТО с «европейской оборонной идентичностью» и своеобразной разменной монетой в диалоге Европы и США вокруг будущей эволюции альянса.

Хотя некий общий знаменатель в подходе к косовскому конфликту ведущих западноевропейских держав — членов международной Контактной группы, не всегда совпадающем с американским подходом, а тем более с российской точкой зрения, бесспорно налицо, каждая из них все же сохраняет определенную специфику в данном вопросе. Эти оттенки определяются различными факторами — историческими традициями, геополитическими интересами, внутренним раскладом сил.

Политика Франции в отношении «югокризиса» и конфликта в Косово

Политика Франции в отношении конфликта в Косово сочетает неоднородные, зачастую противоречивые элементы, которые отражают последовательную эволюцию ее подходов к разным стадиям югославского кризиса.

Одностороннее провозглашение независимости Хорватией и Словенией в 1991 г. было встречено французскими правящими кругами с нескрываемым беспокойством. Президент Франсуа Миттеран, человек старшего поколения, хорошо помнил, что сербы были верными союзниками Франции в обеих мировых войнах, а в период между ними Югославия вместе с Чехословакией и Румынией являлась стержнем тройственной «Малой Антанты» — опоры Франции на Балканах. Кроме того, будучи убежденным сторонником европейской интеграции, он крайне отрицательно относился к умножению числа моноэтнических микросоударств, в которых видел лишь рассадник национализ-

ма и фактор дестабилизации баланса сил на континенте. Поэтому согласие на признание ЕС независимости Хорватии и Словении было дано Парижем с большей неохотой и только под решительным нажимом ФРГ, «привилегированные» отношения с которой Ф. Миттеран считал краеугольным камнем европейской политики Франции и всего процесса евростроительства.

Но и после того, как эпицентр кризиса переместился в Боснию и Герцеговину, среди кадровой элиты французской дипломатии, в офицерском корпусе, генералитете все еще сохранялись довольно сильные просербские настроения. Официальная политика Франции в югославском кризисе проводилась в строгом соответствии с решениями Совета Безопасности ООН, которые ограничивали мандат Сил ООН по охране в бывшей Югославии, наиболее многочисленным контингентом в составе которых был французский, гуманитарными функциями и контролем за соблюдением постоянно нарушавшихся по вине той или иной враждующей стороны соглашений о прекращении огня.

Эта позиция, весьма близкая к российской, начала заметно меняться с 1993 г., когда к власти во Франции пришло правительство коалиции правых партий во главе с Эдуардом Балладюром, и особенно с 1995 г. — после того, как Ф. Миттеран на посту главы государства сменил Ж. Ширак. Уже в период предвыборной кампании Ж. Ширак и его ближайший соратник Ален Жюппе (министр иностранных дел в кабинете Э. Балладюра в 1993—1995 гг. и премьер-министр Франции в 1995—1997 гг.) однозначно возложили основную ответственность за кровавую гражданскую войну в Боснии на лидеров местных сербов — президента Республики Сербской Радована Караджича, главнокомандующего армией боснийских сербов генерала Рато Младича и руководство Сербии во главе со С. Милошевичем, призывая НАТО к нанесению ракетно-бомбовых ударов по сербским позициям как к единственному способу спасти от физического уничтожения мирных жителей мусульманских анклавов (Сребреницы, Жепы, Горажде, и особенно Сараево).

Такой сдвиг в позиции французского руководства определялся прежде всего обстановкой в Боснии и Герцеговине, которая резко обострилась после того, как поиски политического решения конфликта в рамках Контактной группы (планы Вэнса — Оуэна, Оуэна — Столтенберга, посреднические миссии Джимми Картера, Карла Бильдта) зашли в тупик. Под влиянием развернутой средствами массовой информации

кампании вокруг кровавых событий, жертвами которых, как утверждалось, становились в основном мусульмане — мирные жители анклавов, французское общественное мнение все более определенно настраивалось на антисербский лад. С этим не могли не считаться политические партии, боровшиеся за власть во Франции в ходе многочисленных выборов 1993—1997 гг. (местных, парламентских, президентских, общеевропейских).

Захват боснийскими сербами французов из числа «голубых касок» ООН в качестве заложников и угроза использовать их как живой щит в случае воздушных ударов НАТО были восприняты официальным Парижем как жестокое национальное унижение, требующее самого решительного отпора. Эта реакция нашла двойное продолжение: склоняя США к более активному вмешательству в конфликт, Ж. Ширак выступил в то же время инициатором формирования европейских Сил быстрого реагирования НАТО в бывшей Югославии, призванных обеспечить безопасность миротворцев ООН. Судя по всему, французское руководство видело в этих силах зародыш той самой «европейской оборонной идентичности», создания которой оно так долго и безуспешно добивалось на основе ЗЕС, а затем и в рамках НАТО, обеспечив в то же время более позитивное отношение к ней со стороны США. Однако, как уже отмечалось, результат не оправдал ожиданий Парижа: эти силы не сыграли сколько-нибудь заметной роли в развязке боснийской драмы, урегулирование которой прочно взяли в свои руки американцы с помощью войск Мусульмано-хорватской федерации и бомбовых ударов авиации НАТО по сербам, расчистившим путь к Дейтонским соглашениям. Многонациональные силы, созданные для контроля над их реализацией и размещенные в Боснии и Герцеговине (Силы по выполнению соглашений, с декабря 1996 г. — Силы стабилизации), напрямую подчинены верховному главнокомандующему ОВС НАТО в Европе¹⁷.

С разрыванием косовского конфликта уроки Боснии были учтены Парижем, политика которого в какой-то мере сочетает подходы двух президентов — Ф. Миттерана и Ж. Ширака — к последовательным стадиям развития югославского кризиса. Поискам этой оптимальной равнодействующей линии способствовали факторы как международного характера (эволюция позиций других европейских держав — партнеров Франции по ЕС и Контактной группе), так и внутреннего плана (поражение правых партий на досрочных выборах в мае 1997 г., резуль-

татом которого стало политическое «сожительство» президента-голлиста Ж. Ширака с премьером-социалистом Л. Жоспеном).

Формулируя общую позицию французского руководства по косовской проблеме и связывая ее с перспективой саммита НАТО по новой стратегической концепции альянса, на очередном совещании послов Франции за рубежом Ж. Ширак подчеркнул: «Саммит в Вашингтоне не должен превращать НАТО в некий “Священный союз”, призванный вмешиваться повсюду и по любому поводу. Франция не приняла бы этого. Именно поэтому она вместе с почти всеми своими европейскими партнерами настаивает на необходимости мандата Совета Безопасности ООН для любой военной интервенции НАТО. Сказанное приложимо сегодня и к ситуации в Косово, где продолжение боев грозит воспламенить все Балканы и, перевернув все существующие границы, вызвать распад наиболее хрупких государств, поставив в том числе под вопрос еще непрочные результаты, достигнутые в Боснии. Мы можем заблокировать эту цепную реакцию только при одном условии — шесть стран — членов Контактной группы должны срочно добиться возобновления переговоров на четких основах. Они должны подтвердить свою решимость обеспечить принятие статуса весьма широкой автономии в пределах существующих границ. Необходима политика крайней твердости. Но применение силы альянсом на основе мандата Совета Безопасности будет иметь смысл лишь в случае, если оно будет подчинено достижению политических целей, контуры которых призвана единогласно и быстро уточнить Контактная группа»¹⁸.

Упоминание Ж. Шираком необходимости для любых военных действий НАТО в Косово мандата Совета Безопасности ООН, постоянным членом которого Франция является вместе с США, Россией, Великобританией и Китаем, и единогласного определения Контактной группой (где присутствуют также Германия и Италия) политических целей такой акции не случайно. Оно определяет установку Парижа на поддержание определенного баланса между центрами силы многополярного мира, смягчая тенденции к глобальной гегемонии США — единственной сверхдержавы, вышедшей победительницей из «холодной войны». «В этой трагедии, — продолжал французский президент, — Россия может и должна играть позитивную роль, которую все ее партнеры ожидают от нее. Неоднократно обсудив это с президентом Ельциным, я убежден, что она сделает правильный выбор, как и в Боснии, — выбор стратегического партнерства, предлагаемого ей Осно-

вополагающим актом НАТО — Россия, выбор, который должен выразиться с обеих сторон в доверительном сотрудничестве в Совете Безопасности, за столом переговоров и на месте»¹⁹.

Выступая на этом же совещании, министр иностранных дел Ю. Ведрин, в прошлом дипломатический советник и генеральный секретарь Елисейского дворца (руководитель аппарата президента) при Ф. Миттеране, подчеркнул, что все шесть членов Контактной группы отвергают статус-кво в Косово и не поддерживают обретение краем независимости, стремясь добиться лишь широкой автономии для косовских албанцев. Однако достижение согласия в вопросе о конечных целях мирного урегулирования по Косово сталкивается, по его словам, с рядом серьезных препятствий, среди которых упорное сопротивление С. Милошевича, чувствующего поддержку сербов в этом вопросе, максимализм и раздоры среди албанцев, сдержанность Соединенных Штатов в отношении Контактной группы, и, наконец, проблема принятия решения об использовании военной силы против СРЮ: как тогда заверял Ж. Ширак, «для нас применение силы со стороны НАТО не может быть осуществлено без резолюции Совета Безопасности»²⁰.

Разумеется, реальная политика Франции, для которой характерны постоянные колебания, далеко не всегда соответствовала этому сбалансированному курсу. В конечном счете Париж так открыто и не воспротивился решению НАТО применить «в порядке исключения» силу против СРЮ даже без санкции Совета Безопасности, опасаясь разрыва как с США, так и с наиболее близкими европейским партнерами — Великобританией, Германией и Италией²¹. Во время визита президента Франции в США 19 января 1999 г. Ж. Ширак и Б. Клинтон обратились к С. Милошевичу с заявлением о своей общей решимости прибегнуть к ударам с воздуха по СРЮ в случае ее противодействия мирному соглашению по Косово, а 24 марта 1999 г. такие удары были впервые нанесены. Поэтому считать линию Франции в косовской проблеме равноудаленной от Белграда и Приштины, а тем более — от Вашингтона и Москвы было бы явным преувеличением.

Тем не менее французское руководство приложило немало усилий, чтобы сыграть как можно более заметную роль в переговорном процессе. Оно приняло на себя непростые обязанности организатора конференции в Рамбуйе и направило в Македонию значительный контингент (1500 военнослужащих из 2800) в состав Сил эвакуации НАТО под командованием французского генерала Марсея Валантена, которые

были призваны обеспечить безопасность наблюдателей ОБСЕ в Косово. Посетив 26 февраля 1999 г. французских солдат и офицеров в Македонии, Ж. Ширак обратился к обеим враждующим сторонам с предупреждением, что та из них, которая возьмет на себя ответственность за срыв переговоров, будет наказана международным сообществом.

С началом военной операции НАТО против Югославии французское руководство, в целом поддерживая общую линию альянса и участвуя в ее реализации, продолжало настаивать на использовании потенциала России в восстановлении политического диалога с Белградом. Об этом, в частности, шла речь в ходе телефонных переговоров Б. Ельцина с Ж. Шираком, беседы последнего с мэром Москвы Ю. Лужковым в Париже, а также в конце марта 1999 г., когда генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции посетил Москву. «Русские могут сыграть важную роль в поисках мирного решения. Мы хотим, чтобы руководство и дипломатия России играли более активную роль и не стремимся к их изоляции», — подчеркивал премьер-министр Франции Л. Жоспен²².

Особенности балканской политики Германии

Значительную эволюцию с начала югославского кризиса до развертывания конфликта в Косово претерпела и балканская политика ФРГ. Если ее исходная точка была диаметрально противоположна французской, то впоследствии они постепенно сблизились. В момент провозглашения Хорватией и Словенией независимости в 1991 г. Бонн не только немедленно признал оба государства, но и ультимативно настоял на принятии аналогичного решения Европейским Союзом. В обоснование этой позиции руководители ФРГ ссылались прежде всего на приоритет права наций на самоопределение перед целостностью и неприкосновенностью границ, что за год до того послужило юридической основой воссоединения Германии. «Мы не можем отказывать другим в том, что столь эффективно послужило на пользу нам», — утверждали германские лидеры. Эта установка так или иначе сохранялась в немецком подходе к последующим этапам югославского кризиса — конфликтам в Боснии и Герцеговине, а в какой-то мере, хотя и гораздо меньше, и к ситуации в Косово.

В основе данной позиции лежали не только юридические принципы, но и давние исторические традиции. Вплоть до 1918 г. Хорватия и

Словения входили в состав основного партнера и сателлита Германии в Тройственном союзе — Австро-Венгерской империи, аннексировавшей также Боснию и Герцеговину. Они служили трамплином германской экспансии на юго-востоке Европы в процессе раздела «оттоманского наследства». Со своей стороны Сербия и Черногория, веками боровшиеся за независимость против Турции, угнетавшей славянские народы Балкан более 500 лет, на юге и против экспансии Австро-Венгрии на севере, искали поддержки на востоке у России — традиционного противника обеих империй. После убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево именно австрийский ультиматум Сербии, которую поддержала Россия, послужил, как известно, непосредственным поводом к развязыванию первой мировой войны.

Затем история повторилась. Между двумя мировыми войнами Югославия, созданная под короной сербской династии Карагеоргиевичей, была верным оплотом Версальской системы на Балканах против побежденной Германии. Переворот в Белграде весной 1941 г., усиливший антигерманские тенденции в политике Югославии, привел к ее оккупации войсками Германии и Италии, главным союзником которых стал профашистский режим Анте Павелича в Хорватии, а противником — партизанское движение во главе с И. Тито, опиравшееся в основном на сербов (хотя и среди последних были коллаборационисты). Естественно, что в сознании немцев хорваты и словенцы традиционно воспринимались как дружественная сила, естественная составная часть германской зоны влияния в Европе, а сербы и черногорцы — как исторические противники.

До тех пор, пока по итогам второй мировой войны Европа и Германия оставались разделенными «железным занавесом», а единство СФРЮ цементировалось авторитарным коммунистическим режимом, черпавшим к тому же свою легитимность в общепатриотических чувствах всех народов страны, связанных с воспоминаниями о традициях Движения Сопротивления нацистским оккупантам, противостоянием сталинскому давлению, активной ролью страны в Движении неприсоединения, Балканы оставались вне списка первоочередных международных приоритетов обоих германских государств. Прочная привязка ФРГ к НАТО и ЕС, а ГДР — к ОВД и СЭВ ограничивала интерес немцев к СФРЮ, старавшейся лавировать между двумя блоками.

Тем не менее уже тогда Бонн был наиболее крупным торговым партнером Югославии в Европе, а Западная Германия стала местом работы

для сотен тысяч югославских иммигрантов, чьи переводы семьям на родину служили весьма важной активной статьей платежного баланса страны.

Коренные перемены геополитической картины Европы и мира в конце 80-х годов — крушение тоталитарных режимов в странах Центральной и Восточной Европы, воссоединение Германии, распад СССР — придали этим экономическим связям политическое измерение. Бонн не остался равнодушным перед лицом кризиса Югославской федерации, демонстрацией которого стало провозглашение в 1991 г. независимости Хорватией и Словенией. Как уже отмечалось, ФРГ не только активно поддерживала сепаратистские действия Хорватии и Словении, немедленно признав новые государства в одностороннем порядке, но и сумела добиться соответствующего решения ЕС вопреки оппозиции своего «привилегированного» партнера — Франции.

Более того, ФРГ в ходе вооруженного конфликта Загреба и Любляны с федеральными властями начала негласно вооружать хорватов и словенцев несмотря на объявленное ООН эмбарго на поставки оружия воюющим сторонам. Та же практика имела место позже, когда конфликт распространился на Боснию и Герцеговину.

Наряду с юридическими принципами, историческими традициями, экономическими интересами поддержка Германией хорватов против сербов объяснялась также внутренними причинами политико-конфессионального плана. Славяне по языку и культуре, хорваты и словенцы, бывшие подданные католической Австро-Венгрии, являются католиками, тогда как сербы и черногорцы исповедуют православие. Твердая, хотя и не афишируемая поддержка единомышленников в бывшей Югославии римской курией и лично папой Иоанном Павлом II (по инициативе которого был канонизирован хорватский кардинал Степинац, осужденный за сотрудничество с профашистским режимом А. Павлича) оказала значительное влияние на позицию в югославском кризисе как Австрии, так и католической Южной Германии, особенно Баварии и долины Рейна. Христианско-социальный союз — баварская партия, образующая в бундестаге единую фракцию с находившимся у власти 16 лет подряд (до 1998 г.) Христианско-демократическим союзом, — оказывал систематический нажим на канцлера ФРГ Гельмута Коля, требуя активной солидарности с югославскими католиками.

Однако нельзя сказать, что все перечисленные факторы сами по себе сыграли определяющую роль в разработке политики ФРГ в югослав-

ском кризисе. Еще менее убедительно выглядят утверждения некоторых авторов, встревоженных ростом веса объединенной Германии в ЕС, насчет того, что Бонн якобы возвращается к имперским концепциям «Срединной Европы» и «натиска на восток», которые уделяли большое внимание активному германскому присутствию на Балканах и в Турции (достаточно вспомнить строительство железной дороги Берлин — Багдад, военную миссию генерала Лимана фон Сандерса в Стамбуле и т. д.).

Анализ политики Германии на различных стадиях югославского кризиса вплоть до обострения конфликта в Косово говорит о том, что простой возврат к прошлому не только несовместим с качественно новыми европейскими и глобальными реалиями, но и не отвечает геополитическим интересам современной ФРГ. После того, как предыдущие германские национальные задачи — обеспечение военной безопасности, достижение «экономического чуда» и, наконец, воссоединение — были решены, на повестку дня выдвинулись окончательная ликвидация морально-политических последствий поражения Германии в двух мировых войнах и вхождение ее на равноправных основах в число великих держав не только с региональными, но и с глобальными интересами. Экономический гигант не намерен более ни оставаться политическим карликом, ни нести ответственность за преступления нацистского режима, которого нынешняя политическая элита Германии, родившаяся после войны, не знала. Именно эта задача была поставлена во главу угла внешней политики страны коалиционным левоцентристским правительством (социал-демократов в союзе с «зелеными») во главе с канцлером Герхардом Шредером, пришедшим к власти в итоге парламентских выборов 27 сентября 1998 г.

Между тем на пути решения данной исторической задачи остается немало препятствий. Это не только тот факт, что ФРГ не является постоянным членом Совета Безопасности ООН и не представлена в ядерном клубе, но и сохранявшиеся долгое время жесткие ограничения на участие бундесвера в военных операциях за пределами территории стран — членов Североатлантического альянса, в состав которого ФРГ входит еще с 1955 г. Эти препятствия, как конституционного, так и психологического характера, исходили со стороны не только стран, являвшихся в прошлом жертвами германской агрессии, но и значительной части самих немцев. Без преодоления этих барьеров Германия не сможет претендовать на роль полноценной участницы урегулирования

локальных кризисов, обещающих стать основной формой военных конфликтов XXI в., в составе международных миротворческих сил, под чьим бы флагом они ни действовали — ООН, ОБСЕ или НАТО.

Осторожные поиски Германией путей выхода из этой ущербной ситуации начались почти сразу после воссоединения страны. На Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке военные акции с участием немецких солдат в ближайшей перспективе заведомо исключены из-за категорического неприятия их общественным мнением ФРГ. Речь может идти только о Европе, а именно о первом после 1945 г. масштабном вооруженном конфликте в бывшей Югославии. Он стал «окном» для возврата Германии на Балканы не столько из-за того, что ФРГ преследует какие-либо особые экономические или геополитические интересы в данном регионе (в Центральной и Восточной Европе они гораздо значительнее), сколько потому, что так объективно сложилась ситуация.

Правоцентристское правительство Г. Коля без особого труда добились решения соответствующих судебных инстанций ФРГ, снявших сомнения насчет конституционности использования германских вооруженных сил за рубежом в коллективных операциях по поддержанию мира. На этой основе в рамках ЗЕС в бывшую Югославию были направлены сравнительно небольшие технико-вспомогательные части бундесвера. Когда же эпицентр «югокризиса» переместился из Боснии в Косово, правительство Г. Шредера официально заявило о готовности направить солидный контингент бундесвера (3500 солдат при поддержке 14 самолетов «Торнадо») в составе сил НАТО для контроля над соблюдением сторонами условий мирного урегулирования. Тем самым Германия сделала официальную заявку на равноправное дипломатическое и военное участие в решении конфликта наравне с другими державами — участницами Контактной группы.

Вместе с тем основная цель внешней политики Бонна (последовательное обеспечение полного равноправия ФРГ с державами — победительницами во второй мировой войне полвека спустя после ее окончания) могла быть достигнута лишь при условии относительно сбалансированного подхода к враждующим сторонам в локальных конфликтах и активного сотрудничества со всеми участницами переговорного процесса в поисках мирного урегулирования.

Обстановка в Косово объективно создавала для этого благоприятные предпосылки. Конфликт напрямую не затрагивал интересы тра-

традиционных германских партнеров — хорватов и словенцев, что, казалось бы, давало германской дипломатии возможность установить контакты в рамках международных организаций и в двустороннем порядке как с албанцами, так и с сербами. «Германия особо заинтересована в быстром решении конфликта — у нас скопилось почти 150 тыс. беженцев из Косово, причем каждый месяц прибывает еще по 1—2 тыс. Дальнейшая эскалация конфликта снова сделает Германию их основным убежищем. Уже во время конфликта в Боснии Германия приняла более чем вдвое больше беженцев, чем все остальные члены ЕС вместе взятые», — отмечал тогдашний германский министр иностранных дел К. Кинкель в мае 1998 г.²³

Всецело поддерживая стремление США сыграть, как и в Боснии и Герцеговине, ведущую роль в диалоге с Белградом и Приштиной, ФРГ отнюдь не игнорировала и необходимость участия в этом России: «Для германской внешней политики, — подчеркивал К. Кинкель, — особо важно сотрудничество с Россией в Контактной группе... Без активного российского содействия никакое длительное решение проблемы Балкан невозможно».

Эту принципиальную позицию Бонн разделяет со своим традиционным партнером в ЕС — Францией, подтвердив ее, в частности, в ходе франко-германского саммита в Авиньоне в мае 1998 г. По существу именно в связи с событиями в Косово ось «Париж — Бонн», которая дала глубокую трещину в начале югославского кризиса, на какое-то время возродилась, что подтвердила совместная поездка в СРЮ К. Кинкеля и Ю. Ведрина в ноябре 1997 г. «В том, что касается Косово, к счастью, нет эквивалента разногласий, существовавших между Германией и другими европейскими странами в 1991 г. относительно Хорватии и Боснии», — констатировал Ю. Ведрин²⁴.

Германия принимала активное участие в работе всех международных организаций и структур, так или иначе задействованных в поисках компромиссного решения по Косово, — ООН, ОБСЕ, ЗЕС, Контактной группы. Бонн полностью поддержал направление в Косово миссии наблюдателей ОБСЕ, в то же время уделяя особое внимание роли Контактной группы, где германские представители изначально пользовались полным равноправием, а также ЕС, в котором ФРГ является, во всяком случае экономически, «твердым ядром». Разделяя мнение западных держав во главе с США о необходимости применения «кнута» — силовых мер воздействия на враждующие стороны, пре-

жде всего на С. Милошевича, немцы вместе с тем выражали готовность дополнить его «пряником» — обещанием отмены экономических санкций со стороны ЕС, полагая, что «Белград должен знать, что его обратный билет в Европу, международные организации и финансовые институты зависит от его поведения в косовском вопросе»²⁵. По мнению германского руководства, такой подход оправдывал себя: на конференции в Рамбуйе (февраль 1999 г.) югославская делегация впервые заявила, что в отдаленной перспективе СРЮ будет, как и все республики бывшей Югославии, стремиться к вступлению в ЕС (Словения с подачи Бонна уже фигурирует в официальном списке шести первоочередных кандидатов).

Что же касается существа политического решения конфликта, то позиция ФРГ носила четкий характер и сводилась к «сохранению территориальной целостности Югославии, с одной стороны, изменению нынешнего статус-кво в плане далеко идущей автономии и самоуправления [Косово] — с другой, при осуждении использования силы с любой стороны»²⁶. Наконец, ФРГ не осталась в стороне от более широкого международного измерения косовского конфликта — его взаимосвязи с разработкой новой стратегической концепции НАТО и «европейской оборонной идентичностью». Конечно, непоколебимая верность Североатлантическому союзу и безоговорочное признание лидерства США в НАТО по-прежнему является фундаментом внешней политики Германии, как это было на протяжении полувека. ФРГ дала согласие на применение альянсом военной силы против СРЮ в качестве средства нажима на Белград, несмотря на то, еще в декабре 1998 г. министр иностранных дел левоцентристского правительства Г. Шредера Йошка Фишер, выступая на сессии Совета НАТО в Брюсселе, высказался против превращения косовского прецедента «из исключения в правило», чего упорно добиваются США²⁷ (напомним, что реалии ведения военных действий на территории Югославии известны Германии лучше, чем кому-либо). Итак, поддерживая США в отношении будущей эволюции НАТО, пробным камнем для которой может стать конфликт в Косово, ФРГ в то же время стремиться не отрываться от своих европейских партнеров по ЕС.

Начало военных действий НАТО против Югославии, в которых ФРГ приняла гораздо более широкое участие, чем в ходе боснийского конфликта, не перечеркнуло особый характер германского подхода к косовской проблеме. Оказавшись наряду с Италией основной страной

приема косовских беженцев, ФРГ взяла на себя нелегкую задачу координации гуманитарной помощи жертвам конфликта со стороны государств — членов ЕС.

В качестве председателя ЕС канцлер ФРГ Г. Шредер в апреле 1999 г. принял российского премьера Е. Примакова после визита последнего в Белград. Несмотря на то, что переданные Г. Шредеру предложения президента СРЮ были отклонены НАТО как явно недостаточные, ФРГ стремится сохранить роль выразителя не только общих для стран НАТО, но и специфических европейских интересов в диалоге с Россией по ситуации в Косово и Югославии. Именно эта задача была в центре переговоров в Москве статс-секретаря МИД ФРГ В. Ишингера, последовавших вскоре после апрельской миссии Е. Примакова в Белград и Бонн. Германский представитель первым на Западе заявил, что допускает возможность введения в Косово многонациональных миротворческих сил под флагом ООН и/или ОБСЕ, а не НАТО. Одновременно Европейский Союз по инициативе Германии выдвинул план комплексного решения косовской проблемы, которое затрагивало бы не только СРЮ, но и другие балканские страны, при финансовой поддержке со стороны ЕС.

Лондон между Парижем и Вашингтоном

Британские правящие круги уделяли Югославии повышенное внимание еще во время второй мировой войны, когда англичане в лице генерала Ф. Маклейна поддерживали тесный контакт сначала с некоммунистическим движением сопротивления германским оккупантам во главе с Д. Михайловичем, а затем и с И. Тито, делая ставку на его стремление к автономии от Москвы, которое вылилось в 1948 г. в разрыв с И. Сталиным. Естественно, что распад бывшей Югославии в 1991 г. не мог пройти мимо внимания Лондона, сохранившего традиционные связи как с Сербией, так и с ее бывшими партнерами по федерации.

Позиция Великобритании по косовскому конфликту, как и по большинству других международных проблем, определялась попытками сочетать неукоснительное равенство на США в НАТО с постепенным сближением со странами континентальной Европы в процессе евростроительства. На предыдущих стадиях югославского кризиса такое сочетание достигалось со сравнительно ограниченными издержками: в ходе конфликтов, вызванных провозглашением независимости Хор-

ватией и Словенией, США держались на втором плане, что давало возможность Лондону играть излюбленную им роль арбитра между двумя ведущими континентальными партнерами по ЕС — Францией и ФРГ.

Однако уже в ходе кризиса в Боснии и Герцеговине, когда Вашингтон открыто выступил на авансцену, Лондон впервые за долгое время счел необходимым несколько дистанцироваться от него, сблизившись с Парижем и приняв активное участие в многонациональных (фактически западноевропейских) Силах быстрого реагирования НАТО. В своих воспоминаниях бывший командующий миротворческими силами ООН в Боснии и Герцеговине британский генерал Майкл Роуз утверждает, что первоначально англичане еще более жестко, чем французы, возражали против массированных бомбардировок сербских позиций авиацией НАТО. Только после избрания Ж. Ширака в 1995 г. на пост президента Франции и поворота во французской политике в Боснии и Герцеговине (см. выше) позиция Лондона претерпела определенные изменения.

С развертыванием кризиса в Косово положение британской дипломатии еще более осложнилось, причем даже не столько из-за конфликтной ситуации в самом крае, сколько из-за ее международного контекста. Обострение конфронтации между Белградом и косовскими албанцами совпало по времени, с одной стороны, с началом американского зондажа насчет новой стратегической концепции НАТО (официально первыми ее еще в 1997 г. озвучили тогдашний госсекретарь США У. Кристофер и министр обороны Уильям Перри), а с другой — со вступлением в решающую фазу процесса перехода ЕС к единой валюте. Хотя эти процессы развивались в разных плоскостях — один в военно-политической, другой в финансово-экономической и на первый взгляд, казалось, никак не пересекались, проблема выбора между Америкой и Европой, преследовавшая британскую дипломатию на протяжении всей второй половины XX в., не могла не обостриться: «Дело в том, что глобализация стратегии США идет параллельно экономической глобализации. Она подкрепляет некоторые грандиозные американские идеи международной интеграции под лидерством Соединенных Штатов, обсуждавшиеся еще со времен Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона» — отмечал в этой связи обозреватель «International Herald Tribune» Уильям Пфафф²⁸.

Эта проблема, которую оказались не в состоянии решить консерваторы Маргарет Тэтчер и Джон Мэйджор, со всей остротой встала перед

лейбористским правительством Т. Блейра. Не скрывая своих проевропейских взглядов, в том числе насчет желательности присоединения Великобритании в более или менее отдаленной перспективе к 11 государствам, которые ввели у себя единую валюту («Евролэнду»), Т. Блейр отдавал себе отчет в том, что значительная часть его собственной партии, не говоря уже о консервативной оппозиции, относится к евростроительству скептически, если не откровенно враждебно. Будучи трезвым прагматиком, глава британского правительства избрал двойственную тактику: каждый его шаг в сторону Европы сопровождался демонстрацией непоколебимой «англосаксонской солидарности» с США, дополняемой историческими связями со странами Содружества.

Именно так было в ходе англо-французской встречи на высшем уровне в Сен-Мало (декабрь 1998 г.), на которой британская сторона поддержала инициативу Парижа относительно «европейской оборонной индивидуальности». В Сен-Мало Т. Блейр заявил о фактическом отказе Лондона от многолетнего неприятия французских идей относительно автономной обороны в рамках НАТО, но в то же время подтвердил сохранение привилегированных отношений Великобритании с Соединенными Штатами в качестве стратегической цели Великобритании²⁹.

Это положение «между двух стульев» вызвало острую полемику в самой Англии. Бывший министр обороны в правительстве тори Майкл Портилло резко критиковал страны Западной Европы (и прежде всего Францию), которые выступают за «европейскую оборонную идентичность», обвиняя их в вынашивании планов создания «мощного европейского блока, предлагающего миру альтернативу экономической и внешней политике Америки». Со своей стороны, известный публицист Филипп Боуринг клеймил «рабскую преданность Америке», задавая вопрос: «Почему Лондон смотрит на Вашингтон вместо того, чтобы идти к своему европейскому будущему и способствовать формированию общей европейской политики?»³⁰.

Наибольшую остроту эта полемика приобрела в момент нанесения военных ударов по Ираку в декабре 1998 г. (операция «Лиса в пустыне»), когда к Вашингтону присоединился только Лондон, тогда как остальные европейские страны либо ограничились словесной поддержкой (ФРГ), либо даже осудили действия США (Франция). В этих условиях Т. Блейр прибег к своей обычной тактике: продемонстрировав солидарность с США на Ближнем Востоке, он, как бы в порядке компенсации, сделал жест в сторону Европы, подтвердив поддержку Ве-

ликобританией «европейской оборонной идентичности», сформулированную ранее в ходе франко-британского саммита в Сен-Мало (сама инициатива созыва которого исходила от Лондона), а главное — взяв курс на более тесное взаимодействие с европейцами в косовском вопросе. Именно тогда родилась идея созыва международной конференции в Рамбуйе под франко-британским сопредседательством, где представители всех шести стран — членов Контактной группы предъявили бы делегациям враждующих сторон согласованный план мирного урегулирования с жесткими временными рамками. Британский министр иностранных дел Робин Кук активизировал контакты со всеми участниками переговорного процесса, в том числе с Белградом. В итоге политика Великобритании в косовском конфликте приобрела относительно сбалансированный характер, вполне совместимый с позициями ее партнеров по ЕС.

Позиция Италии по косовскому вопросу

То же относится к политике Италии — четвертой западноевропейской страны — участницы Контактной группы, вошедшей в ее состав позже других членов ЕС. Пристально следя за эволюцией югославского кризиса с самого его начала, итальянская дипломатия исходила прежде всего из очевидных геополитических интересов своей страны — непосредственного соседства с очагом первого вооруженного конфликта в Европе после окончания «холодной войны».

Как у Франции или Германии, этот интерес подкрепляется давними историческими традициями. После первой мировой войны Италия претендовала на часть восточного побережья Адриатики (Иллирию), захватив Триест и Трентино, после второй мировой войны долгое время конфликтовала с Югославией из-за Триеста. На начальных стадиях югославского кризиса симпатии Италии (не без влияния Ватикана) были, безусловно, на стороне католиков-хорватов в их борьбе против православных сербов.

Из других исторических фактов большое значение для формирования позиции Италии по косовскому вопросу имела аннексия Албании фашистским режимом Б. Муссолини в 1939 г.³¹ Хотя итальянская оккупация продолжалась только до 1943 г., когда Италия была освобождена союзниками, а ее войска в Албании сменили силы вермахта, после второй мировой войны между двумя странами сохранялись тесные

экономические и культурные связи, не прерывавшиеся полностью даже в период правления ортодоксального коммунистического режима Э. Ходжи и тем более после его падения. Италия, наряду с Германией, всегда оставалась основным центром притяжения иммигрантов-албанцев, нелегальный поток которых через Адриатику резко увеличивался в периоды тяжелого внутреннего кризиса в Албании, обострившегося в 1997 г., а затем в ходе косовского конфликта.

Неудивительно, что с началом конфликта в Косово Италия, пытавшаяся приостановить этот нескончаемый поток беженцев, в том числе военно-полицейскими мерами, склонялась скорее принять сторону косовских албанцев. Итальянская печать акцентировала внимание общественности на «ответственности СРЮ за отсутствие компромисса» и на действиях югославской полиции несравнимо больше, чем на террористических акциях албанских сепаратистов из Освободительной армии Косово³². Вместе с другими западноевропейскими странами — членами Контактной группы Италия поддержала принятое под нажимом США решение об использовании военной силы против СРЮ в целях давления на сербскую сторону.

Тем не менее заинтересованность в скорейшем мирном урегулировании и стремление сохранить единство действий с остальными членами Контактной группы способствовали формированию более сбалансированного подхода Италии к решению проблемы Косово. Это особенно ощущалось сразу после прихода к власти в 1998 г. левоцентристского правительства Массимо Д'Алема, который, в отличие от своего предшественника Романо Проди, на первых порах старался избегать чересчур обзывающих заявлений насчет предоставления баз на территории Италии для авиации НАТО в случае ее атак на СРЮ. В итальянских СМИ развернулась кампания, обвиняющая США в вооружении боевиков ОАК за счет средств не только американского или германского происхождения, но и действующих на территории Италии мафиозных структур албанских эмигрантов, получаемых, в частности, путем торговли наркотиками³³.

Главный вопрос, волновавший итальянцев, которые чувствуют моральную ответственность не только за будущее Косово, но и за решение «албанского вопроса» в целом, состоял в том, что предпримет руководство их страны и Запад в целом после применения военных мер к СРЮ. Общественное мнение Италии было обеспокоено тем, что страна «окажется вынужденной вступить в войну против Югославии (Сер-

бии и Черногории) на фланге западного союза без того, чтобы кто-либо по обе стороны Атлантики имел ясное представление о целях и последствиях беспрецедентной военной интервенции в Европе за вторую половину XX в.»³⁴.

Главный редактор авторитетного итальянского журнала «Limes in più» Лучо Караччойо заявил, что ОАК, организующая военные акции в Косово, объективно заинтересована в обострении обстановки, стремясь спровоцировать ракетно-бомбовые удары НАТО по СРЮ и ввод натовских войск в край, чтобы поставить затем не только Белград, но и все международное сообщество перед свершившимся фактом отделения «Республики Косово» от Сербии и последующего создания Великой Албании. «Я не верю в возможность стабильного решения для Косово вне проекта, охватывающего постюгославское пространство и все Балканы. Знаем ли мы уже, что хотят сделать Запад и Европа, включая Италию, в этом регионе? Серию протекторатов (Босния, Албания, Сербия и т. д.)? Ничейную территорию? Банду авторитарных государств, рай для мафии?.. Необходим созыв международной конференции по Балканам, на которой Запад и Россия играли бы решающую роль. Иначе сербские и албанские националисты подготовят более или менее стабильное решение, основанное на разделе территории края», — предупреждал Л. Караччойо³⁵.

Сознавая ограниченность своих возможностей существенно повлиять на ход событий и стремясь сохранить взаимодействие с партнерами по Контактной группе — прежде всего с США и странами ЕС, Италия настойчиво старается найти оптимальный подход в косовской проблеме, который надолго стабилизировал бы регион, составной частью которого она себя считает. Отсюда активные поиски оригинальных решений, примиряющих различные, а порой и противоположные интересы враждующих сторон.

Отметим, что весьма важен для итальянской внешней политики коренной поворот в позиции Ватикана по югославскому кризису. В условиях, когда католические народы бывшей Югославии — хорваты и словенцы — давно «вышли из игры», папа Иоанн Павел II резко изменил прежние подходы римской курии к «югокризису», открыто выступив в пользу политического решения косовской проблемы и призвав, хотя и безуспешно, США и НАТО прекратить бомбардировки СРЮ хотя бы на время пасхальных праздников 1999 г.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что в ходе косовского конфликта позиции четырех ведущих западноевропейских держав — членов Контактной группы сблизились больше, чем когда-либо прежде на всем протяжении «югокризиса». Отправляясь от разных исходных рубежей, определяемых различными историческим традициями и геополитическими факторами, они по логике вещей были вынуждены формировать хотя бы наименьший, но все же общий знаменатель, который позволил бы сохранить атлантическую солидарность с США в рамках НАТО, в том числе в ходе военной операции против СРЮ, не закрывая в то же время возможностей для продолжения диалога с Россией в целях перевода конфликта в политическую плоскость.

Такая линия (отнюдь не означающая, как уже отмечалось, постоянной равноудаленности от враждующих сторон — сербов и албанцев, а тем более от Вашингтона и Москвы) является необходимым условием укрепления позиций Европы в решении судьбоносной проблемы становления многополярного мира XXI в. Оно зависит как от исхода выяснения трансатлантических отношений между Европой и США, так и от места России в новом раскладе сил на мировой арене после «холодной войны».

Не случайно сессия совета НАТО в декабре 1998 г. в Брюсселе, где впервые прямо столкнулись новая стратегическая концепция альянса и «европейская оборонная инициатива», практически совпала с 7-й сессией Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Осло. Одним из центральных пунктов повестки дня обеих оказалась проблема Косово, куда тогда была отправлена миссия наблюдателей ОБСЕ под прикрытием сил НАТО, развернутых в Македонии. Характерно, что в заключительных документах обеих сессий подтверждались как необходимость уважения суверенитета и территориальной целостности Косово, так и расширение автономии края. Как в Брюсселе, так и в Осло европейские страны выразили недвусмысленное стремление к тому, чтобы безопасность континента обеспечивалась впредь не на блоковой, а на общеевропейской основе. На 14—15 ноября 1999 г. назначено проведение очередного саммита ОБСЕ в Стамбуле, на котором планируется принять Хартию европейской безопасности. Смысл Хартии, работа над которой продолжается уже не первый год, состоит в том, чтобы обеспечить тесную координацию и взаимодействие международ-

ных организаций, так или иначе имеющих отношение к обеспечению безопасности в Европе — ООН, ОБСЕ, НАТО, ЗЕС, СНГ. Увидит ли свет этот важный документ и насколько он будет эффективным, во многом зависит от исхода конфликта в Косово и урегулирования затянувшегося кризиса в бывшей Югославии в целом. В связи с этим особый интерес представляет ведущаяся в штаб-квартире Евросоюза работа над планом не только урегулирования конфликта в Косово, но и подписания Балканского пакта стабильности, странам — участницам которого могла бы оказана помощь со стороны ЕС.

Примечания

¹ Компромисс от 13 октября 1998 г. включал прекращение огня, вывод значительной части сербских войск и полиции из Косово под контролем двух тысяч невооруженных наблюдателей ОБСЕ, возврат беженцев в места их проживания, начало переговоров о статусе края.

² *Vernet D.* Sursaut européen au Kosovo // *Le Monde*. — 1999. — 5 mars.

³ *Drozdyak W.* A Precedent in Kosovo? NATO Is Split on Authority to Use Force // *Intern. Herald Tribune*. — 1998. — 9 Nov.

⁴ *Ramonet I.* Kosovo // *Le Monde diplomatique*. — 1999. — Févr.

⁵ *Ibid.*

⁶ Подробнее см.: *Drozdyak W.* *Op. cit.*

⁷ Будущее этих соглашений, кстати, остается под большим вопросом, что признает даже их архитектор Р. Холбрук.

⁸ *Lugar R.* What the Balkans Need Is Democracy in Serbia // *Intern. Herald Tribune*. — 1998. — 1 Dec.

⁹ В составе этих так называемых Сил эвакуации НАТО, призванных оперативно эвакуировать невооруженных членов миссии по проверке ОБСЕ в Косово с помощью вертолетов и бронетехники, входили контингенты Франции, Великобритании, Германии, Италии и Нидерландов.

¹⁰ OTAN: frictions franco-américaines. Hubert Védrine s'est opposé à Madeleine Albright sur les nouvelles missions de l'Alliance // *Le Figaro*. — 1999. — 9 déc.

¹¹ *Ibid.*

¹² *de Bresson H.* Paris et Londres posent les bases d'une politique de défense commune // *Le Monde*. — 1998. — 5 déc.

¹³ *Fitchett J.* Britain and France Call for EU Military Capability for Crises // *Intern. Herald Tribune*. — 1998. — 5–6 Dec.

¹⁴ *Fitchett J.* *Op. cit.*

¹⁵ OTAN: frictions franco-américaines.

¹⁶ *Fitchett J.* Op. cit.

¹⁷ Небольшой российский контингент также связан с ним, но имеет особый статус.

¹⁸ PIC. Déclarations — documents: Bulletin d'information du 27août 1998 (165/98). — P. 6—7.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. — P. 23.

²¹ Вашингтон, и без этого раздраженный отрицательной реакцией Парижа на англо-американские бомбардировки Ирака, оказывал на французов постоянный нажим: именно американские спецслужбы дали в США утечку о том, что французский майор П.-А. Бюнель передал югославскому представителю в Брюсселе список объектов в СРЮ, по которым готовились удары НАТО. Подробнее см.: *Jordan R.* Le récit du Commandant Pierre-Henri Bunel a la DST de ses contacts avec l'espion serbe Jovan Milanovic // *Le Monde.* — 1998. — 5 Nov.

²² Цит. по: *Коваленко Ю.* НАТО вспоминает о России // *Новые известия.* — 1999. — 10 апр.

²³ Auswärtiges Amt: Pressereferat. — 1998. — № 271 — 9 Mai.

²⁴ PIC. Déclarations — Documents: Bulletin d'information № 165/98 de 27 août 1998. — P. 23.

²⁵ Auswärtiges Amt: Pressereferat. — 1998. — № 145/98, — 3 Apr.

²⁶ Auswärtiges Amt: Pressereferat. — 1998. — № 256/98. — 6 Mai.

²⁷ *Whitney C. R.* A Cool Response to U.S. Strategy // *Intern. Herald Tribune.* — 1998. — 9 Nov.

²⁸ *Pfaff W.* Washington's New Vision for NATO Could Be Divisive // *Intern. Herald Tribune.* — 1998. — 5—6 Dec.

²⁹ Практически Лондон склонял Париж к тому, чтобы демонтировать ЗЕС, полностью интегрировав его в структуры ЕС. См.: *Whitney C. R.* U.S., France and Britain: Tangle of Friendship and Suspicion // *Intern. Herald Tribune.* — 1998. — 7 Dec.

³⁰ *Bowing Ph.* Britain's Slavish Devotion to America // *Intern. Herald Tribune.* — 1998. — 19—20 Dec.

³¹ В момент провозглашения независимости Албании в 1912 г., подтвержденной Лигой Наций в 1920—1921 гг., ее отказались признать Италия, Сербия и Греция.

³² *Konomi A.* Rappato dall'Albania: aspettando un nuovo «principe» // *Limes in più.* — 1997. — Juigno; Kosovo, la guerra delle tombe // *Il Manifesto.* — 1998. — 6.08.

³³ *Gatti F.* Dai soldi dell'eroino le armi per il Kosovo // *Corriere della sera.* — 1998. — 11.07.

³⁴ *Caraccioiolo L.* Morire per Pristina? La Trappola — Balcani // *La Repubblica.* — 1998. — 13.08.

³⁵ *Idem.* Mediazione USA? Quasi provocazione // *Il Manifesto.* — 1998. — 16.10.

Проблема Косово в российском внутриполитическом контексте

Юрий ДАВЫДОВ

Несмотря на обилие этнополитических конфликтов как в самой России, так и на постсоветском пространстве, в которые она тем или иным образом вовлечена, Москва не выработала методологии подхода к их предупреждению, регулированию и разрешению, к проблеме миротворчества в целом. Пока в распоряжении руководства России имеется стандартный набор лозунгов (решение конфликта прежде всего политическими средствами, право национальностей или национальных меньшинств на самоопределение, невмешательство во внутренние дела государства, незыблемость его территориальной целостности) и мер кризисного реагирования (прекращение военного противостояния, решение всех проблем путем мирных переговоров и — особая слабость российской дипломатии — созыв международной конференции по любому спорному вопросу и т. д.), которые обычно не вызывают возражений (в том числе со стороны участников конфликтов), но, срабатывая в одних обстоятельствах, совершенно неэффективны в других. К сожалению, российский опыт в этой сфере осваивается пока в основном на уровне публицистики, а не научного познания. Поэтому при выработке подхода к кризисным ситуациям, угрожающим безопасности (национальной, региональной, международной), российская дипломатия вынуждена либо каждый раз начинать с азов, либо повторять ошибки недавнего прошлого.

«Балканская ловушка»

В историческом плане российское общество всегда (хотя и не всегда обоснованно) испытывало к Балканам повышенный интерес, замешанный на славянофильских (православных) эмоциях и держав-

ной геополитике (прежде всего на стремлении получить контроль над черноморскими проливами, который обеспечил бы России беспрепятственный выход в Средиземное море). В самом деле, Балканы — родина Кирилла и Мефодия, изобретших славянскую азбуку и положивших начало славянской письменной культуре. На Балканах русские всегда рассматривались как братья по крови и вере. Хотя Болгария в годы второй мировой войны была союзницей фашистской Германии, А. Гитлер не осмелился предложить царю Борису отправить болгар на восточный фронт.

В свою очередь Россия, опираясь на симпатии в обществе к страдающим от турецкого гнета, многое сделала для освобождения народов полуострова от османского господства и становления их государственности. А. Пушкин, сосланный царем на юг, мечтал уехать в Грецию, восставшую в 1821 г. против турок, — тогда в рядах греческих повстанцев впервые появились русские добровольцы, в основном армейские офицеры греческого происхождения. Восемь лет греки боролись за свою независимость, но лишь после поражения в русско-турецкой войне 1829—1829 гг. Стамбул, по заключенному с Россией Адрианопольскому договору, признал автономию Греции, через год провозгласившей полную независимость. Россия сыграла решающую роль и в становлении сербской государственности. В результате давления России на Ближательную Порту входившая в состав Османской империи Сербия в 1830—1833 гг. получила статус автономного княжества. Идеологи сербского национально-освободительного движения Живоин Жуёвич (1838—1870 гг.) и Светозар Маркович (1846—1875 гг.) учились в Петербурге и находились под сильным идеологическим воздействием А. Герцена, Н. Чернышевского, А. Добролюбова.

На 70-е годы прошлого столетия, когда Балканы готовились к решающему сражению с турками за свою независимость, пришелся пик симпатий российского общества к освободительному движению в регионе. Это отразила русская литература того периода. Герой тургеневского романа «Накануне» болгарин Инсаров — борец за независимость своей страны, как и его русская жена Елена. Вронский у Л. Толстого после гибели Анны Карениной ищет искупления в сражениях русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Тогда по всей стране создавались «славянские комитеты», призванные мобилизовать российскую общественную поддержку (как моральную, так и материальную) борьбы балканских народов за независимость от Турции. После того как Сербия и

Черногория выступили в 1876 г. против Турции, тысячи русских добровольцев (кадровых офицеров, студентов, медиков) отправились на Балканы. Героем этой войны, которая вскоре переросла в русско-турецкую, был не только генерал М. Скобелев, но и опальный герой войны в Туркестане генерал М. Черняев, возглавивший одну из сербских армий, а также известный российский живописец В. Верещагин, запечатлевший для истории совместный ратный труд россиян и южных славян. После победы над турками Сербия, Черногория и Румыния по Сан-Стефанскому договору 1878 г. получили полную независимость. Болгария, а также Босния и Герцеговина получили автономию (Болгария обрела полную независимость в 1908 г., Босния и Герцеговина решением Берлинского конгресса передавалась Австро-Венгрии). В ходе Первой Балканской войны Балканский союз, сложившийся под воздействием России, окончательно покончил с владычеством Турции на Балканах, которая потеряла все свои владения в Европе, кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии¹.

Между двумя мировыми войнами Балканы находились на периферии советских внешнеполитических интересов СССР. Большинство стран региона испытывало сильное влияние Запада, выполняя вспомогательную роль санитарного кордона между двумя социальными системами. Лишь в 1940 г. Югославия официально признала Советский Союз. Однако после второй мировой войны значимость Балкан для Москвы резко возросла, а большинство стран региона вошло в социалистический лагерь. На первом этапе именно на Балканах находились наиболее стабильные социалистические режимы (в Болгарии, Югославии, Албании). Подключение ряда балканских стран к социалистической системе имело ряд важных функций. Во-первых, оно должно было продемонстрировать, что социализм — не столько советский феномен, сколько тенденция мирового развития, распространяющаяся на все новые и новые страны. Во-вторых, балканские сателлиты являлись передовыми рубежами обороны СССР. В-третьих, они были потенциальным плацдармом для прорыва, в случае необходимости, в Средиземное море в обход турецких проливов и выхода советских войск в тыл Западной Европы.

Вместе с тем именно на Балканах началась эрозия советской мировой империи. В Греции гражданская война закончилась поражением левых сил, и наступили долгие годы антикоммунистической реакции. В 1946 г. И. Сталин отказался поддержать выдвинутую болгарским ли-

дером Г. Димитровым идею создания «Балканской социалистической федерации»: Москва опасалась, что такая федерация станет действовать независимо от СССР. В 1947 г. начались проблемы в отношениях СССР с Югославией. С 1948 г. Белград был отлучен от социалистического лагеря, а И. Тито, в соответствии с уже отработанным сценарием, был объявлен шпионом и наймитом западных держав. В 1955 г., уже после смерти И. Сталина, отношения между СССР и СФРЮ были нормализованы, но Белград, наученный горьким опытом, постоянно сохранял дистанцию в отношениях с Москвой. Фактически последствия конфликта между И. Сталиным и И. Тито так и не были полностью преодолены вплоть до распада СССР и СФРЮ². С 1964 г. и Румыния Николае Чаушеску начала проводить собственную политику в рамках социалистического содружества, пытаясь играть в своих интересах на противоречиях между советским и китайским руководством. Таким образом, уже к середине 60-х годов возможности политики Москвы на Балканах значительно сократились. Фактически единственным лояльным союзником СССР в регионе оставалась Болгария. Нельзя не учитывать тот факт, что социалистический путь развития был насильственно навязан Москвой народам балканских стран, отложился в их исторической памяти.

После августа 1991 г., когда Россия переориентировала свою внешнюю политику на сближение с Западом, то же самое сделали и бывшие советские союзники в Центральной и Восточной Европе, в том числе на Балканах. Тогда правящие элиты этих стран полагали, что в процессе реформ они не нужны друг другу. За редким исключением такие настроения способствовали взаимному отчуждению между государствами региона. Однако если для России поворот в сторону Запада оказался конъюнктурным (временным), а впоследствии вынужденным явлением, вызванным зависимостью от западных кредитов, то для балканских стран (за исключением Сербии и Черногории) равнение на Запад имело принципиальное значение и носило стратегический характер: все эти государства надеются в конечном счете войти в НАТО и ЕС и потому готовы полностью следовать прозападному внешнеполитическому курсу. Поэтому если у России ныне и сохраняются определенные стратегические или тактические интересы на Балканах (выход к Средиземному морю, прокладка нефте- и газопроводов и т. д.), то ее возможности опереться на какие-то силы в регионе в процессе реализации этих интересов крайне ограничены.

Существует расхожее мнение, что Сербия является наиболее последовательным историческим союзником России на Балканах. Действительно, в отдельные периоды наши страны связывали тесные отношения, основанные на том, что Россия, преследуя собственные цели, объективно и субъективно помогала Белграду решать национально-государственные проблемы. Но, как правило, годы подъема в российско-сербских отношениях сменялись периодами резкого охлаждения. После 1878 г., также как и после 1945 г., добившись при поддержке (в том числе военной) со стороны «старшего славянского брата» своих целей, Белград отказывался следовать в фарватере российской (советской) политики, стремясь стать региональным центром силы на Балканах, что противоречило интересам и целям России (а затем СССР), стремившейся к поддержанию баланса сил в регионе, которым она могла бы управлять. Между тем «братские» отношения между Белградом и Москвой в конечном счете имели роковые последствия для России: формально именно Сербия втянула ее в первую мировую войну, трагически изменившую всю последующую историю страны.

Несомненно, что в исторической памяти балканских народов Россия продолжает оставаться государством, в свое время внесшим значительный, если не решающий вклад в становление их государственности. Однако в настоящее время основной мотивацией внешнеполитического поведения большинства балканских стран являются не столько прошлые заслуги России, сколько ее нынешняя неготовность (определяемая в первую очередь ограниченностью материальных ресурсов) способствовать реализации их устремлений на международной арене. В результате Россия, общественное мнение которой априорно настроено в пользу единоверцев и «братьев по крови», рискует угодить в «балканскую ловушку», чреватую при нынешнем раскладе сил на международной арене серьезными стратегическими просчетами.

Косовский кризис в российском измерении

В целом позиция российской правящей элиты (равно как и правительства РФ) в отношении этнополитического конфликта в Косово и Метохии во многом напоминает ее подход к разрешению боснийского кризиса: фактически в обоих случаях эта позиция формировалась под влиянием обстоятельств, во-первых, преимущественно внут-

ренного порядка, а во-вторых, имеющих, как правило, лишь отдаленное отношение к сути самого конфликта.

Специфика современной внешней политики состоит в том, что она приспособлена не столько для внешнего, сколько для внутреннего потребления. Фактически она служит не для обеспечения национальных интересов страны на международной арене, а в основном для удовлетворения различными группировками российской политической элиты своих интересов внутри страны, главным из которых является стремление усилить свои позиции и влияние в обществе и государстве и в конечном счете прорваться во власть. В этом плане для элиты важна не сама по себе косовская или любая другая внешнеполитическая проблема, а то, как она работает на усиление или ослабление политических возможностей той или иной группировки российского истеблишмента.

Подобная аберрация во многом обусловлена тем, что в целом российское общество, озабоченное в основном проблемой выживания в затянувшийся переходный период, в большинстве своем индифферентно к тому, что происходит за пределами страны (за исключением, возможно, ближайшего окружения, бывших советских республик, где остались родственники и близкие), и хотело бы избежать втягивания России во внутренние конфликты за рубежом. Почти 60% участников опроса, проведенного радиостанцией «Эхо Москвы» накануне формального вступления Польши, Чехии и Венгрии в Североатлантический альянс, проявили полное безразличие относительно последствий расширения НАТО на восток³. Опрос фонда «Общественное мнение», проведенный на стадии развертывания конфликта в Косово (март 1998 г.), выявил, что 61% респондентов (главным образом жителей Москвы и С.-Петербурга) мало или вообще не интересовались кризисом в этом сербском крае, угрожающим взорвать мир на Балканах. 83% опрошенных полагали, что для России вообще лучше было бы держаться в стороне от этого конфликта или по крайней мере соблюдать в нем нейтралитет⁴.

Подобное равнодушие населения к тому, что происходит в мире, дает возможность политической элите легко манипулировать российским общественным мнением в вопросах внешней политики. В принципе, каким бы ни был курс России в отношении конфликта в Косово и Метохии, он вряд ли вызовет у большей части населения какое-либо беспокойство, повышенный интерес или возмущение по поводу его содержания. По-

этому косовский кризис относится к разряду тех внешнеполитических событий, которые активно используются различными российскими политическими группировками прежде всего в своих эгоистических интересах (яркий пример — турне по ряду зарубежных столиц, совершенное в конце марта 1999 г. Е. Гайдаром, Б. Немцовым и Б. Федоровым, которые не могли оказать никакого влияния на ход конфликта, но ставили целью напомнить россиянам, а заодно и Западу, о своем существовании). А это, в свою очередь, не может не оказывать влияния на формирование официального подхода Москвы к оценке и разрешению косовского кризиса, придавая этому подходу более конъюнктурный, политизированный и эмоциональный характер и, следовательно, делая его более далеким от реальностей самого конфликта. В конечном счете предполагаемый вклад Москвы в развязку косовского узла основывается в большей степени на жelaемом, чем на действительном.

Кроме того, приходится учитывать и резкое сокращение внешнеполитического потенциала России, т. е. объема тех ресурсов, которые она в состоянии выделить для ведения своей международной деятельности. Ведь именно количество и качество этих ресурсов определяет влияние того или иного государства в современном мире. Если страна с населением почти в 150 млн человек не может позволить себе иметь годовой бюджет более 20—25 млрд долл. (столько же, сколько позволяет себе иметь соседняя Финляндия с населением в 3 млн человек), если около 30% этой суммы идет на содержание силовых министерств и ведомств, то не трудно представить себе, сколько ресурсов остается на международную деятельность. Ведение активной внешней политики предполагает сочетание методов «кну́та» и «пряника». Но что может предложить Москва в качестве «пряника» (по сравнению с Соединенными Штатами или Германией) тому же Белграду за его более конструктивный подход к разрешению косовского конфликта? Россия не может пообещать в качестве поощрения за какие-либо уступки ни предоставления значительных кредитов или технологической помощи, ни отмены международных экономических санкций, ибо это зависит не столько от нее, сколько от Вашингтона и его европейских союзников, которые сами являются кредиторами России. Москва не может прельстить югославского президента политической поддержкой, поскольку политический ресурс самой России давно выработан. По оценке бывшего премьер-министра Югославии М. Панича, Москва имеет «ноль влияния» на С. Милошевича⁵.

В этой ситуации российская дипломатия может оперировать потенциальными угрозами в адрес Запада, однако их набор крайне ограничен. Россия не может использовать в качестве инструмента военно-политического давления ядерное оружие применительно к конфликту такого масштаба. Все остальные меры военно-политического характера — такие, как выход из основополагающего акта о взаимоотношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и Россией, подписанного в мае 1997 г., и разрыв всех отношений с этой организацией, вопрос о целесообразности которого впервые встал в практическую плоскость непосредственно после начала бомбардировок Югославии силами НАТО, — скорее всего, нанесут больший вред самой России. Поэтому не будет преувеличением сделать вывод, что возможности России влиять в своих интересах (тем более в интересах Белграда) на ход и разрешение конфликта в Косово и Метохии крайне ограничены. Не случайно некоторые конструктивные российские инициативы по косовскому урегулированию имели шансы быть реализованы лишь тогда, когда они предлагались не самой Москвой, а Западом.

Кроме факторов ограничительного порядка на подход Москвы к разрешению косовской проблемы влияет ряд специфических обстоятельств, обусловленных как ностальгией по советскому прошлому, так и деформациями недавнего перестроечного периода. К числу первых следовало бы прежде всего отнести антизападный настрой российской политической элиты (именно элиты, а не общества, как это часто полагают эксперты в России и за ее пределами). Неспособная, а возможно, и не желающая выправить ситуацию в стране, остановить ее сползание к хаосу, российская элита хотела бы списать на кого-то все неудачи своего правления. Запад как недавний противник по «холодной войне», обманувший на этапе демократизации ожидания тех, кто полагал, что развал Советского Союза и переход к новой системе ценностей пройдут безболезненно, как нельзя лучше подходит на эту роль. Достаточно лишь восстановить образ Запада как врага, который стоит за каждой российской проблемой (огромной внешней задолженностью, неудачей экономических реформ, падением престижа на международной арене и т. д.).

В соответствии с подобным настроем любой подход Москвы к косовской проблеме объективно и неизбежно должен был иметь антизападную подоплеку и — как зеркальное отображение этого — носить просербский характер, а зачастую просто сводиться к поддержке ли-

нии югославского президента С. Милошевича. Если у депутатов Государственной думы этот антизападный настрой в косовском вопросе проявляется сильнее и эмоциональней, то у дипломатов — тоньше и более двусмысленно. Подобный подход с позиций «анти» (т. е. отрицания и противостояния) должен, по мнению представителей значительной части российской политической элиты, демонстрировать самостоятельность и независимость внешней политики Москвы вообще и в косовском вопросе в частности. Возможно, с точки зрения внутриполитической консолидации в этом есть смысл, но для выработки общего международного подхода к разрешению косовской проблемы антизападный настрой Москвы объективно представляет собой серьезную помеху. Фактически такая позиция отнюдь не способствует и выработке самой Россией оптимальной внешнеполитической линии в отношении косовского конфликта, поскольку явная поддержка одной из конфликтующих сторон лишь содействует укреплению ее непримиримой позиции.

Квинтэссенцией этого антизападного настроя является глубокий и прогрессирующий антиамериканизм российской правящей элиты. Точкой его отсчета является возникновение однополярного мира во главе с Соединенными Штатами. Российская политическая элита полагала, что Вашингтон, который, исходя исключительно из собственных интересов, поощрял процесс «демократизации» России, а затем был поставлен в тупик его неожиданными результатами, должен был не только продолжать поддерживать все социальные и политические реформаторские эксперименты, но и мобилизовать Запад на дальнейшее их финансирование. Неизбежное вовлечение США в процесс урегулирования югославской (и косовской) проблемы, вызванное неспособностью не только местных сил, но и Западной Европы, а также России решить эту проблему собственными усилиями, было воспринято Москвой как стремление вытеснить ее из региона, где она когда-то имела значительное влияние. Несомненно, что действия Вашингтона на международной арене в целом и на Балканах (в том числе и в Косово) в частности диктуются исключительно национальными интересами самих США. Однако такая ситуация стала возможна не только благодаря росту американской мощи, в том числе и военной, но и из-за объективной слабости других игроков на международной арене, в особенности России. Вряд ли можно упрекать США в том, что основные страны и политические силы региона ориентируются именно на Ва-

шингтон, — скорее это следствие того, что в советском политическом лексиконе именовалось «соотношением сил». Точно так же российская политическая элита, объявившая США «империей зла», руководствуется прежде всего собственными корпоративными интересами, а не национальными интересами страны.

На практике все это вело к тому, что с самого начала в подходе Москвы к косовскому кризису преобладало стремление не столько решить саму проблему, сколько воспрепятствовать ее решению по американскому образцу. Поэтому Москва изначально поддержала ту сторону в конфликте, которая демонстрировала явный антиамериканизм — белградский режим во главе с президентом С. Милошевичем. В результате югославский президент, используя стойкий антиамериканизм влиятельных сил в Москве, фактически стал определять позицию России по косовскому конфликту, не только делая ставку на российско-американские противоречия, но и всемерно обостряя их. При этом по вопросу будущего статуса Косово между Россией и США с самого начала существовало принципиальное согласие — все расхождения носили тактический характер.

Между тем для Вашингтона с самого начала косовского конфликта не остался незамеченным сначала скрытый, а затем все более явный антиамериканизм России, ее стремление вбить клин между союзниками по НАТО. Соответственно вместо того, чтобы действовать в тандеме с Россией, Соединенные Штаты, обладающие большим влиянием в регионе, повели свою индивидуальную партию, реализуя собственные, а иногда и российские инициативы, но под своим флагом. Антиамериканский настрой российской политической элиты, замещенный на былом сверхдержавии, не позволил ей напрямую обратиться к США, предложив действовать совместно. События развивались таким образом, что наиболее ощутимым результатом антиамериканизма российской политической элиты было не продвижение к разрешению косовского конфликта, а прогрессирующее ухудшение российско-американских отношений по всему фронту.

Более того, на базе антизападного (антиамериканского) настроения политической элиты в России начала складываться «партия войны». Она заявила о себе еще во время кровопролитных событий в Чечне, боснийского конфликта, противостояния между Ираком и Западом, а теперь и в связи с косовским кризисом. Основная цель этой влиятельной группировки состоит в том, чтобы переключить внимание обще-

ства с существующих социально-экономических проблем (неудачи демократических и рыночных реформ, невыплаты заработной платы, обнищания населения, демографической катастрофы, растущей дифференциации доходов и т. д.) на проблемы несуществующие или надуманные, на роль которых лучше всего подходит «внешняя угроза». В самом деле, любой международный кризис может быть интерпретирован как угроза безопасности России, интересы которой традиционно распространяются далеко за ее пределы. Не случайно, выступая в Государственной думе 27 марта 1999 г. по косовской проблеме, В. Жириновский откровенно заявил, что «девять лет разрухи в России могут быть перекрыты ее победой на Балканах»⁶.

Именно «партия войны» стоит за «спонтанным» возмущением военными действиями НАТО против СРЮ, нашедшим отражение в экстремистских действиях — прежде всего у посольства США в Москве. Организаторы этих акций умело воспользовались естественным недовольством российской общественности унижением и невостребованностью России на международной арене и попытками отдельных политиков, особенно из числа бывших советских союзников, низвести обращение с ней до уровня беднейшей развивающейся страны. Однако стимулировать «веймарский синдром» в отношении страны, имеющей тысячи ядерных зарядов, крайне опасно и неблагоприятно. Еще одной особенностью подогреваемой национал-патриотическими лидерами реакции российской общественности на бомбардировки Югославии является то, что она выражает свой гнев против НАТО, а не против Запада вообще, видимо, полагая, что это не одно и то же, — феномен, над которым стоит серьезно задуматься.

Идеи панславизма — единения всех славянских народов — также оказывали воздействие на формирование подхода Москвы к конфликту между сербами и албанцами в Косово. В отсутствие национальной идеи, способной консолидировать общество, некоторые политические группировки обратились к идеям панславизма, рассматривая их как идеологическую основу объединения значительной части постсоветского пространства. Во всяком случае, среди российской элиты большое распространение получила «тенденция рассматривать Россию и весь мир славянства как самостоятельную цивилизационную единицу, равную по отношению к остальной Европе»⁷. К этой идее, в частности, неравнодушен знаменитый русский писатель и нобелевский лауреат А. Солженицын. В своей работе «Как нам обустроить Россию» он предлагал

строить новую Россию на основе союза трех славянских государств — России, Белоруссии и Украины (при возможном участии Казахстана)⁸. Идеи «славянского единства» активно поддерживала и Русская православная церковь, надеясь таким образом не только расширить свое международное влияние, но и преодолеть существующий раскол в этой ветви христианства. Поэтому она активно пыталась представить косовский конфликт противоборством христианства и ислама, подчеркивая, что безусловно выступает на стороне единоверцев. И даже официальные российские круги не чурались панславянских идей. После переговоров в июне 1998 г. с президентом С. Милошевичем в Москве глава российского государства подчеркивал: «Мы не забываем, что являемся славянскими государствами и друзьями»⁹.

Тем не менее эти идеи не получили широкого развития на постсоветском пространстве. Хотя Белоруссия готова к славянскому единению с Россией на равноправных условиях, руководство славянской Украины по уровню своей враждебности к славянской же России давно оставило позади лидеров неславянских бывших советских республик. Более того, глава украинского МИД Б. Тарасюк назвал «опасной» идею союза трех славянских государств, сославшись на печальный опыт Югославии¹⁰. Как, впрочем, и в императорской России, «славянский вопрос» ныне обсуждается и ставится прежде всего как вопрос о славянах и их землях, находящихся за пределами самой России. В нынешней ситуации единственным славянским государством — партнером, остро нуждающимся в поддержке Москвы, является Югославия, президент которой С. Милошевич готов идти на союз с кем угодно, лишь бы этот союз был направлен против западной коалиции, но не столько в интересах «славянского братства», сколько в своих собственных.

Именно в этом плане следует рассматривать предложение С. Милошевича, поддержанное 10 апреля 1999 г. сербским парламентом, а 16 апреля — и Государственной думой РФ, о присоединении Сербии к Союзу Белоруссии и России. Идея «объединения славянских народов» нашла открытую поддержку у коммунистической и национал-патриотической части Государственной думы (в частности, у спикера Думы Геннадия Селезнева и его заместителя Сергея Бабурина, считающего себя одним из авторов этой идеи), и президента Белоруссии Александра Лукашенко, который претендует на лидерство в Союзе. Первоначальная реакция Бориса Ельцина и его администрации также носила скорее позитивный характер. Между тем создание Москвой блока с

двумя государствами, членство которых либо в ООН, либо в ОБСЕ, либо в Совете Европы приостановлено, не добавит России пространства для маневра на международной арене.

Во-первых, предполагаемый союз с Сербией (СРЮ), т. е. с одной из конфликтующих сторон, может подорвать статус России как посредника в балканском конфликте и втянуть ее в военное противоборство как с НАТО, так и с косовскими албанцами. Это то, чего Москва, во всяком случае, согласно официальной российской позиции, всегда пыталась избежать. Кроме того, возможное заключение такого союза явно не соответствует нынешним возможностям России на международной арене. Россия вряд ли сможет преодолеть последствия финансово-экономического кризиса без помощи Запада, к которой «привязан» даже федеральный бюджет. Ответ на вопрос, насколько такая инициатива отвечает настрою российского общества, также не представляется однозначным. Безусловно, эта идея всецело поддерживается «партией войны», пытающейся нажать перед предстоящими выборами политический капитал на возрождении внешней угрозы, однако реакцию российского общества в целом, и так измученного социально-политическими экспериментами правящей верхушки, трудно прогнозировать. Так, согласно данным одного из опросов, проведенного радиостанцией «Эхо Москвы» в апреле 1999 г., лишь 23% респондентов поддержали идею союза России, Белоруссии и Сербии, в то время как 77% высказались против¹¹.

Во-вторых, в случае вступления Югославии с Союз Белоруссии и России будет создан не просто союз, а антизападная коалиция. Оба союзника Москвы — СРЮ и Белоруссия — избрали противоборство с Западом в качестве основы своей внешней политики и сотрудничество с Москвой не в последнюю очередь необходимо Белграду и Минску, чтобы усилить эту антизападную линию, получить для ее реализации в свое распоряжение все еще значительный военный, ресурсный, политический и моральный потенциал России. Таким образом, Москва на официальном уровне солидаризировалась бы с курсом на возобновление «холодной войны» и восстановление разделительных линий в Европе.

В-третьих, надежды политических сил в России и Белоруссии на то, что союз с С. Милошевичем усилит военный потенциал Сербии и укрепит ее сопротивление совокупному военному давлению Запада, отмечены либо чрезмерной наивностью, либо отсутствием профессио-

нализма и незнанием даже недавней истории. В самом деле, Югославия находится в условиях военной блокады, осуществляемой либо странами НАТО, либо государствами — потенциальными кандидатами в члены этого альянса. История с первым после начала военных действий НАТО против СРЮ российским гуманитарным конвоем уже наглядно продемонстрировала отношение этих стран к Москве и трудности с установлением транспортной связи с Сербией.

В целом обращение российских политиков к идеям «славянского единения» имело целью создать в российском обществе атмосферу, благоприятную по отношению к нынешним устремлениям Белграда и негативную — по отношению к косовским албанцам и Западу, оказывающему им поддержку. Можно предположить, что на официальном уровне удалось создать такую атмосферу, однако сама политическая элита слишком рациональна, чтобы искренне разделять подобные идеи (при этом значительная часть российского общества приемлет их более искренне). Не следует исключать возможности возрождения панславизма в России на новой основе, для которой будет характерно совмещение западного рационализма со славянской духовностью, однако решение этой задачи выходит за пределы ближайшего будущего. Поэтому Россия вряд ли может опереться на другие славянские государства в своих усилиях помочь С. Милошевичу разрешить кризис в Косово на своих условиях. В нынешней ситуации панславизм, приемлемый как пропагандистский прием, вряд ли может служить опорой реальной политики.

Объективно на сближение России и Сербии работает тот факт, что в своей внутренней политике оба государства столкнулись с неразрешимой дилеммой между правом национального меньшинства на самоопределение (вплоть до отделения) и/или сохранением территориальной целостности государства. В посткоммунистической России, в зависимости от политической конъюнктуры, предпочтение отдавалось то одному, то другому праву. В ходе борьбы за власть «группы Ельцина» с союзным центром во главе с Михаилом Горбачевым потребность в поддержке республик, регионов и национальных образований вынуждала ельцинскую команду отдавать предпочтение праву наций (национальных меньшинств) на самоопределение. Ельцинский лозунг того времени — «Каждая нация имеет право иметь столько самостоятельности, сколько сможет взять», — подразумевал, что каждая нация (национальность, национальное меньшинство) сама определяет уровень

и меру самостоятельности. Когда же эта потребность в том или ином виде была удовлетворена в результате развала Советского Союза, внутри самой Российской Федерации возникла проблема Татарстана (решенная мирным путем), а затем Чечни (не решенная и военными методами). Москва вынуждена была апеллировать к праву на сохранение территориальной целостности государства, кодифицированному международными документами ООН и Хельсинкским Заключительным актом СБСЕ. Однако идеи сепаратизма уже были подхвачены Калмыкией, а в какой-то мере и некоторыми лидерами Урала, Дальнего Востока и даже Поволжья.

Особенно серьезным предупреждением для самой России стала проблема российского «Косово» — Чечни. Позиция Москвы, до сих пор не сумевшей решить чеченскую проблему и продолжающей делать вид, что Чечня по-прежнему является частью территории РФ, по вопросу урегулирования этнополитического конфликта в Косово была, таким образом, предопределена заранее: российскому истеблишменту, рассматривавшему косовскую проблему как «сербскую Чечню», не оставалось ничего другого, как поддержать С. Милошевича, выступающего за территориальную целостность Сербии.

Все эти обстоятельства в той или иной мере работали на поддержку Москвой позиции Белграда в косовском конфликте. Между тем, поддерживая (пусть даже вынужденно) лишь одну сторону в конфликте и, соответственно, возлагая всю вину за его развязывание на другую сторону, российская дипломатия может упустить возможность стать объективным, нейтральным международным посредником, ведущим диалог с обеими сторонами. Это неизбежно подрывает российские позиции в разрешении косовского кризиса.

«Три цвета времени»

В нынешнем российском обществе можно выделить по крайней мере три совершенно различных группировки и, соответственно, три различных взгляда на внешнюю политику Москвы в целом и на политику в отношении ситуации на Балканах и кризиса в Косово в частности. Существование этих не совпадающих и зачастую противоречащих друг другу подходов отражает не только различное видение их сторонниками внешнего мира, но и углубляющуюся дифференциацию интересов разных политических сил в стране. В известной мере их раз-

новекторное воздействие предопределяет противоречия и непоследовательность российской официальной позиции в вопросах косовского урегулирования. Возможно, этим же объясняется и то обстоятельство, что каждая ветвь власти или организация, имеющая выход на внешний мир, практически имеет свой подход к развитию кризисной ситуации на Балканах.

Первая группировка (условно говоря, *«российские изоляционисты»*) выражает мнение тех, кто полагает, что в свете советского имперского опыта, нынешнего бедственного экономического положения страны, внутривластного и социального хаоса, трагических последствий пребывания советских войск в Афганистане Россия должна «уйти в себя», сосредоточиться и сконцентрировать свои усилия и ресурсы на решении внутренних проблем и проведении экономических и политических реформ, резко сократив международную активность, отвлекающую внимание, время и энергию общества на такие далекие от России проблемы, как косовское урегулирование. По мнению сторонников этого подхода, российское общество и так поляризовано в достаточной мере, чтобы быть расколотым еще и по внешнеполитическим вопросам. Величие державы и ее международный престиж определяется, по мнению *«российских изоляционистов»*, прежде всего ее вкладом в обустройство собственной страны и в повышение благосостояния собственного народа. Лишь добившись успехов на этом направлении, Россия, по их мнению, приобретет право быть арбитром в международных спорах и конфликтах и вести миротворческую деятельность.

Вторая группировка (представленная *«антизападниками»*) отражает взгляды тех представителей российской политической элиты, которые прежде всего озабочены поражением Советского Союза в «холодной войне», «геополитическим сжатием» страны и тем, какие негативные последствия все это имело для международных позиций России. Основную вину за такое положение дел, по их мнению, несет Запад, главным образом Соединенные Штаты, правящие круги которых составили международный заговор, нацеленный на подрыв коммунистической системы и развал Советского Союза. *«Антизападники»* полагают, что Запад настроен против Сербии в основном потому, что Белград является последним оплотом России на Балканах. Москва могла бы, по их мнению, использовать сложную ситуацию на Балканах, в том числе и кризис в Косово, чтобы, однозначно встав на сторону Сербии и президента С. Милошевича, попытаться взять у Запада реванш за пораже-

ние СССР в «холодной войне». В случае удачи подобная политика, по их мнению, неизбежно положила бы начало восстановлению российского влияния в Европе и мире. Осуществление этой идеи могло бы идти по двум направлениям: во-первых, восстановление прежней геополитической ситуации, для которой была характерна «игра с нулевой суммой» (в самом упрощенном виде подразумевающая, что все, что плохо для Запада и США, хорошо для России, и наоборот), а во-вторых, игра на противоречиях между западными союзниками по вопросам косовского урегулирования.

Третья группировка («национал-либералы») предполагает использовать ситуацию, сложившуюся вокруг Косово, для налаживания и расширения взаимодействия России с Западом, выделяя не столько то, что разделяет ту и другую стороны на Балканах, сколько то, что их сближает, и используя общие интересы в целях урегулировании кризиса в Косово. Российская дипломатия, по мнению «национал-либералов», могла бы сосредоточиться на совместных поисках общего и оптимального решения данной проблемы, на совместном с Западом (а не раздельном) ведении переговоров как с Белградом, так и с косовскими албанцами, на оказании общими усилиями давления на конфликтующие стороны в случае, если возникнет такая необходимость, блокируя их возможность играть на противоречиях в стане международных посредников. Такая позиция не означает, что Москва должна полностью отдавать инициативу Западу, но предполагает, что на всех этапах урегулирования Россия и Запад должны выступать как единая команда миротворцев, стремящаяся к поиску взаимоприемлемых решений.

Можно с уверенностью предположить, что в пользу первого подхода настроено подавляющее большинство российских граждан, индифферентно, как отмечалось выше, настроенных по отношению к внешнему миру и внешнеполитической активности страны. Однако эту группу правильнее было бы назвать «молчаливым большинством», поскольку ее участие в политической жизни страны минимально. «Молчаливое большинство» возникло в результате глубочайшего разочарования значительной части общества в последствиях тех социальных, политических, экономических перемен, которые произошли в стране после августовских событий 1991 г. (показательно, что в настоящее время в выборах участвуют, как правило, 25—30% имеющих право голоса). Это те миллионы людей, до которых так и не дошли миллиарды западной помощи. Большинство российского населения, олицетворяющее из-

вестную пушкинскую формулу «народ безмолвствует», пока практически не оказывает заметного влияния на формирование внешнеполитического курса страны, не понимая, в какой мере посредничество в межэтнических распрях в Косово может благоприятно сказаться на преодолении его собственных неурядиц.

Второй подход в значительной мере отражает мнение российской политической элиты. Более того, можно говорить о том, что в ее среде существует определенный консенсус по поводу оценок как балканского конфликта (включая косовский кризис), так и роли Москвы в его разрешении. Именно в этой среде наиболее сильны и активны антизападные (антиамериканские) настроения, которые проецируются и на интерпретацию политической элитой кризисной ситуации в Югославии. Этот антизападный (прежде всего антиамериканский) настрой присущ и левым, и правым силам (включая многих либералов и даже радикальных демократов), о чем свидетельствует практически единодушное принятие Государственной думой антизападных заявлений по косовской проблематике. Подходы различных группировок внутри российской политической элиты различаются лишь различным уровнем оппортунизма. В целом для сторонников данного подхода характерна ориентация на конъюнктурные политические интересы, и если по численности своих рядов они значительно уступают «молчаливому большинству», то по активности и по степени влияния, оказываемого ими на формирование внешней политики России, они значительно его превосходят.

Наконец, представители третьей группы, наверное, самой малочисленной, в большинстве своем принадлежат к экспертным кругам, представляя часть мидовской бюрократии, уставшей от постоянной необходимости подменять политику идеологией, некоторых военных, особенно успешных поучаствовать в миротворческих операциях, не востребовавшихся на сегодняшний день ученых-политологов, некоторых независимых журналистов-международников, сохранивших способность не соглашаться с мнением официальных кругов, ряда представителей «нового политического мышления» и т. д. Хотя эта группа не оказывает значительного влияния на внешнеполитический процесс, события в мире, в том числе и на Балканах, в конечном счете развиваются по сценарию, предсказанному экспертами.

Стоит отметить, что все эти обстоятельства внутривнутриполитического характера, оказывая определенное воздействие на восприятие балкан-

ской трагедии российским обществом и его политической элитой, учитываются прежде всего и в наибольшей степени нынешним югославским руководством. Именно на эти факторы делает ставку С. Милошевич, пытающийся втянуть Россию в разрешение косовского конфликта на своих условиях. К сожалению, США и Запад в целом уделяют этим аспектам гораздо меньше внимания. Зачастую игнорируют внутривластные факторы, влияющие на восприятие российским обществом балканских (косовских) проблем, Запад (США) объективно и, возможно, неосознанно отчуждает Россию от совместной работы по урегулированию косовского конфликта вместо того, чтобы вовлекать ее в этот процесс.

Косовский кризис и властная вертикаль

Сам по себе косовский кризис не является «головной болью» для российских властных структур, позиция которых по этому вопросу стала отражением более глубоких процессов, происходящих как во внешнем мире, так и в самой России, в том числе противоборства между различными ветвями российской власти. Поэтому, несмотря на то, что косовская проблематика обсуждается на всех уровнях власти, трудно говорить о каком-либо едином подходе или о единой стратегии российской властной вертикали по отношению к тому, что происходит на Балканах. Конфликт в Косово активно используется российскими властными структурами прежде всего для того, чтобы показать обществу, что та или иная ветвь власти, во-первых, существует, во-вторых, существует не зря, и в-третьих, что именно данная ветвь власти делает для разрешения нового конфликта на Балканах больше, нежели другие. Содержательная сторона этой активности, как правило, отходит на второй план, а результативная — на третий.

Рельефнее всего это видно на примере Государственной думы, которая в плане международной деятельности отличается невысоким профессионализмом и в целом оказывает незначительное влияние на формулирование и формирование внешней политики страны. Проводимые в думских комитетах, деятельность которых имеет отношение к внешней политике (по международным делам, по геополитике, по безопасности, по обороне и т. д.), слушания по соответствующей проблематике, либо носящие закрытый характер¹², либо имеющие явную пропагандистскую направленность, также как и многочисленные резолю-

ции, не имеющие обязательного характера¹³, не вносят существенного вклада в формирование внешнеполитической концепции страны.

Между тем во второй половине 1998 — начале 1999 г. Государственная дума приняла ряд документов, затрагивающих косовскую ситуацию. В разгар очередного обострения кризиса вокруг Косово 14 октября 1998 г. Дума одобрила заявление «Об угрозе развязывания военных действий со стороны Организации Североатлантического договора против Союзной Республики Югославия», в котором депутаты полностью солидаризировались с позицией Белграда по урегулированию ситуации в Косово. Более того, в заявлении утверждалось, что возможные бомбардировки НАТО можно расценивать как угрозу национальной безопасности самой России. В связи с этим Государственная дума рекомендовала правительству «выйти из международных санкций в отношении Югославии», в срочном порядке «рассмотреть вопрос о возобновлении военного сотрудничества Российской Федерации и Союзной Республики Югославия», «скорректировать программу Российской Федерации и блока НАТО с учетом позиции НАТО в отношении Югославии». Одновременно было принято решение направить делегацию Госдумы в СРЮ «для изучения и оценки ситуации в Косово». Делегации было поручено «обсудить с руководством парламента Югославии вопрос об укреплении связей между Югославией и Союзом Белоруссии и России»¹⁴.

Поездка в Белград восьми депутатов Государственной думы во главе с вице-спикером С. Бабуриным, сопредседателем депутатской группы «Народовластие», носила пропагандистский характер. Парламентарии и сопровождавшие их эксперты, представлявшие различные думские фракции и придерживавшиеся различных взглядов на развитие косовского конфликта, чаще спорили друг с другом, чем дискутировали с сербскими парламентариями. Возможно, поэтому миссия Госдумы оказала мало влияния на югославского президента. Как и прежде, под угрозами применения военной силы со стороны Запада С. Милошевич пошел на уступки, заключив соглашение с представителем США Р. Холбруком. Не исключено при этом, что, пытаясь выжать как можно больше уступок со стороны Запада, югославский президент вел свою игру с российскими депутатами, которые, в свою очередь, прежде всего преследовали цель продемонстрировать избирателям «личное мужество и патриотизм» в деле спасения России от западной угрозы. Тем не менее Государственная дума в постановлении «Об итогах визита

официальной делегации Государственной думы Федерального собрания в Союзную Республику Югославия» высоко оценила деятельность своих посланников. Несмотря на то, что вопрос об ударах НАТО по Сербии в результате договоренности С. Милошевича с руководством Североатлантического альянса и ОБСЕ был временно снят с повестки дня, Дума рекомендовала президенту и правительству рассматривать нанесение ударов по СРЮ «как акт агрессии», «считать решение Совета Безопасности ООН о введении эмбарго на поставки оружия в СРЮ недействительным» и начать осуществление «поставок вооружений и военной техники в СРЮ»¹⁵.

В начале 1999 г. в связи с ухудшением ситуации в Косово Государственная дума в точности повторила октябрьскую процедуру, одоблив 20 января заявление «В связи с обострением ситуации в Косово»¹⁶, приняв 3 февраля соответствующее обращение к президенту Б. Ельцину¹⁷ и вновь решив направить парламентскую делегацию в Белград. Ни аргументация думцев, ни характер их предложений правительству и президенту не претерпели серьезных изменений, хотя и стали более сдержанными по тону. Возможно, последнее не очень понравилось сербским руководителям, которые, видимо, ожидали большего от российских депутатов. Во всяком случае, президент С. Милошевич на этот раз даже не принял российскую парламентскую делегацию. А через несколько дней скупщина Сербии дала добро на поездку сербской делегации на переговоры с косовскими албанцами под патронажем Контактной группы в Рамбуйе.

27 марта 1999 г., спустя три дня после начала военной операции НАТО против СРЮ, Государственная дума провела довольно сумбурную дискуссию о возможных действиях России в сложившейся ситуации. В частности, предлагалось перекрыть газопроводы, идущие в Западную, Центральную и Восточную Европу, немедленно поставить Сербии самые современные средства ПВО для отражения нападения, направить в Белград парламентскую делегацию (ее возглавил С. Бабурин) и т. д., и т. п. Однако принятое по итогам обсуждения заявление, резко осуждавшее «агрессию НАТО», не содержало никаких конкретных ответных мер за исключением предложения президенту временно отозвать направленный в Думу для ратификации Договор СНВ-2, а правительству — поставить вопрос о созыве специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Правительству и президенту было также предложено выступить с новыми инициативами, оценить последствия предприня-

той НАТО военной акции, рассмотреть возможность выхода России из основополагающего акта Россия — НАТО и т. п. МИД РФ выразил удовлетворение по поводу заявления Госдумы, охарактеризовав его как «сдержанное и своевременное»¹⁸. В апреле 1999 г. в Белграде побывал спикер Думы Г. Селезнев, который привез в Москву предложение югославского президента о вступлении Сербии в Союз Белоруссии и России (Черногория эту идею не поддержала).

В целом деятельность Государственной думы в косовском вопросе оказалась малоэффективной — не в последней степени потому, что своими заявлениями Дума однозначно приняла лишь одну сторону в косовском конфликте и тем самым лишила себя возможности поиска прагматичного и компромиссного варианта его разрешения. Таким образом, Государственной думе не удалось ни повлиять на политику Запада, ни предложить С. Милошевичу разумную альтернативу поведения в косовском конфликте. Более того, своей односторонностью такая позиция Думы, подталкивавшая Москву к нарушению режима международных санкций, за которые Россия сама проголосовала, объективно нацеливавшая СРЮ на конфронтацию с Западом и на военное решение косовской проблемы, подрывала попытки Министерства иностранных дел РФ выглядеть объективным и работать с обеими сторонами косовского конфликта.

Политические партии России, отражая существующую в обществе индифферентность к внешнему миру, в целом мало интересуются международной деятельностью страны. Они, как правило, разделяют антизападный (антиамериканский) настрой российской политической элиты, и это вполне объяснимо: тем самым партии как бы снимают с себя ответственность за развал страны, перекладывая ее на внешние силы. По той же причине политические партии периодически критикуют деятельность министерства иностранных дел (в том числе и на балканском направлении) за попытку проведения сбалансированного внешнеполитического курса. Внешнеполитические программы большинства политических партий не демонстрируют особой глубины и в целом мало отличаются друг от друга.

Исключение составляют несколько партий, которые уделяют международной тематике повышенное внимание. Прежде всего это ЛДПР — партия, слишком часто меняющая свои позиции по внутривнутриполитическим вопросам и испытывающая явный недостаток в конструктивных, созидательных идеях. Поэтому для того, чтобы привлечь к себе внима-

ние электората, ЛДПР заинтересована в экстраординарных ситуациях, особенно в области международной политики, где легче сорвать политические дивиденды, не неся при этом никакой ответственности. Отсюда стремление В. Жириновского ассоциировать себя с наиболее одиозными фигурами типа С. Хуссейна в Ираке или Ж.-М. Ле Пэна во Франции. В ЛДПР понимают, что Белград сейчас не в том положении, когда можно быть разборчивым в выборе союзников, тем более что оба лидера — С. Милошевич и В. Жириновский, в трактовке ЛДПР, в равной степени являются националистами: один хочет «великой Сербии», другой — «великой России». По мере обострения ситуации вокруг Косово и самой Югославии и повышения международного внимания к этим проблемам ЛДПР все более активно высказывалась по косовскому вопросу, организовывала акции в поддержку С. Милошевича у американских представительств в России, вела агитацию в Госдуме за выход России из международных санкций по Югославии и т. д.

Позиция коммунистов по косовской проблеме носит более сдержанный и более конкретный характер. Коммунисты всегда пытались представить себя в качестве последовательных интернационалистов в мире, где господствуют «классовая логика» и «классовая солидарность». Понятие Запада как основного носителя «мирового империализма» для коммунистов слишком расплывчато — и главный упор они делают на необходимости противостоять Соединенным Штатам, стремящимся, по их мнению, к мировой гегемонии. В этом коммунисты довольно успешно опираются на массовое сознание, еще не излечившееся от стереотипов «холодной войны» (как заявил депутат Госдумы от фракции КПРФ Александр Поморов, перефразируя рейгановское определение «империи зла», «США консервируют и воспроизводят все негативное, что только накопила человеческая история») ¹⁹. По словам Г. Зюганова, вероятный удар НАТО по Югославии означает объявление блоком войны России ²⁰. Впрочем, понимая, что подобное заявление ко многому обязывает, лидер КПРФ уточнил, что речь пока идет только о направлении в Югославию российских добровольцев. Коммунист Виктор Илюхин, председатель думского комитета по безопасности, утверждал, что располагает 10 тыс. добровольцев, готовых сражаться с НАТО на стороне Югославии ²¹.

Довольно активную внешнеполитическую программу имеет блок «Яблоко», который, с одной стороны, выступает за включение России в сообщество цивилизованных (западных) держав в качестве «законо-

послушного члена»²², а с другой стороны, не может игнорировать антизападный настрой значительной части общества и вынужден критиковать правящие круги США и других стран Запада за непонимание российского своеобразия и игнорирование российских национальных интересов. В «Яблоке» также есть деятели, которые априорно считают позицию Запада в косовском вопросе неприемлемой, но в целом партия занимает более взвешенные позиции. Разделяя официальную идею относительно урегулирования косовского кризиса политическими методами, «Яблоко» в то же время против крайностей, разрыва отношений с НАТО, разрушения сложившихся структур взаимоотношений и договоренностей с Западом в целом, полагая, что в конечном счете все равно альтернативы сотрудничеству с Западом у России нет. «Яблочники» считают, что с точки зрения национальных интересов отношения с Западом для России важнее отношений с С. Милошевичем и выступают против посылки российских добровольцев в Югославию, которое, по словам лидера партии Григория Явлинского, может привести к «прямому вовлечению России в войну»²³.

Единственной откровенно прозападной российской партией, критически воспринимающей югославского президента и его позицию по Косово, равно как и подход Москвы к этой проблеме, является «Демократический выбор России» (впрочем, партия не представлена в самостоятельном качестве в Государственной думе, а ее влияние на политическую жизнь страны минимально). Лидеры ДВР полагают, что причина интернационализации югославского конфликта состоит не в том, что США, Германия или Франция борются за гегемонию на Балканах, а в том, что Европа не может позволить себе терпеть «средневековый геноцид и насилие» в центре континента. Как полагают отдельные деятели партии, от российской политики на Балканах внутри страны выигрывают лишь лево-патриотические силы. По мнению члена ДВР А. Козырева, бывшего министра иностранных дел РФ, «наша дипломатия... сидит на двух стульях, покровительствуя Милошевичу, а перед Западом стремясь сохранить видимость объективности». А. Козырев утверждает, что проблема Косово «сегодня не имеет чисто политического решения, она загнана в тупик, и без введения разделительных миротворческих сил уже не обойтись — так далеко зашел конфликт между центральной властью и косовскими албанцами»²⁴.

Между тем власти предержавшие мало считаются с позициями различных политических партий по международным проблемам. В Рос-

сии отсутствует практика, в соответствии с которой руководитель государства или правительства при принятии каких-то принципиальных внешнеполитических решений советуется с лидерами крупнейших политических партий или по крайней мере информирует их об основных внешнеполитических шагах. Как правило, российские партийные лидеры узнают о такого рода решениях из средств массовой информации.

Попытки ряда западных стран вмешаться в нынешнее развитие ситуации в Косово вызывают резко негативную реакцию части российского генералитета. Однако на этот раз российское военное руководство, потерпевшее жестокое поражение в Чечне, прямому участию в боевых действиях предпочитает демонстрацию мускулов (пусть и ослабевших, но не потерявших ядерного заряда) и набор военно-политических «контрмер», которые Москва частично уже пыталась задействовать в период борьбы против расширения НАТО: отказ от ратификации Договора СНВ-2 и от ограничений, накладываемых Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ), выход из основополагающего акта Россия — НАТО и замораживание всех контактов с НАТО, налаживание тесных связей с «потенциальными противниками» Вашингтона (Иран, Ирак, Ливия и т. д.), попытку создания антизападного альянса с Китаем и т. д. Так, в середине октября 1998 г., когда истекал ультиматум НАТО по поводу выполнения Белградом резолюции ООН № 1199, генерал-полковник Леонид Ивашов, начальник Главного управления международного сотрудничества Министерства обороны России, заявил, что если НАТО решится использовать военную силу против суверенной Югославии, Москва немедленно выйдет из режима санкций (эмбарго на поставку оружия), объявленных Советом Безопасности ООН в отношении Сербии 31 марта 1998 г., и начнет поставку ей современного вооружения, подготовку ее офицерских кадров и других военных специалистов в российских военных академиях, а также рассмотрит вопрос о направлении на Балканы российских добровольцев, разорвет все отношения с НАТО, откажется от ратификации Договора СНВ-2 и т. д.²⁵ По мнению Л. Ивашова, все эти меры были бы вполне оправданны, поскольку «военные силы альянса проецировали подобный же сценарий и на Россию»²⁶. Отметим, что в ответ на угрозу расширения НАТО на восток эти меры не сработали, поэтому нет уверенности, что ныне они будут более действенны.

Вместе с тем в подходе российской военной элиты к решению косовской проблемы появились моменты, свидетельствующие, что она, возможно, выходит из-под политического контроля. Так, в октябрьскую дискуссию по ситуации на Балканах включился начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба вооруженных сил РФ генерал-полковник Владислав Путилин, объявивший, что российские войска «располагают всем необходимым, чтобы выполнить приказ президента и правительства в связи с текущим развитием ситуации вокруг Косово»²⁷. По мнению присутствовавших при данном заявлении журналистов, речь шла чуть ли не о возможном направлении российских войск на Балканы. Подобные соображения, озвученные начальником *мобилизационного* управления Генштаба, не могут не вызывать исторических ассоциаций. В самом деле, формально Россия оказалась втянутой в первую мировую войну помимо всего прочего еще и потому, что не смогла вовремя остановить, несмотря на требование со стороны союзников, уже объявленную мобилизацию. Не слишком ли рано и на этот раз Москва объявляет о своей готовности ввязаться в военные действия? Можно понять, когда подобным образом блефует лидер ЛДПР, но когда такие слова произносит глава мобилизационного управления Генштаба, то возникают сомнения относительно эффективности политического контроля за деятельностью силовых структур в России. Подобные заявления не только противоречат официальному курсу России на Балканах, но и способны подорвать ее миротворческие усилия. Видимо, учитывая эту разногласию между различными ветвями и органами власти, Кремль через пресс-секретаря президента Дмитрия Якушкина вынужден был призвать российское и мировое общественное мнение «не обращать внимания на заявление некоторых военных о возможности какой-либо военной помощи Белграду в случае силовой развязки кризиса»²⁸, подчеркнув, что необходимо «ориентироваться на официальные позиции, которые высказывают президент и премьер»²⁹.

Согласно Конституции РФ характер внешней политики страны определяет глава государства. Однако нынешний президент по своему профессиональному уровню мало способен играть подобную роль, крайне слабо разбираясь в тонкостях международной политики, а его здравый смысл на этом поле уступает место спонтанным эмоциям. Президенту легче вести международные дела в домашней обстановке, поэтому он предпочитает встречи «без галстуков», когда можно не при-

держиваться протокола и не заботиться о том, чтобы тщательно формулировать политические заявления и обязательства. Вместе с тем в ряде случаев ситуация требует от президента высказаться по тому или иному вопросу, и он делает это так, как привык высказываться в своем окружении — жестко, прямолинейно, безальтернативно, не всегда учитывая специфику конкретной ситуации. В известной мере этому способствует и непосредственное окружение Б. Ельцина, в котором в последнее время начинают преобладать представители силовых структур, склонные к одномерному видению мира и упрощенным решениям.

Все сказанное относится и к нынешней балканской проблематике. 16 февраля 1999 г., предвзяв встречу в верхах с канцлером ФРГ Г. Шредером и председателем Еврокомиссии Жаком Сантером, российский президент крайне резко высказался по поводу ситуации на Балканах, заявив: «...мы не дадим тронуть Косово... это не пройдет. Вот и все»³⁰. Такого рода жесткие заявления, обычно широко тиражируемые, как правило, лишь усложняют процесс урегулирования кризиса, так как, с одной стороны, могут породить у президента С. Милошевича иллюзии по поводу того, что он может рассчитывать на силовое вмешательство России, а с другой — вызывают сомнения на Западе относительно способности России, занявшей однозначно просербские позиции, внести позитивный вклад в поиски и достижение компромисса на переговорах.

В сложившейся ситуации очевидны два важных предварительных заключения, вытекающие из нынешнего подхода Москвы к трагедии на Балканах. Во-первых, координация деятельности различных российских властных структур, имеющих выход на косовский кризис и миротворческие усилия по его преодолению, явно нуждается в значительном усилении. Во-вторых, все ветви власти пока слабо просчитывают в перспективе возможные последствия тех шагов, которые они предпринимают сегодня в целях разрешения конфликта.

Косово как зеркало российских интересов

Наличие в российской политической верхушке не только различных, но и трудных совместимых подходов к той роли, которую Москва могла бы играть в миротворческих усилиях в Косово, помимо всего прочего, затрудняет определение и формулирование национальных интересов России в данном регионе в целом. В самом деле, в чем сегодня состоит важность для России Балканского региона? Былой дружест-

венности, обусловленной совместным героическим прошлым или общностью официальной идеологии, ныне уже не существует. Да и само это прошлое не дает оснований для однозначных выводов. Большинство нынешних балканских стран отворачиваются от переживающей кризис России и с вожделем смотрят на НАТО и ЕС, дожидаясь того часа, когда им будет позволено войти в эти союзы. Конечно, через Балканы можно было бы протянуть газопровод к средиземноморским портам, но, во-первых, добираться до Балкан придется через Украину, что само по себе нелегкое дело, а во-вторых, интересы «Газпрома» — это еще не интересы всей России. Можно было бы попытаться проложить торговый путь через Балканы, минуя все более труднопроходимые турецкие проливы, но это планы слишком далекого будущего. Главный же нынешний интерес Москвы к Балканам — обеспечение стабильности и безопасности региона. Но это не специфически российский, а более общий европейский интерес, который может быть обеспечен не на национальном, а только на общеевропейском уровне.

Расхожий термин «балканизация» означает прежде всего тенденцию к фрагментации, постоянным распрям на этнической и территориальной основе, превращающим нестабильность в отличительную черту того или иного региона. Более того, национальные и политические лидеры балканских стран и территорий традиционно стремились втянуть в свои локальные споры и конфликты «великие державы» в надежде, что последние неизбежно примут ту или иную сторону в конфликте. К сожалению, на протяжении веков «великие державы» в стремлении усилить свое влияние в регионе, являющемся сухопутным мостом между Европой и Азией, охотно вовлекались в местные склоки, что в конечном счете заканчивалось трагически как для них самих, так и для стран и народов региона. Не являемся ли и мы свидетелями нового акта все той же балканской драмы, на этот раз в Косово? В самом деле, для Москвы пока единственным результатом очередного витка балканской трагедии стало дальнейшее ухудшение и без того напряженных отношений России с США и Западом в целом. Видимо, ни одна из сторон, втянутых сегодня в конфликт или в его разрешение, так и не сделала выводов из не столь уж далекого прошлого. Похоже, что как Россия, так и страны Запада во главе в США в очередной раз попали в традиционную «балканскую ловушку».

Можно предположить, что Россия, переживающая нелегкие времена «полураспада» и, как обычно бывает в подобных ситуациях, расте-

рившая своих некогда многочисленных «партнеров» и «союзников» по всему миру, стремится опереться на те страны, которые, как Югославия, еще дружественно настроены по отношению к Москве. Однако это вполне понятное и объяснимое стремление легко могут эксплуатировать те или иные внешние силы. В самом деле, если в нынешней ситуации Россия кому-то и нужна на Балканах, то наверное лишь для того, чтобы обеспечить свои, а не ее интересы. Может показаться, что Белград, традиционно считающий себя славянским собратом России и ныне сам переживающий период крушения иллюзий относительно строительства Великой Сербии, является исключением из этого правила. Однако события недавнего прошлого показывают, что это далеко не так. В период боснийского кризиса, когда президент С. Милошевич рассчитывал на то, что Москва поможет ему снять международные санкции с Югославии, он активно заигрывал с российским руководством. Однако уяснив, что снятие санкций в большей степени зависит не от Москвы, а от Вашингтона, он сделал резкий поворот в сторону Запада, подписав Дейтонские соглашения, которые давали боснийским сербам и СРЮ гораздо меньше, чем ранее предлагала и надеялась добиться для них Москва. То же справедливо и в отношении косовской проблемы. Всякий раз, когда Москва предлагала Белграду пойти на определенные уступки в интересах разрешения конфликта, С. Милошевич либо отвечал отказом, либо не выполнял взятые на себя обязательства. Однако под угрозой ультиматумов со стороны НАТО С. Милошевич обычно шел на попятный, ставя «своего самого верного славянского друга» в неловкое положение. Не лишено оснований и предположение, что, возможно, С. Милошевич делал ставку на прямое столкновение между Россией и Соединенными Штатами, в возможности которого его могли убеждать некоторые высказывания наиболее радикальных российских политиков, военных и экспертов. Если это так, то подобные расчеты являются крупнейшей ошибкой президента С. Милошевича, совершенной им после ликвидации автономии в Косово.

* * *

Характер российского видения косовской ситуации при всей его дифференцированности в определенной мере влияет на официальный подход Москвы к разрешению этого кризиса, миротворческим усилиям других держав и организаций в том плане, что оно устанавливает

определенные рамки внешнего поведения России, за которые она часто уже не может выйти. Это прежде всего априорная поддержка одной стороны в конфликте и, как следствие, отсутствие доверительных контактов с другой стороной, заведомо критическое отношение к усилиям и шагам Запада, прежде всего Соединенных Штатов, объективно играющих решающую роль в определении методов разрешения кризисной ситуации. Эти рамки ограничивают возможности России в плане внешнеполитического маневрирования, заведомо обрекают на провал многие ее инициативы в области миротворчества и затрудняют взаимодействие с ведущими игроками на международной арене, которое только и позволяет надеяться на позитивный исход. В ряде случаев, по соображениям внутреннего порядка, Россия вынуждена реализовывать собственные инициативы через своих партнеров. Идея о допустимости исключительно политических методов урегулирования конфликтов при всей ее привлекательности в нынешних условиях «повисает в воздухе», так как априорно исключает возможность принуждения конфликтующих сторон к миру путем использования внешней военной силы.

Вместе с тем жесткость этих рамок кажется искусственной, особенно если рассматривать ее с точки зрения возможного исхода косовского кризиса. Дело в том, что по тем же соображениям внутреннего порядка Россия будет вынуждена принять любое (силовое или политическое) решение косовской проблемы — прежде всего потому, что Москва ни при каких условиях не может себе позволить пойти на открытую конфронтацию с США и Западом ради сохранения у власти С. Милошевича, а также потому, что подавляющему большинству россиян, озабоченных проблемой собственного выживания, в конечном счете безразличен исход конфликта.

Общий же вывод, видимо, сводится к тому, что на уровне общественного сознания, политического мышления, властных структур при всем их относительно критическом настрое лично к президенту С. Милошевичу внутривнутриполитическая ситуация в России в целом благоприятна для осуществления Белградом его политики в отношении косовского конфликта. Однако этот внутривнутриполитический настрой не может быть трансформирован Россией в систему внешнеполитических мероприятий — как из-за критического состояния ее экономики и финансов и ограниченности нынешнего международного потенциала, так и из-за активного сопротивления такой роли той колоссальной поли-

тической и военной мощи Запада, которая противостоит Белграду. Надежда на то, что Москва сможет остановить югославский конфликт лишь своими силами, невелика. Но то же, хотя и по совершенно иным причинам, справедливо и для Запада. Косовский кризис может быть остановлен только совместными усилиями России и Запада, основой для которых могли бы послужить три фундаментальных принципа:

Россия и Запад должны быть нейтральны в подходе к конфликтующим сторонам в Косово (что предполагает прекращение военной операции НАТО против СРЮ);

Россия и Запад должны блокировать все пути решения косовской проблемы, альтернативные переговорному процессу, основанному на взаимных уступках сторон, и перекрыть все каналы, питающие этот конфликт (финансовые, экономические, военные и т. д.);

Россия и Запад могут использовать военную силу для принуждения конфликтующих сторон к миру только с согласия международного сообщества в лице ООН (ОБСЕ) и в ограниченных масштабах.

Примечания

¹ См.: *Терехов А.* Исторический очерк движения России на Балканский полуостров. — СПб., 1888; *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия (1821—1829). — М.: Мысль, 1965; *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII и начале XIX вв. — М.: Наука, 1976; *Попов Н.* Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 гг. — М., 1869; *Игнатьев Н. П.* После Сан-Стефано: Записки. — Петроград, 1916; *Вяземская Е. К., Данченко С. И.* Россия и Балканы: Конец XVIII в. — 1918 г. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН. — М., 1990; *Кинягина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX в. (1878—1898 гг.). — М.: Изд-во МГУ, 1994; *Россия и национально-освободительная борьба на Балканах (1875—1878)* / Под ред. А. Л. Нарочницкого. — М.: Наука, 1978; *Кузьмичева Л. В.* Сербско-русские отношения в период восточного кризиса (1875—1878). — М.: Изд-во МГУ, 1986; *Кудрявцева Н. И.* Россия и образование автономного сербского государства / Ин-т всеобщей истории РАН. — М., 1992; *Павлюченко О. В.* Россия и Сербия. — Киев: Наукова думка, 1987; *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. — М.: Наука, 1985 и др.

² См. *Тито Броз И.* Избранные статьи и речи. — М.: Политиздат, 1973; *История Югославии: В 2 т.* — М.: Наука, 1963; *Улунян Ф. Ф.* Коминтерн и геополитика: балканский рубеж: 1919—1938 / Ин-т всеобщей истории РАН. — М., 1997; *Марьянович Й.* Освободительная война и народная революция в Югославии. — М.: Политиздат, 1956; *Гиренко Ю. С.* Советско-югославские отношения (страницы истории). — М.: Междунар. отношения, 1983; *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия. — М.: Наука, 1987; *Гиренко Ю. С.* Сталин и Тито. — М.: Политиздат, 1991; *Карасев В. Г.* Исторические свя-

Косово: международные аспекты кризиса

зи народов Советского Союза и Югославии. — М.: Политиздат, 1956; Россия на Балканах. — М., 1996. — (Науч. докл. / Моск. Центр Карнеги; Вып. 8); *Djilas M.* Лицо тоталитаризма. — М.: Новости, 1992; *Djilas M.* The Contested Country: Yugoslav Unity and Communist Revolution. 1919—1953. — Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1991; *Woodward S.* Balkan Tragedy. — Washington, D. C.: Brookings Institution, 1995; *Caplan R.* Balkan Chast: a Journey through History. — New York, Vantage Books, 1993; *Holbrooke R.* To End a War. — New York: Random House, 1998 и т. д.

³ Вопрос дня // Сегодня. — 1999. — 12 марта.

⁴ Фонд «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения 14 марта 1998 г. (http://www.fom.ru/week/t338_4.htm).

⁵ М. Панич: «Ташить Милошевича — пустая трата сил» [Интервью] // Время МН. — 1999. — 26 февр.

⁶ См.: Стенограмма утреннего пленарного заседания Государственной Думы 27 марта 1999 г. Информационный канал Госдумы РФ (<http://www.economic.ru/gd>).

⁷ «Славянский фактор»: Межславянские отношения в середине 90-х гг. — М.: Рос. науч. фонд, 1995. — С. 17.

⁸ *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию. — М.: Патриот, 1991. — С. 26—27.

⁹ Встреча президента России Ельцина и президента Югославии Милошевича в Кремле // Сербия в мире. — 1998. — Июль/Авг. — С. 6.

¹⁰ См.: *Луговин С., Ядуха В.* Украине снится вступление в НАТО // Сегодня. — 1999. — 11 февр.

¹¹ Вопрос дня // Сегодня. — 1999. — 13 апр.

¹² Во всяком случае, единственное слушание по косовской ситуации, проведенное Комитетом по международным делам Государственной думы, носило закрытый характер.

¹³ Так, Государственной думой второго созыва в общей сложности было принято 46 резолюций по ситуации в бывшей Югославии, в том числе и по конфликту в Косово (по данным на конец марта 1999 г.) — *Примеч. ред.*

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации: Официальное издание. — 1998. — № 42 — 19 окт. — С. 9445—9446.

¹⁵ Там же. — № 44. — 2 нояб. — С. 9909.

¹⁶ Там же. — 1999. — № 4 — 25 янв. — С. 919.

¹⁷ Там же. — № 6 — 8 февр. — С. 1291.

¹⁸ См.: *Юрьев Е.* Дума выпустила пар // Сегодня. — 1999. — 29 марта.

¹⁹ *Поморов А.* Агония на планете // Правда. — 1999. — 15—18 янв.

²⁰ См.: *Мулин С.* Звонок из Кремля // Независимая газ. — 1998. — 16 окт.

²¹ См.: Сегодня. — 1998. — 28 окт. В то же время опросы общественного мнения показывают, что 82% респондентов высказываются против отправки российских добровольцев в Югославию (см.: Вопрос дня // Там же. — 1999. — 6 апр.).

²² Высказывание председателя Комитета по международным делам Госдумы В. Лукина. Цит. по: *Сычева В.* Российские депутаты рвутся защищать сербов // Там же. — 1998. — 14 апр.

²³ Цит. по: *Лолаева С.* Голуби против ястребов // *Время*. — 1999. — 23 марта.

²⁴ *Козырев А.* Покровительствуя Милошевичу, мы оказали ему плохую услугу // *Итоги*. — 1999. — 2 марта. — С. 30.

²⁵ Цит. по: *Мухин В.* Белград отступил перед угрозами НАТО // *Независимая газ.* — 1998. — 14 окт.

²⁶ Цит. по: *Бовт Г.* Косовская драма // *Сегодня*. — 1998. — 14 окт.

²⁷ Цит. по: *Петровская Ю., Горностаев Д.* Отправит ли Москва свои войска на Балканы? // *Независимая газ.* — 1998. — 7 окт.

²⁸ Цит. по: *Бовт Г.* Указ. соч.

²⁹ См.: *Позицию России определяют не военные* // *Рос. газ.* — 1998. — 15 окт.

³⁰ Цит. по: *Горностаев Д., Соколов В.* Борис Ельцин объявил, что «мы не дадим тронуть Косово» // *Независимая газ.* — 1999. — 19 февр.

***Косовский кризис
и этнополитические конфликты
постсоветского пространства
(политические и международно-правовые
аспекты взаимовлияния)***

Павел КАНДЕЛЬ

Сравнение процессов, развивавшихся в СФРЮ и СССР на рубеже 80—90-х годов, было в те годы весьма популярным среди политиков и ученых. Это и понятно, ибо сопоставлялись своеобразные «параллельные миры» с типологически общими проблемами¹. Возможная «югославизация» Советского Союза не только рассматривалась как реальная опасность в последний год его существования, но и объективно была вполне вероятной. По авторитетному свидетельству лорда Дэвида Оуэна, сопредседателя Международной конференции по бывшей Югославии в 1992—1995 гг., подход большинства мировых лидеров к начавшемуся распаду СФРЮ во многом был продиктован их опасениями о судьбе СССР². Не случайно при признании новых государств, возникших на месте социалистической Югославии и Советского Союза, страны ЕС руководствовались едиными критериями, сформулированными в одном документе³.

Причины для подобных опасений были. В обоих случаях речь шла о многонациональных социалистических федерациях с этнополитической структурой, народы которых уже имели опыт государственного раскола (в 1917—1922 гг. на территории Советского Союза, в 1941—1945 гг. на территории Югославии). Бросалось в глаза и поверхностное сходство не только двух стран, но и их составных частей в отношении к объединяющей целостности. В Советском Союзе, глядя сквозь югославскую призму, нетрудно было отыскать свою «Словению» — При-

балтику, свою «Хорватию» — Украину. В Белоруссии легко было опознать Черногорию, в Средней Азии и особенно в Казахстане найти сходство с Боснией и Герцеговиной, а Северному Кавказу и особенно Чечне отыскать аналогию в Косово. В последнем случае можно говорить и о более высокой степени схожести, что поставило перед Россией и Сербией одинаковые проблемы. Однако ограничимся пока лишь констатацией единого международно-правового контекста: бывшие автономии в составе союзных республик (Косово в Сербии и Чечня в Российской Федерации) претендовали поначалу на равный с ними статус, а позднее на независимость. Своеобразие Косово лишь в том, что в 1974—1989 гг. край фактически, а отчасти и конституционно пользовался правами субъекта федерации, хотя именовался автономным и формально оставался в составе Сербии.

Особенности сравнительного анализа постсоветского и постюгославского пространств

Внешние параллели между Сербией и Россией — исторически-ми центрами притяжения и собирания многоэтнических государств, носительницами объединительной идеи — достаточно очевидны. Между тем удельный вес Сербии и России в соответствующих федерациях был принципиально различен, что отчасти и привело к тому, что последующее развитие событий пошло различными путями. В СССР именно Россия была средоточием научного, промышленного и культурного потенциала страны и фактически донором других республик. Это не только порождало впечатление о ее самодостаточности, но и подпитывало настроения недовольства экономически обременительным для российского населения положением республики в составе федеративного государства. В СФРЮ роль наиболее экономически развитых субъектов федерации, вынужденных более других расходовать средства на преодоление отставания «юга», принадлежала Словении и Хорватии, которые не уступали Сербии и по уровню развития культуры. В Югославии, за исключением сербо-албанских отношений, самые острые противоречия возникли между тремя наиболее близкими народами, разведенными религией и историей, но связанных общим языком: сербами, хорватами и «мусульманами» славянского происхождения. В этих условиях естественная близость стала превращаться в фактор, усиливающий взаимоотношение, поскольку требовала искусственного

наращивания различительных характеристик. В Советском Союзе спектр межнациональных проблем был гораздо многообразнее, но отношения русских, украинцев и белорусов не являлись в нем болевой точкой. В свете последующих событий историческим парадоксом кажется тот факт, что СФРЮ в 1974—1991 гг. по уровню равноправия ее субъектов и народов оставалась недостижимым образцом для СССР и для многих других стран на востоке и на западе.

При всей популярности сравнений Сербии с Россией причины принципиально различной развязки югославского и советского кризисов невозможно исчерпывающе объяснить, не отметив существенных различий в поведении руководства обеих стран, в ориентации доминирующих политических сил и в историческом выборе двух народов. Помимо различий при таком сопоставлении выявляются и те черты сходства, которые на первый взгляд могут остаться незамеченными, что дополнительно подтверждает неслучайность сравнения ситуации на постюгославском и постсоветском пространствах и достаточно высокую вероятность развития событий по одному сценарию.

«Демократическая» и антикоммунистическая фразеология Б. Ельцина резко контрастирует с национал-коммунистической риторикой С. Милошевича, хотя властолюбие и популизм роднят этих внешне столь не похожих и не симпатизирующих друг другу персонажей. Примечательно, что оба лидера составили начальный политический капитал на «антибюрократической революции». Действия ельцинской группировки в коалиции с национал-сепаратистскими силами против горбачевского «союзного центра» кажутся противоположными курсу С. Милошевича, поддержанному большей частью сербской элиты, на создание «третьей Югославии» — централизованного государства, в котором была бы обеспечена доминирующая роль Сербии. Однако, несмотря на эти различия, речь в обоих случаях идет об однотипных по содержанию политических линиях — последовательном разрушении основ существовавшей федеративной государственности и отстранении от власти ее приверженцев. Это глубинное сходство было подтверждено одинаковыми результатами. Между тем борьба за «суверенитет России», давшая наиболее сильный импульс дезинтеграции СССР, оказалась лишена великорусского националистического подтекста, монополизированного оппозиционным национал-коммунистическим течением⁴. Политика же С. Милошевича, представляемая как отстаивание равноправия Сербии в федерации и ее суверенитета на собст-

венной территории, прямо легитимировала сербский национализм и использовала его мобилизационный потенциал.

Объективные причины для неудовлетворенности двух структурообразующих народов СФРЮ и СССР своим положением были схожими⁵. Однако разные политические предпочтения российского и сербского обществ побуждают внимательнее присмотреться к различиям в ориентации массового сознания в России и Сербии — прежде всего по основному вектору движения общественной мысли. В условиях, когда российское общество было поглощено идеей экономических и политических преобразований, традиционалистско-реставрационные проекты не нашли общественного спроса. Об этом свидетельствовало и сокрушительное поражение на выборах в российский парламент в марте 1990 г. «Блока общественно-патриотических движений России», и соотношение тиражей изданий «демократической» и «патриотической» направленности, и констатированная во многих этносоциологических исследованиях относительно небольшая выраженность этнических характеристик в самосознании русских⁶.

Доминирующей характеристикой сербского общественного сознания, за исключением очень узкой части европейски образованной интеллигенции, стала одержимость межнациональными проблемами, погруженность в историю и сосредоточенность на традиционных комплексах и национальных мифах. Это и предопределило внутри- и внешнеполитические приоритеты Сербии. Логичным следствием стало стремление Белграда воздать соседям за прежде нанесенные обиды, вернуть «исторические» или «справедливые» границы, довоевать невыигранные войны. Поразительно, что даже в такой рационализированной сфере, как внешняя политика, сербская политическая элита руководствовалась представлениями о мире, свойственными скорее XIX, чем XX в., что в конечном счете и привело Сербию к международной изоляции.

Различия в дальнейших судьбах новой России и новой Югославии стали суммарным результатом всех этих тенденций и факторов. В условиях всеобщей политизации этнических процессов и этнизации политики на постсоветском пространстве Россия осталась явным исключением. Напротив, Сербия после прихода к власти С. Милошевича взяла на себя роль активной и инициативной участницы этнополитической конфронтации на территории СФРЮ. В итоге постсоветское пространство в целом избежало «югославизации», хотя разразившиеся

ся этнополитические конфликты подтверждали высокую вероятность совсем иного сценария развития событий. Однако именно благодаря позиции России их оказалось намного меньше, чем потенциально конфликтноопасных очагов и прогнозируемых столкновений.

В отличие от режима С. Милошевича, для которого воссоздание Великой Сербии силовыми методами стало осознанной целью, руководство России во главе с Б. Ельциным не было инициатором карабахского, приднестровского, абхазского и даже чеченского конфликтов. Не имело оно и стратегии действий в этих ситуациях. Само допущение, что Россия проводила в пределах СНГ какую-либо целенаправленную, скоординированную и последовательную политику, выглядит явным преувеличением. Но если все же попытаться сформулировать рациональные основания политики России, их можно свести к следующему: геополитические жертвы ради социально-экономической и общественно-политической модернизации, отказ от территориальных претензий ради выигрыша во времени, поддержание стабильности постсоветского пространства как условия мирного развития самой Российской Федерации. Россия никогда не ставила под сомнение целостность постсоветских государств и не поддерживала максималистские требования лидеров непризнанных государственных образований, несмотря на их пророссийскую ориентацию. За исключением Чечни частичная и стихийная российская вовлеченность в эти события была скорее делом случая, плодом нескоординированной импровизации отдельных силовых структур или общественных формирований. Правоммерно говорить о попытках России задним числом воспользоваться уже сложившимся положением в конфликтных регионах к своей выгоде. Но и с этой точки зрения реальные усилия Москвы были явно меньше возможных, что подтверждают и объективные западные исследователи⁷, и постоянная критика умеренного характера официальной дипломатии в Верховном совете, а затем и в Государственной думе России.

Между тем «параллельные миры» бывшей Югославии и бывшего СССР еще окончательно не утратили своего сходства, а следовательно, и взаимовлияния. Более того, предотвращенную «югославиацию» постсоветского пространства преждевременно расценивать как необратимо пройденный этап. Так, по мнению российского политолога-международника Николая Косолапова, «более чем достаточно оснований предполагать, что события 1990—1995 гг. — не более, чем пре-

людия к той гораздо более высокой совокупной конфликтности, которая может охватить постсоветское пространство или его заметную часть в среднесрочной и более отдаленной перспективе»⁸. Но даже считая подобный прогноз преувеличенно пессимистическим, нельзя не признать: опасного сценария удалось избежать потому, что объективные и субъективные факторы различий между двумя типологически сходными системами возобладали над элементами их общности. По мере изменения этого соотношения в противоположную сторону, которое уже наблюдается, «югославизация» неизбежно будет приобретать силу реальной альтернативы сложившемуся в России положению, а сопоставление РФ и СРЮ, постсоветского и постюгославского мира сохраняет эвристическую ценность и политическую актуальность.

Несмотря на то, что постсоветские конфликты «заморожены», они остаются неурегулированными. На постюгославском пространстве сербо-хорвато-мусульманский треугольник даже спустя несколько лет после Дейтонского мира продолжает быть болевой точкой. Активизация «албанского вопроса» затрагивает не только СРЮ и Албанию, но и Македонию, а следовательно, Болгарию, Грецию и Турцию. На этом фоне можно ожидать актуализации «венгерской проблемы» в Воеводине, что отзовется эхом в Румынии и Словакии. Ни Россия, ни новая Югославия не могут быть безучастны к происходящему у их порога, даже если постараются дистанцироваться от прямого и непосредственного втягивания в развитие событий. Сохраняются их экономические, политические и оборонные интересы на сопредельных территориях. Острота положения соотечественников в «ближнем зарубежье» России и Сербии не только не снижается, но, напротив, в результате усиливающейся вынужденной миграции становится для двух стран все более ощутимой внутренней проблемой. Несмотря на ослабление мощи и эрозию влияния обеих стран, Россия и Сербия продолжают оставаться наиболее сильными игроками соответственно на постсоветском пространстве и на территории бывшей СФРЮ. Неизменна их ключевая роль в поддержании стабильности в этих зонах или, напротив, в наращивании дестабилизирующих тенденций посредством сознательной активизации конфликтного потенциала. Сербская политика, оставаясь верной изначальным целям, должна была умерить свои притязания и перейти к вынужденной самообороне. Россия, столкнувшись с нерентабельностью принципиально иного первоначального курса, вновь оказалась в ситуации непредрежденного стратегического выбо-

ра. Закат «эпохи Ельцина», начатый финансово-экономическим и политическим кризисом осени 1998 г., вполне соотносится с ослаблением режима С. Милошевича, которому едва удалось предотвратить победу В. Шешеля на президентских выборах в Сербии в 1998 г.

Таким образом, два государства с разных исходных позиций подошли к схожей ситуации внутри- и внешнеполитической неопределенности, заново воспроизводящей их сходство и усиливающей их близость. Типологическая общность проблем объективно «провоцирует» на уподобление способов их решения не только Россию и Сербию. Сходство «параллельных миров» дает о себе знать постоянным взаимным проецированием «постюгославских» и постсоветских конфликтов всеми заинтересованными участниками. Каждый из них может легко отыскать близкие прототипы и антиподы. Ведь на разных подмостках разыгрывается одна пьеса, постановки которой отличаются исполнителями, но не действующими лицами. С международно-правовой точки зрения государства — наследники СФРЮ являются прямыми аналогами постсоветских. Противостоящие им и претендующие на собственную государственность или присоединение к другому государству новообразования также имеют свои подобию на постсоветском пространстве. Объективное тождество ситуаций не только вызывало взаимопонимание и сочувствие общественных кругов обеих стран, но и ставило непризнанные или неудовлетворенные своим статусом государственные образования в одинаковый международный контекст. Признание независимости Сербской Краины и Республики Сербской в Боснии или их права на присоединение к СРЮ предоставило бы желаемый прецедент их постсоветским собратьям.

Было бы преувеличением утверждать, что после распада СФРЮ и СССР для политической элиты всех непризнанных постсоветских государственных образований белградский режим и его внешние сателлиты являлись значимым ориентиром. Но такой курьез, как признание Приднестровской республики Сербской Краиной⁹, свидетельствует, что их взаимная близость вполне осознавалась. Не вызывает удивления, что поборники армянского Карабаха обычно столь же ревностно отстаивают великосербские претензии. Той же логике следует и лидер сербских националистов В. Шешель, когда ратует за присоединение СРЮ к «православно-славянскому союзу» России, Белоруссии и... Армении¹⁰. Перелистав страницы российских национал-коммунистических изданий, нетрудно убедиться, что противники статус-кво на

постсоветском пространстве одновременно выступают как активные сторонники великосербской идеи. Общая правовая основа этой солидарности — примат права наций на самоопределение над принципом территориальной целостности и суверенитета постсоветских и постюгославских государств. Пытаясь увязать свои политические требования с соответствующими российским национально-государственными интересами и лоббируя собственные потребности в российских властных структурах, лидеры непризнанных государственных образований старались влиять на эволюцию внешней политики РФ в выгодном для них направлении.

Сближению России и новой Югославии способствовал и общий контекст их отношений с Западом. Двойные стандарты западных держав в подходе к правам национальных меньшинств, к статусу и самой возможности их автономий, к сепаратизму и терроризму в Москве и в Белграде воспринимаются одинаково болезненно, ибо Россия и СРЮ всегда оказываются жертвами избирательного правоприменения, а их оппоненты — привилегированной стороной. По мере того как в США и Европе все отчетливее стало обозначаться стремление воспользоваться слабостью России к собственной выгоде, но за ее счет, в российской политике на западном направлении естественным образом нарастали настороженность и дистанцированность. Изначальное антизападничество белградского режима и пристрастно антиюгославская политика западных держав, особенно недвусмысленно продемонстрированная в косовском кризисе, дополнительно усиливают тождественность югославской и российской ситуации.

Объективное сходство порождает и стимулирует субъективное сродство тех политических сил, которые желали бы привести политику Москвы и Белграда к общему знаменателю. Заинтересованность попавшего в международную изоляцию белградского режима в российской поддержке очевидна. Только таким образом он может ослаблять западное давление и противостоять навязываемым ему неприемлемым решениям. Для российской национал-коммунистической оппозиции безоговорочная поддержка югославских единомышленников — не только естественное выражение социально-политического родства, партийной солидарности и общности мировосприятия, но и собственных внутри- и внешнеполитических расчетов. Поставив страну в положение «осажденной крепости» и возобновив конфронтацию с Западом, оппозиция получила бы особо благоприятные условия для воз-

вращения к власти. В кампании С. Милошевича за соби́рание всех сербских земель его российские сторонники видели вдохновляющий пример и удобный международно-правовой прецедент для игнорирования нерушимости границ постсоветских государств, пригодный для использования в Приднестровье, Крыму, Абхазии, Южной Осетии, Карабахе и других «горячих» или конфликтоопасных регионах. «Югославизация» постсоветского пространства и последующее силовое восстановление его единства гарантировали бы этим силам доминирование в реанимированном в той или иной форме союзе.

Если раньше подобная логика была уделом национал-коммунистической оппозиции, которая активно защищала сербские интересы в России, то ныне к тому же склоняется и немалая часть «государственников», или «реалистов», стремящихся занять центристскую нишу в российском внутривластном раскладе. Наиболее последовательно и откровенно эта точка зрения изложена в нашумевшем докладе «СНГ: начало или конец истории» Константина Затулина и Андрианки Миграняна, заявляющих, что «только активные действия (вплоть до дестабилизации внутривластной ситуации в регионах, где особенно активизировались антироссийские и антиинтеграционные силы) способны предотвратить процесс медленного и неотвратимого при нынешней политике российских властей ухода этих государств от России и превращения СНГ в фикцию... Российскому руководству следует недвусмысленно дать понять всем своим партнерам-соперникам вблизи и вдали, что Россия скорее поощрит широкий передел всего постсоветского пространства, используя для этого все возможности, политизацию своей диаспоры, чем допустит образование множества центров силы на антироссийской основе с вытеснением России из нового зарубежья»¹¹. Стратегия дестабилизации конкретизируется применительно к Украине, Грузии, Азербайджану и среднеазиатским государствам. Особенно характерной для понимания авторами доклада национально-государственных интересов России и ее желательного поведения на постсоветском пространстве является следующая концептуальная позиция: «В последнее время у России появляется мощный аргумент в случае действительного отделения Чечни от России и признания ее независимости со стороны международного сообщества. Это выдвижение права наций на самоопределение как приоритета в иерархии принципов международных отношений. Смена приоритетов даст России повод ревизовать всю существующую систему догово-

ренностей по территориальному размежеванию республик после распада СССР, игнорировать применительно к ним принцип территориальной целостности и поставить вопрос о переделе этого пространства на основе права наций на самоопределение»¹². Выступления Ю. Лужкова в начале 1999 г. против российско-украинского договора, мотивировавшиеся среди прочего и территориальными претензиями к Украине, свидетельствуют, что речь идет не об отвлеченном теоретизировании.

Подобный проект для России настолько точно совпадает с внешнеполитической практикой режима С. Милошевича, что уместно предположить, что именно она вполне могла послужить реальным прототипом данной аналитической разработки. Неудивительно, что его авторы считают российскую поддержку Югославии недостаточной, жестко критикуя официальную дипломатию не только А. Козырева, но и Е. Примакова и И. Иванова как забвение национальных интересов и предательство союзников¹³. Подобная позиция выглядит противоречивой, ибо независимость Косово — как раз тот международно-правовой прецедент, который рассматривается ими как полезный применительно к решению чеченской проблемы. Эта логика в большей степени опирается на силу, чем на право, и поскольку в косовском случае и политика западных держав демонстрирует ту же двусмысленность, противоположные политические линии оказываются вполне симметричны и оправдывают друг друга.

Отмеченная «симметрия» весьма показательна. В России многие считают, что Запад в соответствии со своими интересами и с принципами, которые он отстаивал на предыдущих фазах югославского кризиса, должен был бы заботиться об упрочении стабильности на территории бывшей СФРЮ и на постсоветском пространстве даже в большей степени, чем Сербия и Россия, для которых стабилизация существующего положения сопряжена с немалыми вынужденными жертвами. И коль скоро США, а под их влиянием и другие члены НАТО избрали объективно дестабилизирующую политику в косовском вопросе, у России тем больше поводов и оснований сменить амплуа и также выступить в роли «возмутителя спокойствия», якобы сулящей большие политические выгоды. Странники такого курса, естественно, игнорируют его обратную сторону: политическую и экономическую изоляцию страны, непосильную лобовую конфронтацию с западным и исламским мирами, экономический крах, втягивание России в бесчис-

ленное множество новых этнополитических конфликтов по всему периметру российских границ и провоцирование сепаратистских тенденций внутри Российской Федерации. Но сама по себе подобная позиция, являющаяся зеркальным отражением западного подхода к косовской проблеме, наглядно демонстрирует, какую эволюцию российской политики провоцирует и легитимирует поведение западных держав.

Роль внешних факторов в косовском кризисе и в конфликтах на постсоветском пространстве

В отношении конфликта в Косово США и ведущие европейские государства, сохранив приверженность своим антиюгославским пристрастиям, по сути совершили поворот на 180 градусов в вопросе о принципах урегулирования этнополитических конфликтов, которые они декларировали на предыдущих стадиях югославского кризиса и продолжают отстаивать на постсоветском пространстве. Противодействие силам этнического национализма и поборникам этнотерриториального передела сменилось покровительством сепаратизму, вдохновленному великоалбанскими идеями, руководствующемуся идеалом моноэтнического государства и многие десятилетия практикующему полунасильственное выдавливание славянского населения края. В то же время режим С. Милошевича, ставший главной мишенью силового давления западных правительств, в косовском случае оказался в вынужденной и противоестественной роли защитника многонациональной югославской государственности и поборника международно-правовой легитимности. Прямое попустительство террористическим действиям Освободительной армии Косово, а затем и откровенная ее поддержка со стороны Запада несовместимы с непримиримостью к терроризму, провозглашаемому одной из главных угроз международной безопасности. Курс на интеграцию Боснии и Герцеговины прямо противоречит попыткам навязать Косово такой статус, который приведет к дезинтеграции СРЮ — если не де-юре, то де-факто.

Формально независимость Косово никем не поддерживалась, а целостность СРЮ не ставилась под сомнение. Однако предложения о переходном или «отложенном» статусе края заставляли сомневаться, что речь идет о принципиальном выборе, а не о тактике. Реальный же образ действий западных держав плохо согласовывался с заявленной ими позицией, что отмечают и американские критики курса админи-

страции Б. Клинтона¹⁴. Его невозможно объяснить ни с точки зрения международного права, ни в контексте поддержания стабильности в конфликтоопасных зонах посттоталитарного мира, ни исходя из технологии разрешения этнополитических конфликтов. Между тем подобное поведение настолько логично укладывается в сценарий целенаправленного разогревания и своекорыстного использования конфликтной ситуации, что вряд ли можно говорить об ошибках, непонимании и случайностях. Если подлинными целями Запада в отношении конфликта в Косово считать «приручение» непокорной Югославии посредством превращения ее в псевдогосударство по образцу Боснии и Герцеговины и дестабилизацию режима С. Милошевича, то любой иной подход был бы менее продуктивен¹⁵.

Попытки повторить Дейтон и создать еще одно нежизнеспособное образование на Балканах или скопировать «кипрский вариант», к чему пока сводится американский план, по точному замечанию некоторых его критиков¹⁶, кажутся необъяснимыми. Они, однако, бесполезны в качестве «запасных вариантов» окончательного урегулирования всего югославского кризиса. Стабилизация Боснии и Герцеговины и превращение ее в нормальное государство может оказаться недостижимой или излишне трудоемкой задачей. Постоянная обеспокоенность Конгресса США перспективой застрять в Боснии надолго и отсутствием «стратегии выхода»¹⁷, констатации иллюзорности боснийской государственности¹⁸, неустанные попытки Генри Киссинджера при поддержке ряда сенаторов-республиканцев склонить общественное мнение к целесообразности раздела Боснии и Герцеговины¹⁹, — все это свидетельствует о том, что для Соединенных Штатов отнюдь не исключены альтернативные решения, принципиально отличные от тех, которые предлагаются ныне. В этом случае необходимые условия для территориального размена будут налично: уступка Югославией Косово, целиком или частично, может быть компенсирована за счет присоединения к ней в том или ином виде боснийской Республики Сербской при одновременном удовлетворении давнишних хорватских притязаний на Герцеговину. Такую перспективу не может не принимать в расчет и С. Милошевич, причем подобный исход югославского кризиса был бы сочтен приемлемым и сербским общественным мнением. Не случайно А. Деспич, президент Сербской академии наук, пользующейся репутацией «цитадели сербского национализма», еще в июне 1996 г. выступил с предложением о целесообразности мирного и цивилизован-

ного отделения Косово, чтобы избежать прогнозируемого численного преобладания албанцев в СРЮ²⁰. Избавление от чужеродного анклава, источника вечных проблем и пугающей демографической экспансии, было бы вознаграждено воссоединением с соотечественниками в Боснии. Правда, для достижения подобного решения требуется довольно долго поддерживать косовский конфликт в состоянии, близком к «точке кипения», стараясь при этом не допустить его выхода из-под контроля. Необходимой предпосылкой такого урегулирования является и обострение ситуации в Боснии и Герцеговине, что уже происходит (не важно, запланировано или стихийно).

Однако более вероятным все же представляется иное развитие событий. Поражение белградского режима на собственной территории и ослабление СРЮ при фактическом отделении Косово может побудить лидеров боснийских мусульман не дожидаться невыгодного торга с С. Милошевичем или его преемниками, а оказать силовое давление на Республику Сербскую (вплоть до возобновления военных действий) в расчете на то, что перевес в силах на этот раз будет на их стороне. Вместе с тем лидеры герцеговинских хорватов наверняка попытаются воспользоваться сложившейся ситуацией и явочным порядком достичь своей изначальной цели — присоединения к Хорватии. В этом случае не исключено и выдвижение аналогичных требований мусульманским населением Санджака.

Продукт «made in Dayton» сам по себе уже представлял прагматическую полууступку этническому национализму, закамуфлированную формальным сохранением Боснии и Герцеговины в качестве псевдогосударства под долговременной международной опекой. Дальнейшее удовлетворение его притязаний означало бы не просто сдачу мировым сообществом еще одного рубежа обороны, а отказ от ранее отстаивавшихся принципов и стимулирование бесконечной череды новых этнополитических конфликтов. Правовая санкция на создание этнически однородных государств «железом и кровью», легитимация национально-территориальных переделов в рамках бывшей СФРЮ поставят под вопрос и целостность постсоветских государств, и нерушимость их границ, и нынешнюю относительную стабильность постсоветского пространства.

Международная реакция на этнополитические конфликты является важнейшим фактором их взаимосвязи и взаимовлияния не только потому, что создает международно-правовые прецеденты, но и пото-

му, что демонстрирует технологию урегулирования, выявляющую мотивы, возможную степень вовлеченности и образ действий внешних сил. В этом смысле поведение государств — членов международной Контактной группы по бывшей Югославии и международных организаций в косовском кризисе уже позволяет сформулировать некоторые выводы.

В подходе к этнополитическим конфликтам ООН и ОБСЕ претендуют на беспристрастную защиту общезначимых принципов и норм. Однако сколько-нибудь действенное международное вмешательство в ту или иную конфликтную ситуацию не может быть реализовано без заинтересованного участия так называемых великих держав. Когда определенные конфликтные ситуации возникают вне поля их геополитических и геоэкономических интересов, международная деятельность по урегулированию конфликта сводится к имитации активности при явной неготовности к сколько-нибудь значительным усилиям и жертвам. И даже в тех случаях, когда непосредственная заинтересованность «великих держав» в разрешении того или иного конфликта отсутствует или крайне мала, для того, чтобы вступить в действие, им требуется «изобрести» собственные национальные интересы в зоне конфликта и убедить общественность в их важности.

Примечательно, что после начала югославского кризиса и Соединенным Штатам, и России потребовалось несколько лет довольно интенсивных национальных дебатов, максимальная активность соответствующих лоббистских групп и целенаправленно деформированное информационное воздействие, чтобы побудить администрацию США к прямому вмешательству, а руководство РФ — к наращиванию усилий по разрешению конфликта. При этом собственный национальный интерес (не важно, подлинный или иллюзорный) был наиболее сильным аргументом, а в конечном счете и решающим мотивом. Ведущие государства ЕС, которых югославский кризис должен был бы затронуть в неизмеримо большей степени, чем США или Россию, в очередной раз продемонстрировали неготовность к проведению в жизнь Общей внешней политики и политики безопасности и недостаток средств к ее реализации вне НАТО и в отсутствие американского лидерства.

Международное право и сама методика урегулирования этнополитических конфликтов требуют от «третьей стороны» нейтральной позиции и нейтрального статуса. Однако, поставив во главу угла собственный национальный интерес, арбитр и посредник уже заведомо об-

речен на пристрастность и вынужден найти среди конфликтующих сторон своего «клиента», чьи интересы более соответствуют потребностям третейского судьи. К тому же побуждает и склонность западных держав к «бесконтактной» технологии воздействия на участников конфликтов с безопасного расстояния — преимущественно посредством ракетно-бомбовых ударов. Причины подобного предпочтения не скрываются: «бесконтактная» технология минимизирует риск возможных потерь среди «миротворцев». По сравнению с таким важным преимуществом малозаметными кажутся оборотные стороны этого образа действий. Поскольку в таких условиях единственно объективно достижимой целью становится изменение баланса сил на театре военных действий в пользу одной из конфликтующих сторон, эта сторона получает стимул к дальнейшей интенсификации военных действий для реализации полученного преимущества. Обострению ситуации и расширению числа участников конфликта способствуют и неизбежные жертвы среди мирного населения. Сами же «умиротворители», лишившие себя средств непосредственного контроля за происходящим в зоне конфликта, вынуждены дожидаться, пока очередной виток эскалации, вызванный их собственными действиями, сам исчерпает себя.

«Принуждение к миру», основанное на угрозе применения подобных средств, поддерживает непримиримость и агрессивность той конфликтующей стороны, которая рассчитывает на ослабление противника в результате внешнего вмешательства, побуждая ее постоянно провоцировать желаемое развитие событий. Поведение боснийских мусульман и косовских албанцев служит хорошей иллюстрацией такой тактики. Вместе с тем публичная демонстрация чрезмерной приверженности «бесконтактной» технологии изобличает внутреннюю слабость мнимой силы: при всем военно-техническом превосходстве даже скромные потери в людях расцениваются как неприемлемый ущерб и ведут, как показал опыт Сомали (1993 г.) и Руанды (1994 г.), к прекращению или ограничению иностранного вмешательства. В этих условиях главной задачей тех, кто подвергается подобной угрозе, становится готовность выдержать воздушный удар и не пойти на уступки. Понимание ограниченности возможностей и нерациональности средств «дистанционного» управления конфликтом побуждает воспринимать силовой шантаж как откровенный блеф, а последствия действительного применения силы расценивать как допустимые потери. В любом случае решимость противостоять внешнему давлению и пере-

говорная жесткость приобретают характер рациональных действий. Яркой иллюстрацией этому стала история противоборства США и НАТО с режимом С. Милошевича по косовскому вопросу.

Втянувшись в конфликт фактически на стороне одного из его участников, «третья сила» утрачивает возможность быть «над схваткой». Она зачастую становится заложницей своих подопечных и обречена руководствоваться тактическими сиюминутными соображениями и реагировать на происходящее, лишая себя инициативы. Задачи спасения «незадачливого» союзника от разгрома или потребности собственного тылового обеспечения оттесняют на второй план понимание широкого международного контекста и долгосрочной перспективы развития конфликта.

Опыт Хорватии, Боснии и Косово показал, что как ООН, так и ОБСЕ, действуя в отрыве от «великих держав», мало дееспособны. Поскольку США и НАТО все откровеннее демонстрируют готовность действовать по своему усмотрению, не стесняя себя ни мандатом Совета Безопасности ООН, ни международным правом, у конфликтующих сторон появляется тем больше оснований невысоко оценивать авторитет и правовые принципы международных организаций. Гораздо более важным оказывается поддержание или обеспечение выгодного баланса сил участников конфликтов, что стимулирует их дальнейшую милитаризацию. Главной же заботой противоборствующих сторон становится привлечение мощных внешних покровителей или, напротив, претотвращение их активного вмешательства.

Явное игнорирование позиций России, в меру ее слабости и вне зависимости от конструктивности ее предложений, придает дополнительную убедительность предположениям, что антиюгославская пристрастность западных держав среди прочего вызвана желанием ограничить еще оставшееся российское влияние на Балканах. Проецирование косовской ситуации на постсоветское пространство порождает убежденность, что НАТО отработывает в Косово варианты действий и на постсоветском пространстве, и в самой РФ. Однако продемонстрированные в косовском случае нарушение международно-правовых принципов урегулирования подобных конфликтов, асимметрия в подходе к его участникам и неразборчивость в средствах превращает эту проекцию из прямой в обратную.

Влияние косовского кризиса на участников межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве

Косовский прецедент формально еще более подходит для реализации целей постсоветских непризнанных государственных образований, нежели прежние примеры Сербской Краины и Республики Сербской в Боснии: бывшие советские автономии в составе прежних союзных республик СССР являются прямыми аналогами Косово. Независимость Косово, его «отложенный статус» с возможностью последующего самоопределения вне рамок СРЮ, надделение края правами субъекта конфедерации или федерации — все это может дать стимул, повод и правооснования для сепаратистских сил внутри постсоветских государств добиваться того же. Примечательна реакция МИД Армении на начало военной операции НАТО против СРЮ: выразив озабоченность применением силы со стороны НАТО и игнорированием Совета Безопасности ООН, пресс-секретарь армянского внешнеполитического ведомства подчеркнул, что Армения всегда стояла и стоит на защите «права справедливого самоопределения народов»²¹. А несколькими днями ранее глава МИД Армении В. Осканян позитивно расценил намерение западных держав определить окончательный статус Косово путем волеизъявления населения края²².

Вместе с тем в политическом плане у тех сил на постсоветском пространстве, которые рассчитывают на российскую поддержку, нет оснований желать дезинтеграции СРЮ, также претендующей на союз с Россией. Симпатии США и ведущих европейских государств, не благосклонных к пророссийскому сепаратизму на постсоветском пространстве, но готовых находить оправдания антироссийским сепаратистским силам, столь же общеизвестны. Поэтому кажущийся заманчивым косовский прецедент должен восприниматься постсоветскими непризнанными государственно-территориальными образованиями как «данайский дар». Однако из сложившейся ситуации они, скорее всего, сделают другие выводы — о том, что право при решении этнополитических конфликтов вообще имеет третьестепенное значение, гораздо важнее собственная готовность добиваться предельных целей, мера заинтересованности внешних покровителей. Таким образом, международно-правовые последствия косовского кризиса и политические выводы, которые делаются из него участниками постсоветских кон-

фликтов, прямо противоречат друг другу. Все это повышает степень правовой и политической неопределенности в конфликтных и конфликтоопасных регионах, при которой каждая из заинтересованных сторон может найти равные юридические основания и одинаково убедительные политические мотивы для противоположных и взаимоисключающих притязаний.

У «политического класса» Грузии, Азербайджана и Молдавии, небезосновательно страшась подобных конфликтов, косовский урок может породить надежды на возможность привлечения НАТО для решения абхазского, карабахского и приднестровского конфликтов на выгодных для Тбилиси, Баку и Кишинева условиях, а также ослабить готовность к компромиссам, стимулировать укрепление силового потенциала, дать основание для целеустремленного наращивания напряженности и неуступчивого игнорирования законных прав жителей непризнанных государственных образований. В свою очередь, для политической элиты этих государственных образований оказываются действенными идентичные по сути рекомендации противоположной направленности. Антизападные настроения обретают функциональность, целесообразным становится усиление давления на противоположную сторону и обострение противоборства, а бескомпромиссность и готовность при необходимости парализовать переговорный процесс приобретают рациональный смысл.

Вместе с тем все заинтересованные стороны в реальных и потенциальных постсоветских конфликтах не могут не отдавать себе отчета в том, что силовая акция НАТО против Югославии по мере ее углубления и интенсификации будет все больше способствовать увеличению потенциала левых сил не только в России, но и во многих сопредельных с ней государствах, росту антинаатовских настроений среди русскоязычного населения Украины и Казахстана и усилению процессов консолидации СНГ. Неожиданно резкое осуждение ракетно-бомбовых ударов НАТО по территории Югославии украинскими парламентариями — первый симптом этой тенденции.

Россия вправе рассматривать поведение западных держав в отношении косовского конфликта как угрозу повторения подобного сценария на собственной территории и на постсоветском пространстве, а также как «алиби» для аналогичных действий в своем окружении. И в том, и в другом случае целостность постсоветских государств, их суверенитет и нерушимость границ ставятся под сомнение. Целенаправ-

ленное разогревание различными силами этнополитических конфликтов в «ближнем зарубежье» ради собственных внешнеполитических целей становится вполне вероятным. Силовое вмешательство в их ход на стороне одного из участников, хотя бы и под предлогом миротворчества — вот ожидаемый образ действий внешних сил на постсоветском пространстве. Навязывание внутреннего устройства постсоветским государствам будет в таком случае рассматриваться как норма урегулирования конфликтов. В этом свете естественной и равно легитимной становится стратегия преднамеренной дестабилизации всего постсоветского мира или его отдельных государств как самой Россией в собственных интересах, так и ее соперниками, подвижными антироссийскими устремлениями.

Сегодняшняя экономическая, политическая и военная слабость Российской Федерации служит определенным тормозом, удерживающим Москву от движения в этом направлении. Раньше приверженцы экспансионистской политики могли апеллировать лишь к сомнительному опыту советского режима, обрекшего собственный народ на тяжкие страдания, да ссылаться на малоубедительно формулируемые балканские интересы России. Ныне они могут брать за образец западные стандарты международного поведения. Учитывая все большую моду среди российской политической элиты на весьма архаичный «реализм» и новейшие доказательства его актуальности, продемонстрированные США и НАТО в косовском кризисе, подобный пример может показаться слишком соблазнительным не только для национал-коммунистических сил.

* * *

Совокупное влияние косовского случая на постсоветские конфликты можно свести к следующему: все их субъекты и заинтересованные стороны получают мощный стимул к «игре без правил». Урегулирование конфликтов лишается надежной международно-правовой основы, решения ООН и ОБСЕ утрачивают авторитетность, переговорный процесс приобретает дополнительную жесткость, участники конфликтов получают импульс к гонке вооружений и эскалации напряженности, а Россия и ее соседи провоцируются на обострение взаимоотношений. Одни вольны рассматривать подобное развитие событий как «адекватный» ответ на западную стратегию «поддержания гео-

политического плюрализма постсоветского пространства». Другим это покажется естественным выражением такого «плюрализма», перешагнувшего границы постсоветских государств и ставшего нормой их внутреннего бытия. Как бы ни относиться к этим устрашающим сценариям, вероятность того, что «миротворцы» начнут соревноваться с «умиротворяемыми» в попрании права и подрыве стабильности, а боснийские и косовские кошмары получают продолжение в десятках новых «горячих точек», повышается. Натовские бомбардировки Югославии весной 1999 г. и все, что за ними последовало, подтверждают, что этот печальный прогноз на Балканах начал сбываться прежде, чем эти страницы вышли из печати. Трудно ожидать, что он ограничится только Балканами.

Примечания

¹ Мартынова М. Ю. Балканский кризис: народы и политика. — М., 1998. — С. 358—366.

² Owen D. An Effective CFSP for the Future // How Can Europe Prevent Conflicts? / The Philip Morris Inst. for Public Policy Research. — Brussels, Nov. 1997. — P. 33.

³ Guidelines on the Recognition of New States in Eastern Europe and in the Soviet Union // Bull. of the European Communities Commission. — 1991. — Vol. 24. — № 12. — P. 119.

⁴ Подробнее см.: Соловей В. Д. Русский национализм и власть в эпоху Горбачева // Межнациональные отношения в России и СНГ. — М., 1994. — С. 45—72. — (Семинар Моск. Центра Карнеги; Вып. 1).

⁵ Полезно сравнить упомянутую статью В. Соловья с работой В. Вуячича: *Vujacic V. Institutional Origin of Contemporary Serbian Nationalism // East European Constitutional Rev.* — 1996. — Vol. 5. — № 4. — P. 51—61.

⁶ См., например: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. — М., 1998. — С. 262, 308; Рыжова С. В. Установки этнического самосознания русских (по материалам эмпирического исследования в Москве и Тверской области) // Конфликтная этничность и этнические конфликты. — М., 1994. — С. 117—118; Клямкин И. М., Лапкин В. В. Русский вопрос в России // Полис. — 1995. — № 5. — С. 79—81, 87—92, 94; Проблемы национального самосознания русских: этнические стереотипы населения. — М., 1998. — С. 16—17.

⁷ См. например: Легволд Р. Американский взгляд на российскую внешнюю политику: страхи и фантазии // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — № 1. — С. 41—42, 49.

⁸ Косолапов Н. А. Конфликты постсоветского пространства: политические реалии // Мировая экономика и международн. отношения. — 1995. — № 10. — С. 39.

⁹ См.: Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990—1992). — М., 1992. — Т. 1. — С. 320—321.

Косово: международные аспекты кризиса

¹⁰ Коммерсантъ. — 1998. — 4 нояб.

¹¹ СНГ: начало или конец истории // Независимая газ. — 1997. — 26 марта.

¹² Там же.

¹³ См., например, выступление А. Миграяна на Международной конференции в Белграде в Институте международной политики и экономики на тему «Руска политика на Балкану» (15—17 октября 1998 г.). См. также: *Затулин К.* Ответ советника суфлеру // Независимая газ. — 1998. — 3 дек.

¹⁴ См., например: *The Washington Times*. — 1998. — 19 Oct., 1999. — 12 Jan.

¹⁵ Ряд авторов подобные цели считают вполне позитивными в контексте «демократизации» Югославии. См., например: *Bugajski J.* Close to the Edge in Kosovo // *Foreign Affairs*. — 1998. — Vol. 21. — № 3. — P. 19—21; *Шарп Дж.* Испытание в Косово // *Intern. Politik*. — 1998. — № 4. — P. 45—50.

¹⁶ См.: *Hayden R. M.* The State as Legal Fiction // *East European Constitutional Rev.* — 1998. — Vol. 7. — № 4. — P. 45—50.

¹⁷ См.: *McCain J.* Get Our Troops Out of Bosnia // *The Washington Quart.* — 1998. — Vol. 21. — № 2. — P. 5—7; *Rose G.* The Exit Strategy Delusion // *Foreign Affairs*. — 1998. — Vol. 77. — № 1. — P. 56—57.

¹⁸ См.: *Hayden R. M.* Bosnia: The Contradictions of «Democracy» without Consent // *East European Constitutional Rev.* — 1998. — Vol. 7. — № 2. — P. 47—51; *Idem.* The 1995 Agreements on Bosnia and Herzegovina and the Dayton Constitution: The Political Utility of a Constitutional Illusion // *Ibid.* — 1995. — Vol. 4. — № 4. — P. 59—68.

¹⁹ См. серию статей Г. Киссинджера в «Washington Post» (1995. — 9 March, 11 June, 22 Oct., 10 Dec.). Об этом также см.: *The Issues Raised by Bosnia and the Transatlantic Debate.* — Paris, May 1998. — P. 11—12, 15—49. — (Chaillot Paper; № 32).

²⁰ См.: *Шарп Дж.* Указ. соч. — С. 36.

²¹ Независимая газ. — 1999. — 27 марта.

²² Там же. — 25 марта.

Заключение

Начало военной операции НАТО против Союзной Республики Югославии вывело этнополитический конфликт в Косово на качественно новый уровень. Собственно, с конца марта 1999 г. проблема урегулирования очередного кризиса на Балканах уже не сводится лишь к ситуации в Косово и ее международным аспектам. Речь идет об остром международном кризисе регионального масштаба, включающем первую полномасштабную войну на территории Европы после 1945 г., гуманитарную катастрофу, затронувшую ряд балканских стран, а также серьезную напряженность в отношениях между Россией и странами Запада, в первую очередь США.

Оценивать эффективность военной операции НАТО против СРЮ преждевременно. Сложность такой оценки усугубляется тем, что она во многом зависит от выбранного угла зрения. Уже сейчас очевидно, что рассматривать эту проблему следует по крайней мере с двух сторон: с точки зрения внутри- и внешнеполитических интересов стран НАТО, принявших участие в операции, а также руководства Югославии, с одной стороны, и в плане содействия разрешению этнополитического конфликта в Косово и придания процессу мирного урегулирования необратимого характера — с другой.

Первые военные и в особенности политические итоги военной операции НАТО против СРЮ носят весьма неоднозначный характер. Более того, объективная ограниченность военно-силовых методов как способов решения сложных политических, социально-экономических, этнических, религиозных и других противоречий, составляющих содержание современных региональных конфликтов, заведомо предопределяет ее невысокую эффективность в плане придания процессам мирного урегулирования необратимого характера. В конечном счете за любой войной следует мир, и рано или поздно мировому сообществу и властям Югославии придется вернуться за стол переговоров и возобновить поиск мирных путей урегулирования этнополитического конфликта в Косово.

Не отдавая явного предпочтения какому-либо из существующих вариантов мирного урегулирования, большинство авторов предлагаемой

вниманию читателя коллективной монографии видят выход из сложившейся ситуации прежде всего в поиске общебалканского решения проблемы Косово и других этнополитических кризисов и конфликтов в регионе. Следует отметить, что эта идея находит все бóльшую международную поддержку.

Поставив перед собой вначале ограниченную цель силой принудить Белград к принятию конкретного варианта решения косовской проблемы, Запад в результате стремительного развития событий оказался вынужден действовать в более широком и сложном региональном контексте. Частное военное решение фактически лишь загоняет проблему вглубь, создавая условия для возобновления конфликта, в том числе в виде нового раунда балканских войн. НАТО, начавшее операцию против Югославии в качестве проверки новой стратегической концепции альянса, будет вынуждено не только извлечь уроки из операции, но так или иначе скорректировать в свете этих уроков свою концепцию.

Действительная стабилизация обстановки на Балканах потребует серьезных и длительных усилий со стороны многих институтов и организаций, таких, как ООН, ОБСЕ, Европейский Союз. Важнейшим направлением этих усилий должно стать экономическое восстановление Югославии, масштабная помощь соседним государствам, интеграция Юго-Восточной Европы в общеконтинентальное экономическое пространство.

Россия в результате косовского кризиса оказалась в положении, когда от ее действий может зависеть многое и на региональном, и на общеевропейском уровне. Москва в последнее время постоянно выступает за политическое решение международных проблем, отвергая саму возможность применения силы. В этих условиях важной задачей российской политики и дипломатии является выработка реалистичных и конкретных предложений по урегулированию конфликтных ситуаций. Это относится не только к Югославии и Балканам в целом, но и к ситуациям вокруг Ирака, Северной Кореи и ряду других. Определенные преимущества, которыми Россия обладает как страна, не вовлеченная в косовский кризис, могут быть с успехом использованы ею не только для поднятия собственного престижа, но и для практического формирования благоприятной международной среды на континенте.

Более того, косовский кризис должен заставить российское руководство задуматься о стратегии урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве, которые остаются законсервированными, но

представляют потенциальную опасность. Пассивность Москвы, в особенности в приднестровском и грузино-абхазском конфликтах, может в определенных условиях привести к кризисам, которые, в отличие от косовского, затронут Россию непосредственным образом. В обоих этих случаях, а также в Нагорном Карабахе и на Северном Кавказе, укрепление безопасности и стабильности не может быть обеспечено только системой политических и военных мер. Необходим всеобъемлющий подход, предусматривающий как экономические стимулы, так и организацию субрегионального сотрудничества, приводящего к взаимозависимости.

Косовский кризис — это кризис, ставящий вопрос о контурах и принципах новой Европы. Эскалация конфликта до масштабов, которые он принял весной 1999 г., свидетельствует о неспособности европейских государств и их институтов самостоятельно справиться с вызовами безопасности на континенте. Этот кризис — вызов Европейскому Союзу, претендующему на ведущую роль не только в экономике, но и в политике, а в перспективе и в области безопасности в рамках расширяющейся Европы. Активная и конструктивная роль Евросоюза на Балканах поможет формированию Большой Европы, в то время как пассивность и несогласованность действий ЕС сузят его перспективы.

Важнейшим измерением косовского кризиса является напряженность, настолько резко обострившаяся в отношениях между Россией и США, что следует говорить о самом серьезном кризисе в двусторонних отношениях с 1991 г. Глубинной причиной этого кризиса, конечно, является не косовский конфликт и не операция НАТО в Югославии как таковые — хотя они способствовали «переходу количества в качество», — а неспособность и отчасти нежелание политических элит обеих стран выработать реалистичную формулу отношений после окончания «холодной войны». Сейчас, когда опасности, с которыми сопряжено такое положение дел, стали очевидны для всех, невозможно дольше откладывать серьезную работу по «инвентаризации» обоюдных интересов и проблем и выработке на этой основе новых правил игры между Москвой и Вашингтоном.

*Дмитрий ТРЕНИН
Екатерина СТЕПАНОВА*

май 1999 г.